К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ЛЕОНТЬЕВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА

К. Леонтьевъ.

ВОСТОКЪ, РОССІЯ
И
СЛАВЯНСТВО.

МОСКВА.—1912.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

42763

8

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Средній европеецъ, какъ идеалъ и орудіе всемірнаго разрушенія 1

Записки отшельника 81

Племенная политика, какъ орудіе всемірной революціи 145

Плоды національныхъ движеній на Православномъ Востокѣ . . . 195

Письма къ Владиміру Сергѣевичу Соловьеву (о націонализмѣ политическомъ и культурномъ). 271

СРЕДНІЙ ЕВРОПЕЕЦЪ,

КАКЪ ИДЕАЛЪ И ОРУДІЕ ВСЕМІРНАГО РАЗРУШЕНІЯ.

Въ бумагахъ К. Леонтьева послѣ его смерти осталась рукопись, переписанная его племянницей, но съ помѣтками и исправленіями автора. На обложкѣ этой рукописи рукою К. Леонтьева написано: «Средній европеецъ, какъ идеалъ и орудіе всемірнаго разрушенія. *Не окончено.* Начато сперва на *Аѳонѣ* въ 72 году; оставлено на 12 лѣтъ, а въ 84, въ Москвѣ, я приступилъ къ продолженію. Не *успѣлъ* окончить. Переписывала оба раза Марья Влад. Разница въ *ея* почеркѣ обозначаетъ и разницу во времени моихъ занятій».

К. Леонтьевъ придавалъ большое значеніе этому труду. Начавъ его одновременно съ «Византизмомъ и славянствомъ», онъ неоднократно возвращался къ его продолженію и до самыхъ послѣднихъ дней своихъ собиралъ матеріалы для этого. По крайней мѣрѣ въ 1889 г. онъ писалъ своему другу К. А. Губастову въ Вѣну, чтобы тотъ доставилъ ему сочиненія Лассаля и Луи-Блана. «Лассаля (хоть что-нибудь, въ чемъ виденъ основной духъ его) и Луи-Блана мнѣ очень бы нужно имѣть для одной большой работы, которая — будетъ ли окончена или нѣтъ — но я надѣюсь, что если она останется послѣ меня и неоконченною, то будетъ имѣть цѣнность. Задача ея ясна изъ заглавія: «Средній европеецъ, какъ идеалъ и какъ орудіе всемірнаго разрушенія». Безъ помощи соціалистовъ какъ объ этомъ говорить?»

О роли и значеніи соціализма въ ближайшемъ будущемъ говоритъ К. Леонтьевъ дальше въ томъ же письмѣ къ К. Губастову (которое будетъ напечатано въ числѣ другихъ писемъ въ двѣнадцатомъ томѣ нашего изданія). Эта именно тема была только *намѣчена* авторомъ, но не обработана въ послѣднихъ главахъ настоящей статьи. Печатаемъ ее въ томъ видѣ, какъ она найдена въ бумагахъ автора. По принципіальной важности темы, несмотря на недоговоренность въ иныхъ мѣстахъ, статья является естественнымъ продолженіемъ «Византизма и славянства» и сохраняетъ свой руководящій характеръ среди другихъ статей настоящаго тома.

Ред.

I.

...*) Теперь посмотримъ, не подтвердитъ ли наше мнѣніе сама Европа устами самыхъ знаменитыхъ своихъ писателей.

Всѣ эти писатели на *разные лады* подтверждаютъ наше мнѣніе; всѣ согласны въ томъ, что *Европа смѣшивается* въ дѣйствительности и *упрощается* въ идеалѣ. Разница въ томъ, что иные почти довольны той степенью смѣшенія и упрощенія, на которой находилась или находится въ ихъ время Европа; другіе находятъ, что смѣшеніе еще очень недостаточно, и хотятъ крайняго однообразія, думая въ этомъ оцѣпенѣніи обрѣсти блаженство; а третьи негодуютъ и жалуются на это движеніе.

Къ 1-мъ относятся болѣе или менѣе всѣ люди умѣренно либеральные и умѣренно прогрессивные. Иные изъ нихъ не прочь отъ крайняго упрощенія, но боятся бунтовъ и крови и потому желаютъ, чтобы равенство *быта и ума* пришло постепенно.

Таковъ, напримѣръ, Bastiat въ своихъ «Harmonies économiques».

Его книга дорога именно тѣмъ, что она пошла и доступна всякому. Онъ говоритъ: «Мы не сомнѣваемся, что человѣчество придетъ ко всеобщему одинаковому уровню: матеріальному, нравственному и умственному»,—и очень, по-

*) Начала нѣтъ. Повидимому авторъ хотѣлъ кратко повторить свою мысль о періодѣ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, переживаемаго Европою. См. „Византизмъ и славянство“ т. V. Собр. соч. К Леонтьева.

Ред.

видимому, радъ этому; желаетъ только постепенности въ этомъ упрощеніи и формы его не предлагаетъ.

Таковъ Абу въ своей книгѣ: «Le progrés». Въ ней вы найдете тоже очень ясное расположеніе ко всеобщему однообразію. Въ одномъ мѣстѣ онъ смѣется надъ провинціальнымъ собственникомъ, который робѣетъ въ присутствіи префекта, забывая, что префектъ одѣтъ хорошо и живетъ хорошо на *подати, платимыя этимъ собственникомъ;* смѣется надъ матерями, которыя хотятъ одѣть сыновей своихъ въ *мундиры,* вмѣсто того, чтобы учить ихъ торговать или хозяйничать... (И мы готовы смѣяться надъ мундирами, но не за то, что ими поддерживается хоть какое-нибудь отличіе въ правахъ и бытѣ, а за то, что они *пластически-безобразны* и европейски-опошлены.) Въ другомъ мѣстѣ Абу говоритъ: «конечно *храбрый генералъ, искусный дипломатъ* (un diplomate malicieux) и т. п. полезны, но они полезны для міра *въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть теперь,* а придетъ время, въ которое они не будутъ нужны». Вотъ и еще *двѣ-три формы* людского *развитія,* человѣческаго *разнообразія, психическаго обособленія индивидуумовъ* и *націй* уничтожаются. Не позволены уже болѣе ни Бисмарки, ни Талейраны, ни Ришельѣ, ни Фридрихи и Наполеоны... Царей, конечно, нѣтъ и подавно. Про духовенство Абу прямо въ этомъ мѣстѣ не говоритъ, но онъ во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги отзывается или съ недобросовѣстностью, или даже съ ненавистью о людяхъ вѣрующихъ. «Пускай себѣ кто хочетъ ходитъ въ синагогу, кто хочетъ въ протестантскую церковь и т. д.». Подразумѣвается: «это не страшно; съ этимъ прогрессъ справится легко!»

Кто же ему нуженъ?

Ему для прогресса нужны: *агрономы* (смотри дальше объ излишней обработкѣ земного шара, у Дж. С. Милля и Риля), *профессора, фабриканты, работники, механики* и, наконецъ, *художники* и *поэты*... Прекрасно; понятно, что механикъ, агрономъ, ученый могутъ, какъ сыръ въ маслѣ, кататься, обращая пышный шаръ земной въ одну скучную и шумную мастерскую... Но что дѣлать *поэту* и *художнику* въ

этой мастерской?.. Они и безъ того задыхаются больше и больше въ современности. Не лучше ли сказать прямо, что и они вовсе ненужны, что безъ этой роскоши человѣчество можетъ благополучно прозябать. Есть люди, которые и рѣшались такъ говорить; но не таковъ Абу. Любопытно бы прослѣдить, *о чемъ именно* писали всѣ современные поэты и романисты и какіе сюжеты выбирали живописцы нашего времени для своихъ картинъ. Такого рода изслѣдованіе о писателяхъ XIX вѣка покажетъ намъ, что лучшіе изъ нихъ, если и брали сюжетами своими *современную жизнь*, то лишь потому, что въ ней много еще было остатковъ отъ прежней Европы и что то плоское, повальное, буржуазное просвѣщеніе, о которомъ заботится Абу, даже и для землепашца и работника еще въ дѣйствительности и не существовало. Во всѣхъ романахъ найдемъ интересныя, завлекательныя встрѣчи и столкновенія людей *различнаго* воспитанія, *противоположныхъ* убѣжденій, разнообразной психической выработки, крайне *различнаго* положенія въ обществѣ, людей съ *несходными сословными преданіями* (а иногда и *нравами;* напримѣръ, въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ изображается время реставраціи, *пэрства* и т. п.). Посмотрите романы Зандъ: Индіана, Валентина, Мопра, Жакъ, Жанна и друг., и вы убѣдитесь, что на каждомъ шагу остатки соціальнаго неравенства, религія, простота и грубая наивность сельскаго быта и изящныя потребности людей, имѣющихъ при имени своемъ частицу *де*, даютъ пищу ея таланту. Даже война, о которой, собственно, она мало писала, соприсутствуетъ, такъ сказать, органически каждому ея сюжету. Такъ, напр., полковникъ Дельмаръ, мужъ Индіаны, былъ бы, вѣроятно, нѣсколько иного характера, *если бы онъ не былъ полковникъ*. Мопра изъ семьи феодальныхъ разбойниковъ, и весь романъ наполненъ сценами опасности и битвъ. Герой уѣзжаетъ съ Ладгайетомъ на войну за независимость Америки и т. п. Въ кроткомъ пастушескомъ романѣ «La petite Fadette» вы встрѣчаете такую фразу въ устахъ крестьянина: «*les belles guerres* de l'empereur Napoleon». Сверхъ того, въ этомъ сельскомъ ро-

манѣ и въ другихъ сходныхъ съ нимъ мы встрѣчаемся съ другими наслѣдіями разнообразнаго и сложнаго прошедшаго Европы — съ религіей, съ уваженіемъ къ церковному браку и съ христіанской семьей и, съ другой стороны, съ чрезвычайно граціозными и милыми полуязыческими вѣрованіями въ колдуновъ, вѣдьмъ, въ такъ называемыхъ «farfadets» и т. п. Во всѣхъ романахъ, однимъ словомъ, больше или меньше опасностей физическихъ, борьба съ сословными и гражданскими препятствіями, встрѣча и любовь героевъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ классамъ и кругамъ общества (князь Кароль и дочь рыбака Лукреція; графиня Валентина и сынъ крестьянина Бенедиктъ; философски *образованная* аристократка XVIII вѣка Эдмея и *дикій* юноша Мопра; вѣрующая крестьянка Жанна и молодые люди высшаго круга — англичанинъ и два француза, которые за нее спорятъ и т. д.); антитезы богатства и бѣдности, суевѣрій и философскаго ума, церковной христіанской поэзіи и поэзіи сладострастья... Къ тому же прибавимъ и національныя антитезы: англичане, нѣмцы и итальянцы играютъ въ твореніяхъ Зандъ не малую роль, и она всегда прекрасно обозначаетъ у этихъ иноземныхъ героевъ тѣ черты ихъ, которыя развились въ нихъ лично или наслѣдственно подъ впечатлѣніями прежней, болѣе обособленной націями и областями, болѣе сложной и разнообразной Европы. То же самое, болѣе или менѣе, мы найдемъ у Alf. de Musset, у Бальзака, у англійскихъ писателей, напримѣръ, у Диккенса.

Если бы въ романѣ *Копперфильдъ* не былъ замѣшанъ энергическій, блестящій и благородный, несмотря на свои пороки, *Стирфортъ*, если бы не было его гордой и несчастной матери, если бы не было, однимъ словомъ, аристократическаго элемента, — выигралъ романъ или проигралъ бы?.. Я думаю, что много проигралъ бы. Беранже вдохновлялся *военной славой* республики и 1-ой Имперіи. Шатобріанъ *религіей* и томительной *романтической тоской разочарованія*, до котораго агрономамъ и фабрикантамъ не должно быть и дѣла. Ламартинъ, котораго вмѣстѣ съ жи-

вописцемъ Ingrés Абу считаетъ необходимымъ для своего прогресса, столько же необходимымъ, сколько лучшаго химика и механика, вдохновлялся подобно Шатобріану церковной поэзіей, вѣрой, и аристократическій духъ въ немъ силенъ; такой поэтъ прогрессистами долженъ бы считаться или вреднымъ, если онъ влятеленъ, или ничтожнымъ и презрѣннымъ. На что же онъ и ему подобные господину Абу?

Абу въ одномъ мѣстѣ очень жалуется на грубость французскихъ крестьянъ; описываетъ, какъ мужикъ бьетъ крѣпко ломовую лошадь свою; какъ молодые крестьяне грубо ухаживаютъ за дѣвушками... Онъ желаетъ, чтобы прогрессъ сдѣлалъ ихъ поскорѣе похожими на него самого, буржуазнаго наслѣдника прежней барской любезности. Объ этомъ у него цѣлый (немного хамовато-любезный) разговоръ съ дамой. Крестьяне кой-гдѣ во Франціи, конечно, еще грубы и наивны; еще болѣе ихъ, разумѣется, были грубы и наивны южно-итальянскіе рыбаки въ началѣ этого вѣка. Однако въ средѣ этихъ рыбаковъ Ламартинъ встрѣтилъ свою «Граціеллу», изображеніе которой считается однимъ изъ лучшихъ созданій его.

Что касается до живописца Ingrés и до другихъ художниковъ XIX вѣка, то и они вдохновлялись не буржуазнымъ вечеромъ или обѣдомъ, на которомъ Абу любезничалъ бы о прогрессѣ съ какой-нибудь мѣщанкой нашего времени, но все такими *явленіями* жизни, которыя *безъ разнообразія убѣжденій, быта* и *характеровъ немыслимы*. Одинъ изображалъ *чудесный* переходъ евреевъ черезъ Красное море; другой *борьбу* гунновъ съ римлянами; третій сцены изъ *войнъ* консульства и имперіи; четвертый сцены изъ *ветхозавѣтной* и *евангельской* исторіи...

Если то, что въ XIX вѣкѣ принадлежитъ ему *исключительно* или преимущественно: машины, учителя, профессора и адвокаты, химическія лабораторіи, *буржуазная* роскошь и буржуазный развратъ, буржуазная умѣренность и буржуазная нравственность, полька tremblante, сюртукъ, цилиндръ и панталоны, — такъ мало вдохновительны для художниковъ, то чего же должно ожидать отъ искусства то-

гда, когда по желанію Абу не будутъ существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великіе государственные люди... Тогда, конечно, *не будетъ и художниковъ*.

О чемъ имъ пѣть тогда? и съ чего писать картины?..

Книга Абу — книга легкая и поверхностная; но поэтому самому многолюдной читающей бездарности весьма доступная, и она теперь переведена даже и по-русски.

Поэтому мы и остановились на ней нѣсколько дольше, чѣмъ бы она заслуживала при тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, которые насъ занимаютъ.

Напослѣдокъ замѣтимъ и еще одно.

Абу посвящаетъ книгу свою г-жѣ Ж.-Зандъ.

Преклоняясь передъ ея геніемъ, онъ говоритъ: «Я сознался, что я уже человѣкъ немолодой, великимъ человѣкомъ никогда не буду (еще бы!); но я не лишенъ *здраваго смысла* и предназначенъ собирать крошки, упавшія со столовъ Рабле и Вольтера».

Г. Абу точно не лишенъ той мелкой наблюдательности, которая часто свойственна умамъ ничтожнымъ, и опредѣлилъ вѣрно родъ своего таланта. Дѣйствительно по легкости и ясности языка, по нѣкоторому довольно веселому остроумію, вообще по духу своему онъ можетъ нѣсколько напоминать Вольтера и Рабле. Но это сходство только наглядно доказываетъ упадокъ французскаго ума. При Рабле, безпорядочномъ, грубомъ и безстыдномъ, Франція XVI вѣка *только зацвѣтала;* въ XVII и XVIII она цвѣла и произвела великаго разрушителя Вольтера, котораго съ наслажденіемъ можетъ читать за глубину его остроумія — и враждебный его взглядамъ (конечно зрѣлый) человѣкъ, подобно тому, какъ атеистъ можетъ восхищаться еврейской *поэзіей* псалмовъ. Франція въ половинѣ нашего вѣка дала въ этомъ легкомъ родѣ не болѣе, какъ Абу! Крупные литературные продукты Франціи XIX вѣка совсѣмъ иного рода. Они извѣстны. Онъ самъ смиренно упоминаетъ въ своемъ предисловіи, что Ж.-Зандъ сказала ему: «Вы всегда пропускаете геній сквозь пальцы».

Дальше.

Бокль. Бокль громоздитъ цѣлую кучу фактовъ, цитатъ, познаній для того, чтобы доказать вещь, которую въ утѣху устарѣвшему западному уму доказывали прежде его столь многіе. Именно, что *разумъ* восторжествуетъ надъ всѣмъ. (Что же тутъ оригинальнаго? Разуму *поклонялись* уже въ Парижѣ, въ XVIII вѣкѣ). Онъ, подобно многимъ, нападаетъ на всякую положительную религію, на монархическую власть, на аристократію.

Но положимъ, однако, Бокль правъ, утверждая, что въ исторіи человѣчества законы разума восторжествуютъ, наконецъ, надъ законами физическими и нравственными. Человѣчество (говоритъ онъ вообще о законахъ физическихъ) видоизмѣняетъ природу, природа видоизмѣняетъ человѣка; всѣ событія суть естественныя послѣдствія этого взаимодѣйствія (стр. 15; т. I. Истор. цивилизаціи въ Англіи). О законахъ нравственныхъ онъ, напротивъ того, утверждаетъ, что они въ теченіи исторіи вовсе не измѣняются, а измѣняются законы (или истины) умственные. (См. стр. 133—135 и т. д.).

Итакъ, по мнѣнію Бокля, измѣненіе въ *идеяхъ, во взглядахъ* людей влечетъ за собою измѣненіе въ ихъ образѣ жизни, въ ихъ личныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ между собой.

По мѣрѣ открытія и признанія разумомъ новыхъ истинъ—измѣняется жизнь.

«Умственныя истины составляютъ причину развитія цивилизаціи».

Пусть такъ. Но, во-1-хъ, говоря о *развитіи* (т.-е. не о самосознаніи собственно, но объ *увеличеніи разнообразія въ гармоническомъ единствѣ*), можно остановиться прежде всего передъ слѣдующимъ вопросомъ: какъ понимать это слово? И не могъ ли бы мыслящій человѣкъ нашего времени *(именно нашего)* выбрать себѣ предметомъ серьезнаго изслѣдованія такую задачу: *знаніе и незнаніе не суть ли равносильныя орудія или условія развитія?* Про *картину* развитія государства или общества, націи или цѣлаго культурнаг типа (имѣющаго какъ и все живое свое начало и свой ко-

нецъ) нечего и говорить: до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ, что ко времени наисильнѣйшаго умственнаго плодоношенія — разница въ степени познанія между согражданами становилась больше прежняго. Конечно никто не станетъ спорить, что во времена царя Кодра степень умственной образованности (степень знанія) у аѳинскихъ гражданъ была равномѣрнѣе, чѣмъ во времена Платона и Софокла. И франко-галлы временъ Меровинговъ были ровнѣе въ умственномъ отношеніи между собой, чѣмъ французы во дни Боссюэта и Корнеля. *Незнаніе даетъ свои полезные для развитія результаты, знаніе — свои;* вотъ и все. И не углубляясь далеко, не дѣлая изъ этой задачи предметъ особаго серьезнаго изслѣдованія, можно вокругъ себя найти этому множество примѣровъ и доказательствъ. Упомяну только слегка о нѣкоторыхъ. Гете, напримѣръ, не могъ бы написать Фауста, если бы онъ имѣлъ меньше познаній; а пѣсни Кольцова были бы, навѣрно, не такъ оригинальны, *особенны* и свѣжи, если бы онъ не былъ едва грамотнымъ простолюдиномъ. И опять, если съ другой точки зрѣнія взять того же Фауста... Для того, чтобы какой бы то ни было художникъ, хотя бы самый сильный по дарованіямъ, могъ бы изобразить *живой* характеръ, — развѣ не нужны ему впечатлѣнія *дѣйствительной* жизни? Конечно необходимы. И въ наше время, особенно въ эпоху реализма, кто же станетъ это отвергать?

Итакъ для того, чтобы Гёте могъ изобразить невѣжественную и наивную Маргариту, нужно было ему видѣть въ жизни такихъ невѣжественныхъ и наивныхъ дѣвицъ. *Незнаніе* простыхъ нѣмецкихъ дѣвушекъ, сочетаясь со *знаніемъ* Гёте, дало намъ *классическій въ своемъ родѣ образъ Маргариты.* Эпическіе стихи горцевъ, старыя былины, пѣсни, слагаемыя и въ наше время кой-гдѣ *мало знающими* простолюдинами, съ любовью разыскиваются *учеными* и даютъ имъ возможность составлять интересные и поучительные сборники; а другими словами — *незнаніе* предковъ и болѣе современныхъ намъ простолюдиновъ способствуетъ *движенію* науки, *развитію знанія* у людей ученыхъ, *знающихъ.*

И дальше: человѣкъ *знающій* и съ поэтическимъ даромъ прочитываетъ этотъ сборникъ, составленный *ученымъ* изъ произведеній *незнающихъ* или *малознающихъ* людей. Онъ, въ свою очередь, вдохновляется имъ и производитъ нѣчто такое, что еще *выше* и простенькой былины или пѣсни, и ученаго сборника. Люди, *знающіе* толкъ въ простонародной поэзіи, всѣ безъ исключенія даже съ ненавистью отвращаются отъ такъ называемыхъ фабричныхъ или *лакейскихъ стихотвореній;* а нельзя же отвергать, что фабричный *знаетъ* больше земледѣльца, и нѣкоторыми умственными сторонами своими — грамотный лакей городской въ этомъ же смыслѣ ближе къ профессору, чѣмъ его братъ, никогда не покидавшій степи, лѣса или родныхъ своихъ горъ. Я могъ бы привести такихъ примѣровъ великое множество (даже изъ самой книги Бокля; напримѣръ, *развитіе* архитектуры въ Индіи и Египтѣ; *знаніе* высшихъ кастъ и *невѣжество* народа и т. п.); но для моей цѣли и этого довольно. Положимъ, что Бокль правъ: истины разума и его законы опредѣляютъ ходъ цивилизаціи. Я готовъ въ этомъ согласиться; но, во-1-хъ, вѣдь и *незнаніе* есть состояніе разума; незнаніе значитъ — малое накопленіе фактовъ для обобщенія и выводовъ. Это есть *отрицательное* состояніе разума, дающее, однако, *положительные* плоды, не только нравственные, — въ этомъ никто не сомнѣвается, — но и прямо *умственные же.* (И въ средѣ образованной именно какое-нибудь *частное незнаніе* нерѣдко наводитъ *мыслящихъ людей на новыя и блестящія мысли.* Это фактъ всѣми, кажется, признанный.)

А, во-2-хъ, развѣ не можетъ случиться, что именно дальнѣйшій ходъ цивилизаціи приведетъ къ тому, что наука государственная, философская, психологія и политико-соціальная практика признаютъ необходимымъ *поддерживать преднамѣренно наибольшую неравномѣрность знанія въ обществѣ?* Я полагаю, судя по разрушительному ходу современной исторіи, что именно высшій *разумъ* принужденъ будетъ выступить, наконецъ, почти противъ всего того, что такъ популярно теперь, то-есть противъ равенства и сво-

боды (другими словами противъ *смѣшенія* сословій, конечно), противъ *всеобщей* грамотности и противъ *демократизаціи* познаній. Вѣроятно даже противъ злоупотребленія *машинами* и противъ разныхъ прикладныхъ изобрѣтеній, «балующихся», такъ сказать, весьма опасно со страшными и таинственными силами природы.

Машины, паръ, электричество и т. п., во-1-хъ, усиливаютъ и ускоряютъ то смѣшеніе, о которомъ я говорилъ въ моихъ главахъ «Прогрессъ и развитіе»*); и дальнѣйшее распространеніе ихъ приведетъ неминуемо къ насильственнымъ и кровавымъ переворотамъ; вѣроятно даже и къ непредвидимымъ *физическимъ катастрофамъ;* во-2-хъ, всѣ эти изобрѣтенія выгодны только для того *класса среднихъ людей*, которые суть и главное *орудіе смѣшенія*, и *представители* его, и *продуктъ*... Всѣ эти изобрѣтенія невыгодны: для государственнаго обособленія, ибо они облегчаютъ заразу иноземными свойствами; для религіи, ибо они увлекаютъ мало знающихъ и незнающихъ людей ложными надеждами все на тотъ же *разумъ* (односторонне въ прямолинейномъ смыслѣ понятомъ, надеждами, которыя могутъ привести къ совершенно инымъ результатамъ); они невыгодны привилегированному дворянству уже по тому самому, что усиливаютъ вліяніе и преобладаніе промышленнаго и торговаго класса, который, по словамъ самого же Бокля, «естественный врагъ всякой аристократіи». Они невыгодны рабочему классу, который бунтовалъ при первомъ появленіи машинъ и непремѣнно разрушитъ ихъ и постарается даже, вѣроятно, запретить ихъ *драконовскими законами*, если только хоть на короткое время дѣйствительная власть будетъ въ рукахъ людей этого класса или подъ ихъ страхомъ и вліяніемъ. Машины и всѣ эти изобрѣтенія враждебны и поэзіи; надолго примирить нельзя утилитарную науку и поэзію: со стороны поэзіи теперь настала пора усталости и унынія въ неравной борьбѣ... а не внутреннее согласіе.

---

*) См. „Византизмъ и славянство“, т. V. Собр. соч. К. Леонтьева. *Ред.*

Всѣ эти изобрѣтенія, повторяю, выгодны только для *буржуазіи;* выгодны *среднимъ людямъ*, фабрикантамъ, купцамъ, банкирамъ, *отчасти* и многимъ ученымъ, адвокатамъ, однимъ словомъ, тому среднему классу, который въ книгѣ Бокля является главнымъ врагомъ царей, положительной религіи, воинственности и дворянства (о рабочихъ и земледѣльцахъ Бокль *молчитъ* съ этой стороны; но замѣтимъ, *именно тамъ*, гдѣ всѣ дѣла въ рукахъ этого *средняго* класса, сами рабочіе зато *говорятъ все громче и громче о своей къ нему ненависти!*).

Бокль весьма наивно благоговѣетъ передъ тѣмъ эгалитарно-либеральнымъ движеніемъ, которое, начавшись съ конца XVIII вѣка, продолжается еще до сихъ поръ съ небольшими роздыхами и слабыми обратными реакціями и не дошло еще настолько до точки своего насыщенія, чтобы въ жизни разразиться окончательными анархическими катастрофами, а въ области мысли выразиться пессимистическимъ взглядомъ на демократическій прогрессъ вообще и на послѣдніе выводы западной романо-германской цивилизаціи. Но только этотъ родъ пессимизма можетъ вывести *разумъ* человѣческій на истинно-новые пути. Эгалитарно-либеральный процессъ называется, смотря по роду привычки, по точкѣ освѣщенія, разными именами. Онъ называется стремленіемъ къ *индивидуализму*, когда хотятъ выразить, что строй общества нынѣшняго ставитъ лицо, индивидуумъ прямо подъ одну власть государства, помимо всѣхъ корпорацій, общинъ, сословій и другихъ сдерживающихъ и посредствующихъ соціальныхъ группъ, отъ которыхъ лицо зависѣло прежде; или то, что направленіе политики и законодательства должно окончательной цѣлью имѣть благо и законную свободу *всѣхъ индивидуумовъ;* зовутъ это движеніе также *демократизаціей* въ томъ смыслѣ, что низшій классъ (демосъ) получаетъ все больше и больше не только личныхъ гражданскихъ правъ, но и политическаго вліянія на дѣла. Иные зовутъ осторожное и благонамѣренное обращеніе властей и высшихъ классовъ съ этимъ движеніемъ «полезными и даже благодѣтельными *реформами*»; а Пру-

донъ съ своей грубостью ученаго французскаго мужика *ставитъ точку* на «і» и зоветъ этотъ процессъ прямо *революціей;* то-есть подъ этимъ словомъ Прудонъ разумѣетъ вовсе не бунты и не большую какую-нибудь инсурреккію; а именно то, что другіе зовутъ такъ вѣжливо демократическимъ прогрессомъ, либеральными реформами и т. д.

Я же потому предпочитаю всѣмъ этимъ терминамъ мой терминъ вторичнаго упрощающаго смѣшенія, что всѣ поименованныя названія имѣютъ смыслъ гораздо болѣе тѣсный, чѣмъ мое выраженіе; они имѣютъ смыслъ — политическій, юридическій, соціологическій, пожалуй, не болѣе, не шире и не глубже. Мой же терминъ имѣетъ значеніе органическое, естественно-историческое, космическое, если угодно; и потому можетъ легче этихъ другихъ перечисленныхъ и нѣсколько *подкупающихъ* терминовъ раскрыть, наконецъ, глаза на это великое и убійственное движеніе людямъ въ его пользу по привычкѣ предубѣжденнымъ.

Бокль хочетъ прежде всего разума; хорошо! Будемъ же и мы *разумны* въ угоду ему; не будемъ *подобно ему наивны и простодушны; постараемся назвать вещь по имени!.. Движеніе это есть;* оно несомнѣнно, и рѣзкой поворотной точки *на иной путь* мы еще *ясно* теперь не видимъ (то-есть или мы этой точки не миновали еще, или не сознали поворота, *не примѣтили* быть можетъ); пусть это движеніе неотразимо, даже и навсегда (допустимъ это на минуту), но поймемъ же именно *разумомъ*, суровымъ разумомъ, чуждымъ всякихъ иллюзій, всякой сердечной вѣры даже и въ это *знаменитое* человѣчество и, понявъ, назовемъ его откровенно и безстрашно — *предсмертнымъ смѣшеніемъ* составныхъ элементовъ и преддверіемъ *окончательнаго вторичнаго упрощенія прежнихъ формъ*...

Это, я полагаю, болѣе *разумъ*, чѣмъ добродушная *вѣра въ средній классъ и въ промышленность!*

Теперь мы обратимся къ *историку Шлоссеру.*

Вслѣдъ за политико-экономомъ Bastiat — послѣдователемъ теоріи «laisser faire, laisser passer» въ экономическихъ вопросахъ, а *слѣдовательно* отъявленнымъ представителемъ

индивидуализма и легальной *средней*, такъ сказать, личной свободы въ политикѣ; за беллетристомъ Абу, который, видимо, любя прекрасное и желая сохранить его въ искусствѣ, надѣется въ то же время, что главныя условія вдохновенія для художниковъ: — *мистическая религія, война, соціально-государственное обособленіе* и простонародная свѣжая грубость (т.-е. все *не среднее*) исчезнутъ съ лица земли; вслѣдъ за Боклемъ, историкомъ претендующимъ какъ будто бы на объективность и безпристрастіе, а между тѣмъ не только явно расположеннымъ къ торгово-промышленному направленію современной жизни, но мѣстами весьма страстно и враждебно относящемуся ко всему тому, что этому утилитарному направленію не благопріятно и не сродно (т.-е. опять-таки къ религіи, аристократіи, войнѣ, самодержавію и простонародной наивности); другими словами, послѣ Бокля, котораго мы въ правѣ причислить безъ околичностей къ людямъ *весьма тенденціознымъ*, все въ томъ же *среднемъ*, либеральномъ духѣ, мы изберемъ въ средѣ западныхъ писателей Шлоссера, одного изъ самыхъ серьезныхъ, изъ самыхъ дѣльныхъ и даже тяжелыхъ, но несомнѣнно заслуживающаго почетнаго эпитета *безпристрастнаго* или объективнаго. Я начну съ того, что сдѣлаю большую выписку изъ предисловія г. Антоновича, русскаго переводчика его Исторіи XVIII столѣтія...»*).

... Таковъ взглядъ г. Антоновича какъ на духъ исторической дѣятельности Шлоссера, такъ и на характеръ самого историка.

Шлоссера дѣйствительно не легко обличить въ рѣзкой тенденціозности. Можно, конечно, замѣтить, что онъ не расположенъ ни къ аристократіи, ни къ той или другой ортодоксіи, ни къ поэзіи мало-мальски чувственно-аристократической; но, съ другой стороны, нельзя его назвать безусловно демократомъ или либераломъ; онъ охотно отдаетъ справедливость и Наполеону I, и русскимъ самодержцамъ, и англійской знати — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ

*) Пропускъ въ рукописи. *Ред.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук

энергіи, способностяхъ, силѣ, умѣньѣ управлять; съ другой — не благопріятно относится къ цинизму, издѣвающемуся надъ религіозной искренностью; не опровергаетъ, конечно, и поэзіи, тамъ, гдѣ она не оскорбляетъ его нравственнаго чувства. Дѣйствительно, уже самая трудность, съ которой надо разыскивать нити этихъ личныхъ взглядовъ Шлоссера въ чрезвычайно густой ткани его умнаго и тяжелаго труда, туманность общаго впечатлѣнія, выносимаго изъ чтенія его «Исторіи», доказываютъ, что съ этой стороны переводчикъ, пожалуй, правъ, говоря, что если есть направленіе у Шлоссера, то оно скорѣе всего *общенравственное*, чѣмъ политическое или какое-нибудь еще *другое*, одностороннее. Но это *общенравственное начало*, эта *чистая эвика*, освобожденная отъ всякой ортодоксіи, отъ всякаго *мистическаго* вліянія, — не есть ли именно *эвика все того же средняго*, буржуазнаго *типа*, къ которому хотятъ притти нынче многое множество европейцевъ, сводя къ нему и другихъ посредствомъ школъ, путей сообщенія, демократизаціи обществъ, вѣротерпимости, религіознаго индиферентизма и т. п.? Это я постараюсь позднѣе доказать понагляднѣе, а теперь для начала спрошу, откуда же взялъ г. Антоновичъ, будто изъ «Исторіи XVIII столѣтія» Шлоссера можно вывести, что «истинно полезными двигателями исторіи должны (читатели Шлоссера) признать людей простыхъ и честныхъ, темныхъ и скромныхъ, какихъ, слава Богу, всегда и вездѣ будетъ довольно».

Ни изъ сочиненія Шлоссера, ни изъ другой какой-нибудь мало-мальски здравой книги нельзя вывести, что «люди простые и честные, темные и скромные» ведутъ за собою исторію рода человѣческаго! Вѣрнѣе сказать было бы, что исторія вела за собой и двигала толпу этихъ «простыхъ и честныхъ» людей. Или можно было бы сказать, напримѣръ, что «прогрессъ ведетъ человѣчество къ безусловному торжеству этихъ простыхъ и честныхъ, темныхъ и скромныхъ людей».

Это и думаютъ многіе. И хотя и на это можно было бы возразить многое, но такъ какъ подобная мысль есть

все-таки: болѣе надежда на будущее, чѣмъ выводъ изъ фактовъ прошедшаго, то она могла бы имѣть еще за себя шансы какого-нибудь правдоподобнаго или удачнаго пророчества, но какъ же можно утверждать, что *до сихъ поръ было такъ*, что извѣстную намъ *исторію прошлаго* вели или двигали «прбстые и честные люди». Правда, вооружившись эпитетомъ «полезные» двигатели, г. Антоновичъ даетъ возможность свести разсужденіе съ вопроса о степени вліянія «честной посредственности» на вопросъ — кто *именно полезный человѣкъ* и что такое сама *польза?* — но самая неясность и даже, пожалуй, неразрѣшимость этого вопроса для истинно мыслящаго ума лишаетъ мысль г. Антоновича этого оружія, сильнаго только для неопытныхъ, мало жившихъ и мало знающихъ людей. И въ самомъ дѣлѣ — кто истинно *полезный человѣкъ?* Остается пожать только плечами.

Человѣкъ *безкорыстный?* Человѣкъ способный жертвовать собою для идеи или для другого человѣка? Положимъ. Но вотъ Бокль, тоже прогрессистъ, тоже стремящійся къ чему-то среднему и въ политикѣ и въ морали, говоритъ, что *суевѣріе* (т.-е. религіозность по-нашему) и *вѣрноподданничество* суть два сильныхъ и *безкорыстныхъ* чувства... А они *очень вредны* и по мнѣнію самого Бокля и, по всѣмъ признакамъ, по мнѣнію г. Антоновича.

Бокль прямо говоритъ, и во многихъ мѣстахъ, что подобныя *безкорыстныя*, рыцарскія и самоотверженныя чувства погубили Испанское государство и что искренность и пламенная религіозность «простыхъ и темныхъ» пуританъ сдѣлали много вреда умственному развитію Шотландіи.

Итакъ — безкорыстіе, самооотверженіе и тому подобныя честныя и высокія чувства и дѣйствія передъ судомъ либеральныхъ ~~или демократическихъ~~ прогрессистовъ не могутъ быть ~~во многихъ случаяхъ критеріумомъ или~~ признакомъ *пользы.*

Безкорыстіе и самоотверженіе останутся высокими личными свойствами, но при извѣстномъ направленіи ихъ они *скорѣе вредны, чѣмъ полезны*, по мнѣнію либераловъ и прогрессистовъ. Моральность субъективная, внутренняя, не сов-

падаетъ въ этихъ случаяхъ, по ихъ же мнѣнію, съ пользой, съ моральностью, объективной, прикладной, съ моральностью результата.

Кто же истинно *полезный* человѣкъ?

Шопенгауеръ говоритъ, что самый *моральный* человѣкъ это тотъ, кто самый *сострадательный*, добрый, кто *во всѣхъ* и *во всемъ* видитъ себя, всѣхъ жалѣетъ, всякому *страданію* сочувствуетъ.

Но Шопенгауеръ и его школа вѣдь не вѣрятъ въ общее *благоденствіе*, въ эвдемоническій прогрессъ, во всеобщую пользу на землѣ?

Итакъ, что же дѣлать, чтобы быть *несомнѣнно* полезнымъ человѣкомъ?

Изобрѣтать *машины?* По Боклю и ему подобнымъ это такъ.

По преосвященному Никанору*), который не менѣе Бокля ученъ или начитанъ, это вовсе не такъ. Яковъ Уайтъ по этому взгляду оказывается человѣкомъ гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ.

И повторимъ здѣсь еще разъ: такъ какъ *новѣйшее* направленіе исторіи идетъ противъ *капитализма* и *неразрывнаго* съ нимъ умѣреннаго, *средняго* либерализма, то, вѣроятно, и ближайшія событія пойдутъ не по пути купеческаго сына Бокля, а по духу епископа Никанора, по крайней мѣрѣ съ этой *отрицательной* стороны: противъ *машинъ* и вообще противъ всего этого физико-химическаго, умственнаго разврата, противъ этой страсти орудіями міра неорганическаго губить вездѣ органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразіе, животный міръ и самое *общество человѣческое*, долженствующее быть организаціей *сложной* и *округленной* наподобіе организованныхъ тѣлъ природы.

*) См. т. VII. Соб. соч. К. Леонтьева. „Епископъ Никаноръ о вредѣ желѣзныхъ дорогъ“ и т. д *Ред.*

II.

Послѣ Bastait, Абу, Бокля и Шлоссера, людей болѣе или менѣе умѣренныхъ, хотя и довольныхъ тѣмъ, что все идетъ *подъ гору* и къ чему-то среднему, возьмемъ людей недовольныхъ и желающихъ ускорить смѣшеніе и разнообразіе.

Одного такого, который желаетъ *упрощенія деспотическаго, равенства крайняго безъ свободы*, деспотизма *всѣхъ надъ каждымъ*; а другого, желающаго *упрощенія свободнаго, равенства безъ деспотизма.*

Первый коммунистъ изъ коммунистовъ—*Кабе*; а второй—*Прудонъ*, который нападалъ на охранителей за ихъ безсиліе, на либераловъ среднихъ за ихъ противорѣчіе и недобросовѣстность, на соціалистовъ въ родѣ Сенъ-Симона и Фурье *за удержаніе нѣкотораго неравенства и разнообразія* въ общественномъ идеалѣ и на коммунистовъ въ родѣ Кабе за ихъ *принудительное равенство.*

Въ идеальномъ государствѣ «*Икаріи*», созданномъ коммунистомъ Кабе, конечно, не могло бы быть никакого разнообразія въ образѣ жизни, въ родѣ воспитанія, во вкусахъ; вообще не могло бы быть того, что зовется «развитіемъ личности». *Государство въ Икаріи дѣлаетъ все.* Но *государство* это выражалось бы, конечно, не въ лицѣ монарха, не въ родовой аристократіи, а въ какихъ-нибудь выборныхъ отъ народа, одного воспитанія съ народомъ, одного духа съ нимъ, выборныхъ, облеченныхъ временно въ *собирательномъ лицѣ* какого-нибудь совѣта *неограниченной властью.* Разумѣется, каждый бы членъ такого совѣта не значилъ бы ничего; но всѣ вмѣстѣ были бы могущественнѣе всякаго монарха. Идеалъ этого рода именно и разсчитываетъ на *высшую* степень однообразія, на *господство всѣхъ надъ каждымъ* черезъ посредство избраннаго, республикански-неограниченнаго правительства.

Это уже не свободный *индивидуализмъ*, въ которомъ подразумѣваются еще какія-то оттѣнки личной воли; нѣтъ, это какой-то или невозможный, или отвратительный *атомизмъ.*

Различіе людей въ такомъ идеальномъ государствѣ было бы только по роду *мирнаго ремесла*. Общее же воспитаніе должно бы быть вполнѣ одинаковое для всѣхъ. Собственности никакой Всѣ фабрики, всѣ общественныя заведенія отъ казны. Личному вкусу, личному характеру не оставалось бы ничего. Единственный личный капризъ, о которомъ упоминаетъ Кабе и которому онъ покровительствуетъ, это *скрещиваніе* лицъ съ разными темпераментами и физіономіями. «Брюнетъ ищетъ блондинку; горецъ предпочитаетъ дочь равнинъ» и т. д. Но и это вѣдь ведетъ къ скорой выработкѣ нѣкоего *общаго средняго типа*, который долженъ стереть всѣ рѣзкости, выработавшіяся случайно въ данной странѣ *до подобной коммунистической реформы*, т.-е. тоже къ *однообразію*. Сверхъ *предваряющихъ* мѣръ однообразнаго воспитанія, однообразной обстановки, однообразной жизни, государство въ Икаріи беретъ и строгія *карающія* мѣры противъ всякаго *анти-коммунистическаго мнѣнія*. Къ однообразію, внушенному воспитаніемъ и поддерживаемому всѣмъ строемъ быта, оно прибавляетъ еще упрощающее средство *всеобщаго страха*.

Точно то же мы встрѣчаемъ и въ *манифестѣ равныхъ* извѣстнаго Бабёфа.

Вотъ теперь выписка изъ Прудона.

Обыкновенно говорятъ, что Прудонъ умѣлъ только разрушать, не создавая ничего новаго, не предлагая ничего положительнаго. Это правда, что у него нѣтъ ни полной готовой, законченной до подробностей картины идеальнаго устройства общества, нѣтъ ничего подобнаго соціальнымъ картинамъ Платона, Кабе или Фурье; нѣтъ и тѣхъ мелко практическихъ, палліативныхъ совѣтовъ, которые въ такомъ множествѣ встрѣчаются у другихъ, особенно не радикальныхъ писателей; но изъ всѣхъ сочиненій его, несмотря на всѣ кажущіяся противорѣчія его, вытекаетъ ясно одна идея, цѣль: «высшая степень равенства въ высшей степени свободнаго».

Особенно ясно это видно въ его книгѣ: «*Исповѣдь революціонера*».

Книга эта начинается такъ:

«Пусть всѣ монархи Европы составятъ союзъ противъ народовъ».

«Пусть викарій Христа (папа) предаетъ свободу анаѳемѣ».

«Пусть республиканцы гибнутъ подъ развалинами своихъ городовъ!»

«Республика остается неизмѣннымъ идеаломъ обществъ, и оскорбленная *свобода* возсіяетъ снова какъ солнце послѣ затменія».

Далѣе онъ отвергаетъ правило, принятое многими радикалами на Западѣ: *соціальная революція есть цѣль; политическая революція есть средство;* и говоритъ напротивъ того: политическая революція (т.-е. окончательная идеальная выработка формы самоуправленія народнаго) есть цѣль; а средство есть реформа *соціальная*; т.-е. надо дѣйствовать прежде всего, приготовляя массы народа правильнымъ воспитаніемъ, и тогда формы политическаго идеала создадутся сами собою, общимъ геніемъ народа. Идеалъ этотъ — *анархія*. Но не то, что мы переводимъ *безначаліе*, т.-е. безпорядокъ, бунтъ, грабежъ и т. п., а такъ сказать, постоянное правильное *безвластіе*. Поэтому Прудонъ и судитъ очень строго соціалистовъ и коммунистовъ: Луи Блана, Кабе, Овена и другихъ имъ подобныхъ за то, что они хотятъ дѣйствовать средствами правительственными, *властью* на не приготовленныя массы и въ самомъ идеалѣ своемъ не умѣютъ обходиться безъ власти, «sous un pouvoir fort», безъ абсолютизма.

Мой идеалъ, говоритъ онъ:

— Нѣтъ болѣе *партій*.

— Нѣтъ болѣе *властей* (никакихъ, ни даже республиканскихъ).

— Абсолютная *свобода* человѣка и гражданина.

Этого Прудонъ думаетъ достигнуть *однообразіемъ*, *упрощеніемъ* еще большимъ, пожалуй, чѣмъ Бабёфъ и Кабе; ибо у тѣхъ еще предполагаются люди, хотя бы временно облеченные *властью* и *отдѣляющіеся* этимъ отъ избравшихъ

ихъ безвластныхъ гражданъ, и подразумѣвается возможность недовольствъ или *своеобразія* мнѣній, за которое будутъ изгонять или наказывать. У Прудона и *этого нѣтъ*. Всѣ будутъ прочнымъ воспитаніемъ пріучены жить мирно и, такъ сказать, научно правильно безъ помощи и страха властей.

Потомъ описавши съ большой ясностью и огромнымъ талантомъ, какъ и почему не удалась соціалъ-революція 48 года, въ которой онъ и самъ былъ столь виднымъ дѣятелемъ, Прудонъ кончаетъ свою книгу *апоѳеозой средняго сословія* (de la classe moyenne). Такъ названо это заключеніе.

«Вотъ уже около 2-хъ лѣтъ всѣ старыя партіи правой и лѣвой стороны болѣе и болѣе роняютъ себя, унижаются (ne cessent de se déconsiderer).

Правительство больше и больше разлагается. Революція (т.-е. прогрессъ) болѣе и болѣе разливается, все сильнѣе, по мѣрѣ усиленія преслѣдованій.

Старое общество, въ своей тройной формулѣ: религіи, государства и капитала, сгораетъ и пожирается съ поразительной быстротой.

И всего страннѣе въ этомъ всеобщемъ разложеніи то, что оно свершается, такъ сказать, *подъ нѣкіимъ внутреннимъ, незримымъ давленіемъ, внѣ всякихъ людскихъ совѣтовъ*, несмотря на энергическое сопротивленіе партій, *вопреки протесту даже и тѣхъ, которые до послѣдняго времени гордились именемъ революціонера!*»

«Ибо, говоритъ онъ ниже, *революція* (т.-е. прогрессъ) XIX вѣка не родилась изъ нѣдръ той или другой политической секты; она не есть развитіе какого-нибудь одного отвлеченнаго принципа, не есть торжество интересовъ какой-нибудь корпораціи или какого-нибудь класса. Революція — это есть неизбѣжный (фаталистическій) синтезъ всѣхъ предыдущихъ движеній въ религіи, философіи, политикѣ, соціальной экономіи и т. д., и т. д. Она *существуетъ сама собою*, подобно тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она выработалась (qu'elle combine); она, по правдѣ сказать, приходитъ *ни сверху* (т.-е. ни отъ разныхъ правительствъ), *ни снизу*

(т.-е. и ни отъ народа); она есть результатъ истощенія принциповъ, противоположныхъ идей, столкновенія интересовъ и противорѣчій политики, антагонизма предразсудковъ; однимъ словомъ всего того, что наиболѣе заслуживаетъ названіе нравственнаго и умственнаго хаоса!»

Сами крайніе революціонеры, замѣчаетъ не разъ Прудонъ, испуганы будущимъ и готовы *отречься отъ революціи*; но «отринутая всѣми и сирота отъ рожденія революція можетъ приложить къ себѣ слова Псалмопѣвца: «Мой отецъ и моя мать меня покинули; но Предвѣчный принялъ меня подъ покровъ Свой!»

Какая же цѣль этого страннаго движенія? *Высшая степень упрощенія и больше ничего!*

Для того, чтобы достичь этого неслыханнаго равенства въ бытѣ, въ образѣ жизни, *въ умственномъ развитіи даже* (см. Contradictions économiques), Прудонъ совѣтуетъ покинуть всѣ эклектическія теоріи умѣренныхъ людей, всѣ полумѣры, итти смѣло на пути всеразрушенія, чтобы скорѣй достигнуть *идеала всеобщаго благоденствія и... однообразія.*

«Итакъ (говоритъ онъ въ концѣ той же книги) мы *должны покинуть теоретическое juste — milieu*, чтобы спасти *juste —milieu реальное (matérial), этотъ постоянный предметъ нашихъ усилій*".

«Дабы завоевать и утвердить эту *золотую середину*, этотъ залогъ нашего политическаго и религіознаго равнодушія, намъ надо теперь возстать съ твердой рѣшимостью противъ этой нерадивости ума и совѣсти, которой, подъ именемъ эклектизма *), juste-milieu, умѣреннаго либерализма, умѣреннаго революціонерства (tiers parti), до сихъ поръ мы отдавали преимущество передъ крайностями. Склони голову твою, дерзкій галлъ! *Будь* теперь *крайнимъ, чтобы стать среднимъ!* Помни, что безъ точности въ принципахъ, безъ не-

*) Онъ, конечно, говоритъ здѣсь преимущественно объ эклектизмѣ въ вопросахъ общественныхъ, т.-е. объ одновременномъ желаніи и сохранить хоть что-нибудь изъ стараго и отъ новаго не отстать, сохранить что-нибудь изъ преданій Церкви, власти и т. д., изъ привычекъ капитала и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываться и отъ революціи...

преклонной логики, безъ абсолютизма ученій нѣтъ для націй ни умѣренности, ни терпимости, ни равенства, ни обезпеченности (sicurité).

Соціализмъ, какъ всѣ великія идеи, которыя, охватывая всецѣлость общественнаго строя, могутъ быть разсматриваемы съ разныхъ точекъ зрѣнія, соціализмъ не есть только уничтоженіе нищеты, упраздненіе капитала и заработной платы, правительственная децентрализація, организація всеобщаго голосованія и т. д. и т. д., *онъ есть во всей точности термина организація (конституція) среднихъ имуществъ, всеразлитіе средняго класса».*

Книга кончается слѣдующимъ возгласомъ: «Старыя партіи не могутъ согласиться: рѣшеніе ускользаетъ отъ нихъ; онѣ безсильны. Завтра онѣ будутъ предлагать свои услуги (соціализму?)... Якобинизмъ *обращается* мало-по-малу къ соціализму; вступаетъ на путь истинный (se convertit); цезаризмъ колеблется (fléchit); претенденты королевства заискиваютъ у народа; церковь, какъ старая грѣшница на краю гроба, ищетъ примиренія. *Великій Панъ умеръ!* Боги удалились; цари уходятъ; привилегіи гибнутъ; весь міръ идетъ въ работники. Съ одной стороны стремленіе къ комфорту (bien-être) отучаетъ толпу отъ грубаго *санкюлотизма;* съ другой аристократія, въ ужасѣ отъ малочисленности своей, спѣшитъ укрыться въ рядахъ мелкой буржуазіи. *Франція, болѣе и болѣе обнаруживая свой истинный характеръ, увлекаетъ за собою міръ, и революція торжествуя является воплощенной въ среднемъ классѣ».*

NB. Замѣтимъ мимоходомъ, что это выписано изъ изданія 49 года. И что же? Развѣ послѣднія событія на улицахъ Парижа не доказали, что Прудонъ былъ правъ, предчувствуя все больше и больше паденіе той *буржуазіи,* которая своимъ исключительнымъ воспитаніемъ, богатствомъ и властью не даетъ *всѣмъ стать мелкими буржуа?*

Хорошо по этому поводу, хотя и съ отчаяніемъ, при видѣ разгрома Франціи, выразился при мнѣ одинъ французскій дипломатъ:

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — мы не возродимся болѣе! На-

ше дворянство правило Франціей со славой около 1000 лѣтъ; буржуазія наша низвергла его и сама устарѣла и износилась въ полвѣка!

Стремленіе Прудона къ полному однообразію жизни и характеровъ видно болѣе или менѣе во всѣхъ его книгахъ. (См. De la justice. Ce que c'est que la propriété. Contradictions économiques.)

Въ одномъ мѣстѣ послѣдняго сочиненія онъ хвалитъ расположеніе простолюдиновъ нынѣшнихъ *къ роскоши и комфорту;* говоритъ, что увеличеніе ихъ потребностей облагораживаетъ ихъ и ведетъ человѣчество *ко всеобщему равенству во всеобщемъ умѣренномъ благоденствіи.*

Въ другомъ онъ ищетъ того же равенства *для ума и таланта.*

«Всѣ люди равны въ первоначальной общинѣ, — говоритъ онъ, — равны своей наготой и своимъ невѣжествомъ». «Общій прогрессъ долженъ вывести всѣхъ людей изъ этого первобытнаго и отрицательнаго равенства и довести до равенства положительнаго, не только состояній и правъ, но даже талантовъ и познаній». «*Іерархія способностей* должна отнынѣ быть отвергнута, какъ организующій принципъ: равенство должно быть единственнымъ правиломъ нашимъ и оно же есть *нашъ идеалъ. Равенство душъ, отрицательное вначалѣ, ибо оно изображаетъ лишь простоту, должно повториться въ положительной формѣ при окончаніи (?) воспитанія человѣческаго рода*».

Еще выписки.

«Стремленіе къ роскоши въ наше время, *при отсутствіи религіозныхъ принциповъ*, движетъ обществомъ и раскрываетъ (rétève) передъ низшимъ классомъ чувство его собственнаго достоинства. По мѣрѣ развитія своего ума работникъ будетъ все болѣе и болѣе революціонеромъ; онъ будетъ все болѣе и болѣе стремиться измѣнить всѣ основы нынѣшняго общественнаго быта».

«Безъ умственнаго полнаго равенства работа всегда будетъ для однихъ *привилегіей*, а для другихъ — *наказаніемъ*».

Я полагаю, что этихъ цитатъ достаточно для объясненія

къ чему стремится ученіе Прудона. Идеалъ очень ясенъ и положителенъ. И я думаю, что тѣ люди, которые говорятъ, что онъ только отрицатель геніальный, говорятъ это не потому, что его идеалъ *не ясенъ*, а потому, что онъ имъ кажется невозможнѣе всякаго другого идеала. Хотя всѣ въ Европѣ уступаютъ болѣе или менѣе всеобщему стремленію къ столь прославленной однообразной *простотѣ*, но здравый смыслъ и опытъ шепчутъ многимъ, что безъ разнородности и антитезъ нѣтъ ни организаціи, ни движенія, ни жизни вообще. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что Прудонъ строгій охранитель *семьи*, но семьи не какъ *таинства религіознаго*, а какъ нѣкоего рабочаго контракта, въ которомъ жена почти раба мужа. Эта черта въ немъ очень оригинальна среди всеобщей *снисходительности къ женщинамъ*.

Итакъ, о Прудонѣ мы кончили. Мы видимъ, что ему не претитъ нимало идеалъ крайней буржуазности и разсудочной простоты.

Послѣ Прудона, желающаго, подобно Базарову, чтобы всѣ люди «стали другъ на друга похожи, какъ березы въ рощѣ», я приведу мнѣніе Герцена, его современника и бывшаго даже чуть не единомышленникомъ Прудона до тѣхъ поръ, пока его *не ужаснула та прозаическая перспектива сведенія всѣхъ людей къ типу европейскаго буржуа и честнаго труженика, которая такъ восхищала Прудона.*

Герцену, какъ геніальному эстету 40-хъ годовъ, претилъ прежде всего самый образъ этой средней европейской фигуры въ цилиндрѣ и сюртучной парѣ, мелко-достойной, настойчивой, трудолюбивой, самодовольной, по-своему, пожалуй, и стоической и во многихъ случаяхъ несомнѣнно честной, но и въ груди не носящей другого идеала, кромѣ претворенія всѣхъ и вся въ нѣчто себѣ подобное и *съ виду даже неслыханно-прозаическое*, еще со временъ каменнаго періода.

Герценъ былъ настолько смѣлъ и благороденъ, что этой своей аристократической брезгливости не скрывалъ. И за это честь ему и слава. Онъ былъ спеціалистъ, такъ сказать, по части жизненной реальной эстетики, экспертъ по части

изящества и выразительности самой жизни (такъ, напримѣръ, ему въ лордѣ Байронѣ нравилась сама *жизнь его*, его вѣчныя скитанія по одичалымъ тогда странамъ Южной Европы, по Испаніи, Италіи, Греціи и Турціи; его молодечество, его тоска, его физическая сила въ упражненіяхъ, его капризная демагогія для демагогіи, а не для настоящей политики; его оригинальная ненависть къ своей отчизнѣ, которой онъ, однако, былъ естественнымъ продуктомъ съ ногъ до головы...).

Герценъ и Прудонъ шли сначала вмѣстѣ, но пути ихъ быстро и радикально разошлись.

Герценъ — самая лучшая антитеза Прудона.

Прудону до эстетики жизни нѣтъ дѣла; для Герцена эта эстетика — все!

Какъ скоро Герценъ увидалъ, что и самъ рабочій французскій, котораго онъ сначала такъ жалѣлъ и на котораго такъ надѣялся (для возбужденія новыхъ эстетическихъ вѣяній въ исторіи) — ничего большаго не желаетъ, какъ стать поскорѣе по-прудоновски самому *мелкимъ буржуа*, что въ душѣ этого рабочаго загадочнаго нѣтъ ужъ ровно ничего и что въ представленіяхъ ея ничего нѣтъ оригинальнаго и дѣйствительно *новаго*, такъ Герценъ остылъ и къ рабочему, и отвернулся отъ него, какъ и отъ всей Европы, и сталъ вѣрить больше послѣ этого въ Россію и ея оригинальное, не европейское и не буржуазное будущее.

Герценъ хотѣлъ *поэзіи* и силы въ человѣческихъ характерахъ. Того же хочетъ Дж. Ст. Милль; идеалъ Прудона, т.-е. всеобщая *буржуазная ассимиляція*, его ужасаетъ; но онъ предлагаетъ невозможное лѣкарство: *дерзкую оригинальность мыслителей*, т.-е. *своеобразіе* и *разнообразіе* мысли на соціальной почвѣ, среди общественной жизни, все болѣе и болѣе перестающей давать умамъ *разнообразныя* и *своеобразныя впечатлѣнія*.

Умственная оригинальность теперь въ Европѣ возможна только на четырехъ путяхъ: или 1) оригинальность и смѣлость *отчаянія въ будущности европейской* или, по крайней мѣрѣ, въ будущности собственной страны, какъ, напримѣръ,

у Ренана (смотр. Н. Н. Страхова: «Борьба съ Западомъ», т. I-ый) или у Прево—Парадоля**) («La France démocratique»); или 2) отчаяніе въ будущности *всего человѣчества*, какъ у послѣдователей Шопенгауера и Гартмана, замѣтимъ, что слова забытаго всѣми Шопенгауера, который писалъ и даже печаталъ свои произведенія еще *во время Гегеля*, возродились нынѣ въ странѣ (германской?) философіи,—что въ наше время *достаточной* буржуазной ассимиляціи и ученикъ его Эд. ф.-Гартманъ популяризировалъ это пессимистическое ученіе именно во времена повсемѣстнаго усиленія въ дѣйствительной жизни *эвдемоническаго* прогресса всесвѣтной демократіи; или 3) оригинальность европейской мысли должна искать себѣ какого-нибудь вдохновенія за предѣлами романо-германскаго общества, въ Россіи, у мусульманъ, въ Индіи, въ Китаѣ,—къ чему попытки бывали уже не разъ; или, наконецъ, 4) въ области *мистической* (спиритизмъ, медіумизмъ и т. п.; переходы въ православіе или въ иную не западную вѣру и т. д.).

III.

Послѣ Кабе, Прудона и Герцена обратимся къ англичанину Дж. Стюарту Миллю, который всего ждетъ отъ *своеобразія* и *разнообразія* людскихъ характеровъ, справедливо полагая, что при разнообразіи и глубинѣ характеровъ и произведенія ума, и дѣйствія людей бываютъ глубоки и сильны. Его книга «О свободѣ» именно съ этой прямой цѣлью и написана; ее бы слѣдовало назвать не «О свободѣ», а «О разнообразіи».

Милль сдѣлалъ это или изъ осторожности, полагая, что въ такомъ болѣе *обыкновенномъ* и простомъ названіи будетъ болѣе приманки современной рутинѣ, или онъ и самъ ошибся, считая необходимымъ условіемъ разнообразнаго развитія характеровъ *полную политическую* и *полную бы-*

**) Объ немъ будетъ еще кое-что позднѣе.

товую свободу; устраненія всѣхъ возможныхъ препятствій со стороны государства и общества. Какъ англичанинъ со стороны государства онъ спокоенъ; но нападаетъ на деспотизмъ общественнаго мнѣнія, на стремленіе нынѣшняго общества «*сдѣлать всѣхъ людей одинаковыми*».

«Общественное мнѣніе въ Англіи—это не что иное, какъ мнѣніе средняго класса», говоритъ онъ. «Въ Соединенныхъ Штатахъ это мнѣніе большинства всѣхъ людей *бѣлой кожи*; во всякомъ случаѣ большинство есть не что иное, какъ собирательная бездарность (une mediocrité collective)».

«Все великое», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «было въ исторіи сдѣлано *отдѣльными лицами* (великими людьми), а не толпою».

Эпиграфомъ своей книги онъ ставитъ ту же мысль о необходимости *разнообразія*, которую первый выразилъ Вильг. ф.-Гумбольдтъ въ давнымъ-давно забытой и почти неизвѣстной книгѣ: «*Опытъ опредѣлить границы вліянія государства на лицо*».

«Цѣль человѣчества», говоритъ В. ф.-Гумбольдтъ, «есть развитіе въ своей средѣ наибольшаго разнообразія. Для этого необходимы: свобода и *разнообразіе положеній*».

Книга В. ф.-Гумбольдта писана еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда государственное начало было вездѣ очень сильно (и въ рукахъ революціоннаго конвента еще сильнѣе, чѣмъ у монарховъ), и потому В. ф.-Гумбольдтъ боится, чтобы государство не задушило свободы лица развиваться своеобразно; а Дж. С. Милль гораздо больше боится общественнаго мнѣнія и общей современной рутины, чѣмъ государственнаго деспотизма. Въ этомъ онъ, конечно, правъ, но какъ мы ниже видимъ, продолжая, *какъ и всѣ* либералы, вѣрить въ *европейскій прогрессъ* и не понимая, что (для самой Европы, по крайней мѣрѣ) прогрессъ есть не что иное, какъ неизлѣчимая, предсмертная болѣзнь *вторичнаго смѣсительнаго упрощенія*, онъ изыскиваетъ для излѣченія вовсе не подходящія средства.

Будемъ продолжать выписки изъ его книги:

Заботы моралистовъ и многихъ честныхъ буржуа, за-

ботящихся *только о томъ*, чтобы народъ работалъ смирно и не пьянствовалъ, — эти заботы онъ зоветъ со злобой: «une marotte humanitaire de peu de conséquence».

Онъ приводитъ слова Токвилля о томъ, что «французы позднѣйшихъ поколѣній гораздо *больше похожи* другъ на друга, чѣмъ ихъ отцы и дѣды», и жалуется, что нынѣшніе англичане, по его мнѣнію, еще однообразнѣе французовъ.

И еще вотъ что говоритъ Милль объ Европѣ:

«Въ прежнее время въ Европѣ отдѣльныя лица, сословія, націи были чрезвычайно различны другъ отъ друга; они открыли себѣ множество разнообразныхъ, историческихъ путей, изъ коихъ каждый велъ къ чему-нибудь драгоцѣнному; и хотя во всѣ эпохи тѣ, кои шли разными путями, не обнаруживали терпимости другъ къ другу, хотя всѣ они сочли бы прекраснымъ сдѣлать всѣхъ другихъ насильно схожими съ самими собою, однако взаимныя усилія ихъ помѣшать чужому развитію рѣдко имѣли прочный успѣхъ, и каждый, въ свою очередь, вынужденъ былъ, наконецъ, воспользоваться благомъ, выработаннымъ другими. По-моему, Европа именно обязана этому богатству путей своимъ разнообразнымъ развитіемъ. Но она уже начинаетъ въ значительной степени утрачивать это свойство (преимущество). *Она рѣшительно стремится къ китайскому идеалу — сдѣлать всѣхъ одинаковыми*».

И далѣе:

«Условія, образующія различные классы общества и различныхъ людей и создающія ихъ характеры, съ каждымъ днемъ все становятся однообразнѣе.

«Встарину люди различныхъ званій, разныхъ областей, разныхъ ремеслъ и профессій жили, можно сказать, въ различныхъ мірахъ. Теперь они живутъ почти въ одномъ и томъ же мірѣ. Теперь, говоря сравнительно съ прежнимъ, они читаютъ одно и то же, слышатъ одно и то же, видятъ одинакія зрѣлища, ходятъ въ одни и тѣ же мѣста; ихъ страхъ и надежды обращены на одни и тѣ же предметы; права ихъ одинаковы; вольности и средства отстаивать ихъ одни и тѣ же. Какъ бы ни велики были еще различія

въ положеніяхъ, эти различія ничто передъ тѣмъ, что было прежде. И *«ассимиляція»* эта все растетъ и растетъ! Всѣ нынѣшніе политическіе перевороты благопріятствуютъ ей, ибо они стремятся возвысить низшіе классы и унизить высшіе. Всякое распространеніе образованности благопріятствуетъ ей, ибо эта образованность соединяетъ людей подъ одни и тѣ же впечатлѣнія и дѣлаетъ вседоступными *общій запасъ знаній и общечеловѣческихъ чувствъ*. Всѣ улучшенія путей сообщенія помогаютъ этому, ибо приводятъ въ соприкосновеніе жителей отдаленныхъ странъ. Всякое усиленіе торговли и промышленности помогаетъ этой *ассимиляціи*, разливая богатства и дѣлая многіе желанные предметы общедоступными. Но что всего сильнѣе дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи — это установленное вездѣ могущество общественнаго мнѣнія (т.-е., какъ выше было сказано — *мнѣніе собирательной бездарности*). Прежде различныя неровности и возвышенности соціальной почвы позволяли особамъ, скрытымъ за ними, презирать это общее мнѣніе; теперь все это понижается, и практическимъ дѣятелямъ и въ голову не приходитъ даже противиться общей волѣ, когда она извѣстна; такъ что для *неконформистовъ* нѣтъ никакой общественной поддержки. *Въ обществѣ нѣтъ уже и теперь независимыхъ властей, которыя могли принять подъ свой покровъ мнѣнія, противныя мнѣнію публики»*.

«Соединеніе всѣхъ этихъ причинъ образуетъ такую массу вліянія враждебнаго *человѣческому своеобразію*, что трудно вообразить себѣ, *какъ оно спасется отъ нихъ*. Если права на своеобразіе (индивидуальность) должны быть когда-либо предъявлены, — то время это *дѣлать теперь*, ибо ассимиляція еще не полна. *Когда же человѣчество сведется все къ одному типу, все, что будетъ уклоняться отъ этого типа, будетъ ему казаться безнравственнымъ и чудовищнымъ. Родъ людской, отвыкнувъ отъ зрѣлища жизненнаго разнообразія, утратитъ тогда всякую способность понимать и цѣнить его»*.

Какія же средства предлагаетъ Милль къ исправленію этого зла?

«Одно остается, — говоритъ онъ, — чтобы самые замѣчательные мыслители Европы были бы какъ можно смѣлѣе, оригинальнѣе и разнообразнѣе».

Возможно ли мыслителямъ быть оригинальными и разнородными тамъ, гдѣ *«почва» уже однородна и не нова?* Онъ доказалъ на себѣ, что это невозможно, являясь крайне оригинальнымъ, какъ отрицатель того, что ему въ прогрессѣ не нравится, именно *смѣсительныя упрощенія націй, сословій и людей*, онъ самъ становится очень дюжиннымъ человѣкомъ, когда пробуетъ быть положительнымъ и рисуетъ идеалы. Въ книгѣ своей «Le gouvernement représentatif» онъ является самымъ обыкновеннымъ конституціоналистомъ; предлагаетъ какіе-то ничтожные, новые оттѣнки, въ сущности опять-таки уравнивающаго свойства (напр., чтобы и меньшинство могло вліять на дѣла такъ же, какъ и большинство и т. п.); не выноситъ *идеи* самодержавія и клевещетъ, точно такъ же, какъ и Бокль, на великій вѣкъ Людовика XIV; не терпитъ и демократической грубости націй болѣе молодыхъ, какъ Америка или Греція, у которыхъ представители еще не совсѣмъ задохнулись отъ средне-джентльменскаго общественнаго мнѣнія и потому дерутся иногда въ палатѣ. Значитъ, самый обыкновенный, приличный «juste-milieu». Въ книгѣ «О правахъ женщинъ» онъ является тоже очень обыкновеннымъ человѣкомъ; хочетъ, чтобы женщина стала менѣе *оригинальной*, чѣмъ была до сихъ поръ, чтобы стала меньше женщиной, чтобы болѣе походила на мужчину. Хочетъ и картину семьи *упростить* и уравнять; только не сурово-буржуазно, какъ хочетъ этого Прудонъ, а съ нѣсколько нигилистическимъ, распущеннымъ характеромъ. Къ религіи вообще онъ относится сухо и нерѣдко враждебно, забывая, что ни конституція, ни семья, ни даже коммунизмъ безъ религіи не будетъ держаться; ибо англійская и американская конституціи выработались преимущественно отъ религіозныхъ вѣрованій и борьбы; и семья, безъ иконы въ углу, безъ пенатовъ у очага, безъ стиховъ Корана надъ входомъ — есть не что иное, какъ ужасная проза и даже «каторга» по замѣчанію Герцена.

Милль словно и не знаетъ того, что *общины*, которыя держались твердо и держатся до сихъ поръ: духоборцы, скопцы, монастырскія киновіи, анабаптисты, квакеры, мормоны — всѣ держатся *вѣрой* и *обрядомъ*, а не однимъ расчетомъ и практическимъ благонравіемъ. Общества же въ родѣ Нью Лапорка Овена разлетѣлись въ прахъ.

Въ своей политической экономіи Милль очень занимателенъ, но опять не столько тамъ, гдѣ онъ является *созидателемъ будущаго*, тамъ онъ осторожный лишь подражатель французскимъ соціалистамъ; а больше тамъ, гдѣ онъ, какъ простой и добросовѣстный наблюдатель изображаетъ *реальное положеніе* дѣлъ въ разныхъ странахъ; въ тѣхъ главахъ, гдѣ онъ говоритъ о фермерствѣ разнаго рода, о положеніи крестьянъ и характерѣ работниковъ въ разныхъ странахъ Европы и т. п. Къ тому же и тутъ, какъ и у всѣхъ либераловъ и прогрессистовъ, на знамени стоитъ «*благоденствіе*» и больше ничего. Есть, однако, и тутъ у него одно мѣсто, которое, дѣйствительно, очень оригинально и смѣло въ книгѣ, заботящейся объ агрономіи. Это то, гдѣ Милль уговариваетъ людей перестать слишкомъ тѣсниться и *слишкомъ заселять и обрабатывать землю*...

«Когда послѣдній дикій звѣрь исчезнетъ, — говоритъ онъ, — когда не останется ни однаго дикаго, свободнаго лѣса — пропадетъ *вся глубина человѣческаго ума;* ибо не подобаетъ человѣку быть постоянно въ обществѣ ему подобныхъ, и люди извлекли давно уже всю пользу, которую можно было извлечь изъ тѣсноты и частыхъ сообщеній».

Но какъ же *при мирномъ прогрессѣ безъ паденія и разгрома слишкомъ старыхъ цивилизацій остановить бѣшенство безплодныхъ сообщеній*, которое овладѣло европейцами; какъ утишить это воспалительное, горячечное кровообращеніе дорогъ, телеграфовъ, пароходовъ, агрономическихъ завоеваній, утилитарныхъ путешествій и т. п.? Средство одно — *желать*, чтобы прогрессъ продолжалъ скорѣе свое органическое развитіе и *чтобы воспаленіе перешло въ нарывъ, изъязвленіе или антоновъ огонь и смерть, прежде чѣмъ успѣетъ болѣзнь привиться всѣмъ племенамъ земного шара!*

А Милль говоритъ тамъ и сямъ, что *въ прогрессъ нельзя не вѣрить*. И мы, правда, вѣримъ въ него; нельзя не вѣрить въ воспаленіе, когда *пульсъ и жаръ, и даже движенія судорогъ сильны, и самъ человѣкъ слабъ*...

Послѣ этого прекраснаго замѣчанія Милля противъ заселенія и обработки земного шара намъ будетъ легко перейти къ Рилю, нѣмецкому публицисту, который думаетъ о томъ же ужъ не мимоходомъ, а цѣлыми такими книгами, какъ «*Land und Leute*».

Я не имѣю подъ рукой теперь ни самой книги Риля, ни чьей-нибудь статьи объ этомъ сочиненіи; и потому все, что я скажу объ немъ *на память*, будетъ вѣрно только въ общихъ чертахъ. Въ книгѣ «Land und Leute» Риль жалуется, что *въ средней Германіи умы, характеры и, вообще говоря, люди измельчали и какъ-то смѣшались во что-то неопредѣленное и безцвѣтное;* произошло это отъ многолюдства, тѣсноты, множества городовъ, удобства сообщеній и т. п. Онъ придаетъ большое значеніе *лѣсу, степнымъ пространствамъ, горамъ*, однимъ словомъ всему тому, что нѣсколько обособляетъ людей, удаляетъ ихъ другъ отъ друга и препятствуетъ смѣшенію *въ одномъ общемъ типѣ*. Только крайній сѣверъ Германіи и крайній югъ ея, по мнѣнію Риля, имѣютъ еще нѣкоторую глубину духа (*имѣли*, вѣроятно, и едва ли имѣть будутъ надолго, «*претвореніе всего въ одно— идетъ и идетъ впередъ*» — какъ выразился съ ужасомъ Милль) На югѣ есть высокія горы и большіе лѣса, — говоритъ онъ, — и потому люди еще не совсѣмъ стали похожи на людей средней Германіи. У нихъ есть еще глубина духа, даровитость и своеобразіе. Въ средней Германіи—только въ *при*рейнскихъ виноградникахъ, а не въ городахъ есть у людей что-то свое (*кажется*, — онъ говоритъ, — *особый* юморъ, или особая веселость).

Боюсь, чтобы кто-нибудь не принялъ этотъ вопросъ за *политическую* децентрализацію!

К. Аксаковъ (кажется) жаловался на то, что сѣверо-американцы всѣ до одного *отравились политическимъ принципомъ, приняли слишкомъ много государственности внутрь.*

Есть теперь и русскіе такого рода въ обиліи. Боюсь, чтобы кто-нибудь не подумалъ съ либеральной невинностью, что стоитъ только на Кавказѣ или въ Туркестанѣ завести земскія учрежденія и ограничить власть губернаторовъ, чтобы эта *глубина духа* явилась тотчасъ же. Но Риль говоритъ *о своеобразіи*, а не *о своевластіи*, или о самоуправленіи!

Земскія учрежденія могутъ быть и полезны и хороши, но если будетъ у насъ глубина духа и даровитость, то вовсе не отъ нихъ, а отъ иныхъ, болѣе серьезныхъ причинъ. Г. Кошелевъ, говорятъ, напримѣръ, былъ полезный дѣятель земскихъ учрежденій, но глубины въ его статьяхъ нѣтъ никакой; все дно видно, и премелкое дно! Напримѣръ, въ статьѣ, напечатанной въ «Бесѣдѣ», «Что намъ нужно?» (Совсѣмъ не то нужно, г. Кошелевъ; нужна *правда*, но больше *философская, чѣмъ юридическая;* юридическая правда не излѣчитъ насъ отъ европеизма!).

Риль въ этомъ случаѣ думалъ о своеобразіи провинціальной жизни потому, что смѣшеніе и *упрощеніе* людей средней Германіи въ одномъ общемъ и мелкомъ типѣ ему такъ же не нравится, какъ не нравится Миллю всеобщее индивидуальное *упрощеніе* Англіи и континентальной Европы. Риль заботится не только о своеобразіи и бытовой отдѣльности провинцій; онъ заботится точно такъ же и объ *отдѣльности и своеобразіи сословій.* Очень ясно это изложено у него въ книгѣ его «Четвертое сословіе, или пролетаріатъ». Въ этой книгѣ онъ даже приводитъ злорадно мнѣніе нѣмецкихъ крестьянъ о желѣзныхъ дорогахъ; онъ увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они смотрятъ на нихъ, какъ на новый видъ Вавилонскаго столпотворенія, на пагубное смѣшеніе языковъ, и *дерзаетъ даже видимо сочувствовать имъ.* Быть можетъ были такіе крестьяне въ то время, когда онъ писалъ свою книгу (я не знаю, когда она вышла); но я недавно видѣлъ уже и на утесахъ живописнаго Зёммеринга *крестьянъ въ цилиндрахъ, ждущихъ поѣзда, съ зонтиками подъ мышкой.*

Дж. Ст. Милль предлагаетъ средство невозможное и не-

пригодное — своеобразіе и разнообразіе европейской мысли безъ разнообразія и своеобразія европейской жизни.

Риль съ этой же цѣлью совѣтуетъ какъ бы нѣчто лучшее по возможности долгое сохраненіе *старыхъ общественныхъ группъ и слоевъ;* предостерегаетъ отъ дальнѣйшаго смѣшенія. Дѣйствительно только при этомъ условіи возможно нѣкоторое подобіе того, о чемъ заботится и сокрушается Милль; но, во-1-хъ, Риль сынъ своего народа и своего вѣка; онъ не въ силахъ уже итти дальше *простого охраненія стараго,* имѣющагося налицо. Оттѣнки группъ Сѣверной Пруссіи, Баваріи, Тироля, Рейна и т. п. — все это больше и больше сглаживается; а *совершенно новыхъ,* по глубоко раздѣленныхъ группъ и слоевъ онъ не можетъ себѣ вообразить и не трудится. И по отношенію къ Западу и своей отчизнѣ онъ правъ. *На старой почвѣ,* безъ *новаго племеннаго прилива* или безъ *новой мистической религіи,* это невозможно.

Когда на развалинахъ Рима и Эллады образовались новые культурные міры Византіи и Западной Европы, то, во-1-хъ, въ основаніи легла *новая мистическая религія;* во-2-хъ, предшествовало этому могучее *племенное* передвиженіе (переселеніе народовъ) — на Востокѣ, для образованія Византіи — меньше, на Западѣ — больше; и въ-3-хъ, *образованіе новаго культурнаго центра*—Византіи на Босфорѣ. *Христіанство, новая религія для всѣхъ,* для Востока и Запада; для Запада — *центръ старый,* но обновленный иноземнымъ *племеннымъ* приливомъ; для Востока — племя старое, греческое, гораздо менѣе обновленное иноземцами, но отдохнувшее, такъ сказать, въ долгомъ застоѣ идей, и центръ *совершенно новый* — Византія.

Ничего подобнаго въ Европѣ Западной нѣтъ и пока не предвидится.

Риль поэтому правъ вообще, что нужны пестрыя группы какъ для образованія *особыхъ, общихъ, крѣпкихъ типовъ, однородныхъ въ каждой группѣ,* отдѣльно взятой, *своеобразныхъ при сопоставленіи* съ другими группами и слоями; такъ и для богатой формаціи отдѣльныхъ типовъ и для содер-

жательности самихъ произведеній ума и фантазіи. Такъ, если примѣръ, *монахъ*, похожій на другихъ людей *своей* сословной группы, на монаховъ, становится очень оригиналенъ, какъ только мы его сравнимъ съ членомъ другой, довольно однородной въ самой себѣ сословной группы, положимъ, съ солдатомъ; такъ *малороссъ*, сохранившій всѣ главныя психическія и бытовыя черты своей *провинціальной* или этнологической группы, не особенно оригинальный у себя дома, чрезвычайно оригиналенъ, если его сравнить съ *великороссомъ-крестьяниномъ*, представителемъ другой мѣстной группы и т. д.

Типъ, смѣшанный изъ двухъ равно крѣпкихъ, *имѣвшихъ время устояться* типовъ, выходитъ нерѣдко въ своемъ родѣ прекрасный. Таковы, напримѣръ, выходившіе прежде у насъ хорошіе *монахи* изъ старыхъ *солдатъ*. Таковы бывали у насъ же дворяне, генералы изъ мужиковъ, поповичей или простыхъ казаковъ: старый Скобелевъ, Котляревскій, графъ Евдокимовъ; или даже генералиссимусы изъ московскихъ пирожниковъ, подобно Меньщикову. Таковъ былъ Наполеонъ I изъ семьи бѣдныхъ, *закоснѣлыхъ корсиканскихъ дворянъ*.

Чѣмъ блѣднѣе будетъ цвѣта составныхъ частей, тѣмъ ничтожнѣе и сѣрѣе будетъ и сложный изъ этихъ цвѣтовъ психическій рисунокъ; чѣмъ *отдѣльнѣе* будутъ соціальные слои и группы, чѣмъ ихъ обособленные цвѣта гуще, или ярче, чѣмъ ихъ психическій строй тверже (т.-е. обособленнѣе), чѣмъ неподатливѣе на чужое вліяніе, — тѣмъ и выше и больше будетъ случайный, *вырвавшійся* изъ этихъ группъ и прорвавшій эти слои, сложный психическій или вообще историческій продуктъ. (Напримѣръ, Лютеръ изъ католичества.) Это и бываетъ, замѣтимъ, *въ первые года скораго смѣшенія;* напримѣръ, такъ было во Франціи отъ 80-хъ годовъ XV столѣтія, до 40-хъ годовъ нашего вѣка. Вліянія старыхъ группъ и слоевъ еще не погибли, требованія новыхъ идей и стремленій заявили себя съ необычайно бурной силой. Смѣшеніе насильственное произошло и дало сначала трагическихъ героевъ террора, потомъ На-

полеона и его генераловъ: Ж. де-Мэстра, Шатобріана, Беранже и т. д... Смѣшеніе продолжалось; цвѣта обособляющіе стерлись еще болѣе; всѣ примирились, притерлись и выцвѣли.

Какъ же быть, чтобы *посредствомъ* или сохранившихся, или образовавшихся рилевскихъ группъ достичь того, чего бы желали Герценъ и Милль—силы и своеобразія характеровъ?

Нужно, чтобы дальнѣйшая жизнь привела общество къ меньшей *подвижности;* нужно, чтобы смѣшеніе, ассимиляція сама собой постепенно пріутихла. Другого исхода нѣтъ, не только для Запада, но и для Россіи и для всего человѣчества.

Посмотримъ, что говоритъ *Гизо.* Лучшимъ источникомъ можетъ служить его лекціи «О цивилизаціи въ Европѣ и во Франціи». Въ нихъ съ наибольшей ясностью и силой выразился его духъ.

Во-1-хъ, какъ онъ опредѣляетъ цивилизацію? «Цивилизація, говоритъ онъ, состоитъ изъ двухъ моментовъ; изъ: 1) *развитія лица,* индивидуума, личности въ человѣкѣ и 2) *развитія общества.* Идея, которая, какъ мы доказали на основаніи естественныхъ наукъ, несовмѣстима со вторичнымъ старческимъ смѣшеніемъ и упрощеніемъ, съ безцвѣтностью лица и съ простотою общества. Высшее развитіе по-нашему (т.-е. по фактамъ естествовѣдѣнія) состоитъ изъ наибольшей сложности съ наибольшимъ единствомъ. (Замѣчательно, что съ этимъ опредѣленіемъ идеи развитія въ природѣ вещественной соотвѣтствуетъ и основная мысль эстетики: единство въ разнообразіи, такъ называемая *гармонія,* въ сущности не только не исключающая антитезъ и борьбы, и страданій, но даже требующая ихъ.) Поэтому высшая степень цивилизаціи, если только мысль Гизо совпадаетъ съ нашей, должна бы состоять изъ *подчиненія весьма разнообразныхъ, сложныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ, недѣлимыхъ*—весьма мудрому, глубокому (т.-е. сложно задуманному или инстинктивно уловленному и все-таки сложночувствуемому) *общественному строю.* Изъ разныхъ опредѣ-

леній и картинъ, которыя онъ предлагаетъ въ 1-ой части своего труда «О цивилизаціи», мы видимъ, что онъ очень далекъ отъ боклевской наивности. Онъ находилъ, напримѣръ, что *общество нынче развито и сильно*, но жаловался, что *лицо современное нѣсколько слабо* (наши *нигилисты?* разрушители?)

Гизо вѣрилъ ошибочно въ прочность буржуазнаго порядка дѣлъ, котораго онъ былъ волею и неволею представитель, и потому думалъ, что общество современное, его вліяніе и власть, прочно и сильно. 48-й годъ доказалъ ему его *ошибку* насчетъ *общества*; и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ, *что лицо стало ничтожнѣе*. Кто же станетъ сравнивать революціонеровъ 48-го года съ революціонерами 89 и 93 годовъ XVIII вѣка. Аристократизмъ реставраціи со знатью прошлаго вѣка въ Европѣ! Теперешнее положеніе дѣлъ во Франціи подтверждаетъ то же еще сильнѣе, т.-е. что *прогрессъ Франціи не есть развитіе*, не есть *пышность въ единствѣ*; а есть *простота однообразія въ разложеніи. Ничтожныя лица, полинялые люди, поверхностные, не сложные, имѣющіе въ себѣ мало рессурсовъ*, стремятся растерзать общество безсильное, уже весьма упрощенное противъ прежняго своимъ уставомъ, своей организаціей.

Есть еще другая идея въ книгѣ Гизо, очень важная и намъ крайне пригодная. Онъ первый замѣтилъ, что Франція имѣетъ въ средѣ другихъ государствъ и народностей Запада ту особенность, что у нея *яснѣе* и *опредѣленнѣе* вырабатывались одно за другимъ *тѣ начала*, или тѣ элементы, которые болѣе запутанно и смутно проявлялись у Германіи, Англіи и т. д. Поочередно во Франціи и съ величайшей *силой* и *ясностью* царствуютъ *церковь, дворянство, король* и, наконецъ, *буржуазія*. У другихъ народовъ все это дѣйствуетъ смутнѣе и смѣшаннѣе, и потому дѣйствительно правы тѣ, которые думаютъ, что, зная хорошо исторію Франціи, можно уже имѣть понятіе объ исторіи всего Запада и, зная хорошо исторію одной Германіи или одной Испаніи— Европы знать не будешь, и даже и эти частныя исторіи поймешь смутнѣе, чѣмъ понялъ бы ихъ тогда, когда сталъ бы

читать ихъ послѣ знакомства съ ясной и рѣзкой исторіей Франціи. Послѣдствія оправдали Гизо; теперь хочетъ царствовать *работникъ*; и кто же вѣритъ въ прочность нынѣшней якобинской республики; она должна выйти гнилѣе 2-ой имперіи, и за ней послѣдовать должно или ужасное разореніе, или торжество чрезмѣрной простоты *уставовъ* и *быта;* гніеніе или окостенѣніе; насильственная смерть или постепенное обращеніе во *вторичную простоту скелета, обрубленнаго бревна, высушеннаго въ книгѣ растенія* и т. п.

Мы сказали, что во Франціи царствовали поочередно: церковь, дворянство, король, среднее сословіе, и теперь хочетъ царствовать *работникъ*. Надъ чѣмъ же онъ сталъ бы царствовать въ коммунистической республикѣ, если-бы этотъ идеалъ осуществился хотя бы и не надолго? Конечно *надъ самимъ же собой;* всѣ болѣе или менѣе работники. Нѣтъ церкви; нѣтъ дворянства; нѣтъ государя; нѣтъ даже большого капитала. Всѣ надъ всѣми; или, какъ уже не разъ говорили: *воля всѣхъ надъ каждымъ*.

Чего же проще, если бы это могло устоять? Гизо, мы сказали, не желалъ такого рода упрощенія, онъ былъ не демократъ въ политикѣ и не реалистъ въ философіи; онъ былъ аристократъ въ политикѣ и христіанинъ въ чувствахъ. Сверхъ того Гизо одаренъ высокимъ классическимъ (т.-е. латино-греческимъ) образованіемъ. Буржуазію и капиталъ онъ поддерживалъ только по необходимости, потому что у него не было другого лучшаго охранительнаго начала подъ рукою во Франціи; онъ завидовалъ Англіи, у которой еще есть лорды. Итакъ, хотя онъ ничего не писалъ *прямо* о смѣшеніи, ничего не говорилъ объ этомъ яснаго, однако и его сочиненія и сама политическая роль его подтверждаютъ наше мнѣніе, что Франція смѣшиваясь принижается, а за нею и вся Европа.

Гизо въ своемъ сочиненіи «Исторія цивилизаціи въ Европѣ и во Франціи» приближается несомнѣнно скорѣе къ такимъ мыслителямъ, какъ Дж. Ст. Милль, В. ф.-Гумбольдтъ и Риль, чѣмъ къ умѣреннымъ либераламъ и т. п. Онъ не говоритъ прямо, какъ двое первыхъ писателей, что цѣль

человѣчества есть наибольшее разнообразіе личныхъ характеровъ и общественныхъ положеній; и не сокрушается, подобно Рилю, объ уничтоженіи разнородности общественныхъ, провинціальныхъ и сословныхъ группъ; но онъ гораздо больше говоритъ о *развитіи*, чѣмъ о *благоденствіи* и *равенствѣ*. Не давая себѣ труда разъяснить спеціально, что именно значитъ слово *развитіе* и чѣмъ оно въ исторіи обусловливается, Гизо (уже въ концѣ 20-хъ годовъ) понималъ, однако, это слово правильно и, вѣроятно, думалъ, что и слушатели его лекцій и читатели его книги, изъ этихъ лекцій составленной, тоже его понимаютъ. Что сложность и разнообразіе, примиренные въ чемъ-то высшемъ, есть сущность и высшій пунктъ развитія (а слѣдовательно и цивилизаціи), это видно, между прочимъ, и изъ того, что, сравнивая античную греко-римскую культуру съ европейской, Гизо говоритъ, что первая (греко-римская) была *проще*, однороднѣе, а послѣдняя *несравненно сложнѣе;* и, конечно, отдавая должную дань уваженія классическому міру, онъ все-таки считаетъ европейскую цивилизацію *высшей*. Значитъ, онъ слово развитіе понимаетъ какъ слѣдуетъ, въ смыслѣ усложненія началъ и формъ, а не въ смыслѣ стремленія къ благоденствію и простотѣ.

При этомъ сравненіи классической культуры съ европейской Гизо, по-моему, употребилъ одно только слово не совсѣмъ удачно; онъ говоритъ, что въ греко-римской культурѣ было больше *единства*, чѣмъ въ европейской; лучше бы было сказать больше *однородности* или меньше *разнородности*. Ибо единство было (и есть до сихъ поръ еще) и въ романо-германской культурѣ; сначала было всеобщее, высшее и сознательное единство въ папствѣ, единство какъ бы внѣшнее съ перваго взгляда, но которое однако обусловливалось *внутреннимъ*, *душевнымъ* согласіемъ всеобщей вѣры отъ Исландіи и Швеціи до Гибралтара и Сициліи; а потомъ, когда власть и вліяніе Церкви стали слабѣть, осталось большею частью безсознательное единство или сходство историческихъ судебъ, культурнаго стиля и приблизительное равновѣсіе государственнаго возраста

отдѣльныхъ государствъ. Однородности было въ романо-германскомъ мірѣ меньше, чѣмъ въ греко-римскомъ, содержаніе было богаче, и потому нужно было болѣе сильное религіозное чувство и болѣе могучая религіозная власть, чтобы это богатство удержать въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Замѣтимъ, впрочемъ, о Гизо двѣ вещи:

Во-1-хъ, Гизо читалъ свои лекціи въ 20-хъ годахъ и печаталъ свою книгу, вѣроятно, въ 30-хъ. Въ то время Европа только что начала отдыхать отъ страшной революціи и отъ войнъ имперіи; въ *конституцію* всѣ еще вѣрили совсѣмъ не такъ, какъ вѣрятъ, напримѣръ, въ нее многіе у насъ теперь въ Россіи; вѣрили тогда на Западѣ въ нее совсѣмъ въ другомъ смыслѣ и желали ее совсѣмъ съ другою цѣлью. У насъ *теперь* трудно допустить, чтобы опытный и умный человѣкъ могъ вѣрить въ ограниченіе власти государя совѣтомъ выбранныхъ адвокатовъ, капиталистовъ и профессоровъ, какъ въ нѣчто въ самомъ дѣлѣ прочное и само въ себѣ цѣль имѣющее; русскіе либералы, которые поспособнѣе, я думаю, не такъ ужъ наивны въ этомъ отношеніи, какъ могъ быть наивенъ даже и геніальный Гизо въ 30-хъ годахъ. Но во времена послѣдовавшей за вѣнскимъ конгрессомъ монархической, религіозной и аристократической реакціи конституція являлась идеаломъ умнѣйшихъ людей. *Эгалитарно-либеральный процессъ не обнаруживалъ еще всѣхъ горькихъ плодовъ своихъ*; и Гизо не могъ предугадать, что *демократическая* конституція есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ тому именно дальнѣйшему *смѣшенію*, котораго онъ, какъ тогдашній консерваторъ и какъ поклонникъ сложнаго и солиднаго развитія, желать, конечно, не могъ.

Другое мое замѣчаніе касается того, какъ Гизо понимаетъ *развитіе лица*. Въ его взглядахъ на это есть большая разница со взглядами Дж. Ст. Милля*).

Мнѣнія Гизо, благопріятныя сложному развитію лица, важны между прочимъ и потому, что онъ былъ не только

*) Пропускъ въ рукописи. *Ред.*

публицистомъ или ученымъ, но и дѣятельнымъ государственнымъ человѣкомъ; онъ сумѣлъ удержаться первымъ министромъ въ теченіе долгаго времени въ столь подвижной средѣ, какъ парижская среда его времени.

Дж. Ст. Милль и Гизо съ той точки зрѣнія государственно-культурной статики, о которой я говорю, взаимно дополняютъ другъ друга; первый яснѣе и разностороннѣе относится къ столь существенно важному вопросу о разнородности и оригинальности людей; второй рѣшительнѣе обращаетъ вниманіе наше на начало христіанскаго, или, вообще скажемъ, религіознаго *единства*, необходимаго для сохраненія тѣхъ культурно-государственныхъ типовъ, которые изъ этого единства произошли прямо или утвердились антагонистически, но все-таки и антагонизмомъ способствуя общей прочности.

Если эти два писателя (или вѣрнѣе сказать — тѣ двѣ книги, о которыхъ я говорю) дополняютъ другъ друга, то Риль подкрѣпляетъ ихъ мнѣнія съ другой стороны. Милль заботится о *силѣ* и *разнообразіи* характеровъ и положеній; Гизо спеціальнѣе занятъ христіанскимъ *единствомъ*, долженствующимъ удерживать всю эту общественную и личную пестроту въ опредѣленныхъ предѣлахъ; а Риль доказываетъ, что для разнородности характеровъ и для крѣпкой выработки ихъ нужно *обособленіе*, нужно *раздѣленіе общества* на *группы* и *слои*; и чѣмъ *рѣзче отдѣлены* эти группы и слои другъ отъ друга природой ли (горами, степью, лѣсомъ, моремъ и т. д.) или узаконеніями, обычаями и строемъ жизни своей, *тѣмъ нравственные* и *даже умственные* плоды подобнаго общественнаго строя будутъ богаче; и будутъ они богаче не вопреки неравномѣрному разлитію знаній, а *именно благодаря* этой неравномѣрности; благодаря разнородности взглядовъ, привычекъ, вкусовъ и нуждъ.

Опять то, что я говорилъ прежде: *знаніе и незнаніе — равносильныя условія для развитія* обществъ, лицъ, государствъ, искусствъ и даже самой науки; ибо и ученые должны же имѣть *разнообразный* матеріалъ для науки.

IV.

Кто-то изъ прежнихъ писателей нашихъ (если не ошибаюсь, К. С. Аксаковъ) замѣтилъ, что европейская исторія дѣлаетъ крутой поворотъ въ своемъ теченіи *ко второй* половинѣ *каждаго столѣтія*; быть можетъ это бывало и бываетъ вездѣ, но въ европейской исторіи это не только *намъ* субъективно замѣтнѣе, потому что извѣстнѣе, но и въ самомъ дѣлѣ an und für sich *объективно рѣзче*, ибо романо-германская цивилизація самая сложная, самая рѣзкая, самая самосознательная, самая выразительная изо всѣхъ прежде бывшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что случилось въ самое среднее *десятилѣтіе* нашего вѣка, т.-е. отъ 48 до 60-го года, или, если хотите, отъ 51 до 61-го. (Это небольшое колебаніе цыфръ, конечно, не важно.) *Первые соціалистическіе бунты* на Западѣ; строжайшая *охранительная реакція* императора Николая въ Россіи и усмиреніе его оружіемъ *племеннаго* возстанія въ Австро-Венгріи*). Начало 2-й имперіи во Франціи (51-го года); наша Восточная война (53—56). Воцареніе императора Александра II въ Россіи и короля Фридриха Вильгельма въ Пруссіи (оба эти монарха, каждый по-своему, позднѣе произвели въ Россіи и Германіи *вторичное смѣшеніе группъ и слоевъ соціальныхъ и политическихъ*). *Объединеніе Италіи* (59—60); черезъ это ослабленіе Франціи и Австріи; черезъ это новое усиленіе *либерализма* въ обѣихъ странахъ. Приготовленія къ шлезвигъ-гольштейнской племенной (т.-е. смѣсительной) войнѣ въ Германіи и къ либерально-эгалитарнымъ реформамъ въ Россіи. Въ 61-мъ году начало того и другого. Въ то же время начало междоусобной войны въ Америкѣ, кончившейся политическимъ *смѣшеніемъ*

*) Я доказывалъ не разъ, что *чисто племенныя движенія* нашего вѣка всѣ до одного приносятъ прямо или косвенно *либерально-эгалитарные плоды*; усиливаютъ лишь приниженіе стараго и неорганическое смѣшеніе съ другимъ тоже, пожалуй, не особенно новымъ. Напримѣръ, Польша и Россія въ 60-хъ годахъ.

южанъ съ сѣверянами, и соціальное уравненіе черныхъ съ бѣлыми. *Въ этотъ же промежутокъ времени, въ 59 и 60-хъ годахъ, дальній азіатскій Востокъ, Индія и Китай, какъ бы пробудясь отъ тысячилѣтняго отдыха своего*, заявили вновь права свои на участіе во всемірной исторіи; Индія *впервые* возстала; Китай вступилъ *впервые* въ нешуточную борьбу съ двумя передовыми націями Запада: съ Франціей и Англіей. Индія была усмирена; Китай былъ побѣжденъ. Но, кончено! И тотъ и другая уже вовлечены въ шумный и страшный потокъ всемірнаго смѣшенія, и мы, русскіе, съ нашими сѣро-европейскими, дрябло-буржуазными, подражательными идеалами, съ нашимъ пьянствомъ и безхарактерностью, съ нашимъ безвѣріемъ и умственной робостью сдѣлать какой-нибудь шагъ безпримѣрный на современномъ Западѣ, стоимъ теперь между этими двумя пробужденными азіатскими мірами, между *свирѣпо-государственнымъ исполиномъ* Китая и глубоко-*мистическимъ* чудищемъ Индіи съ одной стороны, а съ другой — около все разрастающейся гидры *коммунистическаго мятежа* на Западѣ, несомнѣнно уже теперь «гніющемъ», но тѣмъ болѣе заразительномъ и способномъ сокрушить еще многое предсмертными своими содроганіями...

Спасемся ли мы государственно и культурно? Заразимся ли мы столь несокрушимой въ духѣ своемъ китайской государственностью и могучимъ, мистическимъ настроеніемъ Индіи? Соединимъ ли мы эту китайскую государственность съ индійской религіозностью и, *подчиняя имъ европейскій соціализмъ*, сумѣемъ ли мы постепенно образовать *новыя общественныя прочныя группы* и разслоить общество на *новые горизонтальные слои* — или нѣтъ? Вотъ въ чемъ дѣло! Если же нѣтъ, то мы поставлены въ такое центральное положеніе именно только для того, чтобы, окончательно смѣшавши *всѣхъ и вся*, написать послѣднее «*мани-фекель-фаресъ!*» на зданіи всемірнаго государства...

Окончить исторію, погубивъ человѣчество; разлитіемъ всемірнаго равенства и распространеніемъ всемірной свободы сдѣлать жизнь человѣческую на земномъ шарѣ уже со-

всѣмъ невозможной. *Ибо ни новыхъ дикихъ племенъ, ни старыхъ уснувшихъ культурныхъ міровъ тогда уже на землѣ не будетъ.*

Группы и слои необходимы, но *они никогда и не уничтожались дотла;* а только перерождались, переходя изъ одной достаточно прочной формы, черезъ посредство формъ непрочныхъ и болѣе подвижныхъ, болѣе смѣшанныхъ, опять *въ новыя,* въ другія *болѣе прочныя* формы*).

Реальныя силы обществъ *всѣ до одной* неизбѣжны, неотвратимы, реально-безсмертны, такъ сказать. Но онѣ въ исторической борьбѣ своей — то доводятъ другъ друга попеременно до minimum'а власти и вліянія, то допускаютъ до высшаго преобладанія и до наибольшихъ захватовъ, смотря по времени и мѣсту.

Какія бы революціи ни происходили въ обществѣ, какія бы реформы ни дѣлали правительства — *все остается;* но является только въ иныхъ сочетаніяхъ силъ и перевѣса; больше ничего.

Разница въ томъ, что иныя сочетанія благопріятны для государственной прочности; другія для культурной производительности, третьи для того и другого вмѣстѣ, иныя же ни для того, ни для другого неблагопріятны. Такъ форма глубже разслоенная и разгруппированная и въ то же время достаточно сосредоточенная въ чемъ-нибудь общемъ и высшемъ — есть самая прочная и духовно производительная; а форма смѣшанная, уравненная и несосредоточенная — самая непрочная и духовно безплодная**).

Я сказалъ — *все остается;* но иначе сочетается. Я приводилъ примѣры и сказалъ между прочимъ, что даже и *рабство* никогда не уничтожалось вполнѣ и не только не уничтожится, но вѣроятно *вскорѣ возвратится* къ новымъ и, вѣроятно, *болѣе прочнымъ формамъ своимъ.*

Говоря это, я, конечно, преднамѣренно расширилъ понятіе этого слова «рабство». Иногда очень полезно расширять и сужать такимъ образомъ терминологію, ибо и

*) *Гизо:* „Община древняя и община феодальная".

**) *Прудонъ* о Соединенныхъ Штатахъ.

она отъ привычнаго и частаго употребленія перестаетъ дѣйствовать, какъ должно, на умъ нашъ. При такихъ мысленныхъ *растяженіяхъ* открываются нерѣдко для ума вовсе неожиданныя перспективы. Рабство есть и теперь при капиталистическомъ устройствѣ обществъ; т.-е. есть порабощеніе голодающаго труда многовластному капиталу. Это говорили очень многіе и прежде меня, это выраженіе не ново. Говорили также не разъ, что *феодализмъ капитала* замѣнилъ собою *феодализмъ дворянства*.

Но насколько мнѣ кажется, что первое выраженіе удачно, т.-е *что есть и теперь рабство*, настолько приложеніе слова *феодализмъ* къ современному отношенію капитала и труда не совсѣмъ удачно.

Рабство есть; т.-е. есть сильная *невольная* зависимость рабочихъ людей отъ представителей подвижного капитала; *велика власть денегъ* у богатыхъ; и это такъ; но если сравнить прежнее положеніе дѣлъ хоть у насъ въ Россіи съ нынѣшнимъ, то мы увидимъ то же, что и вездѣ, гдѣ произошло сословное смѣшеніе, есть власть у богатыхъ; бѣдные зависятъ отъ нихъ. Но и власть денегъ не прочна, не узаконена крѣпко привилегіей, *слишкомъ подвижна;* и зависимость труда тоже *не прочна*, слишкомъ *подвижна*, не прикрѣплена ни закономъ, ни даже *свободнымъ правомъ* какого-нибудь *очень долгаго*, вѣчнаго контракта. Вопросъ — позволяетъ ли хоть бы нашъ русскій законъ наняться въ какую-либо 10—15-лѣтнюю кабалу? Не знаю. Я не юристъ. Но кажется — не позволяетъ. Пять лѣтъ — вотъ, если не ошибаюсь, законный срокъ.

Но я знаю, и всякій знаетъ, что либеральный, современный законъ не даетъ *свободы* человѣку бѣдному, очень молодому, напримѣръ, или безхарактерному, составляя договоръ съ богатымъ хозяиномъ дать послѣднему право тѣлеснаго надъ собой наказанія. Судъ не только не признаетъ такого договора, но, пожалуй, обвинительная власть начнетъ за это преслѣдовать хозяина.

Взгляните также не предубѣжденнымъ взглядомъ на жизнь какой-нибудь нынѣшней помѣщичьей усадьбы; луч-

ше всего на жизнь усадьбы, еще сохранившей прежняго помѣщика-дворянина. Большой домъ, дворъ, садъ, быть можетъ, и церковь даже; рядъ избъ на деревнѣ. Дворовые люди; слуги въ домѣ; крестьяне обработываютъ господское поле. Все-таки не помѣщикъ служитъ имъ, а они ему. Всѣ прежнія начала налицо; всѣ реальныя силы остались, но соотношенія ихъ измѣнились. *Родъ сочетанія этихъ силъ не такъ проченъ, какъ былъ прежде.* Все стало *подвижнѣе, ровнѣе и свободнѣе*... И вотъ все стало разрушаться — и тамъ и здѣсь; и у помѣщика въ области личной крупной недвижимости, удержанной на мѣстѣ уже не собственной силой, а только благодаря существованію сверхъ земли *подвижного капитала* или у самого дворянина, или въ банкѣ (опять-таки въ непрочной *ассоціаціи* подвижного капитала), и въ области труда, у крестьянъ. Разница, впрочемъ, та, что у помѣщика все лично, все индивидуально, все *свободно* и потому уже *все рѣшительно непрочно*; а у крестьянъ, у представителей труда — все движимое, деньги, одежда, скотъ — тоже непрочно, а только земля, въ которой онъ не властенъ, *не воленъ*, къ которой онъ *коммунистическимъ общиннымъ рабствомъ прикрѣпленъ*, — неподвижна и спасаетъ нѣсколько и его самого, и *еще* болѣе государственно-культурный строй самой Россіи. Люди, желающіе изъ личныхъ (капиталисты) и агрономическихъ соображеній уничтожить поземельную общину, при всей своей возможно *искренней благонамѣренности*, могутъ стать, если ихъ послушаютъ, болѣе вредными, чѣмъ самые отъявленные бунтовщики; ибо (да простятъ мнѣ эту правду члены Общества Сельскихъ Хозяевъ въ Москвѣ съ почтеннымъ предсѣдателемъ ихъ Іос. Ник. Шатиловымъ во главѣ) — ибо бунтовщики — недугъ острый и возбуждающій спасительную реакцію; а разрушители *общины поземельной*, наивно воображая, что все дѣло *въ обогащеніи лицъ*, разрушаютъ послѣднія *опоры*, послѣдніе остатки *прежней группировки, прежняго разслоенія* и прежняго *закрѣпощенія*, прежней малоподвижности, т.-е. уничтожаютъ одно изъ главныхъ условій и государственнаго единства нашего, и нашего на-

ціонально-культурнаго *обособленія*, и нѣкотораго внутренняго *разнороднаго* развитія, т.-е. однимъ ударомъ лишаютъ насъ и своеобразія, и разнообразія, и единства. Да, и *единства*, ибо демократическая конституція (высшая степень *капитализма* и какой-то вялой и безсильной подвижности) есть вѣдь ослабленіе *центральной власти*; а демократическая конституція тѣснѣйшимъ образомъ связана съ эгалитарнымъ *индивидуализмомъ*, доведеннымъ до конца. Она подкрадется неожиданно. Сдѣлайте у насъ конституцію — капиталисты сейчасъ разрушатъ поземельную общину; разрушьте общину — быстрое разстройство доведетъ насъ до окончательной либеральной глупости — до палаты представителей, т.-е. до господства банкировъ, адвокатовъ и землевладѣльцевъ не какъ *дворянъ* (это еще ничего), а опять-таки, какъ представителей такой *недвижимости*, которую очень легко обратить въ движимость когда угодно, ни у кого не спросясь и нигдѣ не встрѣчая препятствій.

Спасеніе не въ томъ, чтобы *усилить движеніе*, а въ томъ, чтобы какъ-нибудь *пріостановить его*; если бъ можно было найти законъ или средство *прикрѣпить дворянскія имѣнія*, то это было бы хорошо; не развинчивать *корпорацію* надо, а обратить вниманіе на то, что вездѣ прежнія болѣе или менѣе принудительныя (неподвижныя) корпораціи обратились въ слишкомъ свободныя (подвижныя) *ассоціаціи* и что это перерожденіе гибельно. Надо позаботиться не о томъ, чтобы крестьянъ освободить отъ прикрѣпленія ихъ къ мелкимъ участкамъ ихъ коммуны; а *дворянъ* (если мы хотимъ спасти это сословіе для культуры) самихъ насильно какъ-нибудь *прикрѣпить* къ ихъ крупной личной собственности.

V.

Здѣсь отъ вопроса о рабствѣ и прикрѣпленіи лицъ къ собственности полезно намъ будетъ перейти къ разбору взглядовъ одного западнаго писателя, о которомъ я еще не упоминалъ, именно Герб. Спенсера; а потомъ, въ заклю-

ченіе, упомянуть о противоположныхъ мнѣніяхъ двухъ современныхъ русскихъ людей, г. Дм. Голохвастова и г. Энгельгардта.

Герб. Спенсеръ былъ мнѣ вовсе не извѣстенъ, когда я писалъ въ 70 году свои статьи «Византизмъ и славянство».

Не считая себя обязаннымъ читать все, что пишется новаго на свѣтѣ, находя это не только безполезнымъ, но и крайне вреднымъ, я даже имѣю варварскую смѣлость надѣяться, что современемъ человѣчество дойдетъ *раціонально* и научно до того, до чего, говорятъ, Халифъ Омаръ дошелъ *эмпирически* и *мистически*, т.-е. до сожиганія большинства безцвѣтныхъ и не оригинальныхъ книгъ. Я ласкаю себя надеждой, что будутъ учреждены новыя общества для очищенія умственнаго воздуха, философско-эстетическая цензура, которая будетъ охотнѣе пропускать самую ужасную книгу (ограничивая лишь строго ея распространеніе), чѣмъ безцвѣтную и безхарактерную. Поэтому, а еще болѣе потому, что судя изъ попадавшихся мнѣ тамъ и сямъ въ газетахъ и журналахъ нашихъ отрывковъ о Г. Спенсерѣ, я считалъ его обыкновеннымъ либераломъ.

Недавно одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей, человѣкъ весьма ученый и умный, указалъ мнѣ именно на него какъ на болѣе всѣхъ другихъ писателей Запада ко мнѣ подходящаго во взглядахъ на сущность того, что иные зовутъ «прогрессъ», а другіе—«развитіе».

— Но (прибавилъ этотъ ученый другъ), несмотря на то, что Спенсеръ исходитъ вмѣстѣ съ вами изъ одной и той же точки и понимаетъ *настоящій* прогрессъ именно въ смыслѣ *разнообразнаго развитія*, у него этотъ эволюціонный процессъ является чѣмъ-то вѣчнымъ на землѣ безконечнымъ... Онъ изображаетъ, какъ развивается и растетъ общество, онъ называетъ *дифференцированіемъ* то, что вы въ статьѣ вашей «Византизмъ и славянство» зовете *соціальной морфологіей* и *обособленіемъ*. Но онъ не указываетъ на то, какъ *умираютъ эти общества*; а вы это дѣлаете, изображая предсмертный *процессъ смѣшенія* сложнаго во имя какой-нибудь *новой простоты идеала*.

Онъ далъ мнѣ книгу Спенсера «Научные политическіе и философскіе опыты», и я нашелъ дѣйствительно то, о чемъ говорилъ мнѣ мой пріятель, въ статьяхъ «Прогрессъ, его законы и причина» и «Соціальный организмъ». Сверхъ того, я пріобрѣлъ недавно и новую брошюру того же Спенсера «Грядущее рабство».

Изъ всѣхъ этихъ трехъ статей, спеціально касающихся до предмета моихъ размышленій, я убѣдился, что и рекомендовавшій ихъ мнѣ человѣкъ былъ правъ, утверждая, что мы со Спенсеромъ исходимъ изъ одинаковой мысли, и я былъ правъ, подозрѣвая заранѣе, что Спенсеръ все-таки *не что иное, какъ западный либералъ*. И то и другое правда.

Въ 1-ой статьѣ своей («Прогрессъ» и т. д.) Спенсеръ говоритъ вотъ что *):

Итакъ, скажу кратко, изъ всѣхъ приведенныхъ статей Спенсера явствуетъ, что онъ думаетъ только о *многосложности смѣшанной*, а не о *сложности, раздѣленной на слои и группы*. Его вѣрная и прекрасная мысль о соціальномъ *дифференцированіи* теряется потомъ въ чемъ-то неясномъ и слитомъ въ видѣ общечеловѣческаго или общеевропейскаго потока. Онъ все-таки остается *индивидуалистомъ*, т.-е. болѣе или менѣе эгалитарнымъ либераломъ. Онъ подобно В. ф.-Гумбольдту и Дж. Ст. Миллю ищетъ разнородности только *въ лицахъ* и не додумывается до того, что разнообразіе *лицъ* или *усиленіе особой личности* въ людяхъ обусловливается именно *отдѣльностью* соціальныхъ *группъ* и *слоевъ* съ *умѣренной* лишь *подвижностью по краямъ*. Нужно, конечно, нѣкоторое *общеніе*, нѣкоторая *возможность перехода* изъ группы въ группу и изъ слоя въ слой, неизбѣжно взаимодѣйствіе (то дружественность, то враждебность, то солидарность, то антагонизмъ) между этими группами и слоями; но смѣшеніе и взаимное проникновеніе содержимаго этихъ группъ и слоевъ есть не что иное, какъ близость *разложенія* **). На это есть прежде всего и психическія причины;

*) Пропускъ въ рукописи. *Ред*

**) Хаотическая разнородность — по Спенсеру (см. его Соціологія).

люди самые твердые по природѣ связываются мелкой сѣтью опутавшаго ихъ общества; они могутъ, быть можетъ, дѣлать меньше зла, но зато и добро высшаго порядка имъ уже не даютъ болѣе дѣлать обстоятельства*). Когда же есть группы, есть опоры; есть устойчивость *психическаго* типа, есть выработка *воли* и т. д., есть опредѣленные *идеалы*. Кто *простъ*, кто *не требователенъ*, *не геніаленъ*, кто *не смѣлъ*, *не даровитъ*, кто не носитъ въ личной натурѣ своей особыхъ залоговъ для безстрашной борьбы, тотъ остается въ своей *средѣ*, въ предѣлахъ своей *группы*, въ нѣдрахъ своего *слоя* и, не пытаясь выйти изъ нихъ ни вверхъ, ни внизъ, сохраняетъ и на всей внѣшней особѣ своей и во внутреннемъ строѣ души особенности болѣе общія, особенности группы: національной, провинціальной, сословной и т. д.; если соединить черты нѣсколькихъ изъ этихъ группъ, напримѣръ, одинъ человѣкъ: мусульманинъ, суннитъ, подданный султана, боснякъ (славянинъ), сараевскій *бей*; или другой человѣкъ: мусульманинъ, русскій подданный, татаринъ, казанецъ, торговецъ матеріями,—это будетъ уже большая разница. Это для натуръ обыкновенныхъ. А для натуръ особенныхъ—Ломоносовъ: 1) славянинъ, 2) православный, 3) русскій, 4) великороссъ, 5) архангельскій мужикъ и рыбакъ, 6) ученикъ Московскаго духовнаго училища, 7) германскій студентъ, 8) членъ Петербургской Академіи и т. д.; все вмѣстѣ произвело, при извѣстныхъ данныхъ *натуры*, великаго человѣка, который въ силахъ былъ *прорвать* въ ширь и вверхъ предѣлы своей *крѣпкой* крестьянской *группы* и своего слоя стѣсненнаго давленія *сверху*. Положимъ, что прорываютъ иногда такимъ же образомъ свои группы и слои и *Пугачевы*. Но при глубокомъ разслоеніи и при рѣзкой группировкѣ ихъ дѣйствія оканчиваются скоро неудачей, и цѣлое послѣ этого крѣпнетъ. А когда Мирабо (дворянинъ), Колло д'Эрбуа (актеръ), геніальный *разстрига* Талейранъ прорываютъ уже ослабѣвшія *перегородки*, то бываетъ иной результатъ. А при *большемъ смѣшеніи* ум-

*) *Гамбетта* и *Бисмаркъ*.

ственныхъ даровъ и *вообще натуры* нужно гораздо менѣе для окончательнаго разрушенія; нужна только въ зачинщикахъ отчаянная смѣлость нашихъ Желябовыхъ или нѣмцевъ Рейнедорфовъ.

VI.

Отъ рилевскаго взгляда на пользу *оригинальныхъ* и другъ отъ друга по возможности удаленныхъ общественныхъ группъ легко перейти къ ученію *о реальныхъ силахъ общества.*

Это до крайности простое въ своихъ основаніяхъ, но тѣмъ не менѣе поразительное ученіе должно бы одно само по себѣ нанести неисцѣлимый ударъ всѣмъ надеждамъ не только на полное однообразіе и безвластіе à la Прудонъ, но и на что бы то ни было приблизительное. *Реальныя силы* — это очень просто. Во всѣхъ государствахъ съ самаго начала исторической жизни и до сихъ поръ оказались *неизбѣжными нѣкоторые соціальные элементы*, которые разнородными взаимодѣйствіями своими, борьбой и соглашеніемъ, властью и подчиненіемъ опредѣляютъ характеръ исторіи того или другого народа. Элементы эти, или *вѣчныя* и вездѣсущія реальныя силы, слѣдующіе: *религія* или *Церковь* съ ея представителями; *государь* съ *войскомъ* и *чиновниками;* различныя *общины* (города, села и т. п.); *землевладѣніе;* подвижной *капиталъ; трудъ* и масса его представителей; *наука* съ ея дѣятелями и учрежденіями; *искусство* съ его представителями. Вотъ онѣ эти главныя реальныя силы обществъ; это дѣйствительно очень просто, и всякій *какъ будто* это знаетъ; но именно *какъ будто.* Тотъ только истинно и не безполезно знаетъ, у котораго хоть главныя черты знаемаго постоянно и почти безсознательно готовы въ умѣ при встрѣчѣ съ новыми частными явленіями и вопросами.

Это почти до грубости простое *напоминаніе* объ этихъ реальныхъ силахъ и объ неизбѣжности поперемѣннаго анта-

гонизма и временной солидарности между ними служитъ еще большимъ подкрѣпленіемъ такимъ взглядамъ, каковы взгляды выше упомянутыхъ защитниковъ разнообразія и раздѣленія на группы.

Если не ошибаюсь, Робертъ фонъ-Моль первый ясно и спеціально обратилъ вниманіе на эту старую истину, эмпирически всѣмъ извѣстную и смутно всѣми чуемую, кромѣ такихъ людей, которые, подобно Прудону и нѣкоторымъ анархистамъ, безумно и не научно, такъ сказать, вѣрятъ въ возможность безвластнаго, сплошного и однороднаго общества, долженствующаго своимъ земнымъ блаженствомъ «закончить» исторію или воспитаніе рода человѣческаго. Правда! *Жизнь* рода человѣческаго *на этой землѣ* — такое общество, осуществленное даже и приблизительно, можетъ поневолѣ *окончить;* погубить даже *физически* родъ людской оно, конечно, можетъ или посредствомъ размноженія и безумія изобрѣтеній, или посредствомъ тоски и скуки, равномѣрно распредѣленными въ борьбѣ съ мирными и мелкими, *уже ни въ какомъ случаѣ* неотвратимыми препятствіями. Но *остановиться* не только что навсегда, но даже и на короткое время не можетъ подобное общество, если бы даже оно и осуществилось когда-нибудь въ видѣ смѣшаннаго и однообразнаго всемірнаго государства.

Некому будетъ завоевывать ослабѣвшаго и черезъ мѣру демократизированнаго сосѣда, сосѣдей отдѣльныхъ не будетъ тогда; сами себя несомнѣнно и даже вполнѣ легально и весьма искусно выучатся уничтожать.

Образованіе естественныхъ органическихъ группъ и надавливающихъ взаимно другъ на друга слоевъ или классовъ и дѣйствіе другъ на друга реальныхъ этихъ, выше поименованныхъ силъ — неизбѣжно; оно было всегда и есть теперь. Но, во-1-хъ, распредѣленіе этихъ группъ и слоевъ, родъ ихъ соотношеній были и *суть* весьма различны въ различныхъ государствахъ и въ разныя эпохи; а, во-2-хъ, *степень ихъ* обособленности природой, бытомъ и закономъ не всегда и не вездѣ одинаково рѣзка; *подвижность* этихъ группъ и сила можетъ быть слишкомъ мала, или

слишкомъ велика, или *въ мѣру* сообразна со свойствами соціальнаго организма.

Государь или хоть слабое подобіе государя, т.-е. *одинъ* человѣкъ, облеченный извѣстной высшей властью, есть и былъ всегда и вездѣ. Конечно, есть большая разница между высокимъ положеніемъ китайскаго императора и ничтожной ролью президента Соединенныхъ Штатовъ; большая разница была между французскимъ самодержцемъ — «l'Etat-c'est moi» и дожемъ Венеціи; между временнымъ вождемъ народа въ греческихъ республикахъ и великимъ царемъ Персіи. Однако все-таки *одинъ* человѣкъ; въ Спартѣ, положимъ, было два царя безъ особой власти и въ Римѣ два консула, но въ этомъ отвращеніи отъ единовластія, въ этомъ двоевластіи видна наклонность все-таки къ сосредоточенію нѣкоторыхъ атрибутовъ власти на возможно меньшее количество лицъ: къ *централизаціи* власти... Римъ недолго устоялъ въ этомъ видѣ и перешелъ къ единовластію; и маленькая Спарта, быть можетъ, обошлась безъ диктаторовъ только благодаря жестокому деспотизму своего устройства, съ одной стороны коммунистическому, а съ другой, разслоенному аристократическому.

Великая разнородность, разумѣется, существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ подвижного капитала, труда и землевладѣнія въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена; но всегда эти противоположныя другъ другу и въ то же время другъ для друга необходимыя реальныя силы существовали одновременно и существовать будутъ. Точно также и зародыши того, что мы называемъ наукой, существовали всегда и существуютъ и теперь во многихъ мѣстахъ въ видѣ зачаточномъ. Конечно, трудно назвать наукой различныя *наблюденія* дикихъ и деревенскихъ простолюдиновъ; наблюденія метеорологическія, нравственныя, въ видѣ пословицъ и поговорокъ, но однако и въ этомъ же есть и нѣкотораго рода несовершенное *наведеніе* и какая-нибудь слабая *дедукція;* мужикъ *знаетъ*, что камень падаетъ внизъ; это, конечно, не ньютоновское знаніе, но все-таки *знаніе, наблюденіе;* это въ сферѣ знанія относится къ большому

знанію въ наукѣ такъ, напримѣръ, какъ власть дожа относилась къ власти Людовика XIV или власть американскаго президента къ власти русскаго государя.

Количественныя отношенія всѣхъ этихъ реальныхъ силъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя эпохи разныя, но совмѣстное существованіе ихъ повсемѣстно и вѣчно. Поэтому о полномъ уничтоженіи той или другой изъ этихъ силъ, или и почти всѣхъ, кромѣ труда и, можетъ быть, незначительной собственности (какъ, напримѣръ, хотѣлъ бы Прудонъ и какъ стараются сдѣлать теперь это на практикѣ анархисты всѣхъ странъ, коммунисты Парижа и наши русскіе нигилисты), невозможно и думать.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросы права, справедливости, законности относительно благоденствія, нравственности и т. д., вообще, не касаясь ни до чего, что не относится прямо къ соціальной *психомеханикѣ* (если можно такъ выразиться), мы, начиная съ глубочайшей древности и до сихъ поръ, видимъ одно: что ни мистическую религію (какую бы ни было), ни власть, ни капиталъ, ни трудъ, ни даже, если хотите, *само рабство*, ни науку, ни искусство, ни землевладѣніе, ни чиновниковъ (т.-е. исполнителей предписаній власти) нельзя никакъ вытравить изъ соціальнаго организма дотла. Можно только доводить каждую изъ этихъ силъ до наименьшаго или до наибольшаго ея проявленія. Такъ, напримѣръ: у прежнихъ венеціанцевъ и нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ исполнительная верховная власть (государь, президентъ, дожъ) доведена до минимума; въ древней Спартѣ землевладѣніе было крѣпко устроено, а подвижной капиталъ доведенъ до *наименьшей силы*. Въ Византіи и въ первоначальной церковно-феодальной Европѣ реальныя науки, которыя *къ концу* предыдущей греко-римской культуры стали было процвѣтать больше прежняго, были низведены до ничтожества; однако все-таки не вполнѣ уничтожены (были даже физико-химическія изобрѣтенія, напримѣръ, *греческій огонь*). Теперь, въ XIX вѣкѣ болѣе или менѣе вездѣ въ христіанскихъ государствахъ капитализмъ (или накопленіе подвижныхъ богатствъ) доведенъ до своего

максимума. И вотъ почти одновременно съ его воцаренія въ Европѣ, въ концѣ XVIII и въ началѣ нашего вѣка, явилась сильнѣйшая ему антитеза — первые *коммунистическіе порывы*, манифестъ Бабёфа и т. п., и съ этихъ поръ порывы эти все растутъ и растутъ и *будутъ расти неизбѣжно, пока не достигнутъ своего социально-статическаго предѣла;* т.-е. пока не ограничатъ надолго прямыми узаконеніями и всевозможными побочными вліяніями какъ *чрезмѣрную свободу разрастанія* подвижныхъ капиталовъ, такъ и другую, тоже чрезмѣрную *свободу обращенія* съ главной недвижимой собственностью — *съ землею;* т.-е. свободу, данную теперь всякому или почти всякому продавать и покупать, накоплять и дробить поземельную собственность. Коммунизмъ, думая достигнуть полнаго *равенства* и совершенной неподвижности путемъ предварительнаго разрушенія, долженъ неизбѣжно, путемъ борьбы своей съ капиталомъ и попеременныхъ побѣдъ и пораженій привести съ одной стороны дѣйствительно къ значительно меньшей экономической неравномѣрности, къ сравнительно бо́льшему противъ нынѣшняго *экономическому уравненію;* съ другой же, къ несравненно бо́льшему противъ теперешняго *неравенству юридическому;* ибо вся исторія XIX вѣка, освѣщенная съ этой стороны, и состояла именно въ томъ, что по мѣрѣ *возрастанія равенства гражданскаго, юридическаго и политическаго увеличивалось все больше и больше неравенство экономическое* и чѣмъ больше пріучается бѣдный нашего времени сознавать свои гражданскія права, тѣмъ громче протестуетъ онъ противъ чисто фактическаго властительства *капитала*, никакими преданіями, никакимъ мистическимъ началомъ не оправданнаго. Коммунизмъ въ своихъ буйныхъ стремленіяхъ къ идеалу *неподвижнаго равенства* долженъ рядомъ различныхъ сочетаній съ другими началами привести постепенно, съ одной стороны, *къ меньшей подвижности капитала и собственности*, съ другой — къ новому юридическому неравенству, къ новымъ привилегіямъ, къ стѣсненіямъ личной свободы и *принудительнымъ* корпоративнымъ *группамъ, законами рѣзко очерченнымъ; вѣроят-*

но даже къ новымъ формамъ личнаго рабства или закрѣпощенія (хотя бы косвеннаго, иначе названнаго... Монахи).

Нынѣшній *анархическій* коммунизмъ съ одной стороны есть не что иное, какъ все тотъ же *эгалитарный либерализмъ*, которому послужили столькіе умѣренные и легальные люди XIX вѣка, все то же требованіе неограниченныхъ ничѣмъ личныхъ правъ, все тотъ же индивидуализмъ, доведенный до абсурда и преступленія, до беззаконія и злодѣйства; а съ другой стороны *именно потому*, что онъ своимъ несомнѣннымъ успѣхомъ *дѣлаетъ дальнѣйшій эгалитарный либерализмъ не популярнымъ и даже невозможнымъ*, онъ есть необходимый роковой толчокъ или поводъ къ *новымъ* государственнымъ построеніямъ не *либеральнымъ* и не *уравнительнымъ*. Когда мы говоримъ — *не либеральнымъ*, мы говоримъ неизбѣжно тѣмъ же самымъ *не капиталистическимъ*, менѣе подвижнымъ въ экономической сферѣ построеніямъ; а самая неподвижная, самая отчужденная форма владѣнія есть безспорно богатая, большою землею владѣющая община, въ нѣдрахъ своихъ *не равноправная* относительно *лицъ*, ее составляющихъ *).

Вѣроятно къ этому и ведетъ исторія тѣхъ государствъ, которымъ предстоитъ еще цвѣсти, а не разрушаться.

Прочное землевладѣніе и *подвижной капитализмъ* находятся, какъ извѣстно, въ существенномъ антагонизмѣ; и утвержденное землевладѣніе сдерживаетъ метаніе туда и сюда капитала, обуздываетъ его, дѣлаетъ весь строй общественный *менѣе подвижнымъ* (а вслѣдствіе того и государство болѣе прочнымъ); преобладаніе подвижного капитала способствуетъ гибели *прочнаго землевладѣнія* (а вслѣдствіе того позднѣе и государства), ибо дѣлаетъ весь строй общественный *слишкомъ подвижнымъ*. Поэтому, воюя противъ подвижного капитала, стараясь ослабить его преобладаніе, *архилиберальные* коммунисты нашего времени ведутъ, сами того не зная, *къ уменьшенію подвижности* въ общественномъ строѣ; а уменьшеніе *подвижности* — значитъ

*) Аѳонъ и т д.

уменьшеніе личной свободы; гораздо большее противъ нынѣшняго ограниченіе *личныхъ правъ.* А разъ мы сказали уменьшеніе *личныхъ правъ*, мы сказали этимъ — *неравноправность*, ибо нельзя же понимать это въ смыслѣ *всеобщаго*, однообразнаго и равномѣрнаго уменьшенія правъ; это было бы опять то же равенство, это форма крайняго равенства — невозможная, по закону соціальной механики, и никогда и нигдѣ небывалая. Сказавши же *неравноправность* и *нѣкоторая неподвижность* (устойчивость), мы этимъ самымъ говоримъ: *сословія* горизонтальныя и *группы* вертикальныя (провинціи, общины, семьи, города) *неравномѣрно одаренныя свободой и властью.*

Если же анархисты и либеральные коммунисты, стремясь къ собственному *идеалу крайняго равенства* (который невозможенъ) своими собственными *методами необузданной свободы* личныхъ посягательствъ, должны рядомъ антитезъ привести общества, имѣющія еще жить и развиваться, къ большей неподвижности и весьма значительной *неравноправности*, то можно себѣ сказать вообще, что *соціализмъ, понятый какъ слѣдуетъ, есть не что иное, какъ новый феодализмъ*, уже вовсе недалекаго будущаго, разумѣя при этомъ слово *феодализмъ*, конечно, не въ тѣсномъ и спеціальномъ его значеніи романо-германскаго рыцарства или общественнаго строя, *именно времени этого рыцарства*, а въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ глубокой неравноправности классовъ и группъ, въ смыслѣ разнообразной децентрализаціи и группировки соціальныхъ силъ, объединенныхъ въ какомъ-нибудь живомъ центрѣ духовномъ или государственномъ; въ смыслѣ *новаго закрѣпощенія* лицъ *другими лицами и учрежденіями, подчиненіе однихъ общинъ другимъ общинамъ*, несравненно сильнѣйшимъ, или чѣмъ-нибудь облагороженнымъ (такъ, напримѣръ, какъ были подчинены у насъ въ старину *рабочія селенія монастырямъ*). *Теперь* коммунисты (и пожалуй соціалисты) являются въ видѣ самыхъ крайнихъ, до бунта и преступленій *въ принципѣ неограниченныхъ* либераловъ; ихъ *необходимо* казнить, но сколько бы мы ихъ не казнили, по нашей прямой и со-

временной обязанности, они, доводя либерально-эгалитарный принципъ въ лицѣ своемъ до его крайности, обнажая, такъ сказать, его во всей наготѣ его, служатъ безсознательную службу *реакціонной организаціи будущаго*. И въ этомъ, пожалуй, ихъ косвенная польза даже и *великая*. Я говорю только польза, а никакъ, конечно, *не заслуга*. Заслуга должна быть сознательная; польза бываетъ часто нечаянная и вполнѣ безсознательная. Пожаръ можетъ иногда принести ту пользу, что новое зданіе будетъ лучше и красивѣе прежняго; но нельзя же ставить это въ заслугу ни неосторожному жильцу, ни злонамѣренному поджигателю. Поджигателя можно повѣсить; неосторожному жильцу можно сдѣлать выговоръ и даже чѣмъ-нибудь тоже наказать его, но хвалить и награждать ихъ не за что. Такъ и въ этомъ соціальномъ вопросѣ. Крайнихъ либераловъ, положимъ, вѣшаютъ, но либераламъ умѣреннымъ (т.-е. неосторожнымъ поджигателямъ) еще готовы во многихъ странахъ ставить *памятники!* Это надо бы прекратить и это прекратится само собою.

VII.

Бросимъ еще разъ взглядъ нашъ назадъ на пройденное нами, съ изложенія прудоновскаго ученія объ эгалитарномъ прогрессѣ, или иначе о революціи, и до этихъ послѣднихъ строкъ о неотстранимости основныхъ реальныхъ силъ общества и до неизбѣжности новаго соціалистическаго *феодализма*.

У всѣхъ тѣхъ авторовъ, съ которыхъ я началъ мой обзоръ, у Bastiat, Абу, Бокля и Шлоссера, мы видимъ, что они ставятъ идеаломъ будущаго не рыцаря, не монаха, не воина, не священника, ни даже какого-нибудь дикаго и свѣжаго, нетронутаго никакой цивилизаціей человѣка (какъ ставилъ Тацитъ въ примѣръ германца, какъ ставила Византія и старая Московія святого монаха, какъ прежняя Европа ставила и то и другое, и монаха и рыцаря, заста-

вляя послѣдняго весьма рационально склоняться передъ первымъ, вещественную силу передъ духовной*) — нѣтъ, они всѣ ставятъ идеаломъ будущаго *нѣчто* самимъ себѣ, т.-е. этимъ авторамъ подобное—*европейскаго буржуа*. Нѣчто *среднее*; ни мужика, ни барина, ни воина, ни жреца, ни бретонца или баска, ни тирольца или черкеса, ни маркиза въ бархатѣ и перьяхъ, ни траписта во власяницѣ, ни прелата въ парчѣ... Нѣтъ, они вѣдь всѣ очень довольны тѣмъ мелкимъ и среднимъ культурнымъ типомъ, къ которому по положенію своему въ обществѣ и по образу жизни принадлежатъ они сами и къ которому желали бы для общаго незатѣйливаго достоинства свести и снизу и сверху окончательно весь міръ.

Мы видѣли, что эти люди прежде всего не знаютъ и не понимаютъ законовъ прекраснаго, ибо всегда и вездѣ именно этотъ средній типъ менѣе эстетиченъ, менѣе выразителенъ, менѣе интенсивно (т.-е. высоко) и экстенсивно (т.-е. широко) прекрасенъ, менѣе героиченъ, чѣмъ типы болѣе сложные или болѣе односторонне крайніе.

Объектировать себя самого какъ честнаго труженика и буржуа въ общій идеалъ грядущаго ни кабинетный ученый, ни вообще образованный человѣкъ средняго положенія и скромнаго образа жизни не долженъ; *это не научно именно потому, что оно не художественно.* Эстетическое мѣрило самое вѣрное, ибо оно *единственно общее* и ко всѣмъ обществамъ, ко всѣмъ религіямъ, ко всѣмъ эпохамъ приложимое. Что *полезно всѣмъ*—мы не знаемъ и никогда не не узнаемъ. Что у всѣхъ прекрасно, изящно или высоко—пора бы обучиться.

Скромнѣе, достойнѣе и умнѣе было бы со стороны Прудона и ему подобныхъ воскликнуть: «я ученый и честный буржуа, лично я доволенъ моей участью, моимъ среднимъ положеніемъ и моимъ среднимъ типомъ, но я вовсе не хочу для блага человѣчества, чтобы всѣ были на меня похожи, ибо это не эстетично и не государственно въ одно и то же время».

---

*) Бокль.

Мы видѣли, что всѣ эти авторы болѣе или менѣе не знаютъ или не хотятъ знать, что высшая эстетика есть въ то же самое время и самая высшая соціальная и политическая практика. Они забываютъ, что въ исторіи именно тѣ эпохи отличались наибольшей государственностью, силой и наилучшей соціальной статикой, въ которой и общественный строй отмѣчался наибольшимъ разнообразіемъ въ наисильнѣйшемъ единствѣ, и характеры человѣческіе въ эти именно эпохи вырабатывались сильнѣе и разнороднѣе, или съ односторонне выразительнымъ, или съ наипышнѣйшимъ, многостороннимъ содержаніемъ. Таковы эпохи Людовика XIV, Карла V, Елизаветы и Георга III въ Англіи; Екатерины II и Николая I у насъ.

Стремленіе къ *среднему типу* есть съ одной стороны стремленіе къ прозѣ, съ другой—къ разстройству общественному. Мы видѣли, что это стремленіе, внося вначалѣ въ общество дѣйствительно нѣчто новое, давая даже возможность на короткое время обществу выдѣлять изъ себя небывалые прежде характеры, невозможные при прежнемъ болѣе неподвижномъ и менѣе смѣщанномъ строѣ, новые и крайне сильные въ своей выразительности и вліяніи типы людскіе (Наполеоны, Гарибальди, Бисмарки и т. п.)—слишкомъ скоро изнуряетъ дотла психическіе запасы обществъ и дѣлаетъ ихъ неспособными къ долгому, послѣ этихъ порывовъ, существованію.

Всего этого въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нашего вѣка не могли еще понять самые способные и самые образованные люди, и даже до сихъ поръ едва ли многіе ясно сознаютъ, что въ этомъ-то и состоитъ самый основной, самый главный «вопросъ дня» — *въ смѣшеніи* или *несмѣшеніи, быть или не быть?* А всѣ остальные вопросы вытекаютъ только изъ этого основного *психомеханическаго* и *статико-соціальнаго вопроса.*

Мы видѣли, что Прудонъ въ этомъ смыслѣ *хуже,* такъ сказать, всѣхъ; онъ, какъ enfant terrible публицистики, да простятъ мнѣ это слишкомъ русское выраженіе, «ляпаетъ» прямо то, около чего чуть не на цыпочкахъ обходятъ, ко-

сясь боязливо, умѣренные либералы и прежде его писавшіе и въ его время, и послѣ него.

Итакъ, не только мои собственные доводы въ статьѣ «Византизмъ и славянство», но и всѣ приведенные мною здѣсь европейскіе публицисты, историки и соціологи почти съ математической точностью доказываютъ слѣдующее. во-1-хъ, что въ соціальныхъ организмахъ романо-германскаго міра уже открылся съ прошлаго столѣтія процессъ *вторичнаго смѣшенія*, ведущаго къ *однообразію*; во-2-хъ, что *однообразіе* лицъ, учрежденій, модъ, городовъ и вообще культурныхъ идеаловъ и формъ распространяется все болѣе и болѣе, сводя всѣхъ и все къ одному весьма простому, *среднему*, такъ называемому «буржуазному» типу западнаго европейца; и въ-3-хъ, что *смѣшеніе* болѣе противъ прежняго *однообразныхъ составныхъ частей* вмѣсто большей солидарности ведетъ къ разрушенію и смерти (государствъ, культуры).

Я понимаю, что мнѣ довольно основательно на первый взглядъ могутъ возразить вотъ что: первые два вывода вѣрны; существуетъ и даже господствуетъ въ романо-германской цивилизаціи этотъ идеалъ *буржуазной простоты* и *соціальнаго однообразія*, и *смѣшеніе* сословій, націй, религій, даже половъ, смѣшеніе, происшедшее прежде всего отъ *равноправности*,—способствуетъ этому однообразію, ускоряетъ это сліяніе всѣхъ цвѣтовъ во что-то неопредѣленное; но гдѣ же вѣрные признаки *окончательнаго паденія?* Гдѣ доказательства, что государства Запада должны скоро погибнуть?.. И какъ это они погибнутъ? *Не провалятся же всѣ люди, ихъ составляющіе*, сквозь землю? Не выселятся же они изъ Европы и т. д.

Вопросъ очень правильный; возраженіе необходимое, которое я самъ себѣ мысленно предлагалъ уже давно.

Въ статьѣ моей «Византизмъ и славянство» (писанной крайне *спѣшно* въ 73 году въ самомъ Константинополѣ подъ нравственнымъ давленіемъ церковной греко-славянской распри, которая на меня тогда, какъ на православнаго и русскаго человѣка, наводила духовный и гражданскій страхъ

за наше будущее)—въ этой статьѣ я сказалъ кратко и мимоходомъ: «романо-германскія государства могутъ слиться современемъ въ одну рабочую федеративную республику, какъ слились теперь въ большія государственныя группы отдѣльныя государства Италіи и Германіи, какъ гораздо раньше слились въ одну Испанію—Аррагонія, Кастилія, Андалузія, Астурія, какъ въ единой Франціи слились Наварра, Бургундія, Бретань»...

Я въ этой статьѣ говорилъ о томъ, что мы, русскіе, должны опасаться этого, должны страшиться, чтобы и насъ исторія не увлекла на этотъ антикультурный и отвратительный путь, говорилъ, что мы поэтому должны всячески стараться укрѣплять у себя внутреннюю дисциплину, если не хотимъ, чтобы событія застали насъ врасплохъ; что мы *не обязаны*, наконецъ, итти *во всемъ* за романо-германцами...

Я говорилъ тогда въ этомъ духѣ.

Здѣсь я прибавлю еще слѣдующее: общеевропейская рабочая республика, силы которой могутъ быть *временно* объединены подъ одной какой-нибудь могучей диктаторской рукою, можетъ быть (опять-таки очень не надолго) такъ сильна, что будетъ въ состояніи принудить и насъ принять ту же соціальную форму, втянуть и насъ «огнемъ и мечомъ» въ свою федерацію. А этотъ шансъ для истинно русскаго человѣка долженъ казаться ужаснымъ и глубоко постыднымъ.

Эта послѣдняя мысль моя, повидимому, совершенно противорѣчитъ мнѣ же самому, ибо доказываетъ, что Европа въ силѣ еще и имѣетъ все-таки какую-то *будущность*.

Но когда мы слово *будущность* прилагаемъ къ государственнымъ организмамъ и къ цѣлымъ культурнымъ мірамъ, то нельзя мѣрить жизнь такихъ организмовъ и міровъ *годами*, какъ жизнь организмовъ животныхъ. Эпохи геологическія считаются *тысячелѣтіями*; жизнь личная наша измѣряется *годами*; жизнь историческая тоже имѣетъ свое приблизительное мѣрило — *вѣкъ*, *полвѣка*...

Цыфры исторической хронологіи, которыя я привелъ въ главахъ моихъ «Прогрессъ и развитіе», могутъ *не всѣ* быть

одинаково доказательны и точны, но я думаю, изъ нихъ по крайней мѣрѣ ясно то, что болѣе 1200 лѣтъ не прожилъ въ своемъ извѣстномъ исторіи и опредѣленномъ видѣ ни одинъ государственный организмъ. Почему же Англія, Германія и Франція должны стать исключеніемъ? Онѣ уже прожили нѣсколько болѣе 1000 лѣтъ, если считать, какъ я считалъ, со времени Карла Великаго; а если брать (очень неосновательно) со времени паденія Западной Римской имперіи, то и еще больше...

Значитъ съ этой стороны шансы въ пользу разрушенія. Какія основанія въ прошедшемъ и настоящемъ имѣемъ мы для противоположныхъ надеждъ на небывалую долговѣчность этихъ западныхъ государствъ, кромѣ нашего вѣчнаго умственнаго рабства передъ ихъ идеями?..

Чѣмъ ближе начинаютъ подходить пріемы исторіи и соціологіи къ пріемамъ «естественныхъ» наукъ, тѣмъ менѣе публицисты и люди общественной практики имѣютъ право мечтать *о небываломъ*, невиданномъ и *несуществующемъ въ настоящемъ*; мечтать и надѣяться мы всѣ имѣемъ право, но только о чемъ-нибудь такомъ, чему *бывали сходные примѣры*, о чемъ-нибудь такомъ, что хотя бы и приблизительно да бывало или гдѣ-нибудь есть. Такимъ образомъ русскіе нашего времени, имѣя передъ собой еще неоконченный восточный вопросъ, имѣя возможность стать во главѣ нѣкоего новаго политическаго зданія, имѣютъ, такъ сказать, *умственное* право мечтать *объ оригинальной культурѣ*; оригинальныя культуры были, и даже вся исторія, какъ прекрасно развиваетъ г. Данилевскій въ своей книгѣ «Россія и Европа», состоитъ *лишь изъ смѣны культурныхъ типовъ*; изъ нихъ каждый имѣлъ свое назначеніе и оставилъ по себѣ особые неизгладимые слѣды...

Поэтому мечтать и заботиться объ оригинальной русской, славянской или ново-восточной культурѣ можно и позволительно даже *искать ее*. Позволительно и логично мечтать о государственной силѣ и славѣ, *ибо это бывало*; позволительно и логично желать для *дѣйствительной* жизни больше *поэзіи*, болѣе изящныхъ и красивыхъ *формъ* (на-

примѣръ: *въ одеждахъ, танцахъ, постройкахъ и т. д.*), ибо это бывало и кой-гдѣ (въ Азіи, напримѣръ) есть и до сихъ поръ. Позволительно надѣяться на глубокіе перевороты въ области философскаго мышленія, даже на отрицательное отношеніе къ нынѣшнему утилитаризму, ибо и подобные умственные перевороты, разрушительные для *прежней мысли*, созидающіе для *новаго общества*, бывали (напримѣръ, въ то время, когда христіанское духовенство разрушало языческіе храмы и вообще произведенія эллино-римской культуры, *мысль* царила другая; не та, что царила у язычниковъ). Все это возможно.

Но съ точки зрѣнія *умственной* непозволительно мечтать о всеобщей *правдѣ* на землѣ, о какой-то всеобщей мистической любви, никому ясно даже и непонятной, нельзя мечтать *о равномѣрномъ благоденствіи*. Даже въ главномъ теперешнемъ вопросѣ, въ вопросѣ соціально-экономическомъ, можно, *руководясь* примѣромъ прошлаго (а кой-гдѣ и настоящаго), ожидать образованія *новыхъ весьма принудительныхъ общественныхъ группъ, новыхъ горизонтальныхъ юридическихъ разслоеній, рабочихъ* весьма деспотическихъ и *внутри* вовсе не эгалитарныхъ *республикъ*, въ родѣ *мірскихъ монастырей;* узаконенія новыхъ *личныхъ*, сословныхъ и цеховыхъ привилегій; ибо все это бывало и все это не противорѣчитъ *въ основаніи ученію о реальныхъ силахъ*, отъ котораго соціальной наукѣ уже невозможно отказаться... Можно, не измѣняя наукѣ и здравому смыслу, доходить даже до такой мысли, что *вся земля* будетъ раздѣлена между *подобными общинами* и *личная* поземельная собственность будетъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь уничтожена, можно думать объ этой возможности и съ отвращеніемъ и съ пристрастіемъ, но каково бы ни было *чувство наше* при этой мысли, все равно оно имѣетъ за собой *правдоподобіе*; но не имѣютъ правдоподобія ни психологически, ни исторически, ни соціально, ни органически, ни космически—всеобщая равномѣрная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствіе. Эти всеобщія *блага* не имѣютъ даже и нравственнаго, моральнаго

правдоподобія: ибо высшая нравственность познается только въ лишеніяхъ, борьбѣ и опасностяхъ... Лишая *человѣка* возможности высокой личной нравственной борьбы—вы лишаете *все человѣчество* морали, лишаете его нравственнаго элемента жизни. Высшая степень общественнаго благоденствія *матеріальнаго* и высшая степень общей *политической* справедливости была бы высшая степень *безъ-нравственности* (я отдѣляю нарочно частицу *безъ*, чтобы мое слово не поняли въ обыкновенномъ смыслѣ разврата и мошенничествъ; я предполагаю, что не будетъ тогда ни разврата, ни добродѣтелей: первый не будетъ допущенъ, а вторая будетъ не нужна. Такъ какъ *всѣ равны*, и потому всѣ одинаковы).

Итакъ, на мѣстѣ стоять нельзя; дальше, по пути равенства и равномѣрной свободы итти — значитъ искать невозможнаго. А тотъ, кто ищетъ во что бы то ни стало невозможнаго, тотъ, конечно, рискуетъ погибнуть. А на Западѣ все усиливается анархія, кажется это нельзя отрицать, всѣ это знаютъ.

Что романскія страны пали, объ этомъ мало нынче спорятъ; но военная сила Германіи и могущество богатой Англіи еще ослѣпляютъ умы своимъ величіемъ.

Но все-таки, что же можетъ сдѣлаться съ этими націями? Куда же онѣ исчезнутъ? Мы бы больше вѣрили и въ нашу *восточную* будущность, если бы у насъ было хотя бы и ошибочное въ оттѣнкахъ и частностяхъ, но все-таки правдоподобное представленіе о томъ, *какимъ способомъ* эти государства могутъ погибнуть и *куда* могутъ исчезнуть эти могучіе народы!

Вотъ *какъ* и вотъ *куда:*

Во-1-хъ, есть книга Прево-Парадоля: «La France contemporaine или democratique», на которую здѣсь необходимо указать. Она издана была въ промежуткѣ двухъ войнъ 66-го и 70-го, послѣ пораженія Австро-Германіи одной Пруссіей и прежде разгрома Франціи. Неожиданные для большинства успѣхи прусскаго оружія навели этого умнаго и дальновиднаго писателя на печальныя мысли о судьбахъ его собствен-

ной родины, недавно еще столь блестящей и великой. Онъ предвидѣлъ не только то, чего послѣ 66-го года и люксембургскаго эпизода ожидать стали уже многіе, т.-е. скораго столкновенія Франціи съ Германіей, но и пророкалъ побѣду послѣдней. Онъ находилъ и тогда, что его соотчичей нечѣмъ болѣе воодушевить для истинно народной борьбы; наилучшими средствами для подобнаго воодушевленія онъ находитъ религію. «Dieu le veut!» — говоритъ онъ, — *понятно всѣмъ;* истинно государственныя соображенія *доступны очень немногимъ* по своей сложности; а чувство *чести*, которое можетъ, конечно, располагать исполнять свой долгъ, господствуетъ только въ войскѣ». Война 70-го года доказала очень скоро, какъ былъ правъ въ своихъ предчувствіяхъ Прево-Парадоль; и она не только оправдала его пророчества, но и превзошла ихъ своими мрачными для Франціи событіями.

Даже чувство чести въ арміи оказалось слабѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и тотчасъ же послѣ пріостановки внѣшней войны вспыхнуло еще, въ виду непріятеля, коммунистическое возстаніе.

Прево-Парадоль, несмотря на то, что онъ не предсказалъ ни сдачи Меца, ни седанскаго позора, ни кровавой борьбы буржуазіи съ коммуной (желающей только еще большаго *смѣшенія* и *однообразія* — и больше ничего), однако имѣлъ печальную смѣлость выразить, что политическое значеніе Франціи близится къ своему концу и что, въ виду возрастанія Германіи и Россіи, ей скоро придется быть чѣмъ-то въ родѣ такихъ державъ, какъ Португалія и ей подобныя. Великая держава можетъ безнаказанно оскорблять ихъ, нарушать по отношенію къ нимъ обычаи международнаго права и т. д. Что же дѣлать французамъ при такихъ условіяхъ?

— Переселяться постепенно въ Африку! — говоритъ Прево-Парадоль. Онъ, какъ французъ, конечно, надѣется при этомъ, что Парижъ останется еще надолго училищемъ вкуса и источникомъ модъ и обычаевъ для всего свѣта, но ему этого мало, и онъ справедливо съ точки зрѣнія своего

патріотизма не можетъ помириться съ мыслью о жалкомъ прозябаніи и духовномъ медленномъ вымираніи французскаго народа на прежнемъ мѣстѣ, видѣвшемъ столько величія и заслуженной славы. Такъ думаетъ этотъ искренній и прозорливый патріотъ, и событія видимо клонятся къ тому, чтобы и въ этомъ оправдать его. Уже и теперь, сознавая свое второстепенное значеніе въ Европѣ, понимая, что *все теперь* въ мірѣ зависитъ лишь отъ рода взаимныхъ отношеній между Германіей и Россіей и больше ни отъ кого (ибо и сама Англія оказывается совершенно безсильной противъ соглашенія этихъ двухъ державъ), Франція спѣшитъ прокладывать себѣ новые исходные пути на дальнемъ юго-востокѣ, а на сѣверѣ Африки она давно уже стала довольно твердой ногой. Еще одна неудачная война; еще одно, болѣе прежняго, удачное возстаніе анархистовъ; еще два-три шага внизъ; еще какое-нибудь раздробленіе; потеря еще одной или двухъ провинцій, и движеніе это неминуемо усилится. Что и вторая война съ Германіей будетъ — это, я думаю, неизбѣжно; случись война Россіи съ Германіей — Франціи предстоитъ два исхода, оба невыгодные; третьяго нѣтъ: война въ отместку или нейтралитетъ и подражаніе Россіи и Австріи 70-хъ годовъ. Но въ случаѣ подобной войны правительству Германіи весьма возможно будетъ составить противъ Франціи союзъ изъ другихъ романскихъ державъ, соединить силы Италіи, Испаніи и Бельгіи, обѣщая имъ въ награду сосѣднія провинціи Франціи и другія выгоды, и, придавши имъ для смѣлости порядочный контингентъ своего войска, наброситься почти всѣми собственными силами и силами Австріи на Россію.

Каковъ бы ни былъ исходъ подобной страшной борьбы на восточномъ театрѣ ея, на западномъ онъ во всякомъ случаѣ будетъ для Франціи не блестящъ. «C'est l'Autriche qui payera les pats cassés»,— говорили прежде эти самые французы про Австрію, ожидая какой-нибудь большой общеевропейской войны. Теперь можно *навѣрное* предсказать, что въ случаѣ подобной войны за «эти побитые горшки» заплатятъ и Франція и Австрія — *объ!* Когда такія двѣ силы,

какъ нынѣшняя Россія и Германія, вступятъ въ рѣшительную и открытую борьбу, то эта борьба будетъ, конечно, такъ тягостна для обѣихъ сторонъ и утомленіе при окончаніи будетъ такъ велико, что не только побѣжденному, но и побѣдителю придется поневолѣ такъ или иначе пожертвовать хотя немного своими союзниками. И хотя бы Франція и защищалась на этотъ разъ гораздо лучше, чѣмъ защищалась она въ 70 году, но политической судьбы своей она этимъ не поправитъ; ибо *внутренній* строй окончательно испорченъ слишкомъ глубокой демократизаціей. И карѳагеняне, представлявшіе собой остатокъ халдейской культуры, защищались въ послѣдній разъ геройски, однако Карѳагенъ былъ взятъ, и республика ихъ уничтожена; и *послѣдніе* бунты евреевъ противъ римлянъ были ужасны, однако Іудея погибла; и даже пламенная народная война испанцевъ противъ Франціи въ началѣ этого вѣка не вывела уже Испаніи изъ ея международнаго ничтожества, не возвела ее на прежній уровень величія. Замѣтимъ, что эти три выбранные мною примѣра сверхъ того для Франціи самые невыгодные, ибо у всѣхъ трехъ помянутыхъ націй паденіе было обусловлено не столько *разлагающимъ прогрессомъ новыхъ идей*, сколько *застоемъ* въ идеяхъ старыхъ; застой же въ подобныхъ случаяхъ выгоднѣе чрезмѣрнаго движенія; ибо застой сохраняетъ хоть на время въ народѣ запасы тѣхъ началъ, которыя легли въ основаніе національныхъ созиданій, а быстрое прогрессивное движеніе, подобно нынѣшней французской или древней аѳинской эпохи демагогіи, даютъ только послѣ *перваго смѣшенія* пламенныя вспышки въ родѣ 20-лѣтія войнъ Республики и Имперіи и аѳинской гегемоніи послѣ 1-ой войны персидской и какъ бы истощаютъ этимъ всѣ запасы народныхъ силъ.

Если же Франція останется нейтральна въ случаѣ германо-славянской смертельной борьбы, то она этимъ обнаружитъ ужъ такое безсиліе, что дѣйствительно послѣ этого перейдетъ, по сравненію съ Германіей и Россіей, на ту степень по отношенію къ нимъ, на какой стояла прежде по отношенію къ сильной Франціи ничтожная Португалія.

Такъ что и въ этомъ сравненіи Прево-Парадоль останется правъ.

Итакъ, повторяю, нѣтъ для нынѣшней Франціи иного исхода, какъ выборъ между Сциллой новой войны съ Германіей и Харибдой боязливаго воздержанія. Третій путь — союзъ съ Германіей противъ Россіи, всякій понимаетъ, невозможенъ раньше какихъ-нибудь еще болѣе глубокихъ перемѣнъ въ Европѣ; стать союзницей Германіи Франція можетъ или послѣ еще бо̀льшаго политическаго униженія, *насильственно* влекомая Германіей за собою, какъ влекомы были въ 12-мъ году нѣмцы Наполеономъ, или, напротивъ того, *добровольно и охотно*, но послѣ нѣкотораго новаго *уравненія* обѣихъ этихъ западныхъ державъ или въ общемъ *равномѣрномъ* униженіи *международномъ*, или въ сходномъ *внутреннемъ состояніи новаго соціалъ-анархическаго смѣшенія*...

Для образованія такого союза противъ Россіи нужно три предварительныя условія: 1) разгромъ Германіи Россіей; 2) исключительно благопріятное для Россіи разрѣшеніе вопросовъ о *проливахъ* Турціи, и 3) наибольшее возрастаніе въ обѣихъ западныхъ странахъ вліянія *космополитической анархіи*,—ея преобладающее вліяніе на дѣла.

Но и *до тѣхъ поръ*, и *послѣ* подобныхъ (пожалуй что и неизбѣжныхъ) политическихъ сочетаній, Прево Парадоль остается правъ, не предвидя для своихъ соотчичей (а вѣрнѣе еще и для всего романскаго племени Европы) лучшаго исхода, какъ постепенное выселеніе. Дома: все болѣе и болѣе угасающія надежды, утрата славы, все болѣе и болѣе слабѣющая возможность охранительной реакціи, безвѣріе, возведенное въ государственный догматъ, и, быть можетъ (и весьма быть можетъ), *вещественное разрушеніе* великой столицы керосиномъ и динамитомъ коммунаровъ, что при нынѣшнихъ средствахъ разрушенія гораздо легче и скорѣе можно осуществить, чѣмъ во времена вандаловъ. И орудія вещественныя неизмѣримо могущественнѣе и *умственное* настроеніе разрушителей *сознательнѣе*, цѣлесообразнѣе, яснѣе, т.-е. тоже *крѣпче*, чѣмъ у готовъ, вандаловъ и тому подобныхъ варваровъ.

Варвары разрушали, такъ сказать, только *по страсти*; у нынѣшнихъ анархистовъ эти *страсти* оправданы ихъ разумомъ, поддержаны *теоріей, сознательной системой разрушенія*... Вотъ что, не только по моему мнѣнію, а по мнѣнію очень многихъ людей весьма различнаго направленія, можетъ ожидать теперь Францію...

Внутри всѣ признаки разложенія (ибо *богатство* націи *одно* только само по себѣ менѣе всего можетъ спасти націю отъ политической гибели), а извнѣ неизбѣжное при такихъ условіяхъ *давленіе нѣмцевъ*, которые при всемъ существенномъ сходствѣ культурныхъ началъ своихъ съ романскими, при одинаковыхъ элементахъ разложенія, при одинаковомъ почти возрастѣ ихъ государственной жизни, все-таки, положимъ, хоть на 50—25 лѣтъ въ историческомъ смыслѣ моложе французовъ. *Это очень мало*, это почти ничего для обще-*культурной* судьбы; но для *ближайшихъ политическихъ* тріумфовъ или вообще для переворота—*очень много*. Двадцатилѣтней только дѣятельностью Наполеонъ I, представитель централизованной демократіи, обусловилъ дальнѣйшую исторію XIX вѣка, въ теченіе 20 тоже лѣтъ перенесъ центръ политической тяжести на европейскомъ материкѣ изъ Парижа въ Берлинъ и графъ Бисмаркъ (въ сущности представитель почти того же, что и наполеониды, т.-е. эгалитарнаго кесаризма, но конечно съ своимъ оттѣнкомъ и важнымъ и неважнымъ, смотря по точкѣ зрѣнія: съ обще-культурной — ничтожнымъ, съ чисто-государственной—довольно важнымъ и пока еще выгоднымъ для Германіи). Въ теченіе же 20-ти лѣтъ и Россія, увлекаемая западными идеалами, поспѣшила обратиться изъ монархіи сословной и провинціально весьма разобщенной въ монархію безусловную и болѣе прежняго однородно-либеральную по строю, по быту и духу, качествамъ и порокамъ населенія...

Двадцать, двадцать пять лѣтъ очень много значитъ въ жизни государственной (не культурной); и если Германія, какъ кажется, хоть настолько или даже менѣе, хоть на пятнадцать лѣтъ моложе Франціи въ историческихъ судьбахъ своихъ, то этого вполнѣ достаточно для еще болѣе

выразительнаго приложенія системы *давленія на Западъ*, которымъ уже и безъ того столь явно замѣнила Германія со времени Бисмарка свои прежнія мечты о давленіи на Востокъ. Этотъ Drang nach Osten, положимъ, еще продолжается, но всякому понимающему этого рода дѣла ясно, что это *послѣднія* попытки, и, сравнительно съ энергическимъ движеніемъ противъ Запада, онѣ очень ужъ ничтожны. Стоитъ только Франціи быть еще разъ побѣжденной (а она *будетъ* и еще разъ), стоитъ ей утратить еще кусокъ своей *территоріи*, когда-то столь недоступной врагамъ и «священной» («le sol sacré de la France!»); стоитъ съ другой стороны Германіи присоединить себѣ Голландію и восемь милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ; стоитъ при этомъ еще и Россіи благопріятно рѣшить восточный и славянскій вопросы (а она ихъ *рѣшитъ!*), и вотъ движеніе нѣмцевъ къ юго-западу, къ берегамъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря усилится, Drang nach Westen увеличится, и романскому племени волей-неволей придется или быть совсѣмъ завоеваннымъ на мѣстѣ, или дѣйствовать по программѣ и пророчеству Прево-Парадоля—заселять внутреннюю Африку и ея сѣверные берега.

Романцы выселяются и смѣшиваются съ неграми, Парижъ разрушенный, быть можетъ, наконецъ, покинутый, какъ покинуты были столькія столицы древности; германцы отчасти тоже выселяющіеся, отчасти тѣснимые объединенными славянами съ Востока, придвигаются все ближе и ближе къ Атлантическому приморью, смѣшиваясь тѣснѣе прежняго съ остатками романскаго племени... Неужели это одно уже само по себѣ взятое не есть именно то, что называется разрушеніемъ *прежнихъ государствъ* и постепеннымъ паденіемъ *прежней культуры?*

Если и это не гибель, если и это не уничтоженіе, если это не перерожденіе даже и племенное, этнографическое, то я долженъ сознаться, что я ничего не понимаю!

А для обнаруженія этихъ послѣдствій нужны только слѣдующія событія: 1) болѣе прежняго сильная вспышка анархизма во Франціи и вообще въ романскихъ странахъ и 2)

утвержденіе Россіи на турецкихъ проливахъ по соглашенію ли съ Германіей или вопреки ей—все равно.

А развѣ и то и другое не предчувствуется нѣкіимъ общимъ даже историческимъ инстинктомъ? Вездѣ, во всѣхъ странахъ теперь многіе и того и другого крайне *опасаются*, и очень многіе и *того* и *другого крайне желаютъ*. Вѣрнѣйшій признакъ, что и то и другое—и анархія во Франціи, и взятіе нами проливовъ—не только сбыточно, но и *неминуемо*.

VIII.

«*Россія* — глава міра возникающаго; Франція — представительница міра отходящаго», сказалъ Н. Я. Данилевскій; сказалъ вѣрно, просто и прекрасно.

«Россія глава міра возникающаго»; «Россія не просто европейское государство; она цѣлый особый міръ...» Да, это все такъ, и только не понимающій исторіи человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ.

Но весь вопросъ въ томъ, что несетъ въ таинныхъ нѣдрахъ своихъ для вселенной этотъ, правда еще загадочный и для насъ самихъ и для иноземцевъ, колоссъ, котораго ноги перестали на Западѣ считать *глиняными именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ* вслѣдствіе эгалитарныхъ реформъ по западнымъ образцамъ *немного ослабѣли и размякли?* Что онъ несетъ въ своихъ нѣдрахъ—этотъ колоссъ, доселѣ только эклектическій колоссъ, почти *лишенный собственнаго стиля?* Готовитъ ли онъ міру дѣйствительно *своеобразную* культуру? Культуру положительную, созидающую, въ высшей степени *новоединую и новосложную*, простирающуюся отъ Великаго океана до Средиземнаго моря и до западныхъ окраинъ Азіи, до этихъ *ничтожныхъ тогда* окраинъ Азіи, которыя зовутся теперь такъ торжественно *материкомъ* Европы; ибо все тотъ же Н. Я. Данилевскій доказалъ (неопровержимо по-моему) что, *географически* говоря, *Европы* такой особой нѣтъ, а вся эта Европа есть лишь не что

иное, какъ Атлантическій берегъ великаго азіатскаго материка; великій же смыслъ слова Европа, есть смыслъ *историческій*, т.-е мѣсто развитія или поприще особой, послѣдней по очереди культуры, смѣнившей *древнія* предыдущія *культуры, романо-германской.*

Представимъ ли мы, загадочные славяно-туранцы, удивленному міру культурное зданіе, еще небывалое по своей обширности, по роскошной пестротѣ своей и по сложной гармоніи государственныхъ линій, или мы восторжествуемъ надъ всѣми, только для того, чтобы *всѣхъ смѣшать* и всѣхъ скорѣй погубить въ общей равноправной свободѣ и въ общемъ неосуществимомъ идеалѣ всеобщаго благоденствія — это покажетъ время, уже не такъ далекое отъ насъ...

Я повторю въ заключеніе, быть можетъ, уже въ сотый разъ: *благопріятное для насъ разрѣшеніе восточнаго вопроса, или, еще проще и яснѣе, завладѣніе проливами (въ какой бы то ни было формѣ), тотчасъ же повлечетъ за собой у насъ такого рода умственныя измѣненія, которыя скоро покажутъ, куда мы идемъ — къ началу ли новой эры созиданія на нѣсколько вѣковъ или къ либеральному всеразрушенію?*

Признаки благіе, обѣщающіе созиданіе, есть какъ будто у насъ и теперь еще прежде подобнаго торжества; но они слабы, неясны, еще нерѣшительны, и я *здѣсь* не буду говорить о нихъ.

Скажу только объ одномъ чрезвычайно важномъ признакѣ, какъ бы роковомъ и мистическомъ. Вотъ онъ: *мы не присоединили Царьграда въ 1878 году; мы даже не вошли въ него.*

И это прекрасно, что насъ туда и не допустили враги ли наши, наши ли собственныя соображенія — все равно. Ибо тогда мы вступили бы въ Царьградъ этотъ (во французскомъ кепи) съ *обще-европейской эгалитарностью* въ сердцѣ и умѣ; а теперь мы вступимъ въ него (именно въ той *шапкѣ-мурмолкѣ*, надъ которой такъ глупо смѣялись наши западники); въ сердцѣ же и умѣ съ кровавой памятью объ ужасномъ днѣ 1-го марта, когда на улицахъ нашей европейской столицы либерализмъ анархическій умертвилъ

такъ безжалостно самаго могущественнаго въ мірѣ и поэтому самому самаго искренняго представителя *либерализма государственнаго.*

Среди столицы, построенной Петромъ, нашимъ домашнимъ европейскимъ завоевателемъ, совершилось это преступленіе ..

И свершители его, слѣпыя орудія, быть можетъ, *не по их*ъ *пути ведущей* насъ судьбы, получили сами достойную мзду.

И не есть ли эта великая катастрофа явный признакъ, что близится конецъ Россіи собственно петровской и петербургской?!. Другими словами, что на началахъ исключительно европейскихъ намъ, русскимъ, нельзя уже жить!?.

Неужели и это не ясно и это не поразительно?.. О, бѣдные, бѣдные соотчичи мои — европейцы.. Какъ бы можно было презирать васъ, если бы позволяло сердце забыть, что и вы носите русскія имена, и что и вы, даже и вы, защитники равенства и свободы, исправимы при помощи Божіей!..

Да, замѣтьте, замѣтьте это; *не только либерализмъ, но и кепи; не только реакція, но и шапка-мурмолка..*

Не смѣйтесь этому... не восклицайте: «Ахъ! кепи и баранья шапка рядомъ съ великими вопросами и трагическими событіями... Ахъ! отъ великаго до смѣшного всего одинъ шагъ!..»

Не смѣйтесь этому, или смѣйтесь отъ радости, что я высказалъ то, что вы сами быть можетъ думали... Если такъ, то смѣяться вы можете...

Но если вы засмѣетесь зло или презрительно, то вспомните французскую поговорку: Rira bien qui rira le dernier...

Шапка-мурмолка, кепи и тому подобныя вещи гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете; внѣшнія формы быта, одежды, обряды, обычаи, моды, всѣ эти разности и оттѣнки общественной эстетики *живой*, не той, т.-е. эстетики отраженія или кладбища, которой вы привыкли поклоняться, часто ничего не смысля, въ музеяхъ и на выставкахъ, всѣ эти внѣшнія формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздоръ, не чисто «внѣшнія вещи», какъ говорятъ глупцы; нѣтъ,

онѣ суть *неизбѣжныя* послѣдствія, органически-вытекающія изъ перемѣнъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ; это неизбѣжные *пластическіе символы идеаловъ*, внутри насъ созрѣвшихъ или готовыхъ созрѣть...

Конецъ петровской Руси близокъ... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятникъ и еще скорѣе отойти отъ него, отрясая романо-германскій прахъ съ нашихъ азіатскихъ подошвъ! Надо, чтобы памятникъ «нерукотворный» въ сердцахъ нашихъ, т.-е. идеалы петербургскаго періода, поскорѣе въ насъ вымерли.

Sapienti sat!

ЗАПИСКИ ОТШЕЛЬНИКА.

(„Гражданинъ“, 1887 г.)

Невольное пробужденіе старыхъ мыслей и чувствъ.

Я бы и радъ былъ иногда въ удаленіи моемъ стать равнодушнымъ ко всѣмъ волнующимъ умъ вопросамъ дня...

Передъ окномъ моимъ безконечныя осеннія поля.

Я счастливъ, что изъ кабинета моего такой дальній и покоющій видъ.

Landatur domus longuos quae prospicit agros. Я не знаю, какому древнему поэту принадлежитъ этотъ стихъ; но мнѣ онъ понравился, и я выписалъ его изъ одной чужой статьи...

Прекрасенъ тотъ домъ, изъ котораго видъ на широкія поля... и въ этомъ домѣ я, давно больной и усталый, но сердцемъ веселый и покойный, хотѣлъ бы подъ звонъ колоколовъ монашескихъ, напоминающихъ мнѣ безпрестанно о близкой уже вѣчности, стать равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственной души и заботъ о ея очищеніи!..

Но жизнь и здѣсь напоминаетъ о себѣ!.. И здѣсь просыпаются забытыя думы, и снова чувствуешь себя живою частію того великаго и до сихъ поръ еще неразгаданнаго цѣлаго, — которое зовется «Россія»...

Передо мной, на столѣ моемъ три «отраженія» этой русской жизни... Новый «Гражданинъ» цѣлой грудой разомъ за двѣ недѣли, второе, дополненное изданіе блестящей французской брошюры кн. Ник. Ник. Голицына — «Письмо къ редактору Фигаро» и тотъ нумеръ «Моск. Вѣдом.», въ которомъ, по поводу кончины Н. П. Гилярова-Платонова, преемники покойнаго Михаила Никифоровича восклицаютъ такъ: «Съ его (Гилярова) смертію поборникамъ великихъ

національныхъ интересовъ Россіи приходится еще тѣснѣе сомкнуть свои ряды и удвоить свою энергію, дабы пополнить новую понесенную ими убыль въ лицѣ редактора «Современныхъ Извѣстій».

Вотъ это правда! И дай Богъ, чтобы впредь мы, т.-е. всѣ тѣ, которыхъ зовутъ обыкновенно (хотя и не совсѣмъ правильно) «консерваторами», — стали бы внимательнѣе прежняго другъ къ другу и не дожидались бы смерти того или другого изъ нихъ, чтобы воздать справедливость...

Я готовъ вѣрить въ искренность этого возгласа г-на Петровскаго; но вѣдь искренности и добрыхъ намѣреній мало... Надо исполнять намѣренія... надо умѣть *видѣть* немедленно то, что стоитъ поддержки. Похвально, хотя иногда и рискованно, въ одномъ случаѣ очень легко, а въ другомъ очень трудно — итти по тропѣ, протоптанной великой и славной стопою, и не разъ замѣчено было, что продолжать какъ слѣдуетъ великое дѣло учителя умѣютъ лучше тѣ ученики, поклонники и преемники, которые сами умомъ смѣлѣе и самобытнѣе, которые, подражая высшимъ качествамъ учителя, умѣютъ видѣть и недостатки его, стараясь ихъ избѣгать. Г. Петровскій человѣкъ твердый и надежный; но мы не знаемъ, насколько онъ будетъ безпристрастенъ и справедливъ. Въ отношеніи же вниманія и справедливости къ другимъ «поборникамъ національныхъ интересовъ Россіи» покойный Михаилъ Никифоровичъ не можетъ служить хорошимъ примѣромъ.

Онъ былъ и несправедливъ и невнимателенъ къ нимъ... Если писатель или цѣлый органъ печати разнился отъ него всего бы только на одну четверть въ совокупности общихъ мнѣній, — онъ игнорировалъ его и отказывалъ ему даже и въ той обусловленной и ограниченной печатной похвалѣ и поддержкѣ, которая требуется отъ всякой безпристрастной критики.

Покойный Маркевичъ, напримѣръ, разсказывалъ мнѣ, что однажды онъ написалъ цѣлый большой и похвальный отчетъ объ одной новой и мало извѣстной газетѣ, которая почти поклонялась Каткову, но была въ 2 — 3 пунктахъ еще

охранительнѣе, еще реакціоннѣе его, «plus autoritaire» — во всякомъ случаѣ. Трудъ Маркевича пропалъ даромъ, Катковъ его не напечаталъ и сказалъ: «Я не могу хвалить то, съ чѣмъ я *не вполнѣ* согласенъ!»

За истину анекдота не мое дѣло ручаться; это дѣло совѣсти Маркевича; но кто же не согласится (тоже по совѣсти, а не «по тенденціи»), что это похоже?

Славянофиловъ Катковъ тоже не поддерживалъ даже и въ той части ихъ мыслей и дѣятельности, въ которой они были его болѣе прозорливыми, хотя и менѣе практическими, предтечами. Онъ большею частью *молчалъ* и отзывался о нихъ съ уваженіемъ только на свѣжихъ могилахъ.

Аксаковъ былъ лучше его въ этомъ отношеніи: онъ хотя и съ оговорками, но печаталъ глубокомысленныя и восхитительныя (*по формѣ*) статьи Влад. С. Соловьева, несмотря на все отвращеніе свое къ папству.

Сказать, что наши охранители пожирали другъ друга — было бы клеветой; но они до сихъ поръ не поддерживали другъ друга какъ слѣдуетъ, и нельзя не одобрить г. Петровскаго за это своевременное восклицаніе.

Но именно потому, что оно своевременно, мнѣ хочется напомнить начинающему и почтенному редактору «Моск. Вѣд.» извѣстный стихъ Мольера, — когда подражаешь великимъ людямъ...

«Не надо кашлять и плевать, какъ они!»

Со стороны замалчиванія людей и мыслей, хоть на половину да согласныхъ съ нами, не слѣдуетъ впредь подражать Каткову, а надо поддерживать ихъ отзывами своевременными, справедливыми, но, разумѣется, не лишенными строгости, тамъ, гдѣ ихъ мнѣнія намъ претятъ. Отчего, напримѣръ, до сихъ поръ въ «Москов. Вѣдом.» не сказано было ни слова о замѣчательной французской книжкѣ кн. Голицына «Письмо къ редактору Фигаро», — о которой я выше упомянулъ? Первое изданіе ея вышло въ августѣ. Ее бы слѣдовало отрывками даже и перевести, хотя бы съ нѣкоторыми, такъ и быть, вѣжливыми оговорками во имя «вѣнковъ», привезенныхъ Деруледомъ и другими французами.

Какое же будетъ это «сомкнутіе рядовъ», если мы всѣ такъ будемъ дѣлать?

Вотъ и я, отшельникъ, теперь въ положеніи трудномъ по *самому этому поводу*... По поводу взаимной поддержки.

Не брошюра кн. Голицына затрудняетъ меня; ее хвалить мнѣ очень легко; затрудняетъ меня не она, но *иныя мнѣнія того самаго* «Гражданина», для котораго я это пишу и считаю писать удовольствіемъ. Во всемъ я съ «Гражданиномъ» согласенъ, въ *одномъ* только не совсѣмъ: во взглядѣ на внѣшнюю политику нашу за предыдущія 30 лѣтъ. «Гражданинъ» не одобряетъ ея по всѣмъ пунктамъ; я же нахожу ее напротивъ того въ высшей степени удачной и счастливой, за исключеніемъ одного пункта — нашего потворства болгарскимъ націоналъ-либераламъ въ ихъ революціонныхъ дѣйствіяхъ противъ вселенскаго патріарха.

По этому пункту, какъ и по многимъ другимъ, мы были всегда единомысленны съ редакторомъ «Гражданина», и онъ еще въ еженедѣльномъ изданіи всегда охотно печаталъ многія изъ тѣхъ статей моихъ, за которыя я отъ разныхъ извѣстныхъ лицъ получилъ столько лестныхъ прозвищъ: «мистикъ на хищной подкладкѣ» (отъ г. Стасюлевича); «самоувѣренный невѣгласъ» (отъ г. Лѣскова); «фанатикъ-фанаріотъ» (отъ И. С. Аксакова); «Ив. Як. Корейша» (кажется, отъ г. Родзевича въ «Московскомъ» недолговѣчномъ «Телеграфѣ»), и т. д.

Какъ же быть теперь, когда я, желая всевозможныхъ успѣховъ новому «Гражданину», согласенъ только отчасти съ передовой статьей № 8, которая озаглавлена «Наши слабости»?!

Что же мнѣ дѣлать, если я, находя совершенно правильною ту основную мысль этой статьи, что «нашъ путь былъ такъ простъ и ясенъ» (*во всѣхъ дѣлахъ нашихъ исходить изъ ученія Церкви*), — вмѣстѣ съ тѣмъ не могу понять, какимъ образомъ это можетъ относиться къ *возвышенію Германіи*, напримѣръ?

Какъ мнѣ быть, если я хочу доказать другимъ то, что для меня было ясно съ 71 года, — именно то, что возвышеніе

Германіи для насъ въ высшей степени выгодно потому, что разстроило разъ навсегда прежнія условія европейскаго равновѣсія?

Чтобы лучше видѣть и объяснить другимъ, что выгодно и невыгодно для Россіи, надо прежде всего дать себѣ ясный отчетъ въ томъ *идеалѣ*, который имѣешь въ виду для своей отчизны. Благоденствіе? Равенство? Свобода? Богатство, слава? Сохраненіе церковной святыни до скончанія вѣка? Наконецъ нѣчто совсѣмъ особое, наприм., созданіе и развитіе *своей культуры* на всѣхъ, по возможности, поприщахъ независимой отъ европейской, на нее непохожей, отличной отъ нея настолько, напримѣръ, насколько Персія Камбиза и Ксеркса была не похожа на современныя ей греческія республики, или настолько, насколько Римъ былъ не похожъ на подчиненныя ему впослѣдствіи восточныя царства, или, наконецъ, настолько, насколько романо-германскій міръ отличался и отъ предшествовавшаго ему языческаго Рима и отъ современной ему вначалѣ Византіи.

Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ стало шагъ за шагомъ все ясно и въ нашей исторіи, и въ западной, разъ я проникся этимъ идеаломъ, слегка и туманно очерченнымъ славянофилами и отчасти Герценомъ, а потомъ нашедшимъ себѣ почти научно-точное выраженіе въ монументальной книгѣ Данилевскаго «Россія и Европа».

Я думаю, что всѣ *частные*, такъ сказать, всѣ выше перечисленные идеалы, сохраненіе святыни православія и даже дальнѣйшее правильное развитіе его, богатство, слава, всемогущество въ дѣлахъ международныхъ, новые пути въ наукѣ и философіи, новыя формы и искусства — все это (за исключеніемъ ненужныхъ *равенства и свободы*) въ совокупности заключено въ одномъ этомъ общемъ и всеобъемлющемъ идеалѣ: *новой, независимой, оригинальной культуры*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагаю, что на старой, почти 1000-лѣтней, великорусской почвѣ, въ старыхъ предѣлахъ и особливо при старыхъ *столицахъ*, при слишкомъ въѣвшихся въ нашу кровь петровскихъ преданіяхъ, на $^3/_4$ европейскихъ, *нельзя* осуществить эту реальную, вполнѣ возможную (по прежнимъ историческимъ примѣрамъ) мечту.

Для этой высшей цѣли необходимо, чтобы то движеніе русскихъ умовъ, которое зовутъ обыкновенно «реакціей»,— своевременно совпало бы съ передвиженіемъ русской жизни на юго-востокъ, *на берега Босфора.*

На почвѣ новой и *гораздо болѣе намъ сродной*, чѣмъ жалкая почва Балтійскихъ береговъ — русскому уму откроется новый просторъ, новые кругозоры...

Тусклое «окно въ Европу», которое, къ сожалѣнію, такъ хорошо воспѣлъ Пушкинъ (потому, что ему самому смолоду жилось хорошо и весело у этого окна), тогда потемнѣетъ и обратится въ простой, торговый «васисдасъ», — когда мы, такъ или иначе, завладѣемъ *тѣмъ, что* бѣдные турки зовутъ до сихъ поръ «Вратами Блаженства», или «Вратами счастья» (не знаю, что точнѣе передаетъ ихъ мысль).

И все, что хотя бы косвенно, но ведетъ насъ къ этой цѣли, — я считаю выгоднымъ и желательнымъ, даже и при возможности частныхъ утратъ и обидъ.

Въ этомъ смыслѣ и возвышеніе Германіи, въ ущербъ прежнему величію Франціи и Англіи, — я считалъ и считаю для насъ выгоднымъ, несмотря на опасности, и намъ со стороны сильнаго сосѣда грозящія.

Едва ли въ основаніи своихъ мыслей и чувствъ кн. Мещерскій расходится со мною...

Но онъ видимо расходится въ оттѣнкахъ, во взглядахъ на частности, — и вотъ тутъ и является вопросъ: готовъ ли онъ, несмотря на эти второстепенныя различія, напечатать эту статью мою? Готовъ ли онъ, «смыкая тѣснѣе ряды», оказать мнѣ ту самую «поддержку», о которой справедливо заботится г. Петровскій?

Я увѣренъ, что кн. Мещерскій готовъ мнѣ ее оказать, несмотря на частное разногласіе; я увѣренъ, что у него совсѣмъ нѣтъ потребности «кашлять и плевать» именно такъ, какъ «кашлялъ и плевалъ» въ подобныхъ случаяхъ Катковъ.

Что дѣлать! И солнце не безъ пятенъ, и Катковъ былъ небезпороченъ; и *я имѣю основаніе* находить, имѣю дерзость сказать во всеуслышаніе, что кн. Мещерскій въ подобныхъ случаяхъ всегда былъ искреннѣе, справедливѣе и прямѣе геніальнаго московскаго самодура... (Спѣшу замѣ-

тить, что я талантливое самодурство очень люблю, и въ моихъ устахъ это слово — не брань, а только *полубрань*, смотря по случаю.)

Прошу же кн. Мещерскаго *во имя общаго дѣла* позволить мнѣ развить подробнѣе мой тезисъ въ его газетѣ; съ возраженіями, если нужно («бей, только выслушай!»), или безъ нихъ, какъ угодно, только, чтобы трудъ моего одиночества не пропалъ бы даромъ...

Будемъ вливать *вино новое* въ *мѣхи новые!*.. Не будемъ жить только «злобой завтрашняго дня», а позволимъ иногда развернуть свое знамя пошире и пошире поборнику тѣхъ же началъ, которымъ и мы служимъ, брату по оружію, устарѣвшему въ долгой и неравной борьбѣ съ неправдой представителей нашей печати... Иначе ему придется молчать и сказать только: «И ты тоже, Брутъ!» Вотъ что написалъ я, глядя изъ оконъ моихъ на широкія и тихія поля...

Сочувствіе и содѣйствіе.

Въ политическомъ *содѣйствіи* той или другой державѣ мы, простые граждане Русскаго царства,—не вольны и не компетентны. Это — дѣло правительства нашего.

Но для самого правительства русскаго очень важно, *чему* мы, граждане, *сочувствуемъ*, какая государственная форма намъ нравится, какой бытъ намъ представляется лучшимъ и примѣрнымъ... Сами члены правительства суть прежде всего члены того же русскаго общества и живутъ подъ тѣми же впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ развиваемся и мы, граждане, властію не облеченные... Есть нѣчто общее въ національной жизни для всѣхъ насъ, властныхъ и безвластныхъ: духъ времени, напримѣръ, принудительная сила историческихъ условій, преданія народныя и т. д...

Какъ бы ни было высоко положеніе человѣка, какъ бы ни былъ силенъ его характеръ и самобытенъ умъ, — но на дѣйствіяхъ его не можетъ не отражаться сумма всѣхъ этихъ вліяній, впечатлѣній, вѣяній и т. д.

Если даже сильный и высокопоставленный человѣкъ идетъ наперекоръ сочувствіямъ и вкусамъ большинства и успѣваетъ благополучно въ своихъ начинаніяхъ, то это происходитъ оттого, что онъ угадалъ, до чего нестойки и преходящи эти вкусы и сочувствія большинства и до чего само большинство всѣхъ націй измѣнчиво. Онъ угадалъ теченіе исторіи; онъ понялъ, что кажущееся направленіе мнѣній нерѣдко обманчиво, и сильнымъ поворотомъ дѣлъ въ счастливую минуту измѣнилъ его, измѣнилъ съ успѣхомъ, разумѣется потому только, что были въ обществѣ сильные запасы и вовсе иныхъ мнѣній и сочувствій, чѣмъ тѣ, которыя съ перваго взгляда казались господствующими...

Это я говорю про людей, облеченныхъ *властью*, — то-есть *узаконеннымъ правомъ* не только убѣждать, но и *принуждать другихъ согражданъ своихъ*.

И тамъ, гдѣ это законное, *священное право насилія надъ волей нашей* ослабло и въ сознаніи самихъ принуждающихъ и въ сердцахъ принуждаемыхъ, тамъ, гдѣ утратились одинаково и умѣнье смѣло властвовать и умѣнье подчиняться съ любовью и страхомъ (не стыдясь послѣдняго), тамъ уже не будетъ ни силы, ни жизни долгой, ни прочнаго, вѣкового порядка...

Но какъ ни священны тѣ таинственныя идеальныя государственныя узы, во имя которыхъ одинъ имѣетъ право распорядиться самовластно даже и жизнью другого (судья казнить меня; военный начальникъ послать подчиненнаго на вѣрную смерть; государь, объявляя войну, обречь цвѣтъ общества и народа на всѣ труды и страданія походовъ и сраженій) — подчиненіе воли нашей все-таки глубже и вѣрнѣе, когда оно оправдано и разсудкомъ нашимъ, или, по крайней мѣрѣ, *чѣмъ-то такимъ*, что каждый изъ насъ считаетъ *своимъ* разсудкомъ.

Принужденіе и своей воли и чужой легче и пріятнѣе, когда есть при этомъ и убѣжденіе...

Политическіе писатели не облечены никакою властью,— это не ихъ назначеніе; ихъ призваніе не принуждать, а *убѣждать* своихъ согражданъ; руководить общественнымъ мнѣ-

ніемъ, воспитывать это мнѣніе, а вовсе не подчиняться ему и не потворствовать вздору только потому, что многіе въ настоящую минуту этому вздору сочувствуютъ. Когда мы взглянемъ такъ прямо и безъ ложной скромности на призваніе политической печати, тогда намъ предстанетъ въ настоящемъ свѣтѣ ея серьезное значеніе для общественной жизни; значеніе, искажаемое теперь всячески и на каждомъ шагу, то легкомысліемъ, то алчностью, то неправильными претензіями говорить подобно дипломатамъ для иностранныхъ министровъ, для иностранной публики, для чужихъ газетъ... Прежде всего, повторяю, политическая русская печать должна, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что подумаютъ, скажутъ и сдѣлаютъ иностранцы, *своихъ* просвѣщать, своихъ убѣждать, своимъ облегчать ясное раздѣленіе понятій, часто спутанныхъ и темныхъ въ наше время при чрезмѣрно быстрыхъ и ненормально напряженныхъ движеніяхъ жизни.

Вотъ въ смыслѣ подобнаго рѣзкаго и полезнаго для насъ разъясненія понятій я нахожу, что французская брошюрка князя Н. Голицына, «Письмо къ редактору газеты «Фигаро», не такъ давно вышедшая вторымъ, дополненнымъ изданіемъ, весьма своевременна и замѣчательна... Очень жаль, если она до сихъ поръ никѣмъ не переведена по-русски или, по крайней мѣрѣ, не передана гдѣ-нибудь вкратцѣ и съ большими цитатами.

Редакція «Гражданина», въ 11 нумерѣ, сама выразилась такъ:

«Надо думать, что важныя событія бродятъ около насъ, какъ тучи, и не сегодня, такъ завтра должны привести къ грозѣ...

«Гроза эта — война. Рано или поздно, никѣмъ незванная, никѣмъ нежелаемая, она придетъ, а такъ какъ въ интересахъ Германіи ее желать какъ можно скорѣе, разъ она неизбѣжна, то вопросъ о французскихъ симпатіяхъ, весьма понятно, является весьма серьезною современною темою для обдуманной бесѣды.

«Съ одной стороны, нельзя не считаться съ сильнымъ

теченіемъ въ пользу французскихъ симпатій въ иныхъ слояхъ русскаго общества. Далеко не всѣ серьезные люди увлечены этимъ теченіемъ въ Россіи, это внѣ сомнѣнія, но все-таки работа газетъ сдѣлала свое дѣло, и много людей, взирающихъ на политическій міръ подъ вліяніемъ газетъ, или легкомысленно, мимоходомъ, говорятъ о французскихъ симпатіяхъ и о союзѣ Россіи съ Франціей какъ о событіи осуществимомъ.

«Отсюда для того, кто, какъ мы, безусловно отрицаетъ серьезность такихъ симпатій въ политикѣ, — является опасеніе итти для многихъ *противъ теченія*, и т. д.».

Почти въ томъ же духѣ говоритъ и кн. Голицынъ съ редакторомъ «Фигаро», по поводу статьи этой газеты «Теоріи Каткова».

Въ началѣ своего краткаго предисловія на русскомъ языкѣ кн. Голицынъ говоритъ такъ:

«За послѣдніе годы въ русской политической печати возбуждался не разъ вопросъ о необходимости для Россіи союза съ Франціей, на случай могущихъ быть международныхъ столкновеній, для сильнѣйшаго отпора Германіи, и т. под. Многіе шли еще далѣе и кромѣ политическаго союза требовали возобновленія прежнихъ русскихъ симпатій ко всему французскому, къ пресловутой «прекрасной Франціи», къ гражданамъ теперешней республики на крайнемъ Западѣ, чуть ли даже не къ ихъ учрежденіямъ и порядкамъ... Такому рецепту слѣдовать, однако, трудно, ибо нельзя любить по приказу, какъ бы ни былъ полезенъ «союзъ сердецъ» для успѣха политической комбинаціи. Сторонникомъ послѣдней былъ, какъ извѣстно, и покойный Катковъ, но только, разумѣется, въ смыслѣ политическаго оппортунизма; о *сердечныхъ* же симпатіяхъ и уваженіи къ теперешней Франціи и французамъ мы что-то не встрѣчали заявленій на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Мы встрѣчали напротивъ иногда жесткія рѣчи о томъ, что Франція — гніющій трупъ и что въ ней не съ кѣмъ заключать союзъ... Весьма понятно, что во всемъ этомъ рѣчь шла о двухъ совершенно различныхъ понятіяхъ; но многіе изъ тѣхъ, кто желалъ поддѣ-

латься подъ тонъ великаго публициста, все исказили; да и вообще мы мастера по части путаницы. Подогрѣвать симпатіи, послѣ того, какъ онѣ постепенно ослабѣвали или decrescendo въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ, представляется труднымъ; этого не сдѣлаешь на заказъ»... и т. д.

Въ концѣ того же предисловія мы читаемъ слѣдующія строки:

«Вопросъ о франко-русскихъ симпатіяхъ и галломаніи, какъ мы сказали выше, довольно спутанъ, и давно настала пора попытаться воздать suum cuique, разграничить и разъединить элементы этой путаницы. Появившаяся недавно въ газетѣ «Figaro» нелѣпая статейка, подъ громкимъ заглавіемъ: «Les Théories de Katkoff», дастъ намъ, между десятками подобныхъ произведеній французской прессы, поводъ попытаться разобраться въ этомъ запутанномъ матеріалѣ... Пишущій эти строки послалъ редактору «Figaro» слѣдующее письмо (съ нѣкоторыми дополненіями), которое печатается in extenso, такъ какъ, разумѣется, оно никогда не появится въ газетѣ, куда оно послано».

Въ самомъ французскомъ текстѣ, назначенномъ для газеты «Фигаро», въ началѣ на стр. 8-й, мы находимъ такое замѣчаніе:

«Вотъ уже скоро два года, какъ французы и русскіе жмутъ другъ другу руки такъ, что только кости трещатъ; и недавно еще, въ день вашего (французскаго) національнаго праздника (увы! этотъ праздникъ былъ не что иное, какъ годовщина взятія Бастиліи), многіе дома въ Парижѣ были украшены русскими флагами; и такъ мы — друзья — не правда ли? Друзья искренніе, нѣжные, преданные»...

Подъ конецъ статьи, на стр. 27-й, 32 и 34-й, мы видимъ вотъ что:

«И такъ мы слово за словомъ дошли, наконецъ, до значенія и цѣли нашего съ вами союза — *во время войны*... Войны — съ кѣмъ? — спрашиваю я! — Гдѣ непріятель? Съ Германіей, конечно... (отвѣчаете вы). Германія — врагъ общій и несомнѣнный. — Гм! Германія Россіи несомнѣнный врагъ? Такъ ли это? Кто вамъ сказалъ это?

— «Катковъ, Катковъ сказалъ, le grand Katkoff!» Да, этотъ вопросъ могъ бы стать предметомъ серьезнаго и глубокаго анализа, подъ конецъ котораго пришлось бы пожалуй сказать только «est modus in rebus»... Но не будемъ спорить съ Катковымъ и допустимъ, что это вполнѣ справедливо. Положимъ, Германія намъ несомнѣнный врагъ, и вотъ насталъ часъ обнаженія меча... «Въ Берлинъ»! Прекрасно; но я еще разъ повторяю: при чемъ же въ случаѣ подобнаго столкновенія Россіи съ Германіей союзъ нашъ съ Франціей? Россія и Франція отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ; каждый изъ насъ можетъ жить особо и независимо; не будетъ даже и при одновременной борьбѣ ни братства по оружію, ни *общихъ* полей битвъ, политыхъ *совмѣстно* кровью союзниковъ; ни знаменъ въ одно время почернѣвшихъ отъ дыма *тѣхъ же самыхъ* пушекъ. Мы не пойдемъ просить у французовъ помочь намъ ружьями и другими военными запасами; и французы не станутъ у насъ всего этого просить. Какая же цѣль этого *единенія* съ Франціей? Когда Франція найдетъ минуту удобной и армію свою достаточно сильной и мужественной, чтобы напасть на Германію,—кто помѣшаетъ ей это сдѣлать? И Россія съ своей стороны вольна воспользоваться этой же минутой для нападенія на предполагаемаго врага съ своей стороны... Если бы случилось Россіи прежде напасть, Франція тоже самое можетъ сдѣлать съ своей стороны, ибо непріятель, атакуемый съ двухъ сторонъ, неизбѣжно слабѣе. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ!»

«Итакъ, гдѣ же выгоды, въ чемъ же приманка для подобнаго союза, разъ уже *дѣйствительныя* симпатіи между обѣими націями и между двумя правительствами болѣе чѣмъ сомнительны?»

Въ заключеніе авторъ брошюры обращается къ «Фигаро» со слѣдующими четырьмя откровенными, ясными и основательными пунктами:

1) Симпатіи между русскими и французами за послѣднія 25—30 лѣтъ значительно охладѣли.

2) Мысль о союзѣ съ *нынѣшней* Франціей принадлежитъ

безусловно къ области *политическаго оппортунизма и ничуть не основана на взаимной симпатіи двухъ націй.*

3) Покойный Катковъ хотя дѣйствительно и склонялся къ подобному *союзу*, но взгляды его на *современную* Францію не рознились ничѣмъ отъ взгляда на нее всѣхъ благомыслящихъ русскихъ.

4) Этотъ взглядъ или эта оцѣнка благомыслящей Россіи не слишкомъ-то благопріятна для республиканской Франціи.

Наиболѣе важнымъ я считаю для насъ, русскихъ гражданъ, во всемъ этомъ дѣлѣ не вопросъ *о союзѣ*, а вопросъ *о сочувствіяхъ*, а вслѣдствіе сочувствій и *о вліяніи* на насъ французскаго духа. *Союзъ самъ по себѣ еще не опасенъ* и при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ быть и очень выгоденъ.

Нерѣдко противники вліяютъ больше союзниковъ. Нѣмцы и англичане, союзники наши во времена Наполеона I, не имѣли ни малѣйшаго замѣтнаго вліянія на наше общество, а общіе непріятели—французы—*въ то время* вліяли умственно на всѣхъ—меньше всего на англичанъ, конечно, больше всего на насъ, вслѣдствіе нашей подлой и до сихъ поръ еще неисцѣлимой подражательности.

Вотъ что важно: *не любить, не восхищаться, не подражать*, а *содѣйствовать* изъ временныхъ государственныхъ расчетовъ можно всякому; мы удачно содѣйствовали сѣверянамъ Америки въ борьбѣ ихъ противъ болѣе близкихъ, пожалуй, къ намъ по помѣщичьему строю жизни южанъ; но при этомъ особаго и замѣтнаго вліянія промышленный и свирѣпо-буржуазный духъ американскаго сѣвера на насъ, слава Богу, не имѣлъ.

Я знаю, что кн. Голицынъ правъ, замѣчая довольно уже давнее и благодѣтельное для нашего развитія охлажденіе къ французскимъ либерально-эгалитарнымъ идеаламъ. Онъ говоритъ, что сочувствовать у насъ республиканской Франціи могутъ только тѣ публицисты, которыхъ Катковъ называлъ: «мошенники пера и разбойники печати». Правда; но у этихъ публицистовъ развѣ мало еще и теперь чита-

телей и подписчиковъ? Интересно бы было справиться, напр., хоть въ цензурномъ вѣдомствѣ или на почтѣ, сколько подписчиковъ у подобнаго духа періодическихъ изданій?

Я думаю, что сумма всѣхъ подписчиковъ на эти русскіе по языку и отчасти и по заглавіямъ своимъ, но не русскіе по духу органы печати выйдетъ и теперь не малая, а очень большая.

Не скоро мы съ этимъ справимся Надо еще долго и неустанно бороться и бороться всячески, и принужденіемъ, и убѣжденіемъ, чтобы вытравить въ умахъ самихъ читателей этотъ духъ.

О русскихъ современныхъ читателяхъ мнѣ и прежде не разъ случалось говорить, что я вѣрю больше въ ихъ безтолковость и легкомысліе, чѣмъ въ ихъ сознательную злонамѣренность.

Какъ одинъ живой примѣръ изъ сотни другихъ, разскажу про одну встрѣчу мою съ богатымъ купцомъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ, лѣтъ десять тому назадъ. Я покупалъ что-то въ лавкѣ, когда въ нее вошелъ пожилой и солиднаго вида человѣкъ, одѣтый по-европейски довольно щеголевато; вошелъ, поздоровался съ хозяиномъ и, какъ свой человѣкъ, сѣлъ и сталъ разговаривать. Не помню какъ, разговоръ коснулся газетъ, и онъ началъ восхищаться «Голосомъ», объявивъ, что это единственная газета, которая говоритъ правду, и поэтому онъ только ее и читаетъ. Я возражалъ ему кой-что и, принявъ его за очень либеральнаго помѣщика, желающаго конституціи, ушелъ изъ лавки прежде его. Въ тотъ же день я навелъ о немъ справки; мнѣ сказали, что это не помѣщикъ, а купецъ, и смѣясь прибавили, что онъ самъ не знаетъ почему любитъ «Голосъ»; *на дѣлѣ* — онъ человѣкъ религіозный, содержитъ посты, празднуетъ церковные праздники, жертвуетъ на храмы, а въ царскіе дни одинъ изъ первыхъ всегда освѣщаетъ домъ свой плошками...

Для того, чтобы судить правильно многихъ и многихъ изъ нашихъ читателей, — самое лучшее средство — это вспо-

минать почаще то, что сказалъ гр. Левъ Ник. Толстой про князя Степана Аркадьевича Облонскаго въ первой части «Анны Карениной».

«Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную газету, не крайнюю, но того направленія, котораго держалось большинство. И несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы, какихъ держалось большинство и его газета и измѣнялъ только тогда, когда большинство измѣняло ихъ, или лучше сказать—не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись.

«Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили къ нему точно такъ же, какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука и бралъ тѣ, которые носятъ. А имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу. Если и была причина, почему онъ предпочиталъ либеральное направленіе консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того, чтобъ онъ находилъ либеральное направленіе болѣе разумнымъ, но потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни.

«Либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно недоставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно, семейная жизнь доставила мало удовольствія Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумѣвала, что религія есть только узда для варварской части населенія, и дѣйствительно, Степанъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страш-

ныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было весело.

«Вмѣстѣ съ этимъ Степану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда озадачить смирнаго человѣка тѣмъ, что если гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника—обезьяны».

Итакъ, одинъ изъ подобныхъ читателей—купецъ, жертвующій на храмы и украшающій домъ свой плошками въ царскіе дни; другой—*настоящій* баринъ, князь, значительный чиновникъ—и у обоихъ сходная и одинаково никуда негодная политическая логика!

Логика настоящая, правильная, уже давнымъ-давно должна бы привести насъ, русскихъ, не только къ отверженію политическихъ идеаловъ, подобныхъ идеаламъ современной Франціи, Соединенныхъ Штатовъ, швейцарскаго деревяннаго «гражданства» и т. п., но ко взгляду на весь собственный нашъ эмансипаціонный періодъ, какъ на время въ высшей степени опаснаго и, быть можетъ, и трудно исправимаго опыта...

Пора же понять хоть намъ, русскимъ (если западные европейцы уже не въ силахъ этого сдѣлать), что сословный строй, неравноправность гражданъ, раздѣленіе ихъ на неравноправные слои и общественныя группы есть *нормальное* состояніе человѣчества и что даже и та не полная степень свободнаго равенства, до которой дошла вся Европа во второй половинѣ XIX вѣка, есть не что иное, какъ разрушеніе этого органическаго, естественнаго строя, безъ замѣны его (*пока*) строемъ новымъ, новой, искусно организованной, такъ сказать, *соціальной неправдой*.

Именно въ этой-то соціальной *видимой неправдѣ* и таится невидимая соціальная *истина*; глубокая и таинственная органическая истина общественнаго здравія, которой безнаказанно нельзя противорѣчить даже во имя самыхъ добрыхъ и сострадательныхъ чувствъ. Мораль имѣетъ свою сферу и свои предѣлы; политика свою. Политика (т.-е. расчетъ), вносимая въ дѣла личныя—черезъ мѣру и въ ви-

ду лишь одной личной выгоды,—убиваетъ внутреннюю, *дѣйствительную* мораль. Мораль, вносимая слишкомъ простодушно и горячо въ политическія и общесоціальныя дѣла, колеблетъ, а иногда и разрушаетъ государственный строй.

Я приведу здѣсь по этому поводу о пользѣ и значеніи общественной неравноправности (или «*соціальной неправды*», какъ многіе выражались въ *истекающемъ* уже XIX в.) мнѣнія двухъ людей, между собою, конечно, вовсе не схожихъ: мнѣнія св. Игнатія Богоносца (одного изъ ближайшихъ учениковъ апостольскихъ) и мнѣнія *Эрнеста Ренана.*

Мнѣнія перваго касаются рабства; взгляды послѣдняго—сословной неравноправности вообще.

Игнатій Богоносецъ въ посланіи своемъ къ Поликарпу, епископу смирнскому, говоритъ такъ: «Надъ рабами и рабынями не гордися; но ниже тіи да возносятся: *но во славу Божію бо̀льше да работаютъ*, яко да *лучшую свободу* (т.-е. духовную) получатъ отъ Бога; *ни да избираютъ чрезъ общій искупъ свободитися, да не раби обрящутся пдхоти*»...

Сами апостолы, прямые истолкователи воли Христа, не только оставались равнодушными къ вопросу о равенствѣ и неравенствѣ личныхъ правъ на землѣ, но и прямо освящали неравноправность своимъ словомъ (ап. Павла; гл. XIII; къ Римл.; къ Коринѳ. I; гл. VII, 20, 21, 22; къ Ефес. гл. VI, 5, 6, 7, 8, 9; къ Колос. гл. III, 22—25; къ Тим. гл. VI, 1—4; ап. Петра I; гл. II, 13—20 и т. д.).

Ренанъ съ своей стороны считаетъ Францію погибшей оттого, что *она неисправима на пути равноправности.*

«Революція» (говоритъ онъ)... «сохранивъ лишь одно неравенство, неравенство имущества; оставивъ на ногахъ лишь одного гиганта—государство и тысячи пигмеевъ, создала націю, *будущее которой мало надежно*, націю, гдѣ одно богатство имѣетъ цѣну, гдѣ благородство можетъ только больше и больше падать».

«Революція все раздробила; она разрушила *всѣ корпораціи*, кромѣ Церкви; одно духовенство осталось организованнымъ *внѣ государства*».

«Человѣческое общество, мать всякаго идеала, есть пря-

мое произведеніе верховной воли, которая хочетъ, чтобы добро, истина, красота имѣли въ мірѣ созерцателей... Это трансцендентное отправленіе человѣчества не совершается посредствомъ *простого сосуществованія недѣлимыхъ... Общество есть іерархія*».

«Мы все выходимъ изъ идеи, что дворянство имѣетъ началомъ заслугу, и такъ какъ ясно, что заслуга не наслѣдственна, то мы легко доказываемъ, что наслѣдственное дворянство есть нелѣпость; но тутъ вѣчное французское заблужденіе, *что есть какая-то распредѣлительная справедливость, вѣсы которой должно держать государство*. Общественное основаніе дворянства, разсматриваемаго какъ установленіе, имѣющее цѣлью общую пользу, *состояло не въ томъ, чтобы вознаграждать заслугу, а въ томъ, чтобы ее вызывать, чтобы дѣлать возможными и даже легкими извѣстнаго рода заслуги. Если бы оно (дворянство) служило даже только для того, чтобы показать, что справедливости не должно искать въ офиціальномъ устройствѣ общества, то и это уже было бы не малое дѣло.* Девизъ «достойнѣйшему» имѣетъ въ политикѣ очень мало примѣненія».

И еще. «Трудолюбивыя поколѣнія людей, народа и крестьянъ, создаютъ существованіе честнаго и экономнаго буржуа, который въ свою очередь создаетъ дворянина, человѣка освобожденнаго отъ вещественнаго труда, всецѣло преданнаго предметамъ безкорыстнымъ. Каждый въ своемъ классѣ есть хранитель преданія, нужнаго для успѣховъ цивилизаціи».

«Превосходство Церкви (католической) и сила, которая ручается за то, что у Церкви есть еще будущее, состоитъ въ томъ, что она одна понимаетъ это и научаетъ это понимать. *Церковь хорошо знаетъ, что лучшіе люди часто бываютъ жертвами преимуществъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ; но она знаетъ также, что природа хотѣла, чтобы жизнь человѣчества имѣла многія степени. Она знаетъ и признаетъ, что грубость многихъ есть условіе воспитанія одного*», и т. д.

«Сумѣютъ ли холодныя соображенія политико-экономa замѣнить все это»?—спрашиваетъ Ренанъ.

На вопросъ, дѣлаемый Ренаномъ, сумѣютъ ли холодныя соображенія политико-экономa замѣнить все это, Ренанъ отвѣчаетъ: конечно нѣтъ! И потому Ренанъ свою новую, либерально-буржуазную уравненную Францію считаетъ погибшей. Возвратъ къ старому онъ справедливо считаетъ невозможнымъ, а для новаго, для новой *организаціи* элементовъ нѣтъ и не можетъ быть въ странѣ, издавна воинственной, *но ничуть не завоевательной* такъ, какъ завоевательна, напримѣръ, наша Россія въ томъ смыслѣ, что она все еще растетъ и *обновляетъ этимъ, иногда почти невольнымъ ростомъ свою соціальную почву*. Постоянно присоединяя разнохарактерныя страны, невозможно ихъ вдругъ *ложно обрусить*, т.-е. прямѣе сказать—невозможно передать имъ сразу всѣ *горькіе плоды нашего европеизма*; трудно оказалось и при 25-лѣтнихъ усиліяхъ до конца испортить наши окраины, погубить ихъ благородное разнообразіе, ихъ мистическія вѣрованія, ихъ *косвенно* полезный и намъ самимъ *фанатизмъ, будто бы русскими* либеральными судами, нигилистическими университетами, всепожирающимъ прогрессомъ желѣзныхъ путей и т. д.

Этой одной разницы между *опомнившейся* Россіей 80-хъ годовъ и *неисправимой* современной Франціей достаточно, чтобы сочувствія не переходили съ чисто *политической* почвы на *соціальную!*

У князя Голицына все это выражено иначе, но въ томъ же направленіи.

Я очень былъ бы радъ, если кто-нибудь другой, болѣе меня на это терпѣливый, изложилъ бы подробно въ какой-нибудь хорошей газетѣ содержаніе этой брошюры и привелъ бы изъ нея по-русски большіе отрывки; но самъ я теперь не въ силахъ этого сдѣлать. Скажу только, что въ ней, кромѣ того яснаго различенія между *случайнымъ выгоднымъ содѣйствіемъ* и *душевнымъ или умственнымъ сочувствіемъ*, есть еще другое раздѣленіе понятій, нѣсколько темнѣе впрочемъ перваго выраженное. Это о двухъ раз-

ныхъ причинахъ охлажденія русскихъ людей къ Франціи; одну изъ этихъ причинъ охлажденія можно назвать политическою собственно, другую скорѣе — *культурною. И эта вторая*, повторяю, *гораздо важнѣе.* У кн. Голицына объ эти причины являются (на стр. 14—15) нѣсколько спутанными.

Политической причиной охлажденія нашего я называю весь тотъ рядъ противодѣйствія вооруженной рукой и дипломатической интригой, который мы видѣли отъ всѣхъ правительствъ Франціи за послѣднія 35 лѣтъ, начиная отъ Крымской войны до невыдачи цареубійца Гартмана и т. д.

Культурной причиной охлажденія, доходящей именно у лучшихъ русскихъ до отвращенія, считаю упомянутую разницу въ гражданскихъ и вообще общественныхъ идеалахъ, разницу, которая теперь съ каждымъ годомъ, съ каждымъ шагомъ роетъ, къ счастію нашему, между нами и французами все болѣе и болѣе глубокую бездну.

И Франція и Россія глубоко измѣнились во второй половинѣ XIX вѣка.

Французы XVIII вѣка и начала XIX были во многомъ гораздо выше современныхъ имъ русскихъ; вслѣдствіе этого русскимъ они тогда нравились; они плѣняли нашихъ отцовъ и дѣдовъ не безъ основанія. Воюя противъ нихъ, вступая съ ними въ государственную борьбу, тогдашніе русскіе культурно, умственно подчинялись и подражали имъ. Французы конца XIX вѣка стали ниже насъ, и намъ нечему у нихъ важному учиться.

Франція стремится неудержимо по наклонной плоскости *крайней демократизаціи*, и нѣтъ сомнѣнія, что даже и торжествующіе радикалы ничего не смогутъ въ ней прочнаго устроить, ибо *устройство* и есть не что иное, какъ-то *организованное* неравенство, которое восхваляетъ Ренанъ.

У насъ опытъ и *неполной* демократизаціи общества привелъ скоро къ глубочайшему разочарованію. Начавшійся съ *личной* эмансипаціи крестьянъ (экономически, *аграрно* они и теперь не свободны, а находятся въ особаго рода спасительной для нихъ самихъ крѣпостной зависимости отъ *земли*), этотъ опытъ, слава Богу, очень скоро (для исторіи

25 лѣтъ — это еще немного) доказалъ однимъ изъ насъ, что мы вовсе не созданы даже и для приблизительныхъ равенства и свободы... а другимъ, болѣе понимающимъ и дальновиднымъ, этотъ опытъ доказалъ *еще нѣчто большее.*

Онъ заставилъ понять, что если славянофилы были правы, воскликнувъ: «Западъ гніетъ» — то гніетъ онъ безъ сомнѣнія—главнымъ образомъ *оттого, что въ немъ вездѣ* (даже въ Англіи и Германіи) слишкомъ много стало *этого равенства и этой свободы,* ведущихъ къ высшей степени вредному *однообразію* воспитанія и потребностей. Англія, благодаря послѣднимъ демократическимъ реформамъ, подходитъ все ближе и ближе къ типу орлеанской Франціи, а отъ подобной монархіи одинъ шагъ до якобинской (т.-е. *капиталистической*) республики... Что касается до не вполнѣ еще объединенной Германіи, то ея соціальная почва слишкомъ тоже близка къ общеевропейскому типу XIX вѣка, чтобы имѣть надолго *особую* будущность. Гражданское равенство, однообразіе, парламентъ (съ которымъ, *пока живъ,* еще кой-какъ справляется великій человѣкъ), гражданскій бракъ и т. д. А послѣ смерти двухъ могучихъ и популярныхъ старцевъ, императора Вильгельма и Бисмарка, будетъ непремѣнно все то же, что и вездѣ на Западѣ — всѣ эти полурадикальные, сильные для разрушенія и безсильные для созиданія Ласкеры и Вирховы восторжествуютъ навѣрно, но не надолго! Всѣ западныя страны Европы *осуждены историческимъ рокомъ своимъ,* своей органической жизнью итти позднѣе за Франціей и повторять ея ошибки, даже и ненавидя ее! Неужели не избѣгнемъ этого и мы?

Будемъ надѣяться, что *теперешнее* движеніе русской мысли, *реакціонное*—скажемъ прямо движеніе—не эфемерно, а надежно; будемъ помнить, что прогрессъ не всегда былъ *освобождающій,* а бывалъ *разный;* будемъ мечтать, наконецъ, чтобы условія внѣшней политики позволили бы намъ окончить скорѣе восточный вопросъ въ нашу пользу и чтобы неизбѣжное тогда расширеніе историческаго кругозора нашего, совпадая счастливо съ этимъ реакціоннымъ теченіе-

емъ мысли, вынудило бы насъ яснѣе прежняго понять сложные и мудрые законы соціальной *статики* и все смѣлѣе и смѣлѣе прилагать ихъ къ жизни....

«Франція, сказалъ Данилевскій, есть истинный практическій проявитель европейскихъ идей съ начала европейской исторіи и до настоящаго дня. Россія представительница славянства».

Франція, прибавлю и я, есть передовая нація романо-германской культуры, понемногу отходящей въ вѣчность; Россія—глава міра, возникающаго для самобытной, новой и *многосложной* зрѣлости.

Какое же возможно тутъ сочувствіе?!

Если же нѣтъ, если мы ошиблись, то и Россія погибнетъ скоро (исторически—скоро), слившись такъ или иначе со всѣми другими народами Запада въ видѣ жалкой части какой-нибудь рабочей, сѣрой, безбожной и бездушной, федеральной мерзости!

И не стоитъ тогда и любить ее!

Suum cuique. (Каждому свое.)

Въ брошюрѣ своей кн. Голицынъ очень ясно различаетъ три степени возможныхъ отношеній къ Франціи русскихъ людей и Россіи во всецѣлости ея: сердечное сочувствіе, формальный союзъ и случайное взаимное содѣйствіе. Онъ признаетъ полезнымъ только послѣднее, да и то съ оговоркой, если Германія дѣйствительно окажется *отъявленнымъ* намъ врагомъ.

О Катковѣ ему приходится говорить много, потому что его возраженіе невпопадъ пламеннымъ французскимъ публицистамъ написано непосредственно подъ впечатлѣніемъ глупой статьи «Фигаро»—«Les theories de Katkoff» (нашли *теоретика!*).—«Катковъ искренній другъ французской республики, Катковъ противникъ и врагъ русскаго дворянства, говорившій о немъ съ презрѣніемъ» и т. д.

Кн. Голицынъ обличилъ «Фигаро» въ невѣжествѣ и пу-

стословіи; онъ хотѣлъ растолковать французамъ (жаль, что не русскимъ), «что Катковъ не восхищался строемъ ихъ государства, не сочувствовалъ республикѣ ихъ, не видѣлъ въ нынѣшней Франціи почти ничего достойнаго уваженія или подражанія, а только какъ русскій практическій политикъ находилъ временное сближеніе съ правительствомъ Франціи выгоднымъ для нашихъ собственныхъ цѣлей».

Кн. Голицынъ защищаетъ Каткова отъ *нареканья* въ симпатіяхъ къ Франціи; онъ говоритъ, что «знамя Каткова было *близны* незапятнанной», что «красной, пунцовой республикѣ» этотъ русскій патріотъ сочувствовать не могъ. Онъ очень высоко вообще цѣнитъ Каткова, хотя и замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что страстность покойнаго «оппортуниста» нашего и въ дѣлѣ чисто практическаго соглашенія съ представителями *дѣятельной* французской политики перешла въ послѣднее время за должную черту... Кн. Голицынъ утверждаетъ, что «по слухамъ Катковъ вступилъ въ ненужные переговоры съ вліятельными людьми вашей (французской) націи; онъ дозволилъ нѣкоторымъ друзьямъ своимъ свиданія съ вождями вашихъ партій... *дѣйствія, которыя у насъ* (въ Россіи) *въ высшихъ сферахъ не были бы одобрены*»...

И конечно, если эти слухи справедливы, то одобрять тутъ нечего; особенно *въ наше время* «благодѣтельной гласности» и т. д. Если бы Катковъ былъ не публицистъ, а прямо и просто человѣкъ *власти*, министръ, напр., то это было бы, можетъ быть, очень полезно.

Въ старину ни публика, ни газеты, ни депутаты національныхъ собраній не мѣшали своему правительству дѣлать дѣло тайно, не спѣша и солидно. Теперь не то. Какое-то жужжаніе вокругъ, неясное, глухое, но несносное... Всѣмъ надо судить, говорить, писать, совѣтовать, ораторствовать; надо изумляться, какъ еще нынѣшніе дипломаты могутъ вести серьезныя дѣла! То другъ друга опровергающіе слухи, то повтореніе одного и того же извѣстія съ ничтожными поправками; все мелькаетъ, все рябитъ въ глазахъ, сливается въ какой-то блѣдной, полинявшей пестротѣ... Никогда почти

нельзя понять ясно, *кто именно* чего ищетъ и желаетъ, — государь ли той или другой страны? Правительство ли то или другое въ совокупности своихъ главныхъ силъ? Нація ли? и какая часть націи. «Франція ищетъ»... «Россія желаетъ»... *Какая* Франція? *Какая* Россія? Все это такъ сложно и темно!

Если бы мы писали: «*я* думаю; *я* для Россіи желаю; *я* нахожу»... право было бы гораздо прямѣе и полезнѣе!

Въ тѣ времена, когда дипломатическія дѣла и вообще высшую политику вѣдали только цари съ министрами и могучіе совѣты аристократическихъ державъ, подобныхъ Венеціи и Старой Англіи, для посвященныхъ все было ясно, для непосвященныхъ—темно. И великія дѣла совершались безъ газетнаго и парламентскаго празднословія.

Мнѣ скажутъ, что великія эти дѣла совершаются и теперь и подъ эту демократическую кошачью музыку... Ведутся побѣдоносныя войны, распадаются или поглощаются цѣлыя государства; заключаются искусные и сложные трактаты, подобные берлинскому, напр.

Все это такъ; у людей есть огромная способность примѣняться къ новымъ условіямъ, и государственные люди примѣнились къ этому ежедневному мельканью полуистинъ, полулжи и общепринятыхъ фразъ, къ этому нескладному концерту передовыхъ статей и политическихъ брошюръ, они даже подъ рукою (у насъ въ Россіи не понимаю, съ какой ясной цѣлью и для *кого именно?!*)... по дѣламъ внѣшнимъ вліяютъ на печать, внушаютъ, возбуждаютъ, сами даже иногда безъ подписи пишутъ...

И при этомъ иногда дѣлаютъ именно то, что внушали и писали, а иногда совершенно обратное.

Журналисты тоже часто пишутъ не то, что думаютъ, но совершенно противоположное; они принимаютъ на себя роль дипломатовъ; но здѣсь это гораздо вреднѣе; возьмемъ журналиста — независимаго, честнаго, положимъ, русскаго... Онъ пишетъ, положимъ, общепринятую фразу: «Россія желаетъ прочнаго мира въ Европѣ...» Предположимъ при этомъ, что какой-нибудь изъ друзей и единомышленниковъ

этого журналиста говоритъ ему вечеромъ: «Надо желать войны на Западѣ; она намъ развяжетъ руки на Востокѣ; еще рано класть предѣлъ даже и завоеваніямъ нашимъ; мы не пріобрѣли еще главнаго — Босфора; Босфоръ и Дарданеллы до того важны, до того намъ для дальнѣйшаго даже и духовнаго развитія намъ нужны, что я бы съ радостью отдалъ бы, кажется, за нихъ Германіи почти всю Польшу, и чеховъ еще съ большей радостью и, пожалуй, даже и Курляндію. На что этого рода гордость — ничего не уступать, ничего не отдавать! Есть соображенія глубже и возвышеннѣе этого: все то благотворно, что насъ удалитъ отъ европейскаго Запада; все то спасительно, что отодвинетъ насъ отъ того несчастнаго «окна», которое Петръ I *прорубилъ въ Европу* «средь тьмы лѣсовъ и топи (финскихъ) блатъ».

Если же такой простой и щедрый съ нашей стороны обмѣнъ невозможенъ по какимъ-нибудь соображеніямъ, которыхъ я не понимаю, то я желалъ бы войны; сокрушаюсь даже, что Турція съ нами кой-какъ ладитъ, и молю Бога о томъ, чтобы Англія или Австрія вовлекли ее въ какой-нибудь союзъ противъ насъ въ добрую для насъ минуту!

«Да, это правда (отвѣчаетъ журналистъ), но у насъ еще общество не дошло до этого высшаго пониманія. Великое религіозное и культурное значеніе восточнаго вопроса очень немногимъ доступно. Если бы лѣтъ десять тому назадъ кто-нибудь изъ насъ, пишущихъ, началъ бы проповѣдовать, что ни болгары, ни сербы *сами по себѣ* не стоятъ нашихъ жертвъ, даже и простой народъ, потому что онъ самъ изъ себя, безъ нашей помощи, кромѣ пошлыхъ демагоговъ, ничего выдѣлять не можетъ (какъ и всякій народъ безъ національной монархіи, безъ сильнаго духовенства и безъ блестящаго дворянства), но что воевать и побѣдить турокъ, и освободить, и усилить юго-славянъ намъ все-таки нужно, чтобы самимъ сдѣлать еще одинъ шагъ къ окончанію восточнаго вопроса; если бы мы писали такъ, намъ бы отвѣтили: «На что намъ вашъ Царьградъ и ваши проливы? Куда намъ?! У насъ и безъ нихъ трудно». А

для освобожденія юго-славянъ одушевились. И потому нужно было славянъ хвалить, превозносить и возлагать на нихъ въ будущемъ прекрасныя надежды. Положимъ, другъ возражаетъ на это журналисту такъ: «Все это ложь и ложь, все искаженіе правды въ глазахъ читающей публики. Велѣло бы правительство воевать, пошли бы безъ всякаго одушевленія, одушевились бы *тамъ*, на мѣстѣ, какъ и случилось на дѣлѣ со многими... Вольно же правительству слишкомъ много обращать вниманія на газеты; оно и безъ нихъ положеніемъ своимъ и силой своей научается, *что нужно дѣлать* по внѣшней политикѣ. А для публики нашей, не спеціально посвященной въ дѣла дипломатіи, полезнѣе было бы говорить пояснѣе правду болѣе *общую*. Намъ надо публику воспитывать, намъ, больше ея во всемъ этомъ смыслящимъ и этому себя посвятившимъ, а не правительство учить, которое само, я думаю, знаетъ или должно знать, что возможно и что удобно *теперь*. И не иностранцамъ мы призваны *отводить* глаза, а *своимъ открывать* ихъ. Сколько ни брани мы за что-нибудь иностранцевъ, напримѣръ, французовъ за ихъ нравы и бытъ, это не помѣшаетъ ихъ начальникамъ заключить союзъ съ нашими дипломатами, когда нужно и можно; сколько ни тверди мы, что надо взять Царьградъ, ни турки и никто другой за это войны намъ не объявятъ... А *свои* читатели будутъ *заранѣе* подготовлены; будутъ понимать, чего хотятъ отъ нихъ... Согласны ли вы, еще разъ спрашиваю, что воіна между Франціей и Германіей желательна и что надо внушать это заранѣе публикѣ, а правительство наше останется при своемъ и будетъ дѣлать то, что ему угодно (быть можетъ, впрочемъ, радуясь, что *на всякій случай* умы подготовлены?). Эта подготовка, ясная, всѣмъ доступная, есть дѣйствительная помощь властямъ, а лживыя и всѣмъ извѣстныя фразы, которымъ нельзя придавать практическаго значенія — кому онѣ нужны? *Свои* вѣрятъ и сбиваются: это дурно; а иностранцы, для которыхъ какъ будто это пишется, не вѣрятъ. Редакторъ — не офиціальное лицо, не дипломатъ, не министръ, подъ перомъ котораго, пишу-

щимъ *уже прямо для однихъ иностранцевъ* — такое простое выраженіе, что «Россія желаетъ всеобщаго мира», имѣетъ дѣйствительное значеніе, хотя, быть можетъ, и временное и только приблизительное, но все-таки дѣйствительное. Если даже дипломатъ напишетъ это въ офиціальной нотѣ за недѣлю не больше *до рѣшенной уже мобилизаціи*.. то онъ сбиваетъ этимъ только противниковъ, а редакторъ путаетъ своихъ! Согласны ли вы?»

Такъ говоритъ другъ.

— Да, это правда, все это печальная правда современной запутанной жизни... Босфоръ намъ необходимъ... и война желательна, — восклицаетъ редакторъ.

И, сказавши это вечеромъ другу, редакторъ тою же ночью садится и начинаетъ передовую статью такъ: «Россія желаетъ европейскаго мира; миръ на Западѣ ей необходимъ; завоеваній ей не нужно..» и т. д.

Для кого же это? Для цензуры? Если такъ, то это еще самое резонное, не потому, что цензура можетъ карать, а потому, что ни одинъ публицистъ, будь онъ мудръ какъ Катковъ и благороденъ какъ Аксаковъ, не долженъ приписывать себѣ какую-то исключительную монополію патріотизма вотъ *такого-то* и *такого-то;* можетъ быть люди, власть имѣющіе и несущіе на своихъ плечахъ отвѣтственность, настолько же превосходящую тяжестью своею отвѣтственность журналиста, насколько вообще *дѣло* превосходитъ вѣсомъ своимъ *слово*, можетъ быть — эти люди власти *въ данную минуту патріотизмъ-то именно полагаютъ въ уступчивости, которой причины мы не знаемъ?..*

Для цензуры такъ писать позволительно и нерѣдко похвально; но успокаивать иностранцевъ, отумашивая своихъ, едва ли полезно.

А такъ нерѣдко дѣлалъ, мнѣ кажется, и *самъ* Катковъ.

Положимъ, что Катковъ былъ судьбой своей поставленъ въ особое положеніе: онъ не могъ не понимать силы и значенія своего слова; онъ зналъ, что онъ имѣетъ непосредственное, нерѣдко почти *немедленное* вліяніе *на дѣла.* То же самое, что говорилъ онъ почти всегда *во-время* и *кстати,*

заботясь лишь о дѣйствіяхъ завтрашняго дня, — проповѣдывали, положимъ, другіе гораздо раньше его, иногда выражая все это гораздо шире и глубже его, остроумнѣе, несравненно прозорливѣе; но онъ ничуть не стѣсняясь игнорировалъ все сказанное этими другими и въ періодическихъ изданіяхъ и въ цѣлыхъ особыхъ книгахъ. Умалчивая о томъ, что прежде его это самое сказали Хомяковъ, Аксаковъ, Н. Я. Данилевскій, Тютчевъ, въ иныхъ случаяхъ даже Герценъ *), онъ повторялъ чужія мысли въ такія только минуты, когда становилось возможнымъ ихъ *немедленное* приложеніе, и былъ вообще, какъ превосходно выразилась о подобныхъ дѣятеляхъ Жоржъ-Зандъ, не «инженеромъ человѣчества», составляющимъ планы построекъ, *теоріи*, какъ думаетъ «Фигаро», а «саперомъ», приводящимъ въ исполненіе эти планы.

Оттого Катковъ такъ часто и мѣнялъ свои мнѣнія, оставаясь всегда вѣренъ одной основной цѣли: принести пользу русскому государству, принести ему пользу такъ, какъ онъ самъ *въ данную минуту* понималъ эту пользу.

Я привелъ Ж.-Зандъ, мнѣ хочется привести еще и Карлейля, который сказалъ: «жизнь похожа на спряженіе неправильныхъ глаголовъ».

Катковъ зналъ отлично эту грамматику жизни и сообразжался съ ней постоянно.

Изъ кабинета своего — его великій, но вовсе не оригинальный и въ смыслѣ общихъ взглядовъ ничуть не творческій умъ — умѣлъ съ необычайной остротой угадывать то, что *можно сдѣлать теперь* для достиженія непосредственныхъ цѣлей; умѣлъ указывать всѣмъ на то, что *должны дѣлать сейчасъ* люди, облеченные офиціальною властью. А можетъ быть иногда и наоборотъ...

Мнѣ кажется, будто онъ зналъ иногда навѣрное, что его въ петербургскихъ высшихъ сферахъ въ *данномъ, особомъ* случаѣ (преимущественно въ дѣлахъ внѣшней политики) не послушаютъ; что, взявши въ расчетъ, между про-

*) О Герценѣ я послѣ скажу подробнѣе въ тѣхъ же статьяхъ.

чимъ, и его мнѣнія — пойдутъ иной, противоположной даже дорогой, и писалъ все-таки свое, уже не для высшихъ *нашихъ* сферъ на этотъ разъ и не для *нашей* публики, не для направленія русскаго общественнаго мнѣнія, а для устрашенія или успокоенія иностранцевъ, знавшихъ силу его вліянія въ Россіи.

Быть можетъ, я съ этой стороны (съ практической собственно) пристрастенъ къ Каткову до предразсудка или до суевѣрія, но мнѣ давно уже казалось, будто его эмпирическій тактъ такъ великъ, что онъ всегда стремится толкать съ своей стороны и въ предѣлахъ своего вліянія, хотя бы и косвенно, событія именно на ту среднюю діагональ силъ, по которой эти событія *могутъ* итти въ данную минуту.

Какъ геніальный практикъ-врачъ нерѣдко самъ не знаетъ ясно, почему онъ въ одномъ случаѣ предпочелъ холодный компрессъ, а въ другомъ, весьма съ первымъ схожимъ случаемъ, избралъ теплыя припарки — и въ обоихъ случаяхъ съ успѣхомъ; такъ, мнѣ сдается, дѣлалъ и онъ.

Мнѣ, въ моей вѣрѣ въ совершенно особое призваніе Каткова, промыслительное въ одномъ отношеніи, роковое (кто знаетъ!) въ другомъ, не разъ казалось, что онъ и самъ не всегда знаетъ вполнѣ — *какая именно* польза истекаетъ изъ его рѣчи въ иныхъ случаяхъ; но польза есть; хотя и не та, которую онъ искалъ, но есть и нерѣдко высшая. Напримѣръ, я помню мои собственныя впечатлѣнія при чтеніи «Моск. Вѣдом.» въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда я служилъ въ Турціи консуломъ... Въ газетной литературѣ нашей не разъ уже и тогда поднималась борьба противъ нѣмцевъ, и въ смыслѣ сопротивленія международному преобладанію новаго германскаго государства, и въ смыслѣ стремленія «обрусить», какъ говорится, Остзейскій край. И въ то время, про которое я упоминаю, происходило нѣчто подобное. Такъ какъ сборникъ статей Каткова, издаваемый теперь редакціей «Моск. Вѣдом.», до этой эпохи еще не доведенъ, то я и не могу, разумѣется, указать, когда и по какому именно поводу сохранилось

у меня въ памяти, что Катковъ началъ тогда нападать на нѣмцевъ и Германію; но я увѣренъ, память не измѣняетъ мнѣ въ томъ, что его безпокоили и раздражали неслыханныя побѣды Германіи въ 70-мъ и 71-мъ году и что онъ даже желалъ не разъ чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь поддержать Францію. Замѣтно, что онъ былъ и тогда не совсѣмъ доволенъ дѣйствіями нашей дипломатіи или *притворялся* недовольнымъ. Въ самыхъ высшихъ политическихъ сферахъ нашихъ, напротивъ того, радовались жестокому пораженію Франціи и дѣйствовали, видимо, сообразно съ этой радостью.

Я вполнѣ сочувствовалъ тогда правительству и ничуть не былъ согласенъ съ Катковымъ. Считая Каткова въ то время выше себя, какъ практическаго дѣятеля (уже за одно то, что онъ сумѣлъ такъ хорошо и скоро обдѣлать свои личныя дѣла), я удивлялся, какъ это онъ не понимаетъ того, что для меня съ 66-го года уже стало понятно, а послѣ 71-го года ясно какъ день, и приписывалъ въ немъ это *низшее теоретическое* постиженіе какой-нибудь *высшей практической казуистики*. — «Или онъ притворяется непонимающимъ въ виду какихъ-либо безотлагательныхъ цѣлей, или, если онъ заблуждается искренно, то и въ этомъ есть какой-нибудь косвенный, таинственный, ему самому недоступный смыслъ».

Такъ думалъ я тогда, служа на чужбинѣ и съ жадностью читая даже и тѣ статьи его, съ которыми я былъ несогласенъ Во мнѣ говорилъ при этомъ не одинъ только общій патріотизмъ русскаго гражданина, но къ этому чувству присоединялись еще и болѣе личные, такъ сказать, интересы политическаго агента на Востокѣ.

Общія политическія дѣла отзывались безпрестанно на нашихъ мѣстныхъ дѣлахъ въ Турціи; сильныя колебанія въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ вліяли иногда очень замѣтно на наше положеніе въ довѣренномъ намъ краѣ. Всякому хочется служить хорошо; и всякій радъ, когда одно изъ главныхъ препятствій его дѣятельности устраняется или слабѣетъ... Напримѣръ, послѣ униженія францу-

зовъ въ 71-мъ году, не только многіе изъ насъ, русскихъ политическихъ агентовъ въ Турціи, но и турецкіе паши, и австрійскіе консулы, и многіе другіе вздохнули свободнѣе. До того французскіе консулы и дипломаты были наглы, дерзки, тяжелы и несносны... Послѣ Седана они стали скромнѣе. Кромѣ того, самый разгромъ Франціи я находилъ для Россіи въ высшей степени выгоднымъ, и пока шли переговоры о мирѣ между Бисмаркомъ и Тьеромъ, я боялся до крайности, чтобы французы *не сохранили бы какъ-нибудь цѣлость своей территоріи*. Всѣ мы до того привычны были прежде считать Францію сильной, что мысль объ отторженіи отъ нея двухъ провинцій все еще казалась тогда несбыточной мечтой. Но мечта сбылась, и я перекрестился!.. Государство болѣе демократическое побѣждено жестоко державой, въ то время менѣе уравненной; республика — монархіей; полезный примѣръ; Севастополь и грубое потворство польскому бунту отомщено хотя бы «чужою рукой», но сторицей. Всѣ эти нестерпимыя фразы о величіи *буржуазной* Франціи, наконецъ, окончены и вѣроятно... навсегда!.. Теперь это будетъ нѣчто въ родѣ Аѳинъ послѣ Пелопонесскихъ войнъ, только съ несравненно меньшимъ культурнымъ значеніемъ. Республика 70-го г., вообразившая, что она, отказавшись отъ императора, будетъ въ силахъ повторить великіе подвиги прошлаго вѣка, унижена до того, что представители ея плачутъ въ кабинетѣ графа Бисмарка...

И наконецъ (и это важнѣе всего) *временное* преобладаніе Германіи намъ выгодно.

При существованіи жестоко оскорбленной Франціи, которую (точно такъ же, какъ Карѳагенъ или Аѳины, даже какъ Іудею или Польшу) сразу добить невозможно, Германія на долгіе года съ Запада обезпечена не будетъ ни на мигъ. И это положеніе дѣлъ, это новое, *дотолѣ* невиданное на Западѣ перемѣщеніе силъ для насъ въ высшей степени предпочтительнѣе прежнихъ, *вѣковыхъ* порядковъ въ Европѣ при раздробленной Германіи и при единой, преобладающей и почти всегда (кромѣ немногихъ случаевъ) всепобѣждающей Франціи.

Предпочтительнѣе въ томъ простомъ и ясномъ смыслѣ, что при существованіи на материкѣ Европы двухъ почти равносильныхъ и другъ друга постоянно борющихъ націй, намъ гораздо будетъ легче, чѣмъ было прежде, окончить восточный вопросъ, то-есть перенести, наконецъ, центръ тяжести нашей религіозно-культурной жизни *съ европейскаго Сѣвера на полуазіатскій Югъ*.

Что же дѣлать, если мнѣ религіозно-культурное обособленіе наше отъ современнаго Запада представляется *цѣлью*, а политическія отношенія наши только *средствомъ*!? Такъ что если намъ въ чемъ-нибудь приходится пока играть и второстепенную роль, въ чемъ-нибудь уступить, что-нибудь утратить, когда-нибудь и гдѣ-нибудь даже быть и оружіемъ побѣжденными (... напримѣръ...), то и это все моему гражданскому чувству ничуть не обидно; ибо за изворотами извилистаго историческаго пути нашего я вижу ясно цѣль его: зеленые сады, разноцвѣтныя зданія и золотой крестъ св. Софіи надъ прекрасными волнами великаго ѳракійскаго Босфора. На берегахъ его намъ возможно будетъ, наконецъ, содрать съ себя ту европейскую маску, которую намазала на лицо наше желѣзная рука Петра I дабы мы могли неузнанными или полуузнанными пройти шагъ за шагомъ то впередъ, то какъ будто назадъ — до завѣтной точки нашего культурнаго возрожденія.

Такъ думалъ я уже тогда (въ 70-мъ году), такъ вѣрю и теперь...

Въ то время, когда что ни день, то приходило новое извѣстіе о пораженіяхъ Франціи сперва буржуазно-императорской, а потомъ и просто буржуазной, я жилъ на островѣ Корфу. Одинъ тамошній греческій банкиръ, къ Россіи весьма расположенный, пораженный этими вѣстями, спросилъ мечя:

— А вы какъ думаете обо *всемъ этомъ*?.. Вѣдь это такъ неожиданно!

— Для меня это просто, — сказалъ я ему: — Франція — это Аѳины, Пруссія — Спарта, а Россія — Римъ.

Грекъ былъ въ восторгѣ отъ моего нагляднаго объясненія... Я знаю, что многіе изъ людей, уважаемыхъ мною

и по образу мыслей даже очень мнѣ близкихъ, думаютъ (или, по крайней мѣрѣ, пишутъ) нѣсколько иначе объ этомъ...

И, можетъ быть, они и не могутъ думать (или хоть *писать*) иначе, находясь подъ вліяніемъ какихъ-нибудь сильныхъ, близкихъ, непосредственныхъ впечатлѣній, вблизи они видятъ, что изворотъ только что пройденнаго нами политическаго пути направлялся какъ будто назадъ отъ главной цѣли (берлинскій трактатъ, болгарская конституція и т. д.), я же изъ «моего прекраснаго далека» вижу «qu'on n'a réculé que pour mieux sauter!..» и спокойно *пророчествую*, какъ и слѣдуетъ «безумному мистику».

Но я увѣренъ, что противорѣчіе между мною и близкими мнѣ по духу людьми только кажущееся.

«Когда мы ходимъ вмѣстѣ съ Кювье по Jardin des Plantes», говорилъ Geoffroi S-t Hilaire, «Кювье все видитъ *многихъ обезьянъ*, а я вижу все *одну обезьяну*».

То-есть одинъ изъ нихъ любилъ наблюдать частности и отличія, а другой прозрѣвалъ лучше общія черты. И ни тотъ, ни другой не ошибались въ основахъ своихъ; и тотъ, и другой были своему научному дѣлу полезны..

Такъ и тутъ...

Мой историческій фатализмъ.

Александръ Суццо, новогреческій поэтъ, былъ въ родствѣ съ другимъ Суццо, дипломатомъ, который состоялъ одно время посланникомъ въ Петербургѣ. Не знаю за что, посланникъ, говорятъ, не любилъ поэта и удалялся отъ него. Поэтъ былъ, повидимому, добрѣе и не платилъ ему за это отчужденіе дурными чувствами. Когда у него случайно кто-нибудь спрашивалъ: «родня ли онъ посланнику?», Александръ Суццо любилъ отвѣчать такъ: «Да, *я ему* родня; но *онъ* не родня *мнѣ!*»

Въ такомъ же точно отношеніи нахожусь и я къ славянофиламъ аксаковскаго стиля; я ихъ цѣню; они меня

чуждаются; я признаю ихъ образъ мыслей неизбѣжной ступенью *настоящаго* (т.-е. культурно-обособляющаго насъ отъ Запада) мышленія; они печатно отвергаютъ мои выводы ихъ общихъ съ ними основъ. А. А. Кирѣевъ недавно (въ «Москов Сборникѣ» г. Шарапова) прямо сказалъ, что «я не славянофилъ», хотя и имѣю съ славянофилами много общаго.

Я, пожалуй, готовъ съ этимъ согласиться, если принимать названіе славяно-*филъ* въ его *этимологическомъ* значеніи, то-есть славяно-*любецъ*, славяно-*другъ* и т. п. Я не *самихъ славянъ* люблю во всякомъ видѣ и во что бы то ни стало, я люблю *въ нихъ* все то, что считаю *славянскимъ*, я люблю въ славянахъ то, что ихъ отличаетъ, отдѣляетъ, *обособляетъ* отъ Запада. Люблю православіе; люблю патріархальный бытъ простыхъ болгаръ и сербовъ; ихъ пляски, пѣсни и одежды; люблю даже свирѣпую воинственность черногорцевъ (хотя нахожу, что было бы лучше какъ-нибудь направить ее, если можно, не на бѣдныхъ идеалистовъ-турокъ, но на славянскихъ же демагоговъ и безбожниковъ); черты византійскихъ преданій и турецкіе оттѣнки въ ихъ бытѣ предпочитаю, конечно, «фрако-сюртучнымъ», такъ сказать, сторонамъ ихъ небогатой собственными запасами жизни.

Я бы любилъ ихъ *законы*, ихъ *учрежденія*, ихъ юридическія и политическія *идеи*, если бы таковые были очень оригинальны, очень выразительны и прочны... Но вѣдь этого нѣтъ у нихъ; и даже знаменитая «Задруга» юго-славянская таетъ вездѣ подъ вѣяніями европейскаго индивидуализма.

Все, кой-какъ еще охраняемое прежде, гибнетъ у нихъ особенно быстро при усиленіи политической свободы; зависимость политическая у нихъ (теперь это стало ясно) была (увы!) ручательствомъ за сохраненіе независимости бытовой (культурной); зависимость церковная точно такъ же задерживала хоть немного наклонность ихъ къ духовному рабству передъ безбожіемъ Запада.

Старое *свое* у нихъ гибнетъ; *новаго своего* они создавать

не умѣютъ и *безъ нашей русской помощи* (пожалуй, что и *безъ нѣкотораго насилія* нашего) *никогда не создадутъ*...

Хотѣлось бы пламенно любить это развивающееся и растущее въ ширь и глубь самобытно-славянское... Да гдѣ жъ оно? И отказываться Россіи отъ связи со славянствомъ невозможно уже по той одной причинѣ, что другіе втянутъ ихъ въ «сферу своей мощи», если мы ихъ оставимъ, и не бояться намъ нельзя ихъ религіознаго равнодушія, ихъ демагогической эгалитарности, ихъ несравненно большаго, чѣмъ у насъ грубаго и сухого, *послѣдняго, вчерашняго европеизма. За все это*, конечно, я «интеллигенцію» славянскую презираю и не люблю, на простой народъ плохо надѣюсь, ибо онъ вездѣ рано или поздно поддается «интеллигенціи» и быстрѣе поддается тамъ, гдѣ нѣтъ и тѣни сословій, гдѣ общество очень смѣшано и уравнено. Но повторяю, что отказываться отъ нихъ и отъ нѣкотораго политическаго потворства имъ мы все-таки не можемъ, и вся надежда наша въ этомъ трудномъ дѣлѣ должна быть только на Россію, на самихъ себя, на такъ называемый русскій «духъ». Будемъ мы все самобытнѣе и самобытнѣе духомъ этимъ; будемъ все меньше и меньше на всѣхъ поприщахъ руководиться примѣрами Европы, — пойдутъ за нами позднѣе и болгары, и сербы, а еще позднѣе, вѣроятно (не будемъ же отчаиваться) и австрійскіе славяне...

Тому, кто утратилъ вѣру въ столь быстро устарѣвшіе теперь либерально-европейскіе идеалы, кто возненавидѣлъ это безплодное и разрушительное стремленіе Запада къ *однообразію* и *равенству*, тому *пока* осталась одна надежда, надежда на Россію и на славянство, *Россіей ведомое*.

Будь я не русскій, а китаецъ, японецъ или индусъ, но съ тѣмъ же запасомъ европейскихъ и русскихъ свѣдѣній, европейскихъ и русскихъ пережитыхъ уже фазисовъ развитія, я, взглянувъ на земной шаръ въ концѣ XIX вѣка, сказалъ бы то же или почти то же. Я сказалъ бы: «Да, кромѣ Россіи — пока я не вижу никого, кто бы въ XX вѣкѣ могъ выйти на новые пути и положить предѣлы тлетворному потоку западнаго эгалитаризма и отрицанія; мы,

люди крайняго Востока, мы, чистые азіатцы, только теперь вступаемъ въ тотъ періодъ подражанія, въ который русскіе вступили уже при своемъ Петрѣ, 200 лѣтъ тому назадъ. Они уже почти переварили все это; они этимъ пресыщены... А мы? мы еще только кинулись на это... И если всасываніе всего европейскаго безъ разбора у насъ продлится не слишкомъ долго, то и этимъ мы будемъ обязаны безъ сомнѣнія *примѣру Россіи*, которой поэтому надо желать въ XX вѣкѣ (отъ *этого* вѣка что жъ осталось!) не только умственнаго, но и политическаго преобладанія въ Европѣ. Если славянство затмитъ Западъ постепенно на всѣхъ или хоть почти на всѣхъ поприщахъ, то тогда, быть можетъ, и у насъ, китайцевъ и японцевъ, скоро пройдетъ начавшаяся изъ Японіи зараза всеразрушенія. Политическое же преобладаніе славянства необходимо потому, что, къ несчастію, толпа въ наше время нигдѣ хорошо не умѣетъ различать *культуру отъ государственности* и нѣкоторое уменьшеніе политическаго вѣса, хотя и вовсе не послѣдовательно, но часто влечетъ за собою и униженіе культурнаго идеала».

Вотъ бы я что сказалъ, если бы я, зная все то, что я знаю теперь, былъ бы не русскимъ, а настоящимъ коренымъ азіатцемъ.

Въ этомъ, въ собственно-культурномъ смыслѣ я славянофилъ; и даже имѣю дерзость считать себя болѣе близкимъ къ исходнымъ точкамъ и конечнымъ цѣлямъ Хомякова и Данилевскаго, чѣмъ полулиберальныхъ, эмансипаціонныхъ, всепотворствующихъ славянофиловъ *неподвижнаго* аксаковскаго стиля.

Старые славянофилы говорили, что они *не партія*, но малочисленные представители особаго *ученія;* въ послѣднее время эти славянофилы стали больше похожи на партію, въ виду практической цѣли не позволяющую себѣ отклоняться отъ полулиберальной доктрины; хотя, я полагаю, сами въ нее не вѣрятъ вполнѣ. Они преслѣдуютъ цѣли просто панславистическія, не замѣчая, что неосторожный, великодушный и слишкомъ простодушный панспа-

визмъ (хотя бы только идеальный, еще не дозрѣвшій на практикѣ до славянской федераціи) прозитъ все-таки нечѣмъ инымъ, какъ все большей и большей и весьма пошлой буржуазной европеизаціей; *ибо вся славянская интеллигенція*, — сплошь отъ Софіи и Филиппополя до Праги — съ ничтожными оттѣнками какъ двѣ капли воды похожа на *средняго европейца*.

Надо, чтобы свои краски сначала стали какъ можно у насъ гуще, а потомъ и невольно будемъ вліять на другихъ славянъ; даже быть можетъ и на чеховъ, насквозь, какъ извѣстно, въ *бытовомъ* духѣ, въ привычкахъ и вкусахъ своихъ «проевропеенныхъ».

А если густота этихъ національныхъ красокъ, эта культурная независимость будетъ куплена цѣною нѣкотораго организованнаго насилія, сложнаго деспотизма, хотя бы даже цѣною какого-нибудь внутренняго *рабства* въ новой формѣ, то это не бѣда; къ этому ужъ надо намъ пріучить нашу мысль. И я даже полагаю, что *только какой-нибудь подобной цѣною эта самобытность духа* и можетъ быть куплена въ XX вѣкѣ.

Непріятно, жалко, быть можетъ, того или другого. Но какъ же быть!?

Во всякомъ случаѣ славянофилы, я думаю, согласны со мною въ томъ, что, по примѣру Данилевскаго, Россію надо и культурно, и политически противополагать въ идеалѣ не тому или другому западному государству, а *цѣлой Европѣ въ ея совокупности*.

И вотъ, мысля такъ, противополагая идеально Россію не Франціи, не Англіи, не Германіи и т. д., а *всей Европѣ*, какъ особый міръ, какъ назрѣвающій новый культурный типъ (только временно для цѣлей быстрѣйшаго развитія впавшій въ чрезмѣрную подражательность), я переношу этотъ взглядъ и на внѣшнюю политику и говорю такъ (все не уклоняясь отъ славянофила Данилевскаго): «Если прежній Западъ во всецѣлости своей былъ всегда, когда только могъ, инстинктивно даже, намъ враждебенъ, то намъ выгодно всякое нарушеніе его равновѣсія... Всякая пере-

мѣна въ томъ распредѣленіи политическихъ силъ, которое, несмотря на частыя войны, прочно продержалось на Западѣ нѣсколько вѣковъ, намъ желательна; ибо ни одна изъ главныхъ державъ и націй Европы (Франція, Германія, Австрія, Англія) недостаточно еще сильна и теперь, чтобы, подчинивъ себѣ всѣ остальныя вполнѣ, образовать противъ насъ единое, согласное, непобѣдимое цѣлое. »

А такъ какъ самое величайшее ниспроверженіе этого стараго распредѣленія силъ произвело возвышеніе Германіи, то значитъ, что, несмотря на всякія намъ чинимыя этой новой Германіей затрудненія, въ общемъ для дальнѣйшаго нашего развитія это возвышеніе выгодно.

Я убѣжденъ, что путемъ ли дружбы и мира, путемъ ли вооруженной борьбы, побѣдой ли нашей или даже пораженіемъ, прямымъ ли союзомъ или только взаимнымъ равнодушіемъ и единовременной борьбой *совсѣ* въ разныхъ сторонахъ, — но это возвышеніе Германіи приведетъ насъ *туда, куда слѣдуетъ!..*

Если меня спросятъ. «Какъ же такъ, *даже и пораженіемъ?*» Я отвѣчу: «Я въ пораженіе наше нѣмцами ничуть не вѣрю; не вѣрю даже и *въ войну съ ними* *) и предполагая только, со словъ другихъ, подобную войну, вѣрю въ нашу побѣду. Вѣрю я не по гордости русской, а все по тому же историческому фатализму моему («Нашъ чередъ!!»). Но я сказалъ «даже и пораженіемъ» для убѣжденія тѣхъ читателей моихъ, которые моей вѣры въ *ближайшее* будущее Россіи не имѣютъ. И для нихъ же напомню здѣсь о томъ, что не всякое пораженіе (или — вѣрнѣе — полупораженіе) практически безплодно, хотя и всякое обидно. И побѣжденные иногда выигрываютъ; это зависитъ нерѣдко отъ побочныхъ условій дѣла. Итальянцы, какъ у нихъ водится, были разбиты австрійцами при Кустоццѣ и Лиссѣ (на морѣ), а *Венеціанская область все-таки досталась имъ.*

Мы въ 56-мъ году хотя, конечно, и со славой отстаивали Севастополь и Крымъ въ теченіе почти года, но все-таки были побѣждены и связаны парижскимъ трактатомъ.

*) Теперь — въ 91-мъ г *вѣрю.* (Примѣч автора на поляхъ своей статьи.)

Однако *самое существенное* для ускоренія развязки восточнаго вопроса было нами достигнуто: турецкое правительство, побуждаемое не только нами, но подъ нашимъ вліяніемъ и другими державами, произвело у себя *уравнительныя въ пользу христіанъ реформы, и съ тѣхъ самыхъ поръ и начались одно за другимъ въ Турціи возстанія ободренныхъ реформами христіанъ*. Эти возстанія довели Турцію шагъ за шагомъ до войны съ нами и до теперешняго ея безвыходнаго положенія не между двумя, а между многими огнями».

И т. д.

Съ этой-то широкой (органической, фатальной, «мистической», пожалуй) точки зрѣнія я и не могу находить внѣшнюю политику Россіи за истекшее 30-лѣтіе плохой, невыгодной или ошибочной.

Ошибкамъ какъ не быть; онѣ были въ частностяхъ, и, быть можетъ, и грубыя, но во всецѣломъ внѣшняя политика эта была хороша, то-есть *цѣлесообразна*. Теперь необходимо стало перемѣнить *методу*, и мы перемѣнили. И это хорошо.

Кому суждено еще расти и развиваться, тому и ошибки на пользу; онъ ихъ исправитъ; кому гибнуть, того и правильныя дѣйствія надолго не спасутъ!

Этотъ историческій фатализмъ мой, какъ я самъ уже назвалъ мое чувство, эта моя «мистика», какъ выражаются иные, тѣмъ ужъ хороша, что она ободрительна, что она излѣчиваетъ отъ нашей уже слишкомъ тяжелой и охлаждающей привычки все у самихъ себя то такъ, то иначе осуждать... Когда помнишь о невидимыхъ силахъ, таинственныхъ и сверхчеловѣческихъ (божественныхъ или органическихъ — *на этотъ разъ*, положимъ, все равно), тогда не можешь не смотрѣть серьезнѣе и сочувственнѣе и на дипломатію нашу, на которую за послѣдніе года, я не знаю, кто только не нападалъ! И я, между прочимъ, чрезвычайно признателенъ «Гражданину», что онъ, говоря о «нашихъ слабостяхъ», винилъ не одну только дипломатію, но и все русское общество, съ дипломатіей въ иныхъ потворствахъ

согласное. И политики наши — орудіе незримыхъ силъ, ведущихъ Россію *пока еще все къ высшему* и *къ высшему!*.. И кто знаетъ (я давно это думаю), люди болѣе смѣлые въ политикѣ, предпримчивые, упорные (напр., непреклонные въ постоянно *одностороннемъ* патріотизмѣ своемъ, какъ Аксаковъ или изворотливые, но страстные и отважные, какъ Катковъ), кто знастъ, не погубили ли бы они Россію, *если бы они прямо стояли у власти?*

Я думаю, что погубили бы...

И какія же были сдѣланы нашей дипломатіей очень *большія ошибки?* Я этого не вижу...

Только одно: слишкомъ *явное* и неосторожное потворство болгарамъ въ ихъ незаконной и неправославной борьбѣ противъ вселенской патріархіи. Мы помогали кой въ чемъ старовѣрамъ на Дунаѣ; могли бы поддерживать и болгаръ иначе, другими путями и не такъ *скандально;* это правда. Но правда и то, что дипломатія наша была гораздо въ этомъ дѣлѣ сдержаннѣе, осторожнѣе, черезъ что и *православнѣе* нашей публицистики. За исключеніемъ «Гражданина», помѣщавшаго тогда статьи Т. И. Филиппова, и позднѣе «Востока» (Н. Н. Дурново), кто же у насъ не рвалъ и не металъ за «братьевъ-славянъ» и противъ грековъ? Оба столпа нашей патріотической печати, Катковъ и Аксаковъ, писали объ этомъ точно будто въ «Голосѣ», а *не у себя;* оба гремѣли противъ «фанаріотовъ» какихъ-то; оба, присвоивъ себѣ какъ бы монополію патріотизма, обязывали всѣхъ имѣть непремѣнно *тотъ сортъ* патріотизма, который былъ у нихъ и который на этотъ разъ оказывался самымъ дюжиннымъ, общеевропейскимъ, то-есть *либеральнымъ*. Нѣкоторые наши дипломаты, съ *иностранной* фамилей и даже протестантскаго исповѣданія, щадя и оберегая хоть сколько-нибудь греческое духовенство и его вѣковые принципы, были право гораздо православнѣе ихъ на дѣлѣ!.. Мнѣ ли всего этого не знать, когда я во всѣхъ этихъ дѣлахъ самъ принималъ, какъ чиновникъ, участіе!

Оба они, и Катковъ, и Аксаковъ, такъ и скончались въ этомъ заблужденіи; разница только та, что у Аксакова

заблужденіе было, вѣроятно, болѣе искреннее и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе близорукое, опять-таки либерально-славянское по существу его *собственной вѣры*; а у Михаила Никифоровича — едва ли! Онъ имѣлъ тутъ, по всѣмъ примѣтамъ, *другіе виды, гораздо болѣе дальнозоркіе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе для Церкви вредные. Ему, видимо, хотѣлось вообще заблаговременно сокрушить силы всѣхъ восточныхъ* (привыкшихъ къ самобытности) *Церквей*, чтобы въ случаѣ скораго разрѣшенія восточнаго вопроса, русскому (т.-е. полуевропейскому) чиновнику не было бы уже тамъ ни въ чемъ живыхъ и твердыхъ препонъ...

Духъ Ѳеофана Прокоповича и подобныхъ ему!..

Дѣйствія противъ каноновъ Церкви и патріаршей власти въ пользу славянскихъ демагоговъ болѣе чѣмъ ошибка— это *личный грѣхъ!* И этимъ *грѣхомъ* Аксаковъ и Катковъ согрѣшили больше, чѣмъ многіе «русскіе нѣмцы» наши

Итакъ, и въ худшемъ изъ дѣлъ своихъ, *петербургская* дипломатія была, по крайней мѣрѣ, безвреднѣе (*патріотичнѣе* поэтому) для будущаго нашего, чѣмъ наши московскіе патріоты. («Жизнь похожа на спряженіе неправильныхъ глаголовъ*)!» Что дѣлать!

Какія же другія крупныя ошибки? Франціи не подано помощи въ 1870 году? Война съ Турціей и освобожденіе болгаръ? Уступка Босніи и Герцеговины Австріи? Берлинскій трактатъ? Болгарская конституція?

О помощи Франціи въ 1870 году я не стану и говорить. Помочь *тогда* Франціи было бы съ нашей стороны просто безумiемъ! Другое дѣло наши дѣйствія въ ея пользу въ 1875 году и наше теперешнее съ нею сближеніе. Политика въ обоихъ случаяхъ *сознательно* правильная и превосходная: сперва дать ее унизить, а потомъ поддерживать. Войны съ Турціей, разумѣется, не по нашей винѣ *нельзя* было избѣжать. И Босніи съ Герцеговиной *нельзя было* не уступить *заранѣе* Австріи, чтобы она не устроила намъ нѣчто въ родѣ Седана, напавши на насъ съ тылу во время

*) Слова англійскаго писателя Карлейля.

плевненскихъ затрудненій. Изгнать австрійцевъ отгуда позднѣе, когда найдемъ это удобнымъ, тоже нетрудно... *И, разумѣется, это имѣлось въ виду* при переговорахъ объ уступкѣ*). Освобожденіе болгаръ было тоже необходимо, не изъ либерализма одного, а для дальнѣйшаго ослабленія Турціи, *для облегченія нашего собственнаго пути на юго-востокъ*. Теперешнее положеніе дѣлъ все-таки въ этомъ смыслѣ для насъ выгоднѣе прежняго.

Берлинскій трактатъ? Я думаю, что Аксаковъ пылалъ на него искреннимъ негодованіемъ, потому что онъ вѣрилъ въ неизсякаемые родники русскаго духа и полагалъ, вѣроятно, въ одушевленіи своемъ, что Россія въ силахъ была послѣ войны съ Турціей немедленно выдержать со славой и вооруженное нападеніе цѣлой коалиціи, которой можетъ быть *явно* и не угрожали, но которая все-таки была возможна. (А можетъ быть и угрожали! Тайны архивовъ намъ еще неизвѣстны..) Но мнѣ что-то плохо вѣрится, чтобы Катковъ точно такъ же искренно, какъ Аксаковъ и многіе другіе, пылалъ бы этимъ самымъ негодованіемъ. Неужели онъ не понималъ такой простой вещи, что люди, правившіе въ тѣ года Россіей, не могли взять на свою отвѣтственность подобную дерзкую попытку такъ же легко, какъ легко, напримѣръ, намъ, писателямъ, рѣшиться написать рядъ громовыхъ статей въ нашей газетѣ? Обидно, конечно, было итти *на судъ* Европы; но хорошій политикъ долженъ умѣть и обиды переносить *кстати*... Самое худшее, разумѣется, во всемъ этомъ дѣлѣ была *старая метода наша признавать въ принципъ высшія права какой-то совокупной Европы*... И въ нападкахъ на этотъ обветшалый методъ патріоты были правы, ибо, конечно съ точки зрѣнія принциповъ, лучше уступить временно насилію одной западной державы или двухъ-трехъ разомъ, чѣмъ благопріятствовать столь губительной для нашего будущаго общеевропейской солидарности... Допускать *охотно* безкровное давленіе на себя этой *отвлеченной* Европы хуже, въ

*) Я могъ бы привести и доказательства, *что имѣлось*

смыслѣ общаго метода, чѣмъ *перенести* кровавое пораженіе отъ одной державы или отъ явнаго и вооруженнаго, *но всегда не полнаго*, союза нѣсколькихъ западныхъ державъ. Конечно, было бы крайне желательно избѣгать этого впредь. Но все-таки и то сказать: а кто бы понесъ главную и жестокую передъ исторіей и отечествомъ отвѣтственность, если бы, отказавшись «итти въ Берлинъ», мы, вмѣсто торжества 12-го года, нарвались бы на 56-й? Не робкая же Франція Ваддингтона стала бы намъ тогда помогать? И къ тому же, развѣ легкомысленное «общество» наше, которое всегда не прочь обвинять во всемъ правительство, такъ уже надежно? Неизвѣстно еще, какими бы личными жертвами стали поддерживать тогда правительство тѣ люди, которые такъ были недовольны берлинскимъ трактатомъ.

«Общественное» мнѣніе наше недовольно было «дипломатіей»; но надо еще спросить, довольны ли были дипломаты нашимъ обществомъ въ то время? Журналисты осуждены каждый день все говорить и говорить о политикѣ; дипломаты со своими согражданами публично о ней не говорятъ, но *я знаю, какъ иные изъ нихъ* (и весьма умные, весьма много для Россіи въ молчаніи этомъ потрудившіеся), *какъ они* о нашемъ обществѣ въ лѣто 78-го года думали и какъ мало они на него надѣялись!.. Почему же я публицистамъ обязанъ больше вѣрить, чѣмъ дипломатамъ или чиновникамъ, людямъ слова больше, чѣмъ людямъ дѣла?..

Вернемся къ берлинскому трактату. Забудемъ объ *обидѣ*, забудемъ даже и о дѣйствительно дурной методѣ— смиряться передъ «европейскимъ концертомъ» этимъ; и взглянемъ *на результатъ*, взглянемъ хоть разъ на дѣло прямо. Послѣ какой кампаніи, послѣ какой борьбы съ Турціей съ самыхъ временъ Екатерины мы пріобрѣли столько? Главными препятствіями нашими были издавна: Карсъ, Дунай, Балканы... Карсъ теперь нашъ; устье Дуная опять наше; а берега его въ рукахъ единовѣрныхъ и слабыхъ державъ. Балканы во власти болгаръ, съ которыми справиться намъ легко, если бы они и вздумали намъ сопротивляться. Турція почти не существуетъ, какъ держава са-

мобытная. Всѣ христіанскія государства Балканскаго полуострова болѣе или менѣе усилены и возвышены на развалинахъ Турціи. Если они всѣ неблагодарны, то, во-1-хъ, это другой вопросъ, и на безусловную благодарность Греціи, Сербіи, Румыніи и самой Болгаріи кто же могъ серьезно и простодушно разсчитывать? Надо разсчитывать въ политикѣ прежде всего на безсиліе ихъ, потомъ на ихъ между собою несогласія, *потомъ* уже на то, что принципъ *единовѣрія* не можетъ быть въ короткое время дотла уничтоженъ, и, наконецъ, «*отчасти*» на признательность. Словомъ, на все худшее, низкое (на страхъ, безсиліе, раздоры) надо надѣяться больше, на все высокое (единовѣріе, благодарность) меньше. Если въ *публикѣ* думали иначе, можетъ быть и очень умные и опытные люди, то ужъ въ азіатскомъ департаментѣ, напр., всякій молодой помощникъ столоначальника понималъ, я надѣюсь, все это какъ слѣдуетъ.

Однимъ словомъ плоды послѣдней войны нашей, помоему, очень велики, даже и по берлинскому трактату.

Насъ отъ С.-Стефано отодвинули назадъ шага на три. Но противъ исходной точки 75—77 годовъ мы сдѣлали десять шаговъ впередъ.

Чѣмъ же это плохо?

Остается болгарская конституція. Ну это, конечно, ошибка; это болѣе чѣмъ ошибка; если я сказалъ, что дѣйствія наши противъ вселенской патріархіи можно назвать *грѣхомъ*, то дарованіе Болгаріи бельгійской какой-то конституціи я ужъ и не знаю какъ назвать. *Не смѣю!*

Но вотъ что достойно вниманія: съ точки зрѣнія политики *сознательной* это было очень дурно; а съ точки зрѣнія историческаго *предопредѣленія* — превосходно!.. Дипломатія наша, вѣроятно, не хотѣла тогда уготовить въ освобожденной Болгаріи современную анархію. Если бы она имѣла въ виду подготовить этотъ путь Родославовымъ, Стамбуловымъ и т. п., то она была бы геніальнѣе пяти Меттерниховъ и Бисмарковъ! Ибо *только теперь* болгарскій народъ пойметъ *наглядно*, *что ему безъ насъ нельзя*

жить и управляться. Послѣ этой анархіи и наши строгости будутъ по сердцу многимъ тамъ; а не переживи Болгарія этой *свободы* и этой отъ насъ независимости, останься она въ то время безъ конституціи, съ русскимъ генераломъ-диктаторомъ во главѣ, все былъ бы глухой ропотъ, даже и у мужиковъ болгарскихъ (я вѣдь *лично* имѣю удовольствіе ихъ знать); все было бы воображеніе, что *свои лучше*. И на мужиковъ, т.-е. на консерватизмъ только *старый*, на охраненіе *незнанія* никогда надѣяться не надо. Болгарскій мужикъ *самъ изъ себя*, при соприкосновеніи съ общеевропейскимъ, общеплебейскимъ образованіемъ, ничего, кромѣ смѣлаго и настойчиваго хама-Инсарова, не можетъ выдѣлить... Теперь о царствѣ этихъ Инсаровыхъ, «изъ народа же вышедшихъ», какой-нибудь Брайко или Петко въ бараньей шапкѣ слишкомъ жалѣть не будетъ.

Я вѣрю, что наша дипломатія этого не предвидѣла; она, при тѣхъ общезападныхъ (тайныхъ) идеалахъ, отъ которыхъ столь многихъ русскихъ, даже и высокопоставленныхъ, такъ трудно излѣчить, вѣроятно, находила, что болгарская нація, вслѣдствіе глубокой эгалитарности своего изъ-подъ турка прямо вышедшаго строя, *зрѣлѣе* для «идеальныхъ» (!??), «передовыхъ» европейскихъ порядковъ, чѣмъ наша болѣе сложная и болѣе сословная по привычкамъ народность.

Конечно болгарская конституція — cela n'a pas de nom!

Но это зло, «не имѣющее даже вѣжливаго имени», — по Божьей къ намъ милости — принесетъ превосходные плоды, которыми мы *теперь-то*, вѣроятно, ужъ сумѣемъ воспользоваться... Наказалъ насъ Господь милостью своей и щедротами!

И духовенству болгарскому все это на пользу... Они, болгарскіе епископы и священники, играли тогда каноническимъ правомъ и вѣковымъ строемъ Церкви въ угоду своей неважной и безсодержательной «народности». Теперь ихъ бьютъ и сѣкутъ и послѣ такого испытанія, вѣроятно, и намъ будетъ легче примирить ихъ съ великой цареградской Церковью...

Намъ, конечно, *намъ!*. Кто жъ кромѣ насъ можетъ сдѣлать искренно это великое дѣло. И мы его сдѣлаемъ, если у насъ будетъ побольше вѣры въ дисциплину Церкви и поменьше вѣры въ атеистическую свободу Запада!

Кому еще есть надежда расти и развиваться, тому все идетъ *до поры до времени* въ прокъ. Даже и ошибки!

Господу нашему слава!

Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова.

По моему мнѣнію, если и была во всей политической исторіи истекшаго тридцатилѣтія крупная и непоправимая ошибка, то эта ошибка была сдѣлана геніальнымъ Бисмаркомъ, а никакъ не нашей, болѣе скромной, но видно промыслительно ведомой свыше дипломатіей.

Пока мы не свершили того, что намъ въ исторіи назначено свершить, у насъ, какъ говорится, «и лапоть прорастать будетъ». А великіе люди лично творятъ великія дѣла, но отъ своевременнной гибели своего отечества не спасаютъ.

Бисмарку нужно было послѣ 66-го года, соединившись съ Австріей и уступивши Франціи то, что она пожелаетъ, насъ раздавить (если бы нѣмцы смогли это сдѣлать); а потомъ уже, обезсиливъ насъ и усиливъ Австрію на нашъ счетъ, обрушиться на Францію.

Неужели онъ этого не понималъ? Въ 67-мъ году одинъ пруссакъ, инженеръ, служившій въ Турціи, говорилъ мнѣ самому, что война съ Россіей была бы въ то время у нихъ очень популярна. Если такъ, то какъ же Бисмарку было не понимать того, что я сказалъ выше. Я убѣжденъ, что онъ объ этомъ думалъ, и будущая исторія, вѣроятно, покажетъ, какія соображенія или какія неодолимыя препятствія помѣшали ему это сдѣлать. Теперь это уже невозможно. Теперь уже нѣмцамъ со славянскимъ движеніемъ не справиться, и всѣ преграды, которыя они будутъ ставить на пути нашемъ, будутъ только раздражать насъ, не принося имъ существенной пользы.

Разумѣется, и это князь Бисмаркъ понимаетъ, — и оттого, вѣроятно, политика его, прежде столь прямая, ясная, въ одно и то же время — и насильственная и правдивая, теперь стала такой запутанной, изворотливой и, при всей сложной тонкости своей, — безплодной. Что же ему дѣлать? Пожертвовать Турціей, проливами, быть можетъ, даже частью Австріи (Галиціей, напримѣръ) и утѣшить себя только 8-ю милліонами австрійскихъ нѣмцевъ? Дать вырасти во всеоружіи всеславянскому федеративному колоссу? Добиваться для такой невыгодной цѣли соглашенія съ Россіею, почти вынуждать ее къ совмѣстной наступательной политикѣ, которую по какому-то врожденному чутью русскіе государственные люди вообще не очень любятъ?

Трудно рѣшиться на это!..

Пытаться создать двѣ славянскія сильныя державы (т.-е. отдать Австріи, если нельзя весь Балканскій полуостровъ, то хоть всю его западную половину), дышать ихъ антагонизмомъ, подливать масла въ огонь ихъ естественной и явной тогда вражды? Это еще лучше всего для будущаго Германіи... Бисмаркъ *слегка* и пытается это сдѣлать... Но вѣдь онъ знаетъ, что чѣмъ дальше протянется Австрія къ югу, тѣмъ скорѣе тогда произойдетъ у нея борьба на жизнь и смерть съ Россіей и тѣмъ скорѣе (*и противъ воли даже нашей*) разрѣшится не только восточный, но и всеславянскій вопросъ въ нашу пользу.

Въ гибельномъ для Австріи исходѣ подобной борьбы возможно ли сомнѣваться?

Къ чему же ведутъ всѣ эти, въ сущности, слабыя попытки? Только къ тому, что раздражаютъ русскихъ; къ тому, что удаляютъ правительство наше отъ германскаго; что вѣрныхъ политическихъ друзей обращаютъ въ національныхъ враговъ, во враговъ страшныхъ, ибо въ самомъ дѣлѣ долготерпѣливый и уклончивый великороссъ становится страшенъ, когда предѣлъ его терпѣнію прейденъ.

Что жъ дѣлать?

Воевать смѣло на оба фронта? Вызывать на это сосѣдей? Но вѣдь это безуміе!

Конечно еще Россія можетъ, если хочетъ, оставить Францію безъ помощи, но и то лишь *одинъ на одинъ съ Германіей*, а не противъ цѣлой коалиціи; но Франція *не можетъ, даже и при величайшей ненависти къ Россіи*, оставить ее одинъ на одинъ съ Германіей. Даже и при ненависти къ намъ другого подобнаго случая отомстить и возвратить, утраченное ей едва ли найти. Если Франція и въ минуту предполагаемаго столкновенія Россіи съ Германіей не будетъ воевать, такъ ей останется только считать себя съ того времени чѣмъ-то въ родѣ Португаліи, которую всякій можетъ оскорблять, какъ предсказывалъ одинъ изъ ея лучшихъ публицистовъ Прево-Парадоль. Трудно предполагать, чтобы и теперь уже для этой державы приспѣло время подобнаго смиренія! И неизбѣжное паденіе требуетъ постепенности при подобномъ великомъ прошедшемъ, каково прошедшее Франціи...

Я повторяю — даже при ненависти къ намъ — французы исторической необходимостью вынуждаются намъ помочь.

Но объ ненависти *нынче* (и *до поры, до времени*) не только не слышно, но французы, эти исконные противники и вѣчные порицатели наши, воспылали теперь къ намъ симпатіей, такой пламенной и такой ничуть непужной ни для ихъ дѣйствительныхъ цѣлей, ни для нашихъ, что остается только съ сожалѣніемъ пожимать плечами!..

Итакъ, вотъ къ какому тяжелому и чуть-чуть не безвыходному положенію привели новую Германію и блестящія побѣды ея и... я не хочу сказать — самъ предпріимчивый геній — великаго канцлера... Нѣтъ! Личное величіе во всякомъ случаѣ останется за нимъ... но привелъ Германію къ такому положенію ея историческій рокъ, въ незримой рукѣ котораго и великіе умы и самыя мощныя души не что иное, какъ послушныя и чуть-чуть не слѣпыя орудія!..

Кто-то, чуть ли не Шопенгауеръ, гдѣ-то уподобляетъ великихъ людей тѣмъ деревяннымъ изваяніямъ, которыми въ старину украшали носы кораблей. Когда дикіе жители какихъ-нибудь дальнихъ острововъ видѣли подходящій вперъ

вые къ ихъ берегамъ европейскій корабль, то они принимали это деревянное изображеніе за божество, влекущее за собой судно своей собственной силой. Это уподобленіе, въ простотѣ своей, слишкомъ преувеличено. Изваяніе на носу само *ничего не дѣлаетъ*. Замѣчательныхъ дѣятелей вѣрнѣе уподобить капитану или рулевому на томъ же кораблѣ. *Они дѣйствуютъ*, они *направляютъ* корабль, и между ними встрѣчаются люди разныхъ *врожденныхъ* способностей и разнаго, полунебольнаго опыта; они, конечно, въ основаніяхъ своихъ дѣйствій не свободны; дѣятельность ихъ обусловлена и ограничена какъ внѣшними обстоятельствами — погодой, теченіями, свойствами воды и воздуха, законами гидростатики и т. п., такъ и оттѣнками собственнаго характера, законами личнаго духа, — разными степенями смѣлости, навыка, ума, осторожности и т. д.

Уподобленіе, говорю я, вѣрно по идеѣ, но оно слишкомъ уже просто и грубо. Великіе люди остаются во всякомъ случаѣ великими; замѣчательные во всякомъ случаѣ замѣчательны; безъ исторической вмѣняемости невозможенъ историческій судъ; нельзя же не замѣтить нѣкоторой разницы между первымъ консуломъ Бонапарте и президентомъ Греви. Бонапарте болѣе похожъ на капитана; а г. Греви болѣе подходитъ къ изваянію: но какъ тотъ, такъ и другой дѣйствительно произведенія данной Свыше эпохи и среды, роковымъ ходомъ развитія опредѣлившейся. При общемъ поднятіи духа необходимъ былъ геній — онъ явился; понадобился человѣкъ, скромный и неопасный для народа усталаго, извѣрившагося, въ самомъ себѣ разочарованнаго — отыскался г. Греви.

Замѣчу кстати, великіе или вообще замѣчательные люди бывали всегда двухъ родовъ: одни изъ нихъ довели успѣшно до конца жизни своей свое главное, *сознаваемое* ими дѣло: другіе подъ конецъ жизни видѣли крушеніе своихъ надеждъ; но если они сознаваемой и главной цѣли своей не достигли или обманулись въ ней, слѣдъ ихъ въ исторіи все-таки не изгладился, и плоды ихъ могучей дѣятельности все-таки вѣчны, хотя плоды эти вышли не совсѣмъ

тѣ, или даже совсѣмъ не тѣ, о которыхъ эти замѣчательные дѣятели мечтали.

Августъ римскій, святой Константинъ, Петръ I, Фридрихъ II, Елисавета англійская, оба Питты, Вашингтонъ, Ришелье — вотъ люди, которые скончались, не видя крушенія своихъ надеждъ, Александръ Македонскій, умирая, самъ раздробилъ свое великое, но эфемерное царство. Оба Наполеоны не только были низвергнуты сами, но и успѣли видѣть ниспроверженіе тѣхъ порядковъ, которые они завели. Надъ усиліями Суллы, Брута и Помпея исторія насмѣялась, и монархическая демократизація Рима, вопреки ихъ подвигамъ и жертвамъ, продолжалась безостановочно.

Ни М. Аврелій, ни Діоклетіанъ уже не могли спасти *стараго* Рима; нуженъ былъ Римъ *новый*, христіанскій, и, съ утвержденіемъ этого новаго Рима, Константинъ *благополучно* соединилъ свое имя. Вотъ разница.

Недалеко уже то будущее, которое покажетъ всѣмъ, какого разряда человѣкъ князь Бисмаркъ; на кого онъ больше похожъ *судьбой* своей: на Фридриха II, который скончался, поладивъ и съ Россіей и съ Австріей, на лаврахъ, ничѣмъ несмятыхъ; или на одного изъ Бонапартовъ, начавшихъ дѣятельность побѣдами и окончившихъ ее жестокими пораженіями. На лорда Чатама, начавшаго жизнь свою при возрастающемъ величіи Англіи и окончившаго ее среди того же величія; или на Меттерниха, дожившаго до печальной катастрофы 1848 года, послѣ которой Австрія уже не та felix Austria, что была прежде — и безвозвратно не та!

Для меня, похвалюсь, ясно даже и то, что можетъ сохранить если не силу самой Германіи очень надолго, то по крайней мѣрѣ личную славу старѣющаго канцлера незапятнанной и то, что можетъ и эту славу мгновенно омрачить навѣки, и самую силу Германіи сокрушить надолго. Сохранить все это можетъ явное содѣйствіе русскимъ цѣлямъ на Востокѣ (хотя бы и съ ограниченіемъ); погубить все это можетъ, конечно, не война съ одной выдохшейся Франціей, *а вооруженное сопротивленіе славянскому развитію;* ибо, повторяю, слишкомъ трудно предположить, чтобы при по-

добномъ нападеніи на Россію французы остались бы нейтральными.

Такъ называемое «національное», а по-моему *племенное* политическое движеніе по существу своему вездѣ есть движеніе революціонное, разрушительное и для побѣжденныхъ, и для побѣдителей одинаково; культурно къ тому же въ современныхъ своихъ послѣдствіяхъ это движеніе совершенно безплодно, ибо оно и освобождающихся и освобождающихъ, и побѣждающихъ и побѣждаемыхъ одинаково демократизируетъ, одинаково опошляетъ и принижаетъ, дѣлая всѣхъ съ каждымъ часомъ, съ каждымъ годомъ *другъ на друга болѣе похожими* въ нравахъ, учрежденіяхъ и вкусахъ, всѣхъ все болѣе и болѣе приближаетъ къ какому-то *отрицательному общему типу средняго европейца.*

Но какъ бы то ни было, какъ бы вредно не отзывалось на *національномъ характерѣ* нѣсколько позднѣе это племенное движеніе, въ отношеніи *государственныхъ собственно* успѣховъ и пораженій мы ясно видимъ слѣдующее: пострадали жестоко всѣ тѣ державы, которыя хотѣли противиться этому *племенному* объединяющему и уравнивающему демократизирующему, эмансипаціонному, пожалуй даже опошляющему движенію. Австрія хотѣла воспротивиться освобожденію и объединенію Италіи—она была побѣждена и обезсилена; она же хотѣла помѣшать тому же всесливающему процессу въ Германіи—опять была поражена и еще сильнѣе. Франція, воюя противъ смѣшенія нѣмцевъ; Турція, препятствуя славянскому движенію, тоже пострадали. И новая Германія, сколоченная наскоро желѣзной рукою, разобьется вдребезги, если попытается преградить *безусловно* путь славянскому потоку...

Потворствуя Россіи на Востокѣ, съ нѣкоторыми, конечно, ограниченіями (напр., съ такимъ условіемъ, что Австрію позволительно побѣдить, если нужно, но *нельзя разрушать* ее), князь Бисмаркъ, по крайней мѣрѣ, можетъ умереть со спокойной совѣстью и съ непомраченной славой. Онъ могъ бы въ этомъ случаѣ сказать себѣ умирая: «Я сдѣлалъ, что могъ; а если Германія органически уже стара и бюргер-

ское общество ея немногимъ только моложе французскаго истасканнаго либеральнаго мѣщанства, — такъ это уже вина не моя, а всей прежней европейской исторіи!»

Иначе — горе ему! Даже и не доблесть нашихъ войскъ, не таланты нашихъ генераловъ, — не русскіе подвиги, рѣшатъ тутъ дѣло, а множество роковыхъ и неожиданныхъ, а отчасти и ожидаемыхъ, но неотвратимыхъ въ случаѣ борьбы съ Россіей обстоятельствъ.

Одно изъ такихъ ужасныхъ для Германіи и неотвратимыхъ обстоятельствъ — это жажда «отмести» на западной границѣ...

Неужели князь Бисмаркъ всего этого не знаетъ и не понимаетъ? Не можетъ быть.

Не можетъ быть, чтобы и Катковъ не понималъ всего сказаннаго мною, несмотря на то, что онъ въ такой именно связи мыслей, какъ у меня и съ подобными выводами, никогда этого не высказывалъ...

Если я это такъ ясно понимаю, какъ же было не понимать всего этого ему, Каткову, который былъ гораздо способнѣе меня?

Отчего же онъ не любилъ никогда настаивать на томъ, что возвышеніе новой Германіи надъ прежней Франціей для насъ выгодно, выгодно *въ высшей степени*, выгодно, несмотря на то, что мелкія препятствія и требованія и даже иной разъ и оскорбленія со стороны возросшаго въ силѣ сосѣда неизбѣжно умножатся, несмотря и на то даже, что случайность тяжкой войны съ подобнымъ сосѣдомъ гораздо опаснѣе и страшнѣе, чѣмъ съ прежней сильной и всепобѣждающей, но удаленной отъ насъ Франціей или чѣмъ съ прежней небольшой и осторожной Пруссіей.

Отчего Катковъ этого не любилъ говорить? Отчего вообще онъ многаго ясно не договаривалъ?

Оттого ли, что онъ не всегда писалъ то, что думалъ въ самомъ дѣлѣ?

Или оттого, что истинѣ высшей, широчайшей онъ всегда почти предпочиталъ истину низшую, болѣе близкую и болѣе узкую; правдѣ, болѣе общей и основ-

ной — правду *завтрашняго* дня и потребность *немедленнаго* приложенія?

Не знаю.

Человѣкъ, въ высшей степени страстный, онъ жаждалъ быстраго воплощенія своей мысли въ дѣло; человѣкъ, въ то же время чрезвычайно хитрый и ловкій, онъ умѣлъ и не боялся притворяться, что будто бы даже и не понимаетъ того, чему еще осуществиться по его практическому чутью не настала пора. Быть можетъ онъ думалъ такъ:

— Пусть лучше думаютъ немногіе, избранные, *что я не понимаю*, чѣмъ чтобы многіе и вліятельные *меня бы не поняли. А они не поймутъ, если срокъ не пришелъ!*

Къ тому же онъ не могъ же не сознавать, *до чего* онъ вліятеленъ; до чего сильно дѣйствуютъ его слова, и потому обращался со словами и мыслями своими разборчиво.

«Gloire oblige!» скажу я, а онъ зналъ свою славу, возрастающую даже и за границей. Я, служа въ Турціи, видѣлъ самъ, въ какое бѣшенство приводили нерѣдко, напримѣръ, хоть бы англійскихъ консуловъ его статьи, переданныя въ иностранныхъ газетахъ.

Вспомнивъ объ этомъ, понимаешь, въ какомъ смыслѣ онъ однажды въ частномъ разговорѣ сказалъ одному изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ: «Нельзя писать все то, что думаешь... Они (читатели) Богъ знаетъ какъ еще все это поймутъ!»

Катковъ писалъ, мнѣ думается, съ разными цѣлями: иногда, имѣя въ виду одни лишь высокопоставленныя въ Россіи лица, иногда собственно для русскаго общественнаго мнѣнія, для его возбужденія; иногда преимущественно для иностранцевъ.

Такъ, напр., когда правительство наше потворствовало Германіи, а онъ писалъ противъ нѣмцевъ, мнѣ все кажется, что онъ, возбуждая наше общество въ духѣ, противномъ офиціальному духу, совсѣмъ не желалъ, чтобы въ Петербургѣ его послушались, а желалъ только, чтобы покойный государь, подавая одну руку германскому императору, могъ другою всегда указывать на ту бурю народныхъ русскихъ

страстей, которую онъ всегда можетъ поднять на Германію, если *ему это будетъ угодно!*

Самъ непосредственно не находясь у власти; надѣясь, что *тамъ* понимаютъ дѣло, какъ слѣдуетъ,—онъ въ такихъ случаяхъ (мнѣ все кажется) старался лишь побочными, но важными средствами облегчить это дѣло людямъ, стоящимъ у кормила правленія.

Если это такъ; если онъ съ подобной цѣлью писалъ иногда не то, что думалъ, то эту ложь можно назвать благородной ложью и хитрость эту слѣдуетъ назвать патріотической, даже самоотверженной хитростью, ибо многіе могли основательно сказать, что онъ совсѣмъ не дальновиденъ.

Если же нѣтъ, то въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ ужъ слишкомъ страстенъ, упрямъ и часто непрозорливъ.

Почему, напримѣръ, онъ не употребилъ съ своей стороны всѣхъ возможныхъ усилій, чтобы помѣшать дарованію Болгаріи конституціи? Или онъ предвидѣлъ необходимость пережить современную анархію? Или онъ допускалъ въ тайнѣ души своей *опытъ* надъ Болгаріей? Какъ доктора: «in anima vili!»

Тогда еще это не слишкомъ дурно, хотя все-таки опасно. Или (*неужели?*) у него *въ глубинѣ души* еще оставалась кой-какая вѣра въ тѣ самые европейскіе идеалы, которымъ онъ при началѣ дѣятельности своей такъ усердно служилъ и отъ которыхъ позднѣе, шагъ за шагомъ, опытъ за опытомъ *поочередно* отказывался?

Кто знаетъ! Онъ систематически и съ полной ясностью ничего не любилъ выражать... Онъ *что-то* какъ будто всегда приберегалъ въ себѣ на *всякій случай*...

Или, напротивъ того, онъ ужъ слишкомъ исключительно заботился о злобѣ текущаго дня,—и воображалъ ошибочно, что все можно опять поправить заново, если и перейдешь черезъ край.

И еще примѣръ: почему онъ за послѣдніе года, такой твердый и формальный защитникъ православія и прежде никогда явно противъ Церкви не враждовавшій, почему онъ

такъ упорно травилъ греческое духовенство? И травилъ иногда изъ-за пустяковъ.

Это можетъ казаться загадкой для того, кто изъ личныхъ съ нимъ разговоровъ случайно не узналъ (подобно тому, какъ узналъ я) его задней и серьезной мысли.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, повторяю, — вотъ кто въ немъ жилъ. А греческое духовенство — это Стефанъ Яворскій въ своемъ родѣ.

Государство — прежде; Церковь — послѣ; видимо думалъ Катковъ.

Дальше идеаловъ Петра I онъ не шелъ.

Какъ будто Русское государство можетъ жить долго безъ постояннаго возбужденія, или *подогрѣванія*, такъ сказать, *церковныхъ* чувствъ!..

Я подчеркиваю *церковныхъ* именно, а не просто христіанскихъ... Въ наше время слово христіанство стало очень сбивчивымъ. Зоветъ себя кощунственно христіаниномъ даже и Л. Н. Толстой, увлекшійся сантиментальнымъ и мирнымъ нигилизмомъ. «На старости лѣтъ *открывшій вдругъ филантропію*», какъ очень зло выразился про него тотъ же Катковъ.

Гуманитарное лжехристіанство съ однимъ безсмысленнымъ всепрощеніемъ своимъ, со своимъ космополитизмомъ — безъ яснаго догмата; съ проповѣдью любви, безъ проповѣди «страха Божія и вѣры»; безъ обрядовъ, живописующихъ намъ самую суть правильнаго ученія... («Возлюбимъ другъ друга, да *единомыслiемъ исповѣмы*». *Для крѣпкаго единенія въ вѣрѣ прежде всего, а потомъ уже и для взаимнаго облегченія тягостей земной жизни* и т. д.) — такое христіанство есть все та же *революція*, сколько не источай оно меду; при такомъ христіанствѣ ни воевать нельзя, ни государствомъ править; и Богу молиться незачѣмъ... «Богъ — это сердце мое, это моя совѣсть, это моя вѣра въ себя, — и я буду лишь этому гласу внимать!» (Да! И Желябовъ внималъ *своей* совѣсти!)

Такое христіанство можетъ лишь ускорить всеразрушеніе. Оно и въ кротости своей преступно; я не о немъ (изба-

ви насъ, Боже!) говорю; я говорю, что для русскаго государства необходимо постоянное подогрѣванье, подвинчиванье *церковности православной* и поэтому, чѣмъ богаче будетъ запасъ этой церковности, чѣмъ сильнѣе будетъ *самобытный* зарядъ живыхъ православныхъ чувствъ *гдѣ-нибудь* во всей совокупности Церквей восточнаго исповѣданія, тѣмъ *въ общемъ смыслѣ выгоднѣе* и для государства русскаго даже въ томъ случаѣ, если сила этого самобытнаго заряда и будетъ его въ частныхъ столкновеніяхъ *обжигать иногда*. Пусть обожжетъ, лишь бы сама не слабѣла!

Какъ часто, живя въ Москвѣ, я думалъ *именно объ этомъ*, проѣзжая вечеромъ мимо электрическихъ фонарей у храма Спасителя. Меркнетъ, меркнетъ свѣтъ фонаря... чуть свѣтится; и вдругъ какая-то невидимая сила, гдѣ-то, я не знаю *(тамъ, конечно, гдѣ сосредоточенъ зарядъ электричества)*, что-то свершаетъ мнѣ непонятное, и свѣтъ опять начинаетъ сіять все сильнѣе и сильнѣе, такъ сильно, что глазамъ тяжело...

Мы живемъ вѣка въ озареніи этого свѣта, не *думая ничего объ его источникахъ*, но попробуйте ослабить эти источники... что будетъ?

Восточныя (греческія) мѣстныя Церкви привыкли издавна подъ туркомъ къ самобытности... Онѣ бѣдны; онѣ были *по внѣшности* унижены подъ мусульманскимъ владычествомъ; особенно въ старину; но въ сферѣ своей собственной, специальной жизни, въ средѣ христіанской онѣ были властны и независимы; иновѣрная свѣтская власть требовала отъ нихъ только политической покорности и на духовныя дѣла не искала (до послѣдняго времени) посягать. Со времени большей «европеизаціи» Турецкой имперіи, правда, началось противоположное движеніе возросъ внѣшній, видимый почетъ, оказываемый турецкими властями православному духовенству; но независимость власти и вліяніе въ средѣ христіанской начали слабѣть.

Разсказывали мнѣ, что въ старину шейхъ-юль-исламъ сидѣлъ на диванѣ, а вселенскій патріархъ *на коврикѣ, на полу;* а теперь они сидятъ рядомъ по-европейски. Но зато

Порта не прочь (по-европейски же) забрать въ свои руки и многіе изъ атрибутовъ епископской и патріаршей власти, подобно тому, какъ свѣтская власть забрала себѣ эти атрибуты въ Сербіи и свободной Греціи. Прежде турки легче рѣшались изъ-за политической причины повѣсить или заковать въ цѣпи епископа, чѣмъ вмѣшаться въ его духовныя дѣла; теперь — наоборотъ. Православныя государства (большія и малыя) научили и Порту, какъ надо вѣжливо и почтительно ослаблять и разстраивать православіе. Оборотъ дѣлъ, конечно, невыгодный, и прежнія условія внѣшняго угнетенія и духовной властности были лучше; но съ другой стороны вѣдь и дни Турціи сочтены, и близко уже то время, когда тому, *кому слѣдуетъ*, будетъ поставлена дилемма: «воздвигнуть рогъ христіанъ православныхъ» или нѣтъ? Воспользоваться остатками силы и независимости восточныхъ Церквей и особенно вселенской-цареградской—или не воспользоваться? Усилить ихъ или ослабить еще больше?.. Вдохнуть въ православіе новую жизнь, дѣлая повсюду членовъ «учительствующей Церкви» болѣе смѣлыми и предпріимчивыми; іерархію болѣе независимой и властной? Или оставить все попрежнему? *Сосредоточить*, объединить въ искусномъ и *сложномъ* устройствѣ всю восточно-православную Церковь или дать мѣстнымъ православнымъ Церквамъ таять понемногу въ племенномъ разъединеніи и подъ вліяніемъ разнообразныхъ давленій, иногда прямо враждебныхъ, а иногда и благонамѣренно вредныхъ въ робкомъ охраненіи *существующаго* и *только одного существующаго?* («J'y suis — j'y reste!» — Макъ-Магона.)

Вотъ что предстоитъ, вѣроятно, въ скорости; и вотъ о чемъ думалъ, конечно, Катковъ, когда писалъ, какъ будто бы иногда и ни къ селу, ни къ городу, противъ восточныхъ патріарховъ.

Я говорю ни къ селу, ни къ городу потому, что вспоминаю его, *будто бы*, чисто моральныя негодованія и разныя эмансипаціонныя выходки даже въ пользу сирійскихъ арабовъ... Ну, положимъ, болгары — такъ и быть... Тутъ важны не столько сами болгары, сколько *мѣстность*, въ кото-

рой они живутъ, на завѣтномъ пути нашего *Drang'a*. Хотя, по моему мнѣнію, *антиканоническая* политика для русскихъ дѣятелей не только грѣхъ, но и ошибка (грѣхъ — для людей, ошибка — для государства), а все-таки въ этомъ антиканоническомъ болгаробѣсіи былъ не одинъ же эмансипаціонный (т-е. революціонный) смыслъ; а былъ и нѣкоторый расчетъ политическаго (*обязательнаго* для государства) своекорыстія.. Политика, положимъ, слишкомъ ужъ простая, грубая, топорная — освободить, молъ, братьевъ-славянъ отъ «ига фанаріотовъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опасная, рискованная политика, которая еще благополучно сошла намъ съ рукъ (благодаря тому, что власти были осторожнѣе публицистовъ); и держаться, конечно, такого пути Каткову уже по тому одному не слѣдовало, что въ томъ же духѣ проповѣдовалъ и самъ «Голосъ»... (Подозрительно и страшно!) Но все-таки поддержка болгарскихъ претензій была хоть сколько-нибудь понятна. Однако Каткову болгаръ было недостаточно; ему занадобились даже и сирійскіе арабы, съ г. Муркосомъ во главѣ... Эти намъ зачѣмъ?.. Чѣмъ они лучше или ближе грековъ? Неужели одна защита «угнетенныхъ»?.. Едва ли... Вѣдь особой мягкости или сантиментальности въ покойномъ львѣ нашей журналистики никто не замѣчалъ?.. Напротивъ... (И за это «напротивъ»... ему даже вѣчное спасибо въ наши не легкія времена!)

Итакъ, какъ же объяснить эти рѣзкія выходки противъ іерусалимской іерархіи; эту вѣру на слово, хотя бы г. Елисѣеву, напр., эти корреспонденціи и всѣ эти крики, «фанаріоты, фанаріоты» въ родѣ того, какъ въ 77 году — противъ турокъ—«орда, орды, ордѣ, ордою, объ ордѣ...» (даже читать было стыдно; «воюй, побѣждай, убивай, освобождай, и я тебѣ сочувствую»; но зачѣмъ же фраза и вздоръ геніальному человѣку?).

Чѣмъ же объяснить эти излишнія попеченія объ арабахъ сирійскихъ, которые во всякомъ случаѣ не славяне, не *обитатели Балканскаго, столь нужнаго намъ полуострова;* объ арабахъ, которые этнографически намъ не ближе

грековъ, а исторически сравнительно съ греками для насъ *ничто?*

Иначе нельзя все это объяснить, какъ желаніемъ поколебать заблаговременно и всячески авторитетъ тѣхъ самыхъ восточныхъ Церквей, отъ которыхъ мы получили свѣтъ православія и у *которыхъ, какъ я выше сказалъ, есть вѣковыя привычки и преданія независимости.*

Какая-то неумѣстная боязнь за наше будущее вліяніе на Востокѣ, за нашу власть въ случаѣ скораго разрѣшенія нами восточнаго вопроса (онъ вѣритъ въ это разрѣшеніе); какое-то опасеніе препятствій, въ родѣ тѣхъ, которыя оказывали на Западѣ папы римскіе свѣтскимъ властямъ... Церковь «не отъ міра сего»; пусть учитъ дѣтей; пусть совершаетъ таинства, пусть говоритъ проповѣди, благословляетъ знамена и... довольно съ нея! Пусть остается все такъ, какъ сложилось у насъ со временъ Петра и какъ сложилось позднѣе въ Греціи, Сербіи, Румыніи. Чувства православныя надо поддерживать; уставы соблюдать; въ догматы вѣрить; молиться надо; надо духовенство почитать; надо православіе любить всѣмъ сердцемъ... Но переустроивать даже и въ предѣлахъ, допускаемыхъ прежними примѣрами, древними, — не надо; не только не надо централизовать восточную Церковь, не только не нужно созидать ничего *дальнѣйшаго* (того, что возможно безъ нарушенія прежняго); но полезно даже *заранѣе* поколебать тѣ древнія опоры, которыя могутъ, при благопріятныхъ условіяхъ, еще болѣе возвестись и расшириться въ основаніяхъ.

Эти опоры, эти центры (эти, по-моему, мѣста запасовъ, *фокусы**) православной силы) — патріархаты Востока. Ихъ поэтому надо компрометировать, ослабить, унизить, и одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для подобной цѣли — это поддержка во всемъ и вездѣ всѣхъ тѣхъ неважныхъ племенъ православнаго исповѣданія, которыя гдѣ-нибудь и какъ-нибудь сталкиваются съ греками (по праву!), пре-

*) (Для незнающихъ значенія этого слова.) *Фокусомъ*, то-есть очагомъ (focus foyer) въ физикѣ и др. наукахъ называется точка сосредоточиванія силы, огня, свѣта, теплоты, электричества.

обладающими на Востокѣ, болгаръ, арабовъ, Муркоса, грузинъ на Аѳонѣ. По поводу дѣла грузинскихъ монаховъ на Аѳонѣ я нынѣшнимъ лѣтомъ замѣтилъ въ «Моск. Вѣд.» даже такого рода стилистическій оттѣнокъ: «грузинскіе *иноки*, тѣснимые греческими *монахами!*» Это почему же? Почему не греки — иноки, и не грузины — монахи? (Не помню, живъ ли въ то время былъ Мих. Никиф. или уже скончался; но это его духъ, его метода.)

Ну, а когда мы, русскіе, въ чемъ-нибудь національномъ грузинскомъ начнемъ стѣснять этихъ грузинъ, не во имя *чистаго православія*, а во имя только чего-нибудь *русскаго*— это не бѣда? Тогда мы будемъ *иноки*, а ужъ грузины станутъ, вѣрно, *монахами?*

Мнѣ даже мерещится, какъ будто не такъ уже давно «Моск Вѣд.» нѣсколько сочувственно относились къ самому султану въ его послѣдней борьбѣ съ вселенской патріархіей. Боюсь ошибиться... Кто знаетъ: быть можетъ это только игра моего воображенія, подозрительно съ этой стороны настроеннаго; однако, мнѣ все кажется, что я, пораженный коварной замѣткой, вырѣзалъ и спряталъ ее, но такъ далеко, что не могу теперь ее найти.. Неужели это какой-то сонъ? Очень трудно судить рѣшительно о мнѣніяхъ писателя, котораго газетныя статьи еще не собраны въ книгу.. А *думать* объ Катковѣ хочется... Хочется самому себѣ уяснить его совершенно особую, исключительную роль въ нашей новѣйшей исторіи. Забыть его нельзя; и свѣтъ и тѣни были такъ рѣзки въ его духовномъ образѣ. И заслуги его, и непріятныя качества, и доблести гражданскія, и грубыя ошибки — были такъ крупны, такъ велики, что долго, очень долго онъ будетъ невидимо жить во всѣхъ насъ... *Мы всѣ ему неоплатно обязаны*, но... все-таки... Когда мы хотимъ итти по стопамъ великихъ людей, совсѣмъ не нужно «*плевать и кашлять, какъ они!*» И если моя «вырѣзка» не фантазія подозрительности, а *фактъ*, то развѣ это не вредный остатокъ какого-то революціоннаго, — *западнаго недуга*, находить, что султанъ есть представитель дикой «орды» тогда, когда противъ него незаконно бунтуютъ его вассалы и под-

данные (*единокровные* намъ), а когда противъ него же отстаиваетъ нѣкоторыя свои права *единовѣрный* (но *не единокровный*) намъ патріархъ, — писать о томъ же султанѣ сочувственно и поучительно, какъ о лицѣ не только царственномъ, но и въ этомъ дѣлѣ вполнѣ правомъ?

Вотъ то-то и дѣло, что тутъ вовсе не чувствительность въ политикѣ, Каткову не свойственная, не защита «угнетенныхъ», а нѣчто гораздо болѣе *государственное* по скрытой идеѣ; *хотя по существу своему ошибочное и даже въ ошибочности своей очень вредное и опасное.*

Вообще Катковъ былъ великій практикъ, но что касается до *теоріи*, то нужно быть дѣйствительно французомъ, чтобы озаглавить свою статью, какъ Фигаро—«Теоріи Каткова».

Покойный, какъ человѣкъ высокаго философскаго образованія, бывшій даже и самъ философъ по профессіи, уважалъ (хотя и довольно холодно) теоріи другихъ; допускалъ, что могутъ быть полезныя и блестящія гипотезы и глубокія обобщенія,—но самъ не имѣлъ уже ни времени, ни охоты ими заниматься. Вырастая на рубежѣ огромнаго переворота въ нашей общественной жизни, принимая съ 56-го года и до кончины своей во всѣхъ движеніяхъ и колебаніяхъ русской жизни и русской мысли по временамъ истинно исполинское участіе, ему было вообще не до теорій. Сначала онъ думалъ, что для государства полезно почти все старое ломать по западнымъ образцамъ, лишь бы ломка шла не снизу, а сверху, — и тогда на этотъ рубежъ историческій онъ выходилъ съ топоромъ и ломомъ. Потомъ онъ съ ужасомъ понялъ, что славянофилы, которыхъ онъ звалъ «доктринерами», а доктрину ихъ — даже «гримасой», — оказываются почти что правыми; что «Западъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ гніетъ»,—и, спохватившись во-время, бросилъ ломъ и топоръ и, схвативши смѣлой и сильной рукой своей молотъ и доски, и гвозди, и все, что попало подъ эту руку, началъ, не стѣсняясь своимъ прошлымъ, чинить и приколачивать то, что прежде ломалъ.

Ему было не до системъ, не до теорій...

Нѣчто, подобное теоріи у него образовалось, видимо, только въ послѣдніе года. Это именно та смутная нѣ-

сколько и нигдѣ ясно не выраженная теорія преобладанія русскаго государства надъ восточной Церковью.

Онъ отчасти высказывалъ ее на словахъ и мнѣ, но печатно не успѣлъ, не хотѣлъ или не умѣлъ ее выразить, ограничиваясь только отъ времени до времени непонятными въ немъ безъ этой задней мысли нападками на «фанаріотовъ».

И *если не хотѣлъ*, то почему?

Полезна ли была и эта недомолвка его — или вредна?

Не лучше ли было (хоть въ «Русскомъ Вѣстникѣ») выяснить эту теорію, чѣмъ зря чернить православную іерархію, духовнымъ обмѣномъ съ которой мы дышали вѣка? Или опять то же: «*Не время*, теперь не такъ поймутъ... *Выясню позднѣе?*»

Не берусь сейчасъ это рѣшить, не подумавши еще много объ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для всей нашей будущности... Склоняюсь, впрочемъ, къ тому мнѣнію, что эта неясность, эта скрытность, эти недомолвки его принесли на этотъ разъ больше пользы, чѣмъ вреда.

Дерзаю даже предполагать, что, въ виду *грядущихъ событій*, великій «оппортунистъ» нашъ во-время умеръ, что онъ и въ самой кончинѣ своей оказался невольнымъ «оппортунистомъ».

Въ случаѣ водруженія креста въ храмѣ св. Софіи онъ могъ бы стать страшно вреденъ своимъ вліяніемъ и своимъ личнымъ счастьемъ въ дѣлахъ.

Впрочемъ, вѣдь всѣ умираютъ во-время, хотя у однихъ эта *телеологическая* своевременность замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ. Можно бы цѣлую книгу написать объ этомъ: почему Пушкинъ и Лермонтовъ убиты были во-время? Зачѣмъ Скобелеву нужно было такъ рано погибнуть? Почему Наполеонъ I прожилъ достаточно, а самый даровитый изъ его сверстниковъ и соперниковъ, болѣе его *благородный, болѣе его добросовѣстный и болѣе умѣренный*, Hoche (Гошъ) — умеръ такъ рано и случайно отъ какой-то горячки? Гошъ не пошелъ бы въ Москву и на островѣ св. Елены не умеръ бы!

А это было нужно!

ПЛЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА,

КАКЪ ОРУДІЕ ВСЕМІРНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(Письма къ О. И. Фудель.)

I *).

Все то, о чемъ я здѣсь буду писать, самому мнѣ давно уже ясно. И ясность эта, прибавлю, до того печальна, что я счелъ бы за счастье ошибаться. Я праздновалъ бы великій праздникъ радости, если бы сама жизнь или чьи бы то ни было убѣдительные доводы доказали бы мнѣ, что я заблуждаюсь. Боюсь, однако, что я останусь правымъ... Боюсь, какъ бы исторія не оправдала меня...

Я говорю, что эта мысль моя о разрушительно-космополитическомъ значеніи тѣхъ движеній XIX вѣка, которыя зовутся «національными», мнѣ самому давно уже казалась столь поразительною, что я въ извѣстномъ вамъ сборникѣ моемъ («Востокъ, Россія и славянство») не счелъ и нужнымъ даже подробно ее развивать. Я полагалъ, что и такъ она всѣмъ будетъ понятна. Стоитъ только *указать* на нее. Однако въ этомъ я ошибся, какъ видно. Оказывается, что нужно больше фактовъ, больше примѣровъ.

Я понялъ это изъ вашего ко мнѣ послѣдняго письма. Вы пишете мнѣ такъ:

«...Необходимо прежде устранить нѣкоторыя задерживающія мою мысль препятствія. Такъ, напримѣръ, на стр.

*) Письма эти, напечатанныя въ «Гражданинѣ» 1888 г., а затѣмъ изданныя отдѣльной брошюрой, были озаглавлены «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи» Терминъ «національная» вызвалъ много недоразумѣній, неосновательныхъ обвиненій автора и споровъ въ печати. Поэтому впослѣдствіи К Леонтьевъ самъ призналъ, что заглавіе было «неудачно, неточно», и въ своей тетради, гдѣ наклеены были эти статьи, зачеркнулъ слово «національная», надписалъ: «*племенная*», а сбоку приписалъ: «Или иначе озаглавить»: «Культурное обособленіе и племенная политика».

Текстъ также исправленъ по отмѣткамъ автора. *Ред.*

106-й, I т. вашей книги встрѣчаемся съ такою мыслью: «Идея національности въ томъ видѣ, въ какомъ ее ввелъ въ политику Наполеонъ III, въ ея нынѣшнемъ модномъ видѣ, есть не что иное, какъ тотъ же *либеральный демократизмъ*, который давно уже трудится надъ разрушеніемъ великихъ культурныхъ міровъ запада». Вы очень часто высказываете эту же мысль, но опять-таки вездѣ также сжато и *кратко*. И эта мысль мнѣ очень симпатична. Я чувствую, что она истинна, но только чувствую это, а не понимаю логически, ибо вы не даете никакого ключа къ уясненію ея. Очень часто я обдумываю эту мысль; придумывалъ нѣсколько гипотезъ въ объясненіе ея, но задачи все-таки не рѣшилъ и поэтому обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помощи. Почему именно можно сопоставить вмѣстѣ идею національнизма и либеральный демократизмъ, когда повидимому они такъ противоположны: демократическій процессъ сравниваетъ, равняетъ все разнородное, упрощаетъ его, а національнизмъ обособляетъ разнородное, разъединяетъ разныя народности. Повидимому это такъ; но я чувствую, что въ сущности тутъ одно стремленіе къ смѣшенію и слитію. Почему же?»

Я хотѣлъ было отвѣтить кратко на эти ваши вопросы, но это оказалось невозможнымъ. Я не могъ удержаться. Обилие фактовъ, подтверждающихъ мою грустную мысль до того велико, что одни только они, эти факты (какъ вы увидите), почти безъ разсужденій потребовали не письма, а цѣлой статьи.

Вы хорошо сдѣлали, однако, что предложили мнѣ всѣ эти вопросы. Безъ вашего письма едва ли бы мнѣ пришло когда-нибудь на умъ взяться за этотъ трудъ. Я благодаренъ вамъ за этотъ неожиданный толчокъ. Въ мои годы писать прямо и преднамѣренно для печати, какая, скажите, можетъ быть особая охота, если не видѣть сильнаго сочувствія, если *не ощущать* ежедневно своего вліянія.

Когда *есть охота*; когда *пишется*—прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о томъ-то и томъ-то... И это хорошо! Можетъ быть даже это и лучше.

Не говорите мнѣ о «долгѣ» или о «пользѣ» общей! Для этого опытному человѣку нужна та *иллюзія*, которую можетъ дать только большой, невольно возбуждающій насъ успѣхъ... Не говорите также по этому поводу и о христіанствѣ. *Долга своевольной* индивидуальной проповѣди христіанство не признаетъ. Церковь отъ вѣрующаго *такого* долга не требуетъ; она, вы знаете, требуетъ совсѣмъ иного, скорѣе противоположнаго. Не надо писателю-христіанину воображать себя слишкомъ полезнымъ даже и тогда, когда его труды ни прямо, ни косвенно не противорѣчатъ церковному ученію.

Значитъ, строгой религіозной *обязанности* писать политическія статьи, даже и крайне консервативнаго духа, не существуетъ.... Простительно, положимъ, было бы увлеченіе; но для подобнаго увлеченія нужна, повторяю, та иллюзія, которую можетъ дать только огромная популярность. Подобной иллюзіи у меня нѣтъ, вы это знаете. Ея и быть не можетъ. Зачѣмъ же мнѣ принуждать себя къ писанію? Зачѣмъ твердить все то же? Въ Россіи, которую мы съ вами оба такъ любимъ, *въ общемъ* дѣла теперь идутъ довольно хорошо. Признаковъ утѣшительныхъ, обѣщающихъ все большую и большую независимость духа нашего отъ либеральнаго (т.-е. революціоннаго) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажетъ будущее, котораго мнѣ уже *не увидать!*.. Значитъ, если Богу угодно, обойдутся отлично и безъ насъ. Если же Богу *не угодно*, чтобы всѣ эти добрыя (антилиберальныя) начинанія наши принесли въ этомъ будущемъ богатые и прочные плоды, то что же мы то съ вами можемъ противъ этого сдѣлать? Особенно я, на краю могилы?

Итакъ, въ случаяхъ, подобныхъ этому, у меня нѣтъ ни свыше предписаннаго долга, ни иллюзіи.

Остается—охота или неохота и больше ничего! Не грѣхъ, конечно, писать о чемъ-нибудь въ извѣстномъ духѣ, не противномъ ученію Церкви; но еще менѣе грѣхъ молчать, когда никто не обращается къ вамъ настоятельно съ просьбой вразумленія.

Было время, лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ я еще мечталъ своими статьями сдѣлать какую-то «пользу»... Я вѣрилъ тогда еще наивно, что я *кому слѣдуетъ* «открою глаза»... Вспомните мои *пророчества* о болгарахъ и сербахъ. Я постоянно оправданъ позднѣйшими событіями, но не людской догадкой и не своевременной справедливостью критики.

Теперь я разучился воображать себя очень нужнымъ и полезнымъ; я имѣю достаточно основаній, чтобы считать свою литературную дѣятельность, если не совсѣмъ уже безполезной, то во всякомъ случаѣ *преждевременной* и потому не могущей влять непосредственно на теченіе дѣлъ.

Вотъ почему, не обратись вы ко мнѣ съ вопросами, не пришло бы мнѣ въ голову вернуться еще разъ къ этому, какъ мнѣ казалось, уже исчерпанному мною вопросу о *непонятномъ значеніи* и *вредныхъ плодахъ той племенной политики, которую обыкновенно называютъ національной.*

Для васъ же собственно, для людей молодыхъ и начинающихъ жить, я готовъ писать съ удовольствіемъ. Я сталъ писать охотно, письмо разрослось въ цѣлый рядъ писемъ... И вотъ—я рѣшился напечатать ихъ.

Быть можетъ вамъ, юношамъ, удастся то, что мнѣ не выпало на долю; удастся заставить себя не только внимательно слушать, но и *отчетливо понимать.*

Дай Богъ! И для васъ, *пока еще немногихъ*, но искреннихъ и надежныхъ молодыхъ людей, я буду съ радостью распространяться о томъ, о чемъ много и разсуждать бы по настоящему не слѣдовало, до того все это ясно *по фактамъ*, по практическимъ результатамъ современной исторіи.

Ясно вотъ что:

«Движеніе современнаго политическаго національнализма есть не что иное, какъ видоизмѣненное только въ пріемахъ распространеніе космополитической демократизаціи».

У многихъ вождей и участниковъ этихъ движеній XIX вѣка цѣли дѣйствительно были національныя, обособляющія, иногда даже культурно-своеобразныя, но результатъ

до сихъ поръ былъ у всѣхъ и вездѣ одинъ — *космополитическій*.

Почему это такъ, не берусь еще сообразить...

Этотъ вопросъ: *почему?* вѣрнѣй всего долженъ быть обращенъ къ особой, не существующей, кажется, еще въ отдѣльности наукѣ, которую можно бы назвать *соціальной психологіей*. Я за подобное психологическое объясненіе не берусь; я хочу здѣсь просто напомнить только въ общихъ чертахъ, *какъ* все это происходило и происходитъ еще въ наши дни.

Какъ это люди ищутъ одного, а находятъ постоянно совсѣмъ другое? Я намѣреваюсь начертить краткую политическую исторію этого великаго и почти всеобщаго самообмана, но не берусь объяснять тѣ внутренніе, душевные процессы (у главныхъ ли политическихъ дѣятелей нашего вѣка, или у цѣлыхъ тысячъ и милліоновъ ими руководимыхъ), процессы, которые могли бы дать ключъ къ уразумѣнію этой не только странной, но даже страшной исторіи.

Для меня самого это остается самой таинственной психологической загадкой, которую разрѣшитъ только время и упорная, свѣжая мысль.

Политическіе результаты *видны*, теченіе событій *ясно*, хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны*.

II.

Первое по времени движеніе національнаго характера въ XIX вѣкѣ было греческое возстаніе 21-го года. Правда, что сербы нынѣшняго княжества еще раньше грековъ возстали противъ султана, но и освобожденіе ихъ было вначалѣ весьма неполное, и по шуму и вліянію своему въ Европѣ— это движеніе было несравненно ничтожнѣе и безслѣднѣе.

Я не стану говорить ни слова о долгой и геройской борьбѣ православныхъ и полудикихъ въ то время эллиновъ, я полагаю все это достаточно извѣстнымъ.

Борьба была жестокая и неравная; она потребовала вооруженнаго вмѣшательства державъ и завершилась Наваринской побѣдой Европы надъ Азіей, Забалканскимъ походомъ Дибича и Адріанопольскимъ миромъ въ 29-мъ году. Маленькая, *весьма оригинальная* тогда Эллада достигла ближайшей *національной* цѣли своей. Не будучи еще въ то время въ силахъ объединить *все свое племя*) и освободить его изъ подъ власти турокъ и англичанъ (на Іоническихъ островахъ), эллины удовольствовались пока небольшимъ свободно-національнымъ государствомъ въ одинъ какой нибудь милліонъ. Но что же вышло? Большинство эллинофиловъ того времени ждали отъ этихъ возрожденныхъ эллиновъ чего-то особеннаго въ бытовомъ и духовномъ отношеніи. *Ждали и ошиблись.*

Творчества не оказалось, новые эллины въ сферѣ высшихъ интересовъ ничего, кромѣ благоговѣйнаго подражанія *прогрессивно-демократической Европѣ*, не сумѣли придумать. Какъ только удалились *привилегированные* турки, которые изображали собой нѣчто въ родѣ чуждой аристократіи въ средѣ грековъ, кромѣ полнѣйшей *плутократической* и *грамматократической эгалитарности ничего не нашлось.* Когда нѣтъ въ народѣ *своихъ* привилегированныхъ, болѣе или менѣе неподвижныхъ сословій, то богатѣйшіе и ученѣйшіе изъ гражданъ, конечно, должны брать верхъ надъ другими. Въ строѣ эгалитарно-либеральномъ неизбѣжно развиваются поэтому весьма подвижныя и не имѣющія преданій и наслѣдственности плутократія и грамматократія. Новая Греція не могла тогда вынести царя своей крови, до того вожди ея, герои *національной свободы*, страдали *демагогической* завистью! Она, эта новая Греція, не вынесла даже власти *президента* родной греческой крови — графа Каподистріа, и *его скоро убили.*

На чемъ же она, эта Греція, надолго (и доселѣ) примирилась. На короляхъ *европейскаго иновѣрнаго* происхожденія во-1-хъ, а во-2-хъ, на *конституціи болѣе либеральной, чѣмъ*

*) *Милліона 4 или 5.*

самыя либеральныя изъ западныхъ. Греція оказалась даже неспособной имѣть *двѣ палаты*, пробовали учредить какой-то болѣе охранительный *сенатъ*—не удалось! Всѣ наилиберальнѣйшія государства Запада (и въ томъ числѣ и Соединенные Штаты Америки) выносятъ двѣ палаты. Греки (а кстати сказать и сербы, и болгары) не могли къ этой болѣе консервативной формѣ привыкнуть. Итакъ, если въ главныхъ чертахъ своихъ учрежденій греки (а также и юго-славяне) разнятся чѣмъ-нибудь отъ Европы, то развѣ тѣмъ, что, *не имѣя великихъ охранительныхъ преданій* (католическихъ, національно-аристократическихъ, не имѣя легитимистовъ, торіевъ прусскаго юнкерства, польской и мадьярской магнатеріи и т. п.), они еще легче европейцевъ дѣлаютъ во всемъ лишній шагъ—на пути того же *сословнаго всесмѣшенія*, которое разъѣдаетъ Западъ со времени провозглашенія «правъ человѣка» въ 89-мъ году!

Вообще оттѣнки въ *учрежденіяхъ*, отличающіе новую Грецію отъ Запада, очень ничтожны и *не характерны*.

Посмотримъ теперь, какъ отозвалась въ Греціи національная свобода на бытѣ и религіи. Бытъ, положимъ, еще довольно оригиналенъ (смотри Одиссея, Аспазію, Ламприди и др. мои повѣсти); но онъ *еще пока* оригиналенъ кой-гдѣ благодаря спасительной дикости и грубости сельскаго и горнаго населенія даже и въ независимой Греціи.

Это—оригинальность *охраненія* (*стараго*), это—неоригинальность *творчества* (*новаго*). Охраненіе же отъ неразвитости, отъ отсталости ненадежно; надежно только созиданіе чего-либо *новаго* или полуноваго высшими, болѣе развитыми классами, за которыми рано или поздно, хотя или не хотя, идетъ народъ.

Православіе въ селахъ очень твердо (тверже, пожалуй, чѣмъ въ Россіи), но оно неосмысленно, просто, сѣро и не въ силахъ бороться съ аѳинскимъ поверхностнымъ раціонализмомъ.

Греческое духовенство жалуется, что въ Аѳинахъ религія въ упадкѣ (значитъ, ослабѣло главное, обособляющее начало); она (религія) гораздо больше даетъ себя чувствовать

въ Царьградѣ, чѣмъ въ Аѳинахъ, и вообще подъ туркомъ больше, чѣмъ въ чистой Элладѣ. Есть и анекдоты по этому поводу очень выразительные.

Итакъ, *національно-политическая* независимость у грековъ оказалась вредной и болѣе или менѣе губительной для *независимости духовной;* съ возрастаніемъ первой падетъ вторая.

Разумѣется, духовная зависимость отъ Запада, въ которую впадаютъ современные греки, остывая къ православію, не католицизмъ (для искренняго стремленія въ Римъ нужно быть все-таки религіознымъ; надо предпочитать одну мистическую вѣру другой вѣрѣ, такой же мистической и церковной). Но греки впадаютъ въ самую обыкновенную общеевропейскую раціоналистическую пошлость... Опять *смѣшеніе*, сближеніе, сходство, *космополитизмъ идей и чувствъ*.

О бытѣ, о жизни общественной не стоитъ много и говорить. Здѣсь опять одни отрицательныя отличія. Городской бытъ грековъ—та же Европа, только суше, поскучнѣе, поглупѣе и т. д. Замѣчу кстати, что въ общественномъ отношеніи есть даже весьма замѣтная разница между фанаріотами и аѳинянами,—*не къ выгодѣ послѣднихъ*. Фанаріоты изящнѣе, тоньше, умнѣе въ обществѣ... Аѳиняне немного пошлѣе.

Со дня освобожденія эллиновъ и образованія независимаго греческаго королевства (изъ одной только четверти всѣхъ подчиненныхъ чуждой власти грековъ) до 59 и 60-хъ годовъ ничего особеннаго на почвѣ политическаго національнализма не произошло. Было за это время два національныхъ возстанія: польское 31-го года и венгерское 48-го года. *Они оба носили аристократическій характеръ и оба не удались.* Замѣтьте это: эта черта будетъ повторяться.

Въ 59—60-хъ годахъ совершилось освобожденіе Италіи. Наполеонъ III, *воображая*, что создаетъ для Франціи вѣчнаго союзника, достаточно сильнаго, чтобы быть полезнымъ и достаточно слабаго, чтобы не быть опаснымъ, побѣдилъ Австрію, но хотѣлъ остановиться на полдорогѣ; оставилъ Австріи всю Венецію (область), держалъ въ Римѣ войско

для защиты свѣтской власти папы и т. д. Эти мѣры его не привели ни къ чему. Повидимому онѣ были еще *слишкомъ консервативны; онъ недостаточно служили* процессу *эгалитарнаго всесмѣшенія* и *всеплоскости*. Викторъ Эммануилъ и Кавуръ обманули хитраго Наполеона посредствомъ весьма сложнаго пріема. На югѣ Италіи Гарибальди завоевалъ неаполитанское королевство и изгналъ *древнихъ охранителей Бурбоновъ*. На сѣверѣ сардинскія войска разбили войска папы и отняли у него часть территоріи; въ Тосканѣ и другихъ мѣстахъ произошло подстрекаемое Пьемонтомъ *народное движеніе* въ пользу объединяющей короны Виктора Эммануила, и въ очень короткое время объединилась вся Италія, за исключеніемъ части папской области съ Римомъ и Венеціанской области, оставшейся пока у Австріи! Черезъ 6 лѣтъ (въ 66-мъ году) эта почти объединенная Италія заключаетъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и получаетъ въ награду Венеціанскую область. И, замѣтьте, опять какимъ сложнымъ путемъ; итальянцы разбиты на голову австрійцами при Лиссѣ и Кустоццѣ; но союзныя имъ прусскія войска въ это же время стоятъ уже подъ Вѣной. Въ порывѣ отчаянія Францъ-Іосифъ, желая освободить для защиты Австріи тѣ свои войска, которыя должны дѣйствовать въ Италіи, даритъ по телеграфу Венеціанскую область Наполеону III. Италія этимъ парализована, ибо Наполеонъ отдаетъ немедленно эту территорію Виктору Эммануилу, и война въ той сторонѣ останавливается. Пруссія также прекращаетъ военныя дѣйствія на сѣверѣ Австріи (она боится между прочимъ того, чтобы Франція не вмѣшалась со свѣжими силами въ борьбу). Миръ заключенъ. Но какъ? Все въ томъ же направленіи *племенного объединенія*, влекущаго за собою *большее однообразіе какъ въ самой объединенной средѣ, такъ и по отношенію сходства съ сосѣдними государственными обществами*. Силенъ ли или слабъ былъ прежній германскій союзъ съ двумя большими державами во главѣ (Австріей и Пруссіей) — это другой вопросъ; *но онъ былъ въ высшей степени оригиналенъ*, то-есть *истинно національнъ* и по внутреннему политическому устройству, и

по внѣшней политической роли, и въ особенности по общественнымъ, бытовымъ формамъ. Пруссія не отнимаетъ ни пяди земли у Австріи (она бережетъ ее на всякій случай, особенно противъ будущаго славянскаго объединенія); она только по мирному договору изгоняетъ ее изъ стараго германскаго союза и образуетъ новый, *болѣе чистый, болѣе племенной*. (Австрія пестрила его, такъ сказать, своимъ участіемъ въ немъ.) Пруссія, въ разной степени подчиняя себѣ государства сѣвера и заключая секретные (до поры до времени) договоры съ нѣмецкими государствами юга (Баваріей, Вюртенбергомъ и Баденомъ), почти уже тогда объединяетъ все германское племя, за исключеніемъ 8 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ и Эльзасъ-Лотарингіи (дѣйствительно нѣмецкихъ и отторгнутыхъ прежде Франціей).

Настаетъ 70-й годъ. Франція побѣждена; Австрія парализована угрозами Россіи, которая основательно хотѣла предоставить дѣло судьбамъ единоборства.

Объединеніе германскаго племени сдѣлало еще огромный шагъ; Эльзасъ-Лотарингія отвоевана; внутренній союзъ тѣснѣе, прусскій король избранъ императоромъ всей Германіи.

Итальянское правительство, пользуясь разгромомъ Франціи, тоже угрожаетъ своей освободительницѣ, и *французскія войска уходятъ изъ Рима, предоставляя папу его судьбѣ*. Итальянскія войска вступаютъ въ Римъ послѣ незначительной стычки, и, какъ прекрасно выразился Данилевскій, «всемірный городъ римскаго первосвященника обращенъ въ столицу неважнаго государства!»

Объединеніе Италіи и Германіи теперь почти окончено. Италіи остается пріобрѣсти еще лишь небольшой клочокъ отъ Австріи (признаюсь, забылъ, какъ даже онъ и называется). Германіи остается присоединить 8 мил. австрійскихъ нѣмцевъ и, пожалуй... наши остзейскія провинціи. (Ибо если на нашей русской сторонѣ, такъ сказать, идея *демократическая*, право *этнографическаго большинства* (эсты и т. п.), то на сторонѣ нѣмцевъ идея высшая, культурная и аристократическая въ этомъ вопросѣ. Когда *настоящее*, искреннее православіе сдѣлаетъ въ этомъ

краѣ дѣйствительно большіе успѣхи, тогда на нашей сторонѣ будетъ право еще болѣе высшаго порядка; а пока, разумѣется, одинъ остзейскій породистый баронъ самъ по себѣ стоитъ цѣлой сотни эстскаго и латышскаго разночинства. *Пока* мы еще въ Остзейскомъ краѣ служимъ все той же системѣ всеобщаго уравненія. Все это такъ; я желаю говорить правду, но Германія, въ виду русской силы и панславизма съ одной стороны, оберегаетъ Австрію и не спѣшитъ отнять у нея ея нѣмцевъ; а съ другой, въ виду той же опасной русской силы, она при жизни Бисмарка не позволитъ себѣ воевать съ Россіей изъ-за одного Прибалтійскаго края. Это было бы слишкомъ глупо! Нападеніе на Остзейскій край можетъ быть *результатомъ* войны, одной изъ ея случайностей; но не будетъ *ея причиной* до тѣхъ поръ, пока нѣмцы управляются умными людьми.)

Таковы факты международной внѣшней политики. Но что же мы видимъ во внутренней жизни всѣхъ перечисленныхъ народовъ и государствъ, которые боролись передъ глазами нашими съ 59-го до 89-го года? (Я пропускаю здѣсь нашу войну съ Турціей, *которая была тоже болѣе племеннаго, чѣмъ религіознаго или чисто государственнаго, характера*, и вернусь къ ней послѣ.)

Всѣ эти націи, всѣ эти государства, всѣ эти общества сдѣлали за эти 30 лѣтъ огромные шаги на пути эгалитарнаго либерализма, демократизаціи равноправности; на пути внутренняго *смѣшенія* классовъ, властей, провинцій, обычаевъ, законовъ и т. д. И въ то же время они всѣ много «преуспѣли» *на пути большого сходства съ другими государствами и другими обществами. Всѣ общества Запада за эти 30 лѣтъ больше стали похожи другъ на друга, чѣмъ были прежде.*

Мѣстами *болѣе противъ прежняго крупная*, а мѣстами *болѣе противъ прежняго чистая* группировка государственности *по племенамъ и націямъ* есть поэтому не что иное, какъ поразительная по силѣ и ясности своей подготовка къ переходу въ государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потомъ, быть можетъ, и всемірное!

Это ужасно! Но еще ужаснѣе по-моему то, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ никто этого не видитъ и не хочетъ понять...

«Кто хорошо распознаетъ болѣзнь, тотъ хорошо ее лѣчитъ», говоритъ старая медицинская поговорка...

Попытаемся же скорѣе, пока еще не поздно, распознать внимательно и смѣло тотъ недугъ, которымъ страждетъ Западъ; попытаемся распознать его во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и нерѣдко обманчивыхъ формахъ...

И тогда только, когда мы и съ трепетомъ пророческаго страха за свою дорогую родину и съ мужествомъ неизмѣнной рѣшимости взглянемъ печальной истинѣ прямо въ глаза, тогда только мы будемъ въ силахъ судить, во-1-хъ, не болѣемъ ли и мы, русскіе, той же таинственной и сложной болѣзнью, которая губитъ Западную Европу, *неорганически*, такъ сказать, *все въ ней равняя?* — А во-2-хъ, далеко ли зашло у насъ это самое разложеніе и есть ли намъ надежда на исцѣленіе? И *какъ?* И *когда?*

Вѣдь у насъ на востокѣ Европы идея либеральнаго панславизма тлѣетъ подъ пепломъ... Какъ съ ней быть? И отказаться намъ отъ нея нельзя, невозможно, невыгодно и опасаться ее необходимо по аналогіи.

Поэтому прежде всего, я говорю, *надо внимательно и подробно прослѣдить эту племенную идею во всѣхъ ея проявленіяхъ.*

III.

Поговоримъ теперь подробнѣе объ Италіи и о тѣхъ плодахъ, которые созрѣли въ этой классической странѣ на почвѣ *національной политики.*

Италія еще въ 1-й половинѣ этого вѣка славилась и своеобразіемъ и разнообразіемъ своимъ. Близкая по племенному составу и языку къ Франціи и Испаніи, она весьма рѣзко отличалась отъ нихъ законами, духомъ, нравами, обычаями и т. п. Добродушная патріархальность и дикая жестокость;

безпорядокъ и поэзія; наивность и лукавство; пламенная набожность и тонкій развратъ; глубокая старина и вспышки крайне революціоннаго духа...

Все это сочеталось тогда въ жизни разъединенной и отчасти порабощенной Италіи самымъ оригинальнымъ образомъ. И кого же она тогда не вдохновляла?!

Байронъ, геніальнымъ инстинктомъ прозрѣвшій грядущее демократическое опошленіе болѣе цивилизованныхъ странъ Европы, бѣжалъ изъ нихъ въ запущенные сады Испаніи, Италіи и Турціи. — Тамъ ему дышалось легче!

О Франціи онъ совсѣмъ почти не писалъ, и сколько помнится, и не былъ въ ней; Англію ненавидѣлъ; на Германію тоже мало обращалъ вниманія.

Самое лучшее и самое самобытное и зрѣлое его произведеніе Чайльдъ-Гарольдъ — все наполнено картинами этихъ одичалыхъ южныхъ странъ...

Гете Италіи обязанъ «Римскими элегіями» и знаменитымъ характеромъ «Миньоны»; Пушкинъ мечталъ объ Италіи и писалъ объ ней. У Жоржъ-Зандъ въ романахъ есть множество итальянскихъ характеровъ, обработанныхъ съ особою любовью и даже съ пристрастіемъ *). Alf. de Musset любилъ Италію не менѣе другихъ художниковъ и поэтовъ. Италіи же обязанъ Ламартинъ однимъ изъ лучшихъ и живыхъ своихъ произведеній — романомъ «Граціелла». «Римъ» Гоголя вамъ, конечно, извѣстенъ.

Самая отсталость Италій, полудикость ея восхищала многихъ. Прочтите, если можете, у Герцена объ Италіи; у Герцена все, что касается политики — бредни; но все, что касается *жизни* — прекрасно. Всѣ были согласны, что Италія не сѣра, не буржуазна, не обыкновенна, не пошла. Всѣ путешественники восхищались разнообразіемъ не только природы ея, но и жизни, быта, характеровъ. За Альпами начинался для англичанъ, французовъ, русскихъ, нѣмцевъ какой-то волшебный міръ, какая-то прелестная разновидная панорама отъ Ломбардіи до Рима и Сициліи. Говорятъ даже — экипажи, способы сообщенія, упряжь — все было въ

*) Теверино, Лукреція Флоріани, Пиччинино, Даніелла и т. д.

то время разное. При этомъ Италія тогда была сравнительно бѣдна. Не было желѣзныхъ дорогъ, гостиницы были плохи; разбой, лѣнь на югѣ и т. д. *Но всѣ эти недостатки были необъяснимымъ и неразрывнымъ образомъ сопряжены съ тѣми именно привлекательными чертами, которыя составляли отличительные признаки итальянской самобытности* (культурной, бытовой, эстетической). Искусства замѣчательнаго уже давно не было въ Италіи (за исключеніемъ музыки), *пластика отраженій* въ духѣ самихъ итальянцевъ изсякла, *но пластика жизни* зато вдохновляла иностранцевъ. Вотъ это настоящій обмѣнъ духовный, возможный только при сильной разновидности!

Раздробленная и подчиненная гдѣ Австріи, гдѣ Церкви, гдѣ деспотическимъ монархамъ Италія стала на нашихъ глазахъ Италіей единой, политически независимой; политически уравненной отъ Альпъ до Этны; однородно конституціонной, несравненно болѣе индустріальной, чѣмъ прежде, съ желѣзными дорогами и фабриками.

Она стала больше прежняго похожа на Францію и на всякую другую европейскую страну. Измѣненія внѣшне-политическаго положенія и внутреннихъ учрежденій съ удивительной быстротой отразились въ измѣненіи жизни, быта, нравовъ и обычаевъ; вообще въ опошленіи *тѣхъ самыхъ картинъ духовно-пластическихъ, на которыхъ такъ блаженно и восторженно отдыхали вдохновенные умы остальной Европы.*

Усилившись Италія почти немедленно обезличилась культурно. Какъ политическая сила, она все-таки остается презрѣнной и неважной и не имѣетъ будущаго. Какъ явленіе культурное, она на глазахъ нашихъ утрачиваетъ смыслъ свой; ибо, конечно, не ей предстоитъ впредь вести за собою Европу, не ей творить, новаго творчества у нея впереди не будетъ; сохранить же поучительную поэзію стараго своего творчества, великіе остатки свои (я говорю не о камняхъ, а объ жизни) она не смогла, увлекшись жаждой пріобрѣсти ту политическую силу, которая цѣлые вѣка не давалась ей при раздробленіи и зависимости.

Но, увы! Раздробленная, она царила многимъ надъ дру-

гими (папствомъ, искусствомъ, страннымъ соединеніемъ тонкости съ дикостью и т. д.). Объединенная, она стала лишь «мѣщанинъ во дворянствѣ» сравнительно съ Россіей, Германіей, Франціей и т. д. Въ политикѣ — какая-то «переметная сума», у всѣхъ на пристяжкѣ и всѣми и вездѣ побѣждаемая.

Въ быту — шагъ за шагомъ — *какъ всѣ!*

Я не могу подробно вамъ разсказывать здѣсь, какъ непріятно я былъ пораженъ уже 20 лѣтъ тому назадъ (въ 69-мъ году) въ Болоньѣ контрастомъ между остатками средневѣковаго величія въ соборѣ, въ феодальномъ университетѣ и т. п. и видомъ *сѣро-черной, такой же, какъ вездѣ*, уличной, отвратительной, европейской толпы! Съ какою радостью я, переѣхавши море, увидалъ въ турецкомъ Эпирѣ, куда я назначенъ былъ консуломъ, иную жизнь, не эту всеобщую, проклятую жизнь пара, конституціи, равенства, цилиндра и пиджака.

Да, впрочемъ, кто же изъ знавшихъ Италію *прежнюю* теперь живъ?

Никто. Но книги есть, картины есть, разсказы прекрасные есть. Сравните. Отыщите, напр., описанія *прежнихъ* пышныхъ папскихъ процессій; *прежнихъ* карнаваловъ *прежней* Венеціи; *прежняго* развратнаго и набожнаго, деспотическаго и лѣниваго, но обворожительнаго Неаполя. Природа та же оригинальная, характеръ жизни, мѣняясь и мѣняясь, постепенно приближается все болѣе и болѣе *къ общеевропейскому среднему уровню, къ среднему типу.*

Замѣчу, что, живя еще въ Турціи, я вырѣзалъ изъ одной иностранной (не помню какой) газеты статью о томъ, что теперь, послѣ войны 71-го года, предстоитъ Риму (т.-е. послѣ вступленія въ папскій Римъ итальянскаго войска). Въ этой статьѣ (быть можетъ клерикальнаго происхожденія) справедливо пророчили общеевропейское опошленіе жизни вѣчнаго города. И въ ней говорили: «Процессій не будетъ, будетъ обиліе фабрикъ и стачки голодающихъ рабочихъ, обычный комфортъ замѣнитъ живописный безпорядокъ стараго папскаго Рима и т. д.».

Мнѣ очень жаль, что эта вырѣзка потеряна или уничтожена.

Объ Италіи я кончилъ. Очень полезно было бы привести побольше картинъ и примѣровъ, но я не въ силахъ этого сдѣлать, ибо тогда эти письма обратились бы въ серьезную работу, которая потребовала бы бездну цитатъ и справокъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти справки поразительно бы подтвердили то, что я говорю.

Теперь о Германіи.

«A priori» тоже безъ всякихъ справокъ и примѣровъ можно сказать, что если какая-нибудь нація была долго раздѣлена на множество государствъ, то въ духѣ и бытѣ ея, въ ея нравахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ и т. д. будетъ много разнообразія и своеобразія; а когда эта раздробленная нація сольется въ единое государство, то неизбѣжно начнется процессъ ассимилизаціи, сначала въ верхнихъ слояхъ, а позднѣе въ низшихъ. И факты подтверждаютъ это. Стоитъ только вообразить католическую Баварію и Пруссію временъ хоть Фридриха II или даже Наполеона I и между этими двумя крайностями Юга и Сѣвера, католицизма и протестантства, представить себѣ Ганноверъ, С.-Веймаръ, Вюртембергъ, Гессенъ-Дармштадтъ и т. д. Стоитъ только поискать въ библіотекахъ прежнія описанія тѣхъ странъ и государствъ и прежнія о нихъ сужденія, какъ самихъ нѣмцевъ, такъ и иностранцевъ, и сейчасъ будетъ ясно, какъ много и какъ скоро стала измѣняться Германія послѣ 66 и 71 годовъ; *измѣняться къ худшему въ отношеніи собственно національномъ — культурномъ, по мѣрѣ возрастанія политическаго единства, независимости и международнаго преобладанія.*

(Я говорю, «независимости» въ смыслѣ относительномъ, ибо хотя всѣ германскія государства и самый союзъ и прежде были *въ принципѣ* такъ же независимы, какъ Россія, Австрія, Франція, Англія и Турція, но на дѣлѣ старый германскій союзъ былъ въ международной политикѣ слабъ, нерѣшителенъ, зависимъ то отъ Россіи, то отъ Франціи

(при Наполеонѣ I) и т. д. *Объединеніе*, значитъ, и въ этомъ случаѣ было солидарно съ нѣкоторой *эмансипаціей*.)

Была у Каткова одна очень большая и превосходная передовая статья о томъ, какъ прежнее разъединеніе Германіи было плодотворно для ея богатой, разнообразной культуры и какъ трудно ожидать, чтобы при новыхъ порядкахъ это богатство сохранилось. Что статья такая была, это вѣрно, но была она напечатана въ 71-мъ или 72-мъ году, этого я указать не могу. Конечно, не ранѣе 71-го и не позднѣе 72-го г. (Едва ли даже и въ 73-мъ г.) Хорошо бы найти ее вамъ въ музеѣ.

IV.

Есть также у меня три небольшіе тома, подъ заглавіемъ: «Обзоръ современныхъ конституцій». Первыя двѣ части были изданы еще въ 1862 году *людьми весьма либеральными*, какъ бы въ «пику» нашему правительству, «что вездѣ, молъ, даже и на Сандвичевыхъ островахъ, есть конституціи, а у насъ нѣтъ». Конституціонно-демократическое королевство съ двумя палатами въ этомъ сборникѣ представляется почти идеаломъ; я говорю «почти», ибо и республики въ родѣ швейцарской и сѣверо-американской пользуются у авторовъ большимъ уваженіемъ. Но какъ бы то ни было факты остаются фактами, и такъ какъ эта книжка впервые была издана въ началѣ 60-хъ годовъ, когда о германскомъ единствѣ не было и помина, то и она, изображая разницу между учрежденіями разныхъ нѣмецкихъ государствъ, даже и въ ½ нашего вѣка можетъ также служить для подтвержденія того, что нынѣшнее національное единство принимаетъ *неизбѣжно* нивеллирующій, *всеуравнивающій*, болѣе и менѣе *эгалитарный характеръ*; сводитъ съ первыхъ же шаговъ всѣхъ и все на путь *чего-то средняго*; сперва на путь большаго противъ прежняго *сходства составныхъ частей между собою*, а *потомъ и на путь большаго сходства съ наиясньйшимъ первообразомъ новой Европы съ эгалитарно-либеральной Франціей*, уже съ 89-го года про-

шлаго вѣка стремящейся у себя уничтожить всѣ сословные, провинціальные и даже личные въ людяхъ оттѣнки. Токвиль въ своей книгѣ: «Lancien régime et la Révolution» первый сталъ жаловаться на то, что французы его времени, т-е. 30—40 годовъ, несравненно болѣе между собою схожи, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Въ 50-хъ годахъ Дж. Ст. Милль издалъ замѣчательную книгу. «О свободѣ»; книга эта, положимъ, весьма неудачно озаглавлена, ее надо бы назвать. «О разнообразіи», или. «О разнообразномъ развитіи людей». Ибо она написана *прямо съ цѣлью доказать, что однообразіе воспитанія и положеній, къ которому стремится Европа, есть гибель.* «Свобода» тутъ у него вовсе некстати; ибо отъ него какъ-то ускользнуло то обстоятельство, что именно *нынѣшняя свобода, нынѣшняя легальная эгалитарность* больше всего и способствуетъ тому, чтобы все большее и большее количество людей находилось бы въ *однородномъ положеніи* и *подвергалось бы однообразному воспитанію.* Однако, несмотря на эту грубѣйшую и непостижимую ошибку, въ этой книгѣ Дж. Ст. Милля есть драгоцѣнныя страницы и строки, его же собственный либерализмъ безпощадно опровергающія, онъ тоже цитируетъ Токвиля и жалуется на современное однообразіе англичанъ. Въ 50-хъ же годахъ (кажется) вышла нѣмецкая книга Риля «Страна и люди» (Land und Leute). Риль говоритъ, что въ средней Германіи слишкомъ все уже *смѣшалось*, что тамъ нѣтъ глубины и оригинальности и что остатки этой глубины духовной и оригинальности бытовой надо искать или на югѣ Германіи, или на крайнемъ сѣверѣ. Книгу эту, впрочемъ, я читалъ такъ давно, что не хочу указывать самоувѣренно на тѣ частности, которыя остались у меня въ памяти (не считаю себя въ правѣ вполнѣ довѣрять ей); помнится только, что природа (лѣсъ, пустыя мѣста, горы и т. п.) играютъ въ этой книгѣ Риля болѣе значительную роль, чѣмъ учрежденія. Но это не бѣда; природа (до изобрѣтенія паровыхъ и электрическихъ сообщеній) вліяла, какъ всякому извѣстно, глубоко не только на общіе нравы и личные характеры, но и на учрежденія. И наоборотъ, учре-

жденія (особенно при нынѣшнихъ средствахъ сообщенія) глубоко вліяютъ на природу. Общество вездѣ нынче жестоко подчиняетъ природу (въ томъ числѣ и личный характеръ, *натуру* отдѣльнаго лица). Напримѣръ, при глубоко сословномъ строѣ временъ государя Николая Павловича едва-едва рѣшились построить желѣзную дорогу между двумя нашими столицами. *Не было потребности;* было меньше междусословнаго *уравнивающаго движенія;* было гораздо меньше надеждъ и мечтаній *перемѣнить свое положеніе* и меньше поэтому потребности *перемѣнить свое мѣстожительство.* Движеніе всякаго рода было тогда умѣреннѣе; положенія были устойчивѣе, образъ жизни въ каждой общественной группѣ (у дворянъ, купцовъ, у бѣлаго духовенства и крестьянъ) были постояннѣе, тверже и вслѣдствіе этого обособленнѣе въ каждой группѣ. Только самые сильные въ худомъ и въ хорошемъ направленіи, даровитые или особенно счастливые и хитрые люди или особенно оригинальные вырывались изъ своей группы такъ или иначе, добромъ или зломъ, но вырывались. Вмѣстѣ съ усиленіемъ свободнаго движенія *личной воли*, хотя бы и дурацкой, *личнаго разсужденья*, хотя бы и весьма плохого, съ освобожденіемъ и отъ духа сословныхъ группъ и отъ общенаціональныхъ старыхъ привычекъ усилилась и потребность физическаго движенія; большее количество людей захотѣло ѣздить и ѣздить скоро; *скоро мѣнять и мѣсто, и условія своей жизни.* Построилось вдругъ множество желѣзныхъ дорогъ; стали вырубаться знаменитые русскіе лѣса; стала портиться почва; начали мелѣть и великія рѣки наши. *Эмансипированный* русскій человѣкъ восторжествовалъ надъ своей родной природой, онъ изуродовалъ ее быстрѣе всякаго европейца. Такихъ примѣровъ и обратныхъ бездна.

Природа, «*натура*» человѣка, *учрежденія*, бытъ, вѣра, моды — все это органически связано.

Едва ли, напр., *слишкомъ уравненная* почва нынѣшней Франціи дастъ достаточный ходъ какой-нибудь *сильной натурѣ*, какому-нибудь новому Наполеону. Мы видѣли, какъ

паутина *демократической легальности* запутала еще недавно даровитаго и смѣлаго Гамбетту.

Возвращаюсь опять къ состоянію современной Германіи.

Наполеоны и Бисмарки, т.-е. люди, на другихъ непохожіе, само собою разумѣется, нужны для того, чтобы дать толчокъ дальнѣйшему смѣшенію, гдѣ сословій и классовъ, гдѣ провинцій или независимыхъ государствъ одного племени; но *результатъ* ихъ дѣятельности все тотъ же *еще огромный шагъ ко всеобщей ассимиляціи.*

Германія объединенная, единая, сплошная, сохранившая только кой-гдѣ тѣни прежнихъ королей и герцоговъ, общеконституціонная, съ однимъ общимъ ограниченнымъ императоромъ, тѣсно связанная теперь одинакими военными, таможенными и т. п. условіями, *не только стала внутренно однообразнѣе прежняго, но и гораздо больше стала похожа строемъ своимъ на побѣжденную ею Францію.* Стоитъ только въ контрастъ нашему времени вообразить картину и жизнь *единой и монархической* Франціи хоть въ XVIII вѣкѣ и жизнь *тоже монархической, но раздробленной Германіи* того же времени, — чтобы ясно увидать, до чего *теперь культурная, бытовая, національная собственно* разница между двумя этими странами уменьшилась.

Впрочемъ, я полагаю, и провѣрить все то, что я говорю, не особенно трудно человѣку молодому, трудолюбивому и не ослѣпленному какимъ-нибудь предубѣжденіемъ. Побольше разныхъ фактовъ, разныхъ справокъ, и я, безъ сомнѣнія, буду ими вполнѣ оправданъ.

Говорить ли здѣсь много объ Испаніи? Я думаю, не стоитъ. Испанія давно уже не была *раздроблена* политически на отдѣльныя государства, какъ Германія и часть Италіи. У нея не было, какъ у Италіи, цѣлыхъ областей, *подчиненныхъ* иностранной власти. Ей не нужно было ни *освобождаться*, ни стремиться къ *политическому единству.* Она просто, прямо, *безъ изворотовъ*, шагъ за шагомъ, подобно Франціи и Англіи, *демократизировалась внутренно и стала сходнѣе съ другими націями* въ теченіе этого исходящаго XIX вѣка. Есть у нея, правда, родственная по племени и независимая

отъ нея Португалія, точно такъ же, какъ есть у Франціи независимая *(пока еще) французская же* Бельгія; «время терпитъ!» Современные оттѣнки очень неважны съ той высшей точки, съ которой я смотрю. И эти оттѣнки могутъ легко сгладиться при первомъ внутреннемъ переворотѣ, ведущемъ къ дальнѣйшей разрушительной ассимиляціи или послѣ какой-нибудь новой международной борьбы, въ *наше время вездѣ влекущей за собою бытовую безхарактерность* какъ побѣдителя, такъ и побѣжденнаго, какъ поглощеннаго, такъ и поглотителя, какъ освобожденнаго, такъ и завоеваннаго.

Всѣ идутъ къ одному къ какому-то средне-европейскому типу общества и къ господству какого-то средняго человѣка. И будутъ такъ итти, пока не сольются всѣ въ одну всеевропейскую республиканскую федерацію.

Поэтому ни о Португаліи, ни о Голландіи, ни о Швейцаріи, Даніи или Швеціи не стоитъ и распространяться по поводу того широкаго и серьезнаго вопроса, который насъ занимаетъ.

Въ культурно-бытовомъ отношеніи во всѣхъ этихъ небольшихъ государственныхъ мірахъ безъ того съ каждымъ годомъ остается все меньше и меньше своеобразнаго и духовно независимаго. А политическая, внѣшняя независимость ихъ держится лишь соперничествомъ или милостью большихъ державъ.

V.

Если бы случалось всегда такъ, что плоды политическіе, соціальные и культурные соотвѣтствовали бы замысламъ руководителей движенія или идеаламъ и сочувствіямъ руководимыхъ массъ, то умственная задача наша была бы гораздо проще и доступнѣе какому-нибудь реальному и осязательному объясненію.

Но когда мы видимъ, что побѣды и пораженія, вооруженныя возстанія народовъ и если не всегда «благодѣтельныя»,

то *несомнѣнно благонамѣренныя* реформы многихъ монарховъ, освобожденіе и покореніе націй, однимъ словомъ, самыя противоположныя историческія обстоятельства и событія приводятъ всѣхъ къ одному результату — *къ демократизаціи внутри* и *къ ассимиляціи во внѣ*, то, разумѣется, является потребность объяснить все это болѣе глубокой, высшей и отдаленной (а можетъ быть и весьма печальной) *телеологіей*.

Лѣтъ десять тому назадъ, огорченный и оскорбленный не столько берлинскимъ трактатомъ, сколько той всесвѣтно европейской пошлостью, которая немедленно послѣ войны воцарилась въ освобожденной Болгаріи, я хотѣлъ было писать большую статью подъ довольно затѣйливымъ заглавіемъ: «*Протей общеевропейскаго разложенія*». Заглавіе это нравилось мнѣ потому, что указывало какъ на сложность и обманчивость этого процесса, такъ и на какую-то таинственную силу, стоящую внѣ человѣческихъ соображеній и несравненно выше ихъ.

Но печатать такую статью въ то время было негдѣ, и я не написалъ ее... Я только мимоходомъ упомянулъ объ этомъ «Протеѣ» моемъ въ концѣ одной замѣтки, помѣщенной въ газетѣ «Востокъ», малоизвѣстной, бѣдной и *всѣми (даже и Катковымъ!) гонимой за крайній ея консерватизмъ*. Вы можете найти, если хотите, это мѣсто въ первомъ томѣ моего сборника (См. «Письма отшельника», «Наше болгаробѣсіе» и т. д).

Но оставимъ пока эти общія разсужденія. Припомнимъ лучше еще разъ ближайшія событія европейской исторіи съ того года (съ 59-го), въ который Наполеонъ III вздумалъ «официально», такъ сказать, написать на знамени своемъ этотъ самый девизъ «*политической національности*».

Я не боюсь повтореній. Разъ рѣшившись писать объ этомъ, я боюсь только неясности.

Факты же современной исторіи до такой грубости наглядны, до такой вопіющей скорби поучительны, что они сами говорятъ за себя, и я не могу насытиться ихъ изложеніемъ.

Въ 59-мъ году Наполеонъ III сговаривается съ Піемон-

томъ и въ союзѣ съ нимъ побѣждаетъ Австрію, которая противится этому національно-политическому принципу.

Этотъ приговоръ исторіи повторяется съ тѣхъ поръ неизмѣнно; все то, что противится политическому движенію племенъ къ освобожденію, объединенію, усиленію ихъ въ государственной отдѣльности и чистотѣ — все это побѣждено, унижено, ослаблено. И замѣтьте, все это противящееся (за немногими исключеніями, подтверждающими лишь общее правило) носитъ тотъ или другой *охранительный характеръ*. Побѣждена Австрія: католическая, монархическая, самодержавная, аристократическая, антинаціональная, чисто государственная; Австрія, которую не даромъ же предпочиталъ даже и Пруссіи нашъ великій охранитель Николай Павловичъ. (Замѣтьте, что и безучастіе Россіи въ 59-мъ году, ея почти что потворство французскимъ побѣдамъ и ея все возрастающее нерасположеніе къ Австріи доказываетъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ и позднѣе не только въ обществѣ русскомъ, но и въ правительственныхъ сферахъ *племенныя чувства начинаютъ брать верхъ надъ государственными инстинктами.* Это одно, по-моему, уже не дѣлаетъ чести племенному чувству; нехорошо рекомендуетъ его. Все то, что начало нравиться въ 60-хъ годахъ, *подозрительно.* Это станетъ еще понятнѣе, когда вы вспомните, что пробужденіе этого *племенного* чувства у насъ совпадаетъ по времени съ весьма искреннимъ и сильнымъ *внутренно-уравнительнымъ* движеніемъ (эмансипаціи и т. д.). *Мы тогда стали больше думать о славянскомъ національномъ и дома, и за предѣлами Россіи, когда учрежденіями и нравами стали вдругъ и быстро приближаться ко все-Европѣ...*

Мы даже на войско надѣли тогда французское *кепи; это очень важный символъ!* Ибо, имѣя въ духѣ нашемъ очень мало наклонности къ дѣйствительному творчеству, всегда носимъ въ сердцѣ какой-нибудь готовый западный идеалъ. Прусская каска Николая I, символъ анархіи сословной, намъ тогда разонравился, и безобразное кепи, нарядъ эгалитарнаго кесаризма, намъ сталъ больше по сердцу! Прошу васъ, задумайтесь надъ этимъ!

Итакъ, въ 59-мъ году ослаблена Австрія, государство весьма охранительное. *У папы въ то же почти время отнята часть земли.* Вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляется издали пораженіе Франціи *и обращеніе ея въ республику;* ибо Италія выросла не въ помощницы ей, а во врага, не всегда даже тайнаго, она выросла въ союзницы Пруссіи, которой будущія побѣды *должны были привести Францію къ разочарованію въ кесаризмѣ* и *къ якобинскои* (мѣщанской) *республикѣ.*

Посмотрите когда нужно было (по рѣшенію и мановенію невидимой десницы) побѣдить въ Крыму Россію, *монархію крѣпко сословную, дворянскую, консервативную, самодержавную,* а въ 59-мъ году Австрію, *державу тоже* (и даже болѣе, чѣмъ Россія) *охранительную,* у Наполеона III, у министровъ и генераловъ его нашлись и сила, и мудрость, и предусмотрительность, и все нашлось! Когда же потребовалось созданіе *весьма либеральной, естественно-конституціонной, антипапской и давно уже слабо-аристократической* Италіи (вдобавокъ, глубоко разъѣдаемой соціализмомъ), то противъ Австріи, мѣшавшей этому, сила нашлась, но противъ Италіи *не нашлось мудрости.* Старикъ Тьеръ, говорившій уже тогда противъ итальянской эмансипаціи, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Обратите еще вниманіе и на то, что случилось вслѣдъ за этимъ съ Франціей въ 62 и 63 годахъ. Взбунтовалась *весьма дворянская и весьма католическая* Польша противъ Россіи, искренно увлеченной въ то время своимъ разрушительно-эмансипаціоннымъ процессомъ. У Франціи не нашлось тутъ уже не только одной мудрости, но и силы. Она подняла на Западѣ въ пользу *реакціоннаго* польскаго бунта пустую словесную бурю, которая только ожесточила русскихъ и сдѣлала ихъ строже къ полякамъ; Россія же послѣ этого стала смѣлѣе, сильнѣе, *еще и еще либеральнѣе сама и въ то же время насильственно демократизировала Польшу и больше прежняго ассимилировала ее.*

Войну объявить Россіи за Польшу Франція не рѣшилась, не могла. *Таинственная десница не допустила ее.* Для этого тайнаго двигателя достаточно было настолько *обо-*

дрить католическую, дворянскую, реакціонную Польшу и настолько *раздражить* Россію (еще не совсѣмъ увѣренную тогда въ своихъ *общеевропейскихъ* начинаніяхъ), чтобы вторая, побѣдивши, повѣрила бы больше въ свою *эгалитарно-либеральную правоту* и чтобы первая была бы *насильственно демократизиравана.* Словомъ, чтобы обѣ разомъ еще на нѣсколько большихъ и ускоренныхъ шаговъ приблизились бы *къ общесмѣсительному стилю нынѣшнихъ западныхъ обществъ.*

Старайтесь не забывать при этомъ, что онѣ обѣ, и Польша, и Россія, *боролись подъ знаменемъ національнымъ.* Въ Россіи давно уже все *русское общество* не содѣйствовало правительству съ такимъ единодушіемъ и усердіемъ, какъ во время этого польскаго мятежа. *Русское* это общество, движимое тогда оскорбленнымъ *національнымъ, кровнымъ* чувствомъ своимъ, при видѣ неразумныхъ посягательствъ поляковъ на малороссійскія и бѣлорусскія провинціи наши, стало гораздо строже самого правительства и... и... послужило, само того не подозрѣвая, все тому же и тому же *космополитическому всепретворенію!*

До 63-го года и Польша, и Россія, обѣ *внутренними порядками своими гораздо менѣе были похожи на современную имъ Европу, чѣмъ онѣ обѣ стали послѣ своей борьбы за національность.*

Почти въ то же время Наполеонъ III потерпѣлъ еще и другую неудачу. И потерпѣлъ ее потому, во-первыхъ, что хотѣлъ создать новую и сильную *монархію* въ Мексикѣ. Французы *защитники монархіи* были почти позорно изгнаны изъ Америки *республикой* Соединенныхъ Штатовъ; императоръ Максимиліанъ былъ убитъ *демократами* Мексики.

Республика же Соединенныхъ Штатовъ въ то время только что вынесла упорную междуусобную брань, къ концу которой Сѣверъ *промышленный, болѣе буржуазный, болѣе эгалитарно-демократическій (освободившій кстати и рабовъ)* побѣдилъ и подчинилъ себѣ *помѣщичій и рабовладѣльческій*, то-есть нѣсколько болѣе *аристократическій* Югъ.

Россія при этомъ нравственно поддерживала Сѣверъ... Эгалитарная Франція и либеральная Англія, напротивъ того, помогали южанамъ!

Любуйтесь же, любуйтесь на хитрые извороты моего «Протея»!..

Все къ *тому же!* Все *къ тому!*..

VI.

Истинно нерасторжимая связь *всеуравнивающихъ* событій продолжаетъ обнаруживаться во 2-й половинѣ XIX вѣка все съ новой и новой силой, благодаря поразительному ослѣпленію самыхъ умныхъ и практическихъ людей, которые почти всѣ сами не понимаютъ, *чему* они служатъ...

Въ 66-мъ году возгорается война между Пруссіей и Австріей На сторонѣ Пруссіи *освобожденная* Франціей Италія, на сторонѣ Австріи весь остальной германскій союзъ.

Здѣсь ближайшія причины, какъ начала борьбы, такъ и ея непосредственныхъ исходовъ, сложнѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ, но мы и не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе, почему кто кого побѣдилъ и какой идеалъ носили въ умѣ своемъ вожди и двигатели этой борьбы. *Намъ нужно* показать только *однообразіе дальнѣйшаго результата для всѣхъ націй, принимавшихъ въ ней участіе, а больше ничего.*

Вообще сказать, — если мы будемъ смотрѣть внимательно на производящія и предрасполагающія причины побѣдъ и пораженій, то намъ будетъ труднѣе разобраться, а если мы обратимъ больше вниманія на причины *конечныя*, то-есть все на ту же *всесмѣсительную* и *всеуравнивающую телеологію*, то намъ опять станетъ все понятно.

Измѣнимъ для этого порядокъ мыслей нашихъ и самаго нашего изложенія. Станемъ съ точки зрѣнія современнаго намъ положенія дѣлъ смотрѣть на прошедшія событія и мы увидимъ, что *именно такія, а не другія событія мы бы придумали сами, если бы имѣли цѣлью создать современное положеніе.*

Предположимъ, что у насъ было бы намѣреніе, какъ можно глубже и скорѣе уравнять въ духѣ, въ учрежденіяхъ и въ обычаяхъ всю Западную Европу, привести ее всю прежде всего шагъ за шагомъ къ той непрочной, эгалитарно-либеральной и централизованной, *общедоступной* формѣ правленія, которая зовется *безсословно-конституціонной монархіей* и которой самымъ типическимъ выраженіемъ была іюльская (Орлеанская) монархія Людовика-Филиппа (отъ 30 до 48 года). Обществу, подготовленному этой эгалитарно-монархической конституціей, не трудно перейти отъ этой формы къ конституціи *эгалитарно-республиканской*, которая по слабости власти есть форма, самая удобная для проявленія анархическихъ (т.-е. все болѣе и болѣе разрушительныхъ) наклонностей въ народѣ. (При этомъ, конечно, и объ идеяхъ, теоріяхъ, ученіяхъ и т. п. забывать не надо... Всѣ эти мысли и мечты могутъ быть вездѣ; но надо также помнить, что одна форма правленія, одинъ строй общества болѣе благопріятны для практическихъ попытокъ приложить анархическія теоріи къ дѣлу, а другіе менѣе.)

Какими же путями намъ достичь этой цѣли нашей: *вездѣ ослабить вліяніе церкви* (какой бы то ни было), *духовенства, религіи, вездѣ принизить монархическую власть; опутать ее мелкой сѣтью демократической легальности*, вездѣ стереть *послѣдніе слѣды дворянскихъ преимуществъ*, и безъ того вездѣ болѣе или менѣе умаленныхъ и почти уничтоженныхъ какъ долгой и мелкой реформенной работой, такъ и проповѣдью идеальной, въ теченіе цѣлаго полувѣка (и болѣе, считая отъ 89-го года, до 59-го, 60-го, 61-го, напримѣръ)? Какъ же это сдѣлать? Положимъ, что мы съ вами даже всемогущи, но мы *не хотимъ показывать этого* и потому, съ презрительной улыбкой сожалѣнія глядя на заблужденія людскія, мы предоставляемъ имъ дѣлать... дѣлать... что... дѣлать!? Мы, конечно, предоставили бы имъ дѣлать *именно то, что они дѣлали въ политикѣ за послѣдніе года!*

До 60-го, 66-го и 71-го года этого вѣка *группировка глав-*

ныхъ политическихъ силъ на Западѣ была старая. Несмотря на мелкія пограничныя измѣненія, она была въ главныхъ чертахъ почти все та же въ теченіе какихъ-нибудь 400 лѣтъ. Единая, одноплеменная Франція, — единая Англія (по племенному составу, не считая даже колоній, болѣе Франціи пестрая); единая, но разноплеменная Австрія; однородная, но раздробленная Италія и такая же однородная и раздробленная Германія.

Общественная почва всей Западной Европы достаточно уже разрыхлена, какъ я выше сказалъ, вѣковой подготовительной работой раціонализма, безбожья, гражданской равноправности, индустріальнаго движенія, неоднократными анархическими вспышками и т. д. У царей ослабѣла вѣра въ ихъ божественное право; знать вездѣ предпочитаетъ деньги прежней власти, вездѣ болѣе или менѣе ищетъ популярности, среднее сословіе (*«средній человѣкъ»*) вездѣ такъ или иначе давно у дѣлъ; если онъ ученъ и богатъ, онъ давно гораздо больше значитъ, чѣмъ знатный человѣкъ... работникъ тоже поднялъ голову; и права, и потребности, и самомнѣніе его возросли неимовѣрно, а вещественная жизнь стала и дороже, и труднѣе, и положеніе поэтому обиднѣе для его какъ разъ кстати возросшаго самолюбія.

Итакъ, почва хорошо подготовлена. Однако многаго еще недостаетъ для дальнѣйшаго (разрушительнаго) прогресса на искомомъ нами пути.

Многое недостаточно еще *уравнено* и недостаточно *дезорганизировано* для достиженія того идеала *разложенія въ однородности*, къ которому мы съ вами, *по предполагаемому выше уговору*, стремимся. (Организація вѣдь выражается разнообразіемъ въ единствѣ, хотя бы и самымъ *насильственнымъ*, *а никакъ не свободой въ однообразіи;* это именно *дезорганизація*).

Что же намъ дѣлать? Какъ обмануть людей? А вотъ какъ.

Во многихъ мѣстахъ люди власти и вліянія, какъ будто наученные грубымъ опытомъ исторіи, *не хотятъ и не мо-*

гутъ итти дальше на пути прямой и открытой демократизаціи... Они понимаютъ, что это будетъ немедленная гибель... Желая (какъ я предположилъ) предоставить имъ волю *воображать*, что они сами придумываютъ что-то полезное и дѣлаютъ именно то, чего бы они желали, т.-е. или возвеличить *надолго* свою національность тамъ, гдѣ она свободна, или освободить тамъ, гдѣ она не свободна (тоже все-таки возвеличить), и т. д., мы обманываемъ ихъ миражемъ какого-то *особаго* «національнаго призванія» культурной независимости и т. д.

Той мелкой предварительной прогрессивной работы реформъ, пропаганды, вспышекъ, интригъ, приниженія высшихъ и возвышенія низшихъ въ собственныхъ нѣдрахъ всѣхъ націй, о которой была рѣчь, становится для нашей цѣли въ половинѣ XIX вѣка уже недостаточнымъ. *Демократическая* идея по нашему наущенію *прикрывается идеей національной; идея политическая* воображаетъ себя *культурной*.

Все готово! *Нуженъ только еще великій переворотъ въ новое равновѣсія великихъ державъ на Западѣ*. И онъ почти внезапно совершается!

Послѣдствія далеко превзошли ожиданія! Возникли двѣ новыя великія державы, на югѣ и сѣверѣ. Прежнія двѣ главныя вершительницы судебъ континентальнаго Запада — Австрія и Франція — унижены и ослаблены... Но онѣ не уничтожены. Западъ сталъ еще *ровнѣе теперь и по распредѣленію національно-государственныхъ силъ*. Сама Германія никогда уже не будетъ имѣть той первоклассной силы, которую имѣла когда-то Франція. Прежняя Франція вѣсила страшно не только оружіемъ, но и такимъ общекультурнымъ вліяніемъ, котораго нынѣшней Германіи какъ ушей своихъ не видать! Ибо Франція, постоянно что-нибудь *выдумывая и творя* (не по-«нашему»), была этимъ самымъ въ высшей степени оригинальною. А въ нынѣшней Германіи ничего такого оригинальнаго нѣтъ, что можно бы равнять съ Франціей Людовика XIV; Вольтера, первой революціи Наполеона I и даже Людовика-Филиппа. Это разъ, а, во-

вторыхъ, и внѣшнее политическое положеніе не то, и внутренняя почва не та у *современной* Германіи, какая была у *прежней* Франціи «Далеко кулику до Петрова дня». Самъ Бисмаркъ великъ, но Германія стала мелка, со смерти этого истинно великаго, но рокового мужа ничтожество слишкомъ уже *уравненнаго и смѣшаннаго* нѣмецкаго общества обнаружится легко въ государствѣ, наскоро сколоченномъ его желѣзной рукой.

Я увѣренъ, что Бисмаркъ самъ это чувствуетъ.

Внѣшнее же величіе Германіи непрочно, во-1-хъ, уже потому, что ея географическое положеніе очень невыгодно (между славянствомъ и романскимъ міромъ); а, во-2-хъ, потому еще, что, вырастая сама подъ покровомъ Россіи, она никогда не могла, въ мѣрѣ достаточной для своихъ грядущихъ выгодъ, препятствовать и ея усиленію.

Пыталась всячески, но всегда слабо, нерѣшительно, даже и при Бисмаркѣ.

Почему, напримѣръ, не *послать* было намъ Австрію въ тылъ, когда мы стояли подъ Плевной? Это была бы мѣра сильная и своевременная!.. Почему? Могучая совокупность обстоятельствъ *не дозволила, не допустила!*

А теперь ужъ поздно!

Поздно для австро-германскихъ *дѣйствительныхъ* торжествъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Этого торжества теперь не бойтесь...

Бойтесь другого.. Бойтесь, напротивъ того, чтобы *наше торжество не зашло сразу слишкомъ далеко; чтобы не распалась бы Австрія* и *чтобы мы не оказались внезапно и безъ подготовки лицомъ къ лицу съ новыми милліонами эгалитарныхъ и свободолюбивыхъ братьевъ-славянъ!* Это будетъ хуже самаго жестокаго пораженія на полѣ брани!

VII.

Итакъ, продолжаю предполагать, что мы съ вами всемогущи и желаемъ ускорить на Западѣ ходъ всеобщей ассимиляціи.

Въ такомъ предположеніи, что бы намъ предстояло сдѣлать?

Намъ предстояло бы, во-первыхъ. *передовую* страну Запада, Францію (*по стопамъ которой всѣ идутъ позднѣе*), передѣлать *поскорѣе* въ сравнительно прочную якобинскую (капиталистическую, буржуазную) республику съ безсильнымъ президентомъ. Я говорю *сравнительно*, а не прямо прочную: *первая* якобинская республика (республика конвента и директоріи) просуществовала только *семь лѣтъ* (отъ 93 года до 1800, т-е. до Наполеона, до консульства); *вторая* республика такая же, но съ наклонностью къ социализму продолжалась еще меньше (отъ 48 до 51 г.); социальная почва Франціи въ тѣ времена содержала еще въ себѣ слишкомъ много идеализма, чтобы нація надолго могла удовлетвориться такой скромной, прозаической (прямо сказать) формой правленія Но долгій рядъ неудачныхъ опытовъ и разочарованій поневолѣ дѣлаетъ людей болѣе сухими и опять-таки тоже *болѣе средними*. Якобинская республика безъ террора и съ безсильными президентами — это именно и есть господство «среднихъ людей», «среднихъ состояній», «среднихъ способностей», «средней власти». И для того, чтобы еще больше понизить (*то-есть уравнять*) соціальную почву этой *передовой* Франціи, необходимо было и продлить нѣсколько подольше прежняго существованіе этого скромнаго и плоскаго «режима» среднихъ людей. И вотъ эта *третья* республика держится пока на нашихъ глазахъ уже не 7 лѣтъ, какъ первая, и не 3, какъ *вторая*, а цѣлыхъ *восемнадцать лѣтъ* (отъ 71 до 89 года!)

Такова и была бы наша первая цѣль, если бы желали и могли разрушить скорѣе культурно-государственное величіе старой Европы.

Во-2-хъ, намъ бы нужно было еще и еще ослабить всячески папство, — этотъ главный очагъ или точку коренной опоры европейскаго охраненія.

Въ-3-хъ, нужно бы заставить все западное человѣчество сдѣлать еще нѣсколько шаговъ на роковомъ пути *эгалитарнаго всепретворенія*; *подогнать*, такъ сказать, *отста-*

лыхъ; коснѣющихъ еще въ болѣе благородныхъ формахъ прежняго государственнаго быта: нѣмцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, чтобы и они ближе подошли къ идеалу французскаго, передового общества.

Какъ же это сдѣлать? Съ *чего начать?*

Еще разъ спрашиваю себя!

Вотъ съ чего:

Французскій императоръ, почти самодержавный, но обязанный своей властью не наслѣдственности и божественному праву, а *демократической подачѣ голосовъ*; побѣдившій недавно въ Крыму Россію (*въ то время столь консервативную*) и снова нуждаясь въ военной славѣ *для своей популярности*, придумываетъ пустить въ ходъ «національную» политику, которой идея давно впрочемъ была уже въ воздухѣ. Онъ, побѣждая Австрію (давнюю соперницу Пруссіи) и создавая большую Италію, подготовляетъ этимъ самымъ, сперва союзъ этой Италіи съ Пруссіей, а потомъ и свое собственное пораженіе рукой этой возвеличенной Пруссіи. Онъ подготовляетъ поэтому: *якобинскую республику во Франціи разъ*; *политическое паденіе папства два*; болѣе противъ прежняго *уравненную, смѣшанную, однородную эгалитарную имперію въ Германіи—три*, болѣе наконецъ противъ прежняго *либеральные конституціонные порядки въ самой Австріи — четыре*. Объ Италіи я сказалъ много прежде и потому здѣсь ее пропускаю. Замѣчу впрочемъ, что она при всемъ своемъ ничтожествѣ, быть можетъ, самая вредная для Европы страна; ибо она самый главный врагъ папству.

Во внутреннихъ дѣлахъ всѣхъ помянутыхъ странъ (дѣлахъ, органически связанныхъ со внѣшней политикой) мы видимъ *немедленно усилившееся движеніе на пути все той же всесокрушительной ассимиляціи*. Въ Германіи (вскорѣ послѣ 71-го года) *начинается борьба противъ католичества*. Великій Бисмаркъ поступаетъ тутъ такъ, какъ шло бы поступать самому обыкновенному вульгарному атеисту профессору. Что дѣлать! Либеральная конституція (съ 48-го года) такъ уже въѣлась въ кровь и плоть нѣмецкаго общества,

«національ-либеральная» партія такъ стала сильна *въ объединенной Германіи*, что даже и Бисмарку занадобилось ей угодить, ее привлечь! (Все для болѣе успѣшной *ассимиляціи* всего.) Для подобныхъ случаевъ либеральнаго искательства на Западѣ есть всегда готовая жертва: римскій папа. Эту жертву тѣмъ легче и пріятнѣе травить, что она физически ослабѣла, а нравственный вѣсъ свой не вполнѣ еще утратила. Подлыхъ чувствъ противъ Рима (*ослиныхъ чувствъ противъ ослабѣвшаго льва*) такъ много въ этой «нынѣшней» Европѣ!! Нельзя ли и Бисмарку ими воспользоваться? Нельзя ли и ему замарать руки въ грязи мѣщанскихъ бравадъ? «Среднее хамье» это шумитъ, хорохорится! Физической опасности никакой. Самые ревностные католики уже не бунтуютъ за святого отца! *Это вѣдь не соціалисты, полные упованій на окончательную мертвенную неподвижность всеобщаго мира и благоденствія. За настоящую вѣру* уже не прольется ныне кровь. Чтобы разогрѣть людей и заставить ихъ пролить кровь будто бы за вѣру, надо *подъ* вѣру «подстроить» какъ-нибудь *племя*. (Такъ было и у поляковъ въ 62-мъ году; такъ было и у насъ въ 76 и 78-мъ).

Католицизмъ, положимъ, еще не сдался тогда въ принципахъ, и позднѣе Бисмаркъ пошелъ самъ на уступки. Но развѣ эти потрясенія и эта борьба причинили мало вреда охраненію? Развѣ мы не помнимъ, какъ тогда было испугано этимъ движеніемъ само протестантское духовенство?

Оно, обыкновенно столь непріязненное Риму, вспомнило тогда, что эта борьба направлена *противъ общехристіанскаго мистицизма*; что черезъ эти либеральныя затѣи понижается уваженіе къ таинствамъ крещенія, брака и т. д. (Или хоть бы къ «священнымъ обрядамъ» *по-ихнему*.) Протестантство, піэтизмъ, есть вѣдь мистическая основа германскаго общества, и на протестантскомъ обществѣ граждански-либеральныя дѣйствія германскаго правительства отозвались хуже, чѣмъ на средѣ католической. Взбунтоваться, защитить свои церковные принципы рукой вооруженной католики *теперь уже не могутъ*; но они сло-

лились все-таки крѣпче и не оставили таинствъ своихъ, а въ протестантской средѣ нашлось тогда, благодаря новымъ, всеравняющимъ въ отрицаніи законамъ, множество людей, которые перестали крестить своихъ дѣтей. Я помню, какъ тогда ужаснулись многіе и въ Германіи, и у насъ, у Каткова писано было объ этомъ, есть о томъ же превосходныя мѣста въ письмахъ Тютчева, изданныхъ Аксаковымъ.

Противъ *великаго мистическаго охраненія* новое правительство *объединенной и смѣшанной чисто-племенной* Германіи повело немедленно сильную борьбу, зато *соціализму оно сдѣлало огромную уступку, признавши соціалистовъ легальной партіей.*

Соціализмъ же есть *международность по преимуществу*, т.-е. *высшее отрицаніе національнаго обособленія.* (Значитъ и тутъ національная политика ведетъ ко всенародному, антикультурному смѣшенію). *Сверхъ того въ аристократической долѣ* (до 71—72-го года) *Пруссіи «юнкерство» стало падать*; послѣдовали демократическія реформы. Старая Пруссія демократизируется; пусть и она гніетъ какъ мы! воскликнулъ тогда Ренанъ съ восторгомъ патріотическаго злорадства.

Еще уравненіе, еще смѣшеніе. Даже еще *два-три шага на пути приближенія къ типу новой французской государственности*: чистое племя, централизація, эгалитаризмъ, конституція (достаточно сильныя, чтобы и геніальный человѣкъ не рѣшился бы ни разу на coup d'Etat), усиленіе индустріи и торговли, и въ отпоръ этому—усиленіе, объединеніе анархическихъ элементовъ; *наконецъ, милитаризмъ. Точь въ точь императорская Франція!* Оттѣнки такъ ничтожны передъ тѣмъ широкимъ и высшимъ судомъ, о которомъ здѣсь рѣчь, что объ нихъ и думать не стоитъ.

Итакъ, торжество національной, племенной политики привело и нѣмцевъ къ большей утратѣ національныхъ особенностей, Германія послѣ побѣдъ своихъ больше прежняго, такъ сказать, «офранцузилась»—въ бытѣ, въ уставахъ, въ строѣ, въ правахъ; значительные оттѣнки ея частной, мѣстной культуры внезапно поблекли.

Ну, не рокъ ли это? Не коварный ли обманъ? Не наивное ли это самообольщеніе у самыхъ великихъ умовъ нашего вѣка, уже истекающаго въ неразгаданную и страшную бездну вѣчности?..

VII.

Послѣ разгрома 2-й имперіи, Франція, минуя обычную и уже прежде (отъ 30 до 48) перейденную ею ступень орлеанской, умѣренно-либеральной монархіи, прямо переходитъ къ практическому осуществленію той самой мѣщанской (т.-е. не соціалистической, а *грамматократической*) республики, которую тщетно старались утвердить террористы въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Тогда (въ 93 и т. д. годахъ) конвентъ, несмотря на свое кровавое всемогущество, боялся еще аристократовъ, католиковъ, легитимистовъ и онъ боялся не безъ основанія; тогда еще была возможна Вандея; возможны были эмиграція, возстановленіе Бурбоновъ; возможенъ былъ, наконецъ, «бѣлый терроръ» 20-хъ годовъ и т. п. Оттого проливала такъ безжалостно кровь свирѣпая буржуазія въ концѣ XVIII вѣка, что охранительныя или реакціонныя (*задерживающія разложеніе*) силы были еще не такъ изношены, какъ теперь, въ концѣ XIX. Якобинская республика во Франціи 71-го года устроилась легко и просто. «Правая» сторона, и безъ того давно устранявшаяся отъ настоящихъ дѣлъ, и не подумала противиться. Напротивъ того, *древнее французское дворянство потворствовало этой республикѣ*. Все продолжая *упорно мечтать* о возможности новой реставраціи подъ бѣлымъ знаменемъ Генриха V, *оно надѣялось, что съ республикой легче будетъ справиться, чѣмъ съ имперіей*. Многіе изъ легитимистовъ впервые со времени іюльской революціи удостоились принять высшія должности изъ рукъ Тьера, котораго они не уважали; они приняли ихъ въ надеждѣ низвергнуть его. Послѣдняго они достигли и помогли маршалу Макъ-Магону занять кресло президента, точно такъ же воображая, что онъ

будетъ для стараго Генриха V тѣмъ, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ былъ въ Англіи Монкъ для Карла II Стюарта. Но увы! Времена не тѣ; *почва соціальная измѣнилась глубоко.* Никакой аристократическій coup d'Etat не можетъ удаться на разрыхленной столѣтнимъ эгалитаризмомъ почвѣ Франціи! Макъ-Магонъ уходитъ, а въ президенты попадаетъ сперва безличный буржуа Греви, а потомъ Сади-Карно, тоже неважный, *вдобавокъ, какъ увѣряютъ, некрещеный.* Я, конечно, справокъ метрическихъ не наводилъ, но со всѣхъ сторонъ слышу объ этомъ. Если это правда, то какъ вамъ это тоже кажется? Я нахожу, что у насъ на это въ высшей степени важное обстоятельство слишкомъ мало обратили вниманія.

Впервые съ того великаго дня, когда Хлодовикъ крестился и положилъ начало христіанской государственности на Западѣ, *впервые съ тѣхъ поръ во главѣ во всемъ передового европейскаго государства стоитъ нехристіанинъ, человѣкъ некрещеный.*

Папа узникъ! Первый человѣкъ Франціи не крещенъ! И мы, русскіе, молчимъ объ этомъ; вѣроятно изъ соображеній внѣшней политики! (*Опять-таки въ сущности черезъ племенной вопросъ—черезъ славянскій!*)

Итакъ, черезъ *племенную національную политику,* благодаря торжеству Италіи и Германіи, благодаря внезапному и глубокому перевороту въ 400-лѣтнемъ распредѣленіи государственныхъ силъ на Западѣ, повторяю еще разъ, папа лишенъ той вещественной силы, которою онъ пользовался въ теченіе 1000 лѣтъ; во Франціи сталъ возможенъ некрещеный предсѣдатель народовластія, попытки въ ней возврата къ *настоящей охранительной монархіи* оказываются ничтожными и почти смѣшными.

И всего этого мало; исторія *новыхъ школъ* во Франціи вамъ извѣстна! Республика, безсильная противъ сосѣдей, благоразумно уступающая Германіи, *находитъ однако въ себѣ силу противъ своей народной церкви.* Она выбрасываетъ распятія изъ училищъ; она хочетъ учить дѣтей только *чистой гражданской этикѣ и законамъ природы, не подо-*

зрѣвая, что атеистическое государство такъ же противно законамъ соціальной природы, какъ жизнь позвоночнаго животнаго безъ остова, безъ легкихъ или жабръ. Мистицизмъ практичнѣе, «раціональнѣе», такъ сказать, чѣмъ это мелкое утилитарное безбожіе! Вотъ гдѣ кстати будетъ воскликнуть съ царемъ Давидомъ. «*Живый на небесахъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ!*»

Республика Франціи въ домашнихъ дѣлахъ своихъ не боится ни Бога, ни папы, ни безбожія; она справедливо боится только *соціалистической анархіи*, которая дала уже себя знать въ 71-мъ г.—и дастъ знать себя еще сильнѣе... Подождите!

И въ самомъ дѣлѣ, какая еще новая ближайшая историческая ступень можетъ предстоять Франціи въ ея *внутренней жизни?*

Я думаю такъ: ничего, кромѣ новыхъ попытокъ имущественнаго, хозяйственнаго уравненія. Въ монархію французскую я не вѣрю серьезно. Можно вѣрить въ какое-нибудь кратковременное усиленіе единоличной власти во Франціи—не болѣе. И при этомъ замѣчу (по аналогіи со всѣми предыдущими и перечисленными мною событіями), если эта единоличная власть диктатора или монарха и утвердится на короткое время въ этой уже столь разслабленной равенствомъ странѣ, то историческое назначеніе ея будетъ главнымъ образомъ, разумѣется, въ томъ, чтобы *ускорить боевое столкновеніе съ Германіей и всѣ неисчислимыя соціальныя и внѣшне-политическія послѣдствія его.*

И, конечно, все это въ томъ же *ассимиляціонномъ направленіи*, отъ котораго не спасаютъ въ XIX вѣкѣ, какъ вы видѣли, ни миръ, ни война, ни дружба, ни вражда; ни освобожденіе, ни завоеваніе странъ и націй... И не будутъ спасать, пока *не будетъ достигнута точка насыщенія равенствомъ и однородностью.*

Борьба съ Германіей въ близкомъ будущемъ неизбѣжна для Франціи, и въ громкую побѣду ея трудно вѣрить. Если бы даже случилось именно то, о чемъ французы мечтаютъ, если бы имъ пришлось воевать въ союзѣ съ Рос-

сіей, то, мнѣ кажется, съ ними случилось бы то же, что съ итальянцами въ 66-мъ году. Сами они будутъ опять разбиты нѣмцами, но кой-что, быть можетъ, и выиграютъ, благодаря тому, *что нѣмцы будутъ вѣроятно побѣждены русскими*. И замѣтьте, я вѣрю въ нашу побѣду, не потому, что знаю хорошо нашу боевую подготовку, и не по расчету на то, что совокупность напряженныхъ франко-русскихъ военныхъ силъ превзойдетъ численностью военныя силы «средне-европейской лиги», *а потому, что Россія въ этомъ случаѣ будетъ служить все тому же племенному началу, все той же національно-космополитической политикѣ, все тому же обманчивому Протею всеобщаго смѣшенія*. Война у насъ будетъ все-таки *черезъ славянъ, черезъ наши права на Болгарію и на Сербію*. Война будетъ съ Австріей, положимъ; но если Германія не догадается во-время обмануть свою союзницу, а въ самомъ дѣлѣ вступится за нее, *то она пострадаетъ жестоко, какъ пострадали всѣ тѣ, которые противились племенному потоку*. Но побитая Франція побита будетъ теперь не такъ легко, какъ въ 70 году. Далеко опередившая Германію на пути гражданскаго уравненія, она только что сравнялась съ нею въ военномъ отношеніи. Имперія Германская, правда, по гражданскому строю *пока* (до русскихъ надъ нею побѣдъ) *стала*, какъ я говорилъ, уже *болѣе похожа* на имперію Наполеоновъ, чѣмъ на самоё себя, на свое прошедшее; но зато республика Франціи *въ военномъ отношеніи стала теперь болѣе похожа на эту новую Германскую имперію*, чѣмъ была при своемъ императорѣ.

(Еще черта сходства и уравненія силъ!)

Германія 80-хъ годовъ — это нѣчто въ родѣ Франціи 50-хъ и 60-хъ годовъ. Франція 70-хъ и 80-хъ годовъ—*это Германія будущаго*; Германія, безвозвратно побитая славянами. Вотъ и все...

Что же можетъ случиться во Франціи послѣ этой борьбы? Допустимъ даже, что дѣло выйдетъ иначе. Допустимъ, что Франція будетъ побѣдительницей.

Развѣ это возможно безъ временной военной диктатуры?

Конечно, нѣтъ. Примѣръ тому 71-й годъ. Штатскій Гамбетта при всей силѣ своего характера оружіемъ побѣдить не могъ, не было единства власти. Якобинская Франція теперь видимо колеблется между диктатурой и монархіей. Воспользуется ли диктаторъ анархіей для достиженія власти и потомъ побѣдитъ нѣмцевъ, или прежде побѣдитъ, а потомъ умиротворитъ внутреннія волненія; во всякомъ случаѣ можно пророчить, *что и усмиряя, и побѣждая, онъ послужитъ хоть отчасти все тому же внутреннему уравненію и внѣшнему сходству,—заграничному международному сближенію гражданскихъ идеаловъ и соціальныхъ привычекъ.*

У себя во Франціи диктаторъ или даже и король непремѣнно вынужденъ будетъ сдѣлать что-нибудь для рабочихъ и для партіи коммунистовъ. Въ побѣжденной же Германіи (кѣмъ бы то ни было, справа или слѣва, или съ обѣихъ сторонъ) *непремѣнно поднимется голову крайне либеральная партія*, общественное мнѣніе обрушится на Бисмарка, на «милитаризмъ» и повторится здѣсь исторія Бонапартовъ, съ той вѣроятно разницею, что при старой династіи и при въѣвшейся уже въ кровь конституціи *и не мѣняя монарха, Германское государство станетъ только больше похоже на искренно**) *конституціонное королевство Людовика-Филиппа или современной намъ Италіи Савойскаго дома, т.-е. сдѣлаетъ сильный шагъ къ мѣщанской республикѣ.*

Что касается до соціализма, такъ онъ, говорятъ, въ Германіи еще глубже, чѣмъ во Франціи.

Замѣтьте еще одно, опять-таки фатальное стеченіе обстоятельствъ для этой передовой Франціи, *которая первая въ Европѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ противопоставила церкви, королю и сословности идею уравненія и воплощенной въ «среднемъ сословіи» націи.* У нея въ теченіе этихъ ста лѣтъ были три династіи. Гдѣ же теперь даровитые представители этихъ династій?

---

*) Чѣмъ искреннѣе дарована конституція; чѣмъ строже выполняются ея параграфы правительствомъ — *тѣмъ хуже* для будущаго страны

Кто слышалъ о талантахъ и величіи графа Парижскаго? (Представителя *либеральныхъ* Орлеановъ). Честный Генрихъ V, послѣдній изъ настоящихъ Бурбоновъ, скончался *почему-то непремѣнно бездѣтнымъ!* (И физіологія даже помогаетъ революціи!)

Бѣднаго мальчика Наполеона IV убили дикіе. Это удивительно! Я не говорю: «зачѣмъ онъ поѣхалъ сражаться въ Африку?» Это понятно, онъ хотѣлъ отличиться подвигами въ виду будущаго трона. Я спрашиваю себя о непонятномъ: «*почему именно онъ, бѣдняжка, не попалъ скоро ногой въ стремя и далъ время дикому нагнать и заколоть себя?*» Вѣдь онъ, конечно, умѣлъ ѣздить верхомъ? Почему не случилось того же съ другимъ, съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ англичаниномъ, а *непремѣнно съ нимъ?*

Кто же еще остался изъ претендентовъ у Франціи? Не старый ли герцогъ Монпансье, котораго *мы видѣли* въ Москвѣ на коронаціи? Или два Бонапарта. Старый же принцъ Наполеонъ *свободолюбецъ* не хуже Орлеановъ, и его несогласный съ нимъ и ничѣмъ не отличающійся сынъ, воображающій вдобавокъ, что въ 90-хъ годахъ этого вѣка можно итти по стопамъ Наполеона I. Всѣ они непопулярны — это разъ, а, во-вторыхъ—всѣ они не представляютъ собою никакихъ *особыхъ* новыхъ началъ, которыхъ приложеніе не было бы уже и прежде испытано во Франціи. Разница между всѣми нынѣшними претендентами только въ имени, въ фамильномъ знамени прошедшаго, въ звукѣ пустого преданія, *а не въ существенномъ, — не въ основныхъ соціальныхъ принципахъ.* Все то же: равенство правъ и т. д.; «Бѣлый колпакъ, — колпакъ бѣлый», какъ выражаются эти самые французы (Bonnet blanc, — blanc bonnet!»).

Великій человѣкъ, истинно великій вождь, могучій диктаторъ или императоръ во Франціи можетъ нынче явиться *только на почвѣ соціализма.* Для великаго избраннаго вождя нужна идея хоть сколько-нибудь новая, *въ теоріи уже назрѣлая, на дѣлѣ не практикованная; идея выгодная для многихъ;* идея грозная и увлекательная, *хотя бы и вовсе гибельная потомъ.*

На такой и не на иной почвѣ возможенъ во Франціи великій вождь, хотя бы и для кратковременнаго торжества. *Но чѣмъ же это отзовется? Какою цѣною купится? И къ чему дальнѣйшему привелъ бы подобный историческій шагъ?*

Не будемъ больше предсказывать, не будемъ какъ потому, что въ общихъ чертахъ все это математически ясно, такъ и потому, что частности и подробности, всѣ изгибы и неожиданности этого пути, яснаго по главному направленію, предвидѣть никакъ нельзя. Я скажу здѣсь только объ одной еще возможности о побѣдѣ Франціи надъ Италіей. Все также прилагая *индуктивно къ будущему примѣры и поученія прошлаго.*

VIII.

Признаюсь, мнѣ почему-то, самъ не знаю, все кажется, что *на этотъ еще разъ* войны между Германіей и Россіей не будетъ и что сила обстоятельствъ вынудитъ ихъ пожертвовать другъ другу Австріей и Франціей. Мнѣ кажется, что въ виду все *той же таинственной телеологіи* довольно сильная Германія еще нужна. А если ея сила еще нужна (хотя бы для того, чтобы пассивно или полупассивно задерживать славянство на пути гибельнаго, преждевременнаго объединенія), *то она не должна такъ рано слѣдовать убійственному примѣру Австріи, Франціи и Турціи, которыя противостали племенному началу открытою и вооруженною рукою* (въ 59, 66, 70 и 77-мъ годахъ). Умри завтра Бисмаркъ, я бы воскликнулъ:—«погибла Германія!» Безъ Бисмарка она не найдетъ предлежащаго ей безвреднаго пути. Но пока Бисмаркъ живъ, инстинктъ его практическаго призванія, быть можетъ, подучитъ его не противиться слишкомъ явно и сильно славянскому племенному движенію.

Все это такъ, но предположимъ даже истинно всеобщую войну: Францію и Россію съ одной стороны; «Лигу»—съ другой.

Въ такомъ случаѣ, я увѣренъ, случится вотъ что: ав-

стрійцы и германцы будутъ побѣждены русскими (съ помощью французовъ); французы же будутъ разбиты германцами, хотя и не такъ легко, какъ въ 1870 году, и этотъ лучшій противъ прежняго отпоръ облегчитъ, конечно, русское дѣло.

Что касается до итальянцевъ, то они будутъ французами, я надѣюсь, побѣждены безъ особаго труда. Французскія войска въ такомъ случаѣ могутъ дойти и до Рима. Что же должно тогда произойти съ Италіей послѣ подобнаго разгрома, съ демократической, антипапской, но пока еще *кой какъ монархической* Италіей? Можно ли надѣяться хоть въ этотъ случаѣ на серьезную реакцію въ пользу церкви?

Нѣтъ, нельзя!

Если бы на престолѣ самой Франціи сидѣлъ Генрихъ V, или если бы былъ живъ молодой Наполеонъ IV, то отъ нихъ, сообразно съ ихъ идеалами и преданіями, можно было бы ожидать хоть попытки возстановить свѣтскую власть папы, которая была столь полезна для его нравственнаго вѣса. Но этого нельзя ожидать ни отъ Сади-Карно, ни отъ Буланже, ни отъ принцевъ Орлеанскаго рода, ни отъ боковой линіи выродившихся Бонапартовъ.

Какъ бы не палъ скорѣе въ этомъ случаѣ Савойскій домъ? Какъ бы не воцарилась и тамъ такая же якобинская радикально-либеральная республика? А разъ будетъ и тамъ республика, *какъ бы не уѣхалъ вовсе изъ Рима самъ папа*; какъ бы не выжили его? А что это будетъ значить? Вѣдь это истинное начало конца, начало 5 акта европейской трагедіи!

Папство связало принципы свои съ однимъ *городомъ*; съ перемѣной мѣста — едва ли въ средѣ самого западнаго духовенства устоитъ надолго и принципъ!

Вотъ куда привелъ Европу псевдонаціональный этотъ, или племенной принципъ!

Онъ привелъ шагъ за шагомъ къ низверженію всѣхъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ утвердилась и процвѣла западная цивилизація. *И такъ ясно, что политика племенная, обыкновенно называемая національной, есть не что иное, какъ слѣпое орудіе все той же всесвѣтной революціи, кото-*

рой и мы, русскіе, къ несчастію, стали служить съ 61-го года.

Въ частности поэтому и для насъ политика чисто-славянская есть политика революціонная, космополитическая, и если въ самомъ дѣлѣ у насъ есть въ исторіи какое-нибудь особое, истинно національное, мало-мальски своеобразное, другими словами *культурное, а не чисто политическое призваніе, то мы впредь должны смотрѣть на панславизмъ, какъ на дѣло весьма опасное, если не совсѣмъ губительное!*

Истинное (то-есть культурное, обособляющее насъ въ бытѣ, духѣ, учрежденіяхъ), *славянофильство* (или точнѣе культурофильство) *должно отнынѣ стать жестокимъ противникомъ опрометчиваго, чисто политическаго панславизма.*

Если славянофилы не желаютъ повторять *одни только ошибки* Хомякова и Данилевскаго; если они не хотятъ удовлетворяться одними только *эмансипаціонными* заблужденіями своихъ знаменитыхъ учителей, а *намѣрены служить имъ главному, высшему идеалу*, то-есть *національному настоящему, оригинальному, обособляющему* и *утверждающему нашъ духъ и бытовыя формы наши*, то они должны впредь остерегаться слишкомъ быстраго разрѣшенія всеславянскаго вопроса.

Идея православно-культурнаго руссизма дѣйствительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизмъ же *во что бы то ни стало* — это *подражаніе* и больше ничего. Это идеалъ современно европейскій, *унитарно-либеральный*; это стремленіе *быть какъ всѣ*. Это все та же общеевропейская *революція*.

Нужно теперь не славяно*любіе*, не славяно*потворство*; не славяно*воліе*; нужно славяно*мыслію*, славяно*творчество*, славяно*особіе*. Вотъ что нужно теперь.

Русскимъ въ наше время надо, въ виду всего перечисленнаго мною прежде, стремиться со страстью къ *самобытности духовной, умственной и бытовой*... И тогда и остальные славяне пойдутъ со временемъ по нашимъ стопамъ.

Эту мысль, простую и ясную до грубости, но почему-то у насъ столь немногимъ доступную, я постараюсь по-

дробнѣе развить въ слѣдующемъ особомъ рядѣ писемъ: объ опасностяхъ панславизма и о средствахъ предотвратить эти опасности.

Я полагаю, что одно изъ главныхъ этихъ средствъ должно быть, *по возможности, долгое, очень долгое сохраненіе Австріи, предварительно, конечно, жестоко проученной.*

Воевать съ Австріей желательно; побѣдить ее необходимо; но *разрушать* ее—избави насъ Боже! Она до поры до времени (*до православно-культурнаго возрожденія* самой Россіи и восточныхъ единовѣрцевъ ея)—драгоцѣнный намъ карантинъ отъ чеховъ и другихъ уже *слишкомъ* «европейскихъ» славянъ. Ясно ли?

Довольно бы... Все существенное сказано, но я хочу прибавить еще нѣсколько словъ объ Испаніи и Румыніи, чтобы та картина всеобщаго демократическаго разложенія, которую я только что представилъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, была бы полнѣе.

Въ 70-хъ годахъ въ Испаніи произошло *реакціонное* возстаніе басковъ въ *пользу Бурбона Донъ-Карлоса*. Баски бытомъ своимъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ похожи на остальную Испанію. *Они консервативнѣе*, поэтому-то у нихъ и оказалась еще возможность, нашлось еще побужденіе возстать противъ тогдашней Испанской республики.

Но и это реакціонное движеніе такъ же не удалось, *какъ не удавалось за послѣднія 30—40 лѣтъ все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразіе и прежнюю богатую духомъ разновидность.* Испанская Вандея не удалась, какъ не удалось полякамъ ихъ *дворянское возстаніе*, какъ не удалась Наполеону III *защита папства*, какъ не удался во Франціи позднѣе государственный переворотъ въ *пользу легитимизма* и т. д.

Это о баскахъ и Донъ-Карлосѣ.

Теперь о Румыніи. Въ «доброе, старое время», какъ говорится, эта Румынія была Молдо-Валахіей.—«Молдо-Валахія»! По-моему это даже звучитъ гораздо пріятнѣе, важнѣе, чѣмъ «Румынія»! Молдавія имѣла свои оттѣнки, Валахія свои. Послѣ крымской войны и молдаване съ валахами по-

чувствовали потребность послужить племенной политикѣ. Оба княжества избрали себѣ впервые одного господаря Кузу, изъ *средняго круга*. (Помнится просто полицеймеcтера города Галаца.)

Куза *тотчасъ же демократизовалъ* эту все-Румынію; онъ освободилъ крестьянъ отъ давней крѣпостной зависимости и сокрушилъ этимъ прежнюю силу молдо-валашскаго боярства. Конституція, общая двумъ княжествамъ, начала функціонировать, какъ вездѣ, довольно правильно по формѣ и, конечно, либерально (*разрушительно*) по духу.

И что же? Почти немедленно это либеральное, *національное* правительство стало закрывать монастыри, разогнало монаховъ и отобрало издревле пожертвованныя этимъ обителямъ земли. Тяжесть этой мѣры падала преимущественно на греческіе патріархаты и св. мѣста, которымъ были подвѣдомственны («преклонены») эти обители и земли. (Кстати замѣчу, русское правительство *хотя и неудачно*, но поддерживало въ этомъ случаѣ патріархаты, *ибо славянское племя не было тутъ замѣшано въ дѣло, какъ въ позднѣйшемъ движеніи болгаръ*. Въ болгарскомъ дѣлѣ мы были *либералами*, мы поддерживали болгаръ *противъ патріарха*, и успѣхъ нашихъ славянскихъ питомцевъ превзошелъ даже далеко наши желанія. Въ румынскомъ дѣлѣ «преклоненныхъ» монастырей мы были *охранителями и ничего въ пользу Церкви* не могли сдѣлать.)

Сверхъ того, въ Румыніи, вскорѣ послѣ національнаго объединенія, случилось въ миніатюрѣ почти то же, что и въ Испаніи въ 70-хъ годахъ. Вспыхнуло небольшое *охранительное* возстаніе. Къ Румыніи, по парижскому трактату, отошла отъ Россіи часть старыхъ бессарабскихъ болгарскихъ колоній. У нихъ были свои особые мѣстные уставы и привилегіи, дарованныя имъ Россіею. Онъ желали сохранить эти свои особенности и—возстали. Демократическое конституціонное правительство новой національной Румыніи усмирило ихъ оружіемъ и *заставило ихъ стать какъ всѣ; уравняло, смѣшало ихъ съ остальнымъ своимъ населеніемъ*.

Видите, и здѣсь, даже и въ этой румынской лужѣ отражается вполнѣ это зарево всемірнаго демократическаго и безбожнаго пожара, котораго неосторожными поджигателями являются не всегда только либералы и анархисты, а по роковому стеченію обстоятельствъ нерѣдко и могущественные монархи, подобные Наполеону III и Вильгельму I германскому!

Неужели правъ былъ Прудонъ, восклицая: «Революція XIX вѣка не родилась изъ нѣдръ той или другой политической секты, она не есть развитіе какого-нибудь одного отвлеченнаго принципа, не есть торжество интересовъ одной какой-нибудь корпораціи или какого-нибудь класса. *Революція—это есть неизбѣжный синтезъ всѣхъ предыдущихъ движеній въ религіи, философіи, политикѣ, соціальной экономіи* и т. д., и т. д.

Она существуетъ сама собою, подобно тѣмъ элементамъ, которые въ ней сочетались. Она, по правдѣ сказать, приходитъ *ни сверху* (т.-е. не отъ разныхъ правительствъ), *ни снизу* (т.-е. и не отъ народа) *). Она есть результатъ *истощенія принциповъ*, результатъ *противоположныхъ идей*, столкновенія интересовъ и *противорѣчій политики*, антагонизма предразсудковъ, однимъ словомъ всего того, что наиболѣе заслуживаетъ названія нравственнаго и умственнаго хаоса!»

«*Сами крайніе революціонеры* (говоритъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ) *испуганы будущимъ и готовы отречься отъ революціи*, но отринутая всѣми и сирота отъ рожденія—революція можетъ приложить къ себѣ слова псалмопѣвца. «Мой отецъ и моя мать меня покинули, но Господь воспріялъ меня!»

Неужели же правъ Прудонъ не для одной только Европы, но и *для всего человѣчества?* Неужели таково въ самомъ дѣлѣ *попущеніе* Божіе и для нашей дорогой Россіи?!.

Неужели, немного позднѣе другихъ, и мы съ отчаяніемъ *почувствуемъ*, что мчимся *безповоротно* по тому же проклятому пути!?.

---

*) Вѣрнѣе бы сказать, *и сверху и снизу*.

Неужели еще очень далека та *точка историческаго насыщенія равенствомъ и свободой*, о которой я упоминалъ и послѣ которой, въ обществахъ, имѣющихъ еще развиваться и жить,— долженъ начаться постепенный поворотъ къ новому *разслоенію* и органической разновидности?..

Если такъ, то все погибло!..

Неужели нѣтъ надеждъ?

Нѣтъ, пока есть еще одна надежда — надежда *именно на Россію!*

Есть признаки не по ослѣпленію пристрастія, но «раціонально» ободрительные!

Но они есть только у насъ однихъ, а на Западѣ ихъ нѣтъ вовсе!

ПЛОДЫ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ДВИЖЕНІЙ НА ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

(„Гражданинъ“ 1888—1889 гг.)

I.

Въ письмахъ моихъ «О племенной политикѣ» я старался доказать, что на Западѣ въ XIX вѣкѣ она до сихъ вездѣ и при всѣхъ условіяхъ вела къ тому всеобщему *однообразію и смѣшенію*, которыя представляютъ собою самую сущность *всемірной революціи* или ея *полусознательный* идеалъ. Если бы всѣ вожди, дѣятели и участники этихъ политическихъ движеній раздѣляли бы мнѣніе тургеневскаго Базарова, что «*всѣ люди должны со временемъ стать между собою схожи, какъ березы въ рощѣ*» и дружно стремились бы къ этой цѣли, то я назвалъ бы идеалъ ихъ прямо *сознательнымъ*. *Полу*сознательнымъ я его называю потому, что очень многіе изъ «инициаторовъ» этой политики, изъ вождей и участниковъ этого движенія, вовсе этого однообразія не ищутъ, *но неожиданно находятъ его при концѣ своего пути*... И наоборотъ (вслѣдствіе сложности историческихъ *пріемовъ*, долженствующихъ разрушить прежній культурный строй европейскихъ обществъ), случалось нерѣдко, что *эгалитарные демократы*, т.-е. именно тѣ люди, которые ищутъ наиполнѣйшаго однообразія всемірной жизни, *препятствовали*, противились этимъ національнымъ движеніямъ и этой національной политикѣ, не *подозрѣвая даже*, что политическіе націоналисты будутъ имъ превосходными союзниками, предтечами, уготовляющими и уравнивающими имъ дальнѣйшій путь.

Примѣровъ тому и другому роду заблужденій много, и я дѣлаю надъ собою большія усилія, чтобы не увлечься подобными «иллюстраціями» изъ современной исторіи и не

отклониться далеко отъ главной моей здѣсь задачи: прослѣдить хотя бы въ самыхъ лишь общихъ чертахъ дѣйствія *того же племеннаго принципа на Востокѣ Европы, то-есть въ Россіи, въ Турціи и въ странахъ христіанскихъ, освобожденныхъ въ XIX вѣкѣ изъ-подъ власти послѣдней.*

Заключеніе мое и здѣсь, къ сожалѣнію, то же самое! Плоды племенной политики и національныхъ движеній на православно-мусульманскомъ Востокѣ *ничѣмъ существеннымъ* до сихъ поръ не отличаются отъ плодовъ того европейскаго *государственнаго національнаго*, который шагъ за шагомъ разъѣдаетъ великія и столь разнородныя прежде культурныя формаціи Запада, видоизмѣняя ихъ въ пользу всеобщей демократизаціи и эгалитарнаго всепретворенія.

Европейскій Востокъ *на глазахъ нашихъ въ менѣе рѣзкихъ и ясныхъ формахъ, съ пріемами менѣе рѣшительными* до сихъ поръ повторялъ въ нѣдрахъ своихъ только то, что дѣлалъ Западъ.

Каковы бы ни были второстепенные оттѣнки, отличающіе новѣйшую исторію православной Россіи и мусульманской Турціи отъ современной исторіи католической и протестантской Европы — главный, несомнѣнный результатъ одинъ: *большее противъ прежняго равенство личныхъ правъ и общественныхъ положеній; ослабленіе религіозныхъ чувствъ и вліянія духовенства, усиленіе индустріальнаго движенія и конституціонныхъ вкусовъ; торжество общеевропейскихъ демократическихъ модъ и обычаевъ надъ мѣстными привычками, предубѣжденіями и пристрастіями; большее противъ прежняго всеобщее сходство воспитанія въ классахъ правящихъ, при неотстранимомъ все-таки ничѣмъ (и всего менѣе равенствомъ и равносиліемъ) антагонизмѣ интересовъ.*

Однимъ словомъ — *космополитизмъ* духа, вкусовъ, нравовъ и т. д., ничуть не исключающій при этомъ ни взаимной ненависти, ни всякаго рода ожесточенной борьбы, ни даже кровавыхъ схватокъ въ родѣ недавней войны между сербами и болгарами, *столь сходными между собою*, — какъ

въ низшихъ, еще патріархальныхъ, слояхъ общества, такъ и въ высшихъ, «объевропеенныхъ», такъ сказать.

Мысли, подобныя этимъ, я знаю, должны радовать нашихъ «европейцевъ» и либераловъ; славянофиловъ и просто «консерваторовъ», напротивъ того, онѣ должны возмущать или огорчать. Возмущать—если все то, что я говорю, представляется имъ грубой ошибкой; огорчать—если они находятъ все это печальной правдой.

Въ минуту утраты вѣры въ наше особое отъ Запада историческое призваніе, конечно, и я прежде всего огорчаюсь...

И какъ уберечься отъ такихъ минутъ, когда видишь, что за очень немногими исключеніями люди образованные и умные у насъ, въ Россіи, ни жить, ни мыслить—иначе какъ по-европейски—до сихъ поръ не могутъ...

Вѣдь и любя Россію всѣмъ сердцемъ, гражданинъ не обязанъ *вѣровать* въ ея долгую и дѣйствительно славную будущность, безъ колебаній и сомнѣній...

Это не религіозная вѣра, не *личное* православіе, гдѣ колебанія и сомнѣнія *повелѣно* считать «искушеніемъ», малодушіемъ и гдѣ существуетъ прямая обязанность ихъ съ молитвою отгонять...

Въ гражданскомъ дѣлѣ—зачѣмъ иллюзіи?

Быть можетъ иллюзіи эти въ свое время были нужны и сослужили свою службу въ общемъ ходѣ дѣлъ, но разъ мы начинаемъ прозрѣвать понемногу, на что же себя искусственно ослѣплять? Какая польза?

Я не говорю, что я отчаиваюсь вовсе въ *особомъ* призваніи Россіи. Я признаюсь, что я нерѣдко начинаю въ немъ сомнѣваться... Во всякомъ случаѣ, не даромъ же простерся этотъ колоссъ между древними цивилизаціями азіатскаго Востока и романо-германской Европы... Послѣдняя вся несомнѣнно шагъ за шагомъ все болѣе и болѣе близится къ идеалу безбожной и однообразно-рабочей федеративной республики.

Никакіе Бисмарки, никакіе Гогенцоллерны Европу отъ этой будущности ея не спасутъ. Они сами даже, войнами и побѣдами своими видоизмѣняя глубоко соціальную почву

и въ средѣ своей націи, и у побѣжденныхъ сосѣдей, только ускоряютъ осуществленіе этого отвратительнаго идеала.

Они усиливаютъ *сходство строя и быта*; они ускоряютъ всеобщую *ассимиляцію нравовъ*... Современная политическая борьба, *оканчивая* по очереди одинъ за другимъ всѣ *племенные вопросы, приготовляетъ этимъ путь республиканскому космополитизму*. Какую же роль должна играть Россія въ этой трагедіи явнаго всеразрушенія, которому еще гораздо болѣе динамита и крупповскихъ пушекъ способствуютъ такъ называемыя «всеполезныя» изобрѣтенія: желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, всемірныя выставки и т. д?

Какую? Что должна она избрать?

Уступить всеобщему движенію?

Стать во главѣ его, покончивъ, подобно другимъ, *какъ можно скорѣе* и *какъ попало* всѣ *племенные* счеты свои?

Пожертвовать *дальнѣйшимъ* будущимъ своимъ *ближайшему* и полному *племенному* торжеству, которое, связавъ судьбу нашу *преждевременно* съ судьбою *западныхъ* славянъ, непремѣнно повлечетъ за собой окончательное потрясеніе и безъ того поколебленныхъ *истинно національныхъ* устоевъ нашихъ?..

Или, различивъ глубоко въ политическомъ идеалѣ своемъ вопросъ *православно-восточный* отъ вопроса *всеславянскаго*, считать первый единственнымъ *якоремъ спасенія*, а второй — лишь *неизбѣжнымъ* (либеральнымъ) *зломъ*, крестомъ, испытаніемъ, ниспосланнымъ намъ суровой исторіей нашей...

Если люди *власти и вліянія* дойдутъ у насъ до этого глубокаго различія, если они приложатъ всѣ силы свои на служеніе *дѣлу православно-восточному* и съ величайшимъ недовѣріемъ станутъ впредь смотрѣть на *дѣло всеславянское*, если они, эти русскіе люди власти и вліянія, будутъ послѣднее *чисто племенное дѣло* считать *обыкновеннымъ и весьма опаснымъ либеральнымъ дѣломъ въ общеевропейскомъ вкусѣ*, — тогда наша культурно-государственная будущность спасена даже и при панславизмѣ.

И быть можетъ, и вся Европа со временемъ будетъ намъ признательна за то, что *наконецъ-то мы дерзнули стать и прибыть сами собою*, ни на чьи вредные примѣры не взирая; быть можетъ, тогда вся Европа будетъ простирать къ намъ руки почтенія и любви съ мольбою о помощи, какъ простираетъ ихъ теперь Франція, *во всемъ*, и въ первыхъ шагахъ развитія, и въ первыхъ попыткахъ разрушенія, *шедшая впереди другихъ* государствъ и націй...

Иначе!!!

II.

Въ тѣхъ прежнихъ письмахъ моихъ, гдѣ я занятъ былъ преимущественно Европой Западной, я вынужденъ былъ, однако, прежде всего вспомнить объ эллинскомъ возстаніи 20-хъ годовъ. Здѣсь же мнѣ для ясности изложенія необходимо повториться.

Въ первомъ случаѣ я руководился тѣмъ соображеніемъ, что національное возстаніе и освобожденіе грековъ изъподъ долгаго ига мусульманъ было въ XIX вѣкѣ *первымъ по времени* движеніемъ этого рода. Теперь же, имѣя въ виду Россію и Турцію, мнѣ опять нельзя обойти грековъ, вслѣдствіе ихъ *особаго значенія* среди народовъ Востока.

Къ тому же въ этомъ движеніи грековъ идея свободнаго *національизма* особенно тѣсно была связана съ идеей *демократической* и по *источникамъ*, и по *результатамъ*.

Еще раньше 20-хъ годовъ, когда еще всѣ греки находились подъ властью султана, у нихъ былъ весьма популярный поэтъ Рига-Фереосъ... Онъ неудачно агитировалъ противъ Турціи и былъ разстрѣлянъ.

Греческіе біографы его утверждаютъ, что онъ, не находя еще возможности выдѣлить хоть часть своихъ соотчичей въ особое *національное* государство, дѣйствовалъ въ духѣ *космополитическихъ* идей XVIII вѣка. То-есть онъ хотѣлъ поднять въ Турціи движеніе противъ *деспотизма и неравенства вообще* и призывалъ къ возстанію противъ

султана и его пашей не однихъ только грековъ и даже не однихъ только христіанъ, но и ту значительную часть мусульманскаго населенія, которая представлялась ему тоже страдающей отъ самовластія пашей и янычаръ. Рига-Фереосъ былъ напитанъ тѣми самыми идеями личнаго равенства и личной легальной свободы, которыя выразились французской революціей XVIII вѣка. Имя его у грековъ было, я сказалъ, весьма популярно. Значитъ, эти *либерально-эгалитарныя идеи предшествовали* въ умахъ эллинскихъ «предтечей» (précurseurs) мыслямъ объ *эмансипаціи собственно національной*. Другими словами: послѣдняя возросла на первыхъ; она была подготовлена ими. Общелиберальныя вѣянія XVIII вѣка проникли еще заранѣе и въ греческіе умы, хотя, быть можетъ, и смутно.

Религіозную идею (православіе) эллинское движеніе взяло себѣ только въ *пособницы*. Систематическихъ гоненій на *само православіе* въ Турціи не было; но существовали сильнѣйшія и грубыя гражданскія обиды и стѣсненія вообще для *лицъ не мусульманскаго исповѣданія*. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ легко было не отдѣлять *вѣры* отъ *племени*. Естественно было даже ожидать, что *свобода племени* повлечетъ за собою *возвеличеніе церкви* и *усиленіе духовенства* черезъ возрастаніе вѣры въ паствѣ; ибо *сильная вѣра* паствы имѣетъ всегда послѣдствіемъ *любовь къ духовенству*, даже и весьма недостаточному. При сильной вѣрѣ (какого бы то ни было рода, дикой ли и простодушной, или сознательной и высоко развитой, — все равно) мистическое чувство и предшествуетъ нравственному и, такъ сказать, увѣнчиваетъ его. *Оно*, это мистическое чувство, *считается главнымъ*, и потому живо вѣрующая паства всегда снисходительнѣе и къ самимъ порокамъ своего духовенства, чѣмъ паства равнодушная. Сильно вѣрующая паства готова всегда съ радостью усиливать права, привилегіи, власть духовенства и охотно подчиняется ему даже и не въ однихъ чисто церковныхъ дѣлахъ.

Въ времена, когда освобождающіеся отъ чуждой власти народы были руководимы вождями, еще *не пережившими*

«вѣяній» XVIII вѣка, — эмансипація націй не только не влекла за собой ослабленія вліянія духовенства и самой религіи, но имѣла даже противоположное дѣйствіе: она усиливала и то, и другое. Въ русской исторіи, напримѣръ, мы видимъ, что со временъ Димитрія Донского и до Петра I значеніе духовенства, даже и политическое, все растетъ, и само православіе все болѣе и болѣе усиливается, распространяется, все глубже и глубже входитъ въ плоть и кровь русской націи. Освобожденіе русской націи отъ татарскаго ига не повлекло за собою ни удаленія духовенства съ поприща политическаго, ни уменьшенія его вѣса и вліянія, ни религіознаго равнодушія въ классахъ высшихъ, ни космополитизма въ нравахъ и обычаяхъ. Потребности русской племенной эмансипаціи во времена св. Сергія Радонежскаго и князя Ивана Васильевича III *сочетались въ душахъ руководителей народныхъ не съ тѣми идеалами и представленіями, съ которыми въ* XIX *вѣкѣ сопрягается національный патріотизмъ въ умахъ современныхъ вождей.* Тогда важны казались права вѣры, права религіи, права Бога; права того, что Владиміръ Соловьевъ такъ удачно зоветъ *Боговластіемъ*.

Въ XIX вѣкѣ прежде всего важными представляются права *человѣка*, права народной *толпы*, права *народовластія*. Это разница.

Подобныхъ же сравнительныхъ примѣровъ обоего рода мы можемъ найти нѣсколько и въ исторіи Западной Европы. И тамъ раньше провозглашенія «правъ человѣка» ни *племенныя объединенія*, ни *изгнанія* иновѣрныхъ или иноплеменныхъ завоевателей не влекли за собой *либеральнаго космополитизма*; не ослабляли религіи; не уничтожали до тла и вездѣ ни дворянскихъ привилегій, ни монархическаго всевластія... Религія (какая бы то ни была) вездѣ усиливалась и какъ бы обновлялась послѣ этихъ объединеній и изгнаній. Что касается до монархіи и аристократіи, то, хотя въ одной странѣ первая усиливалась на счетъ второй, а въ другой—вторая на счетъ первой, но нигдѣ онѣ ни религію, ни другъ друга до полнаго безсилія не доводили.

Всего этого достигъ въ концѣ XVIII вѣка и въ XIX «средній классъ»; все это совершили тѣ «средніе люди», въ которыхъ теперь всѣ, и *сверху* и *снизу*, *волей* или *неволей* стремятся обратиться.

«Собираніе» Франціи начало быстрѣе совершаться при набожномъ Людовикѣ XI, *послѣ изгнанія англичанъ* при отцѣ его Карлѣ VII, и окончилось (если взять въ расчетъ централизаціонную дѣятельность Ришелье) приблизительно ко времени тоже набожнаго Людовика XIV.

Это объединеніе ничуть не поколебало во Франціи католическихъ чувствъ... Напротивъ того, эти чувства во время борьбы съ заноснымъ протестантизмомъ дошли, какъ извѣстно, до фанатическихъ крайностей.

Протестанство едва-едва добилось, наконецъ, до равноправности, но до преобладанія ни разу не достигло...

Національное объединеніе Франціи не поколебало въ ней *тогда* ни одной изъ національныхъ *основъ*. *Сочетанія* этихъ основъ между собою, измѣняясь значительно въ XV и XVI вѣкахъ, не только не сдѣлали Францію *болѣе схожей* съ остальнымъ міромъ, но, напротивъ того, яснѣе и гораздо выразительнѣе прежняго *обособили ея культуру*.

И въ Англіи, и въ Шотландіи одинаково преобладало издавна англо-саксонское племя надъ кельтическими остатками. Въ началѣ XVII вѣка, при Іаковѣ I, эти двѣ державы соединились. Династія царства слабѣйшаго вступила на престолъ сильнѣйшаго царства.

И это было *племенное объединеніе*; и это было благопріятное рѣшеніе *національнаго* вопроса. Но оно ничуть не сдѣлало великобританцевъ *эгалитарными космополитами* въ нынѣшнемъ *общечеловѣческомъ* смыслѣ. Напротивъ того, *либерально-аристократическій* характеръ учрежденій опредѣлялся послѣ этого постепенно все яснѣе и точнѣе. Характеръ церкви англиканской въ эти именно времена, послѣдовавшія за *сліяніемъ*, выразилъ вполнѣ свое *исключительно мѣстное*, чисто національное значеніе, *обособился*.

Религіозныя чувства въ протестантской Англіи (подоб-

по католическимъ чувствамъ въ «объединенной» Франціи) не только не ослабли, но стали даже изступленными и произвели одну за другою двѣ революціи. Первая была ужасна, но вторая (противъ Іакова II, въ 1688 г.) была легка, ибо къ этому времени *національно-культурныя особенности Англіи стали до того рѣзки и прочны, что защищать ихъ уже не стоило большого труда и кровопролитія.*

На Пиренейскомъ полуостровѣ долгая борьба христіанъ съ мусульманскими завоевателями, которые нѣсколько вѣковъ господствовали на югѣ этой страны, окончилась въ XV вѣкѣ покореніемъ Гренады. Это завершительное *торжество* испанцевъ *надъ иновѣрными пришельцами* произошло почти одновременно съ *національнымъ объединеніемъ* ихъ при Фердинандѣ и Изабеллѣ, которыхъ бракъ соединилъ Арагонію съ Кастиліей.

Но и здѣсь національное единство, одновременное съ очищеніемъ всей національной почвы отъ чуждаго владычества, *не послужило къ обезличенію и космополитизму* испанскаго характера.

Именно со временъ Фердинанда и Изабеллы стали еще рѣзче прежняго обозначаться государственныя, бытовыя, литературныя, художественныя и вообще національныя особенности испанскаго народа.

Худы или хороши были эти особенности; удобны ли или тягостны онѣ были для большинства, — я въ это здѣсь и не вхожу. Для моей цѣли достаточно напомнить, что онѣ, какъ извѣстно, были во многомъ *очень рѣзки.*

Я здѣсь не занимаюсь ни утилитарными, ни гуманитарными соображеніями. Я не отказываюсь уважать ихъ *вообще;* ибо и я не извергъ; я только ихъ въ этомъ трудѣ *устраняю мысленно,* какъ геометръ устраняетъ въ линіяхъ *ширину,* которую, однако, въ дѣйствительности имѣетъ всякая *линія.* Вопросъ культуры и политики и безъ того очень сложенъ и входить еще въ соображенія о томъ, что было жестоко и что несправедливо — значило бы еще болѣе затемнять его.

Для меня достаточно напомнить и заявить: вотъ какъ дѣйствовали въ вѣкахъ XV, XVI и XVII всѣ эти *національныя объединенія*, всѣ эти *изгнанія* иноземцевъ и иновѣрцевъ, всѣ эти *очищенія племенныхъ государствъ* отъ посторонней примѣси. Національнаго не искали тогда сознательно, *но оно само являлось путемъ историческаго творчества.*

Каждый народъ въ то время шелъ своимъ путемъ и своей независимостью обогащалъ по-своему великую сокровищницу европейскаго духа.

Не то мы видимъ теперь!

Теперь (послѣ объявленія «правъ человѣка») всякое объединеніе, всякое изгнаніе, всякое очищеніе племени отъ постороннихъ примѣсей даетъ одни лишь космополитическіе результаты.

Тогда, когда націонализмъ имѣлъ въ виду не столько *самъ себя*, сколько интересы религіи, аристократіи, монархіи и т. п., тогда онъ *самъ себя-то и производилъ невольно.* И цѣлыя націи, и отдѣльные люди въ то время становились все разнообразнѣе, сильнѣе и самобытнѣе.

Теперь, когда націонализмъ *ищетъ освободиться, сложиться, сгруппировать людей* не во имя *разнородныхъ*, но связанныхъ внутренно интересовъ религіи, монархіи и привилегированныхъ сословій, а во имя единства и свободы *самого племени*, результатъ выходитъ вездѣ болѣе или менѣе *однородно-демократическій.* Всѣ націи и всѣ люди становятся все сходнѣе и сходнѣе и вслѣдствіе этого все бѣднѣе и бѣднѣе духомъ.

Націонализмъ *политическій, государственный* становится въ наше время губителемъ націонализма *культурнаго, бытового.*

Неузнанная сначала въ *новомъ видѣ* своемъ демократическая всесвѣтная революція начинаетъ послѣ каждаго новаго успѣха своего все скорѣе и скорѣе сбрасывать съ себя лже-національную маску свою; она беззастѣнчивѣе прежняго раскрываетъ съ каждымъ шагомъ свой искусно избранный *псевдонимъ!*

Не ходя далеко, мы увидимъ прекрасно новѣйшую безстрѣнчивость эту изъ сравненія греческаго освобожденія 20-хъ годовъ съ болгарскимъ *семидесятыхъ*. Чѣмъ дальше — тѣмъ хуже!

III.

Всеравняющій духъ XVIII вѣка уже пронесся по всему христіанскому міру, когда греки подняли знамя своего государственно-національнаго возстанія, взявъ идею православія лишь въ сильныя пособницы своему эгалитарному либерализму. Безъ народа нельзя бунтовать, а народъ греческій и до сихъ поръ *весьма* православенъ.

Выраженіе *эгалитарный либерализмъ* я здѣсь употребляю не въ смыслѣ стремленія грековъ къ сверженію власти *неравныхъ* съ ними, *привилегированныхъ*, *стѣснявшихъ* ихъ мусульманъ, — а по отношенію къ соціальному составу ихъ собственной греческой среды и *подъ туркомъ*, и *безъ турка*.

Въ Турціи и въ то время не было глубоко выработаннаго сословнаго строя. Не входя въ подробности, можно вообще сказать, что въ этой имперіи было только два главные слоя: мусульмане и «райя». Эти два слоя, *оба весьма равенственные въ своей собственной средѣ*, были очень просто и грубо наложены завоеваніемъ одинъ на другой. Были въ средѣ христіанъ привилегіи, дарованныя тамъ и сямъ иновѣрной властью; но эта неравноправность имѣла характеръ болѣе *провинціальный, чѣмъ сословный*; болѣе *мѣстный*, областной или муниципальный, чѣмъ *родовой или наслѣдственный*. Имѣла, конечно, въ старину и тамъ родовитость нѣкоторый вѣсъ, но очень шаткій. Дѣйствительно же прочныя привилегіи противъ массы мірского населенія имѣло «подъ туркомъ» только *православное духовенство* (въ то время почти сплошь греческое). Патріархи и епископы являлись передъ Портой офиціальными представителями, заступниками христіанъ и въ то же время начальниками ихъ и

даже во многихъ случаяхъ безконтрольными судьями... Что касается до мірянъ православныхъ, то, кромѣ духовенства, опредѣленныхъ юридическихъ слоевъ въ ихъ средѣ не было. Все держалось обычаемъ, и преобладали, конечно, только богатство и грамотность, — какъ преобладали они вездѣ, гдѣ нѣтъ ни силой, ни закономъ утвержденнаго дворянства...

И вотъ въ южныхъ частяхъ Балканскаго полуострова и на нѣкоторыхъ островахъ иго мусульманъ свергнуто (съ помощью Россіи) къ 30-му году.

Греки новой Эллады свободны...

Повторять ли и здѣсь то, на что я уже указывалъ прежде... Я думаю — не нужно?

Дворянства нѣтъ; Синодъ вмѣсто патріарха (т.-е. форма противъ свѣтской власти болѣе слабая), духовенство устранено отъ прямого вліянія на гражданскія и политическія дѣла... Конституція въ высшей степени либеральная *съ одной только палатой*, т.-е. безъ тормоза... Неслыханное множество газетъ на столицу, которая меньше нашей Одессы... *Фракъ и сюртукъ* европейской буржуазіи, господствующіе de facto надъ дикой и своеобразной поэзіей *гиальваръ* и *фустанеллы*. «Корсаръ» — Байрона сталъ чернорабочимъ или простымъ мошенникомъ проѣзжихъ дорогъ. Онъ ѣздитъ на козлахъ кареты или коляски *европейскаго иновѣрнаго* короля, *по-европейски одѣтаго*. Король Оттонъ и супруга его еще любили оба носить греческую одежду. Это имъ не помогло, и король Георгъ уже не находитъ это нужнымъ для популярности. *Никто уже изъ грековъ, видно, не нуждается въ этомъ*. Въ европейскомъ «проще»; «всѣ такъ нынче одѣваются». — «Это удобнѣе!» И такъ далѣе. Пышная, изящная фустанелла съ престола попала *на козлы!..*

Это тоже *символъ* времени; символъ все большаго и большаго претворенія всѣхъ мѣстныхъ, истинно національныхъ особенностей, столь живописныхъ и возбуждающихъ духъ любви къ своему — въ одномъ всеобщемъ стилѣ общеевропейской прозы.

Эдм. Абу писалъ свой памфлетъ «Современная Грецiя»

противъ свободныхъ грековъ въ 50-хъ годахъ, подъ вліяніемъ досады на нихъ за то, что они были на русской сторонѣ во время дунайской и севастопольской борьбы. Въ его книгѣ много преувеличеній, но много и злой правды.

Абу прежде всего самъ именно то, что я предлагаю называть для ясности «*среднимъ европейцемъ*». Умѣренно либеральный французъ; нравами и обычаями европейской буржуазіи вполнѣ довольный; религіи демократическаго прогресса поклоняющійся; ко *всякой* «ортодоксіи» равнодушный; любящій, какъ многіе, эстетику *искусства*, не понимая ничего въ эстетикѣ *жизни*. . и т. д... Однимъ словомъ, это нѣсколько болѣе другихъ способный и довольно даже остроумный представитель именно того общеевропейскаго типа, одна мысль о которомъ приводитъ иногда въ истинное отчаяніе того, кто вообразитъ, что этотъ типъ есть разгадка и вѣнецъ всей исторіи человѣчества.

Абу это именно тотъ нѣсколько болѣе другихъ «среднихъ людей» крупный «средній человѣкъ», «genre» котораго такъ справедливо ненавидѣлъ бѣдный и геніальный Герценъ, сбившійся съ столь естественнаго въ немъ, московскомъ баринѣ, религіознаго и аристократическаго пути.

Этотъ Абу въ своей книгѣ гнѣвается на то, что греки свободной Эллады *слишкомъ любятъ Россію*; на то, что они *слишкомъ набожны и православны*, на то, что про западныхъ христіанъ они говорятъ: «Это худо, крещеныя собаки» (это его слова, а не мои). Онъ издѣвается надъ аѳинскими молодыми людьми *того времени* (50-хъ годовъ) за то, что они на вопросъ: «Куда вы идете?», отвѣчаютъ *очень просто и не смущаясь:* «Я говѣю, иду къ своему духовнику». Ему это пріятное и простое отношеніе къ религіи отцовъ, эта набожность въ человѣкѣ, кой-чему обучившемуся и по-европейски чисто одѣтому, кажется и глупой, и даже удивленія достойной!..

Абу пророчитъ между прочимъ, что «черезъ *сто* лѣтъ не останется ни одной фустанеллы на свѣтѣ». «Не будетъ больше *паликаровъ*» (то-есть молодцовъ, носящихъ греческую одежду).

Теперь этотъ развязный щелкоперъ, называющій себя ученикомъ Вольтера, былъ бы, вѣроятно, гораздо довольнѣе греками свободной Эллады. Самодержавную Россію они разлюбили (отчасти по нашей винѣ, отчасти же *и по собственной*).

Если они нейдутъ, и не пойдутъ, вѣроятно, противъ насъ слишкомъ открыто и слишкомъ сильно, то это лишь потому, что болгары теперь идутъ противъ насъ и что мы болгарами недовольны. *Говѣть и не стыдиться говѣнья* (*я заглазно* увѣренъ въ этомъ!) многіе за истекшія 30 лѣтъ уже перестали. «Фустанелла» попала на *козлы*...

И, конечно, если не будетъ у насъ въ Россіи (да, *главное* въ Россіи) глубокаго поворота въ духѣ по окончанію восточнаго вопроса (*на Босфорѣ и Дарданеллахъ*); если у насъ въ Россіи взгляды, подобные моимъ, не возьмутъ верхъ *надолго*... Если не станетъ ненавистенъ намъ именно тотъ типъ *развитія*, къ которому принадлежитъ самъ Абу, то не нужно ждать и *ста лѣтъ*!

Гораздо раньше этого не только «фустанеллы» и православной набожности въ Греціи, но и вообще ничего въ ней греческаго, кромѣ языка, не останется!

Только русскіе, *перемѣнивши центръ своей культурной тяжести*, могутъ стать во главѣ *нововосточнаго* движенія умовъ и перерожденія жизни...

Греки *очень хороши*, очень содержательны, очень симпатичны даже, пока ихъ сравниваешь только съ юго-славянами. Они во всѣхъ отношеніяхъ выше ихъ. Но и только!

Вѣдь это похвала не высокая — «въ царствѣ *слѣпыхъ* признать кого-нибудь *кривымъ лишь на одинъ глазъ*».

Мой идеалъ ясенъ, если не въ подробностяхъ положительныхъ формъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отрицательной основѣ своей: *какъ можно меньше современно-европейскаго во всемъ*.

Греки же новые въ высшей степени падки до *стиля Абу* и даже не видятъ и не сознаютъ того, до чего они европейцы, въ самомъ дурномъ значеніи этого слова.

Духъ свой они полагаютъ только *въ языкѣ* и въ *сильномъ*

племенномъ государствѣ, о которомъ они мечтаютъ издавна и тщетно.

Я говорю о *государствѣ*, я не говорю о *государственности*, т.-е. о *своеобразномъ, глубокомъ строѣ политическихъ учрежденій*. Это уже *культурная* точка зрѣнія.

Этого у нихъ вовсе нѣтъ и едва ли будетъ...

Я, впрочемъ, о грекахъ еще не все сказалъ.

Прошу терпѣнія.

IV.

Изо всѣхъ видныхъ и вліятельныхъ дѣятелей 20-хъ годовъ только одинъ Меттернихъ понялъ истинный историческій духъ греческаго возстанія. Онъ одинъ только «чуялъ», что въ сущности эти движеніе — все та же всемірная *эгалитарная* революція, несмотря на религіозно-національное знамя, которымъ оно прикрывалось. *Люди движенія* могли быть искренни въ намѣреніяхъ своихъ; но само движеніе должно было стать обманчивымъ благодаря уже пронесшимся надъ всей Европой духомъ разрушительнаго опошленія.

Быть можетъ Меттернихъ понималъ яснѣе другихъ тайный духъ и будущее значеніе этой національной инзурреккіи лишь потому, что онъ былъ защитникомъ и представителемъ интересовъ *самаго не племенного въ мірѣ государства*. Существуютъ инстинкты и психическіе навыки *званія* и *положенія*.

Онъ не имѣлъ насчетъ грековъ тѣхъ иллюзій, которыя имѣли въ его время столькіе другіе замѣчательные люди: лордъ Байронъ, Шатобріанъ, даже дипломатъ Каннингъ. У Каннинга за соображеніями чисто государственными (въ родѣ того, что нельзя допустить Россію *одну*, безъ нашего, англійскаго, вмѣшательства, распоряжаться судьбами Востока) стояло, видимо, еще и личное сильное культурно-эстетическое эллинофильство.

Почти всѣ видные дѣятели того («романтическаго») време-

ни ждали отъ освобожденныхъ эллиновъ чего-то особеннаго, *творчески-національнаго*, неслыханнаго и поучительнаго.

Надо помнить, какое тогда было время! «Властителями думъ» были въ тѣ года не Лессепсы и Эддисоны, а Байронъ и Гёте!

Всѣ ждали... и дождались самой обыкновенной раціоналистической европейской демократіи во фракѣ и съ неслыханнымъ множествомъ пустопорожнихъ газетъ!

Нынѣшніе греки безспорно имѣютъ важное въ современной исторіи значеніе, но это благодаря лишь своему древнему и славному *монашеству*, которое владѣетъ четырьмя патріаршими престолами и являетъ и теперь еще образцы великаго аскетизма на святой Аѳонской горѣ и на Синаѣ.

Но съ истиннымъ ужасомъ надо сознаться, что и эти столпы православія поколеблены нѣсколько за послѣднія тридцать лѣтъ совокупными усиліями: болгарской *революціонной интриги*, русской *племенной политики* и *раціонализмомъ собственной эллинской интеллигенціи*.

О вредѣ, который могли причинить восточнымъ церквамъ за это же время естественное злорадство турецкаго правительства и враждебныя дѣйствія иновѣрныхъ державъ— я умалчиваю; ибо силу этого «внѣшняго», такъ сказать, вреда нельзя сравнивать съ тѣмъ зломъ, которое сдѣлали греческому духовенству и православію сами восточные христіане (*европейскаго духа*) *своей племенной борьбою*, начиная отъ 60-го года (когда болгары въ первый разъ прекратили возношеніе имени вселенскаго патріарха въ своихъ церквахъ) и до нашего времени, когда жалкій сербскій король позволяетъ себѣ безбоязненно и нагло обращаться съ уставами церкви!

Это истинно ужасно!

И ужасно оно тѣмъ болѣе, что у насъ, русскихъ, при нашей вялости и при какомъ-то всевыжидающемъ безстрастіи (*именно тамъ, гдѣ страстность была бы спасительна*), нѣтъ умѣнья во-время узнавать въ организмѣ своей церкви и своего государства *тѣ же самыя болѣзни, которыя губятъ*

Западъ! Мы не узнаемъ того же худосочія лишь потому, что у насъ весьма второстепенные припадки его имѣютъ нѣсколько иной внѣшній видъ, чѣмъ на Западѣ.

Мы у себя, на Востокѣ, медленно подтачиваемъ и подмываемъ *то*, что въ западныхъ странахъ ломали ломомъ и взрывали порохомъ люди болѣе насъ убѣжденные, страстные и энергическіе! И ко всему явно или тайно, но примѣшанъ этотъ *племенной* принципъ, въ *чистотѣ* своей губительный для всего того, что даетъ истинную жизнь человѣчеству; губительный для религіи, для государственности и даже для эстетики!.. *не для* эстетики «отраженій» на полотнѣ или въ книгахъ, а для эстетики *самой жизни*, ибо безъ мистики и пластики религіозной, безъ величавой и грозной государственности и безъ знати блестящей и прочно устроенной — какая же будетъ въ жизни поэзія?.. Не поэзія ли всеобщаго *раціональнаго мѣщанскаго счастья?*

Возвращаясь опять къ болѣе и болѣе освобождающейся въ этомъ вѣкѣ ново-греческой національности, необходимо прибавить еще, что и тотъ въ высшей степени важный элементъ, греческое монашество, объ ослабленіи котораго я съ сокрушеніемъ сердца только что говорилъ, держится еще и сильно иногда вліяетъ въ греческой мірской средѣ, преимущественно благодаря тому, *что греки еще не достигли своего полнаго національнаго освобожденія и объединенія.*

Я уже прежде гораздо подробнѣе и нагляднѣе, чѣмъ здѣсь, объяснялъ въ I томѣ моего сборника (въ статьѣ «Русскіе, греки и юго-славяне»), что «интеллигенція» греческая гораздо «раціоналистичнѣе» и суше въ дѣлѣ религіи, чѣмъ наша, и потому тотъ, кто желаетъ знать ближе мои на нее взгляды, можетъ прочесть ту статью...

Здѣсь я упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы сдѣлать одно предположеніе и по индукціи вывесть изъ него естественный выводъ.

Если бы предположить, что греки достигли своего наиполнѣйшаго (возможнаго въ ихъ мечтаніяхъ и невозможнаго, слава Богу, на дѣлѣ) объединенія *даже со столицей*

въ Царьградѣ, то чего бы можно было ожидать по прежнимъ примѣрамъ?..

Конечно глубочайшаго паденія православія — и больше ничего!

Теперь греческая «интеллигенція» еще держится за патріарховъ, за духовенство свое и на монастыри не можетъ посягнуть прямо, минуя турецкую (столь часто, увы, спасительную для христіанства) власть! Эта самодовольная въ мелкомъ европеизмѣ своемъ интеллигенція держится за *церковь въ Турціи* лишь потому, что она до поры до времени ей оплотъ и удобный представитель среди иновѣрныхъ силъ и иноплеменныхъ вліяній...

Я самъ зналъ лично и такихъ людей между образованными и весьма вліятельными греками, *которые пламенно желали въ 72-мъ году церковнаго разрыва не только съ болгарами, но и съ Россіей и употребляли всѣ усилія, чтобы довести до этого безумія свое духовенство.* Духовенство же, хотя и недовольное русскими за ихъ эмансипаціонное болгаробѣсіе, не позволило себѣ такого неканоническаго шага.

Нѣкоторые же изъ мірскихъ грековъ мечтали даже, что, именно оторвавшись отъ славянства, они *создадутъ* новую, свою особую оригинальную *религію!* Какъ это на нихъ похоже! Таковъ, между прочимъ, былъ въ 72-мъ году *г. Марули*, человѣкъ очень образованный и способный, *возсѣдавшій немного позднѣе на боннской конференціи, какъ представитель строго догматическаго православія.*

Въ 72-мъ году, въ городѣ Серресѣ, въ домѣ г. Конто, русскаго «ad honores» вице-консула, онъ сказалъ мнѣ такъ:

— Какая намъ потеря отъ полнаго разрыва съ Россіей? Я увѣренъ, что греческое племя, уже давшее міру прежде двѣ великія религіи — древне-эллинскую и православную,— въ силахъ создать и третью, тоже великую...

На это я ему отвѣтилъ такъ:

— Для того, чтобы создать, какъ вы говорите, новую вѣру, надо самому сильно вѣровать; нужно имѣть глубокіе мистическіе порывы и потребности. А я именно этихъ-то порывовъ и потребностей не вижу вовсе ни въ вашемъ

образованномъ классѣ, ни въ народѣ, хотя и живу съ нимъ здѣсь въ дружескомъ общеніи вотъ ужъ скоро десять лѣтъ. Въ Россіи этихъ чувствъ въ высшемъ классѣ общества гораздо больше, чѣмъ у васъ. Мы начинаемъ пресыщаться раціонализмомъ, а у васъ онъ только что началъ расти. Отдѣлясь отъ Россіи, вы только разрушите свою церковь и повергнете скоро націю вашу въ безбожіе. У насъ и мужики создаютъ секты подъ вліяніемъ мистическихъ стремленій, а у васъ, кромѣ чистаго деиста Кайра, въ этомъ родѣ не было никого.

Умный Марули внимательно поглядѣлъ на меня черезъ золотыя очки свои и задумчиво замолчалъ. Года черезъ два-три (кажется) онъ былъ посланъ въ Боннъ для разсужденій объ «исхожденіи св. Духа» и т. п. предметахъ.

Это одинъ изъ лучшихъ представителей греческой интеллигенціи, большого ума человѣкъ.

«Отрицаніе», *до поры до времени*, до желательнаго окончанія *либерально-національнаго* вопроса, отрицаніе относительно религіи, довольно, впрочемъ, *осторожное*. И больше ничего. Не по-болгарски дерзкое и преступное...

И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничего особенно національнаго, кромѣ политическаго патріотизма; ничего творческаго, ничего поражающаго. Ничего, кромѣ самой обыкновенной европейской демократіи...

Современная, довольно грубоватая французская буржуазность, переведенная на величавый языкъ Іоанна Златоуста и Ѳукидида — и только... Вотъ плоды такъ называемаго національнаго возрожденія грековъ.

V.

Я сказалъ, что Меттернихъ, кажется, одинъ только изъ всѣхъ вліятельныхъ современниковъ перваго греческаго возстанія понималъ истинный характеръ этого движенія. Если при этомъ онъ имѣлъ и другія соображенія, собственно какъ австрійскій министръ, если онъ боялся, что, потря-

сая и ослабляя Турцію, это движеніе грековъ слишкомъ усилитъ (со временемъ) Россію, то такого рода частное политическое соображеніе чисто австрійскаго рода ничуть не умѣньшаетъ силы его общеисторической прозорливости. *Плоды національно-греческаго движенія оказались общедемократическими европейскими плодами.*

Многіе эллинофилы того времени, ожидавшіе отъ «возрождающихся» эллиновъ чего-то особеннаго, были впослѣдствіи глубоко разочарованы.

Байронъ скончался, не видавши той демократической казенщины, которая воцарилась очень скоро у подножія Акрополя, но другіе филлелины 30-хъ годовъ дожили и до нашего времени. Покойный Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ-Виленскій, уже старцемъ встрѣчая въ Западномъ краѣ молодого короля эллиновъ, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ (въ концѣ 60-хъ годовъ), сказалъ ему привѣтственную рѣчь и въ ней, между прочимъ, упомянулъ и о томъ, что онъ въ молодости самъ былъ эллинофиломъ и что «греки обманули ожиданія всѣхъ своихъ прежнихъ друзей».

Разочаровался въ «свободныхъ» грекахъ и государь Николай Павловичъ, который сдѣлалъ такъ много для ихъ эмансипаціи.

Во время трехлѣтней почти борьбы нашей съ Турціей и ея союзниками на Дунаѣ, въ Крыму и за Кавказомъ (53—56) свободные греки, даже и стоявшіе за насъ, жаловались, что государь не хочетъ для Эллады ничего сдѣлать. Греческій публицистъ Реньери, вообще въ то время благопріятный намъ, приводилъ даже слѣдующія слова государя Николая I (слова, сказанныя, кажется, Сеймуру): «*этому демагогическому народу я не дамъ ни пяди земли*».

Документовъ у меня подъ рукою нѣтъ, пишу на память, и если вкралась какая-нибудь неточность, прошу мнѣ ее извинить.

Но какъ бы то ни было, какъ бы ни измѣнилъ своего взгляда на грековъ свободнаго королевства государь Николай I, ко времени Крымской войны, въ 29-мъ году, онъ имъ помогъ освободиться больше, чѣмъ кто-либо другой

на всемъ свѣтѣ. Не Наваринская битва окончила неравную, жестокую и долголѣтнюю борьбу ихъ съ Турціей, но взятіе Дибичемъ Адріанополя. Начнись подобное движеніе не въ 21-мъ году, а десять лѣтъ позднѣе—въ 31-мъ г., едва ли бы Николай Павловичъ сталъ бы ему благопріятствовать. Вѣрнѣе, что онъ постарался бы утушить его вначалѣ.

Государь Николай I былъ истинный и великій «легитимистъ».

Онъ не любилъ, чтобы даже и православные «райя» позволяли себѣ бунтовать противъ султана, онъ *самому лишь себѣ* основательно предоставлялъ законное право побѣждать и подчинять султана, какъ царь царя.

Но и у великихъ людей опредѣленный образъ мыслей слагается не вдругъ, и для нихъ нужны время и опытъ, необходимы сильныя впечатлѣнія жизни.

Вооруженное заступничество его за грековъ благополучно окончилось *прежде* польской революціи во Франціи и польскаго возстанія 30-го года.

Эти послѣднія событія имѣли, видимо, сильное вліяніе на его взгляды и, конечно, опредѣлили дальнѣйшій, въ высшей степени охранительный характеръ его блестящаго царствованія.

Неудачный и легкомысленно либеральный дворянскій бунтъ декабристовъ не могъ еще вновѣ такъ повліять глубоко на его царственный умъ, какъ потрясли и вразумили его позднѣе происшествія 30-хъ годовъ. Съ этихъ годовъ государь сталъ противникомъ всякой эмансипаціи, всякаго *уравненія*, всякаго *смѣшенія* и у себя и у другихъ. Увѣряютъ, будто бы онъ желалъ освободить нашихъ крестьянъ, но не успѣлъ. Въ пользу этого мнѣнія есть много важныхъ указаній. Но я все-таки думаю, что, и не скончайся онъ въ 55-мъ году, все бы онъ не рѣшился этого дѣла начать. У замѣчательныхъ государственныхъ людей есть чутье, есть какой-то эмпирическій инстинктъ, подобный тому, какой бываетъ у хорошихъ врачей-практиковъ. Этотъ инстинктъ, не зная еще соотвѣтственной дѣлу теоріи, уже предчувствуетъ ее и дѣйствуетъ сообразно съ нею. И точно такъ

же, какъ у хорошихъ врачей-практиковъ, — недостаточныя и даже ошибочныя объясненія, по незрѣлой и неясной еще теоріи, ничуть не мѣшаютъ правильнымъ дѣйствіямъ, такъ бываетъ и у государственныхъ людей. Теперь, къ концу XIX вѣка, теорія соціальная должна начать склоняться мало-по-малу опять къ идеалу неравноправности, мистической дисциплины, сильной власти и т. д. Это особенно разительно, если сравнить конецъ XVIII вѣка съ концомъ нашего. Вспомнимъ, какая тогда была *вѣра* во благо эгалитарнаго и демократическаго прогресса! Какія *надежды* на индивидуальный и собирательный *разумъ* человѣчества! Вспомнимъ, какъ въ Парижѣ праздновали праздники въ честь этого «разума». На какія только жертвы и на какіе только ужасы не были готовы тогда самые даровитые и искренніе люди во имя «равенства и свободы»!

И теперь толпы еще стремятся къ наибольшему уравненію и будутъ еще долго стремиться къ нему, проливая даже кровь... Будетъ еще много людей способныхъ и прямыхъ, которые станутъ охотно служить этимъ стихійнымъ инстинктамъ толпы, не говоря уже о людяхъ только честолюбивыхъ и коварныхъ, готовыхъ стать во главѣ всякаго движенія... Все это такъ, но все-таки *чувствуется*, что въ высшихъ умственныхъ сферахъ этой прежней пламенной вѣры во благо демократическаго прогресса уже давно нѣтъ и что розовымъ надеждамъ этой вчерашней старины уже не вернуться болѣе! И во всемогущество и всеблагость «*разума*» человѣческаго кто же изъ насъ въ эти послѣдніе года XIX вѣка вѣритъ такъ безусловно, такъ *богомольно*, какъ вѣрили въ него прежде самые великіе умы? *Никто!*

Можно и въ наше время, положимъ, вѣрить въ еще бо́льшіе успѣхи демократіи и всеобщей ассимиляціи въ одномъ общемъ типѣ «средняго европейца». Можно вѣрить, но *только* въ самые *успѣхи*, а не во *благо* этихъ успѣховъ. Мы вѣримъ и въ неизбѣжность старости и смерти своей, и въ неотвратимость множества другихъ бѣдствій, скорбей и разрушеній. Мы вѣримъ, но не любимъ ихъ.

Что касается до соціальной науки, то разъ она принуждена была допустить, что всякое общество и государство, всякая нація и всякая культура — суть своего рода организмы, — а во всякомъ организмѣ развитіе выражается *дифференцированіемъ* (органическимъ раздѣленіемъ) *въ единствѣ*, то она должна допустить и обратное, то-есть, что близость разложенія выражается *смѣшеніемъ* того, *что прежде было дифференцировано*, а потомъ, при большой *однородности* положеній, правъ и потребностей, *ослабленіемъ единства*, царившаго прежде въ богатой разновидности составныхъ частей.

Распаденіе же на части, какъ результатъ ослабленія единства, есть конецъ всему.

Ибо «состояніе однородности есть состояніе неустойчиваго равновѣсія».

И Наполеонъ I, по свидѣтельству Тьера, находилъ, что на французской почвѣ (даже и его времени) трудно было что-нибудь строить, ибо она «*какъ песокъ*». Онъ мечталъ создать военное дворянство; совѣтовалъ ученымъ образовать крѣпкія *корпораціи* наподобіе монашескихъ и т. д.

Онъ тоже, не зная такихъ теорій, которыя становятся возможными только въ наше время, государственнымъ инстинктомъ своимъ чувствовалъ эту истину общественной статики. *Эгалитарное смѣшеніе сословій и сильное стремленіе къ сплошной и вольной однородности, вмѣсто прежняго деспотическаго единства въ разнообразно и сдержанно антагонистической средѣ — вотъ первый шагъ къ разложенію.*

Будемъ же и мы продолжать служить *этому смѣшенію* и *этой однородности*, если хотимъ погубить скорѣе и Россію и все славянство.

VI.

Въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», въ отдѣлѣ критики, есть чрезвычайно любопытная статья подъ заглавіемъ «*И. С. Аксаковъ въ его письмахъ*». Особенно инте-

ресна объяснительная записка, которую вынужденъ былъ молодой Аксаковъ представить въ отвѣтъ на вопросы III отдѣленія въ 49-мъ году. На этомъ отвѣтѣ нѣкоторыя мѣста подчеркнуты государемъ Николаемъ I Павловичемъ, и противъ нихъ государемъ же сдѣланы собственноручныя замѣтки. Противъ того мѣста, гдѣ Аксаковъ пишетъ о «сердечномъ участіи такъ называемыхъ славянофиловъ къ западнымъ славянамъ и вообще къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ братій», императоръ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку.

«...Подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію славянскихъ племенъ таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ *общемъ соединеніи, котораго ожидаютъ не отъ Божьяго произволенія*».

Авторъ статьи дальше отъ себя указываетъ на то, что государь признавалъ «мнимымъ» утѣсненіе славянъ иноплеменными властями и, допуская славянофильское чувство, не терпѣлъ славянофильской *агитаціи*.

«Государь (говоритъ тутъ же авторъ) даетъ здѣсь доказательство своего политическаго рыцарства, объявляя преступною мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ.

Подъ этими «государствами» слѣдуетъ разумѣть, конечно, прежде всего, Австрію, а потомъ отчасти и Турцію. И я напоминалъ уже о томъ, что Николай Павловичъ признавалъ *за собою* право производить давленіе на султана въ пользу единовѣрцевъ своихъ, право воевать съ нимъ и даже подчинить его себѣ, но за подданными султана права своевольнаго освобожденія не признавалъ.

Одно ли «рыцарство политическое» руководило имъ, когда онъ не допускалъ славянской агитаціи ни въ Австріи, ни въ Турціи, когда онъ вступался противъ венгровъ за австрійскаго императора и за султана противъ Мехмедъ-Али египетскаго?

Едва ли! «рыцарство» это, свойственное ему *лично*, какъ натурѣ сильной, благородной и весьма идеальной, не было

ли формой, въ которой (съ личнымъ именно оттѣнкомъ) выражались его великіе государственные инстинкты?

Я говорю, нарочно — «инстинкты», чтобы яснѣе освятить мою вѣру въ важность *безсознательныхъ* или *полусознательныхъ* началъ при совершеніи замѣчательныхъ дѣлъ.

Въ предыдущей главѣ я говорилъ о врачахъ и объ ихъ эмпирическихъ инстинктахъ, нерѣдко предупреждающихъ и предугадывающихъ въ своей практикѣ будущую теорію. Такія же эмпирическія, полусознательныя чувства мы замѣчаемъ и у великихъ полководцевъ, и у истинно даровитыхъ художниковъ. Надо признать нѣчто подобное и у государственныхъ людей.

Они могутъ сами объяснять свои дѣйствія однимъ способомъ, но исторія можетъ объяснить это иначе и глубже. Сознательное побужденіе великаго человѣка, его собственный взглядъ на предстоящее дѣло — очень важны для его біографіи, для опредѣленія его личности, для общей психологіи, наконецъ. Но для политической исторіи важнѣе результатъ дѣйствія, *вліяніе* политическаго поступка на дальнѣйшій ходъ дѣлъ.

Такъ, напримѣръ, когда императоръ Николай вступился за султана противъ египетскаго вице-короля и послалъ высадку въ Константинополь для помощи *законному государю*, весьма вѣроятно, что онъ самъ имѣлъ въ виду лишь *охраненіе* господствующаго порядка и противодѣйствіе всему тому, что имѣетъ видъ бунта, возстанія и т. д. Но со стороны иные подозрѣваютъ и въ этомъ поступкѣ преднамѣренное, сознательное коварство русской политики; ея прославленную за границей «дальновидность». Во время службы моей въ Турціи у меня была въ рукахъ книга покойнаго австрійскаго интернунція Прокешъ-Остена (заглавія ея не помню). Тонкій австрійскій дипломатъ увѣряетъ, будто Россія вступилась за Турцію потому, что боялась возрожденія ея подъ рукою новой, неизносившейся, болѣе даровитой египетской династіи. Другія же державы, — говоритъ онъ, — потворствовали тогда Мехмеду-Али, желая этого возрожденія. Очеп. можетъ быть, что Прокешъ-Остенъ и правъ, судя

по *результату*. Можетъ быть, что побѣды египтянъ надъ турками и вступленіе Ибрагима-паши (сына и военноначальника вице-королевскаго) въ Царьградъ произвели бы тамъ дворцовый переворотъ: Махмедъ-Али воцарился бы на Босфорѣ, и Турція обновилась бы надолго подъ управленіемъ этого геніальнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, болѣе тѣсное объединеніе Египта съ Турціей обогатило бы и значительно усилило бы послѣднюю. Русская высадка на Босфорѣ пресѣкла всѣ эти возможности. Поэтому я и говорю: быть можетъ австрійскій дипломатъ и правъ въ оцѣнкѣ этого историческаго событія *по роду его вліянія;* но, чтобы судить о томъ, *дѣйствительно ли все это имѣлось въ виду* тогдашнимъ русскимъ правительствомъ, чтобы рѣшить, что *оно вполнѣ сознательно руководилось именно этою цѣлью*, надо было или подслушать просто секретные разговоры государя съ его приближенными, или имѣть въ рукахъ какой-нибудь секретный же русскій мемуаръ или докладъ того времени. Ни я, ни Прокешъ-Остенъ и разговоровъ такихъ не слыхали, и мемуаровъ такихъ не читали. И потому въ области предположеній мы оба одинаково свободны и равноправны.

Онъ, какъ австріецъ и, вдобавокъ, лично извѣстный за человѣка коварнаго, видѣлъ сознательное коварство тамъ, гдѣ я, русскій, вижу нѣчто гораздо большее и несравненно высшее: именно тотъ великій государственный инстинктъ, который, при сознательномъ стремленіи къ цѣли ближайшей и нерѣдко даже низшей, достигаетъ безсознательно цѣлей дальнихъ и глубочайшихъ.

Прямота и твердость царя-охранителя, царя-легитимиста достаточны сами по себѣ для объясненія всего этого событія. Онъ имѣлъ право воевать съ султаномъ; онъ имѣлъ право раздѣлить Турцію съ кѣмъ хотѣлъ. Но онъ не желалъ позволить, чтобы вассалы и подданные (хотя бы и православные) возставали противъ законной власти даже и того, кого онъ называлъ «больнымъ человѣкомъ». Если, защищая больного этого человѣка противъ взбунтовавшагося вассала, онъ еще больше повредилъ ему, то это лишь одно изъ

замѣчательныхъ проявленій того «чутья», того геніальнаго эмпиризма, о которомъ я говорю.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ легальный либерализмъ и его исчадіе — демократическое парламентарство не износилось такъ, какъ износились они теперь. Гражданское равенство, ведущее скоро и къ политическому равенству, не обнаружило тогда еще вполнѣ своего антигосударственнаго характера. Національно-эмансипаціонная политика также не принесла еще въ то время всѣхъ своихъ горькихъ и вовсе неожиданныхъ плодовъ. Сословность у насъ въ Россіи была тогда не только очень крѣпка на дѣлѣ, но и мысли либеральныя и всеравняющія были въ то время достояніемъ очень немногихъ русскихъ людей. Всѣ остальные находили, *что и такъ хорошо*. Сами крестьяне объ освобожденіи вслухъ не позволяли себѣ мечтать. Въ другихъ государствахъ, за исключеніемъ Франціи, также господствовали въ то время болѣе или менѣе аристократическіе и монархическіе порядки. Но государственный инстинктъ императора Николая точно предвкушалъ всѣ ядовитые плоды эмансипаціоннаго прогресса!

Малѣйшее вліяніе либерализма ему основательно претило! Неудивительно, впрочемъ, что эгалитарный либерализмъ *у себя внутри государства* представлялся ему все той же революціей, откуда бы она ни пришла: сверху или снизу; въ какой бы она одеждѣ ни явилась: во фракѣ ли французскомъ или въ аксаковскомъ кафтанѣ!

Гораздо, по-моему, удивительнѣе то, что Николай Павловичъ постигалъ *въ то время*, что эмансипаціонная политика и за *предѣлами своего государства* есть дѣло, хотя бы и выгодное вначалѣ, но по существу крайне опасное и могущее, при малѣйшей неосторожности, обратиться на собственную главу эмансипатора.

Онъ постигалъ полвѣка тому назадъ то, чего и теперь еще многимъ у насъ никакими силами не втолкуешь, несмотря на всю грубую наглядность событій, несмотря на то, что вокругъ насъ все такъ и «трещитъ по швамъ» и въ старой Европѣ, и въ православныхъ странахъ Востока!

Императоръ Николай, по смотрѣнію свыше, былъ призванъ задержать на время то всеобщее разложеніе, которое еще до сихъ поръ никто не знаетъ, чѣмъ и какъ надолго остановить.

И онъ, съ истиннымъ величіемъ *генія-охранителя*, исполнилъ свое суровое и высокое назначеніе!

VII.

Я говорилъ выше, что государь Николай Павловичъ, не доживши до конца XIX вѣка, когда «реакція» начинаетъ мало-по-малу пріобрѣтать себѣ теоретическія оправданія и основы, — чувствовалъ, однако, политическимъ инстинктомъ своимъ не только то, что Западъ на пути къ заразительному и для насъ разложенію, но что и сама Россія наша при немъ именно *достигла той культурно-государственной вершины, послѣ которой оканчивается живое государственное созиданіе и на которой надо пріостановиться по возможности и надолго, не опасаясь даже и нѣкотораго застоя*. И этимъ геніальнымъ инстинктомъ охраненія объясняются всѣ его главныя политическія дѣйствія и сочувствія: отвращеніе отъ либеральной монархіи Людовика Филиппа; защита «коварной», но необходимой еще надолго, быть можетъ, Австріи; венгерская война; заступничество за султана противъ Мехмедъ-Али; расположеніе его къ весьма еще въ то время аристократической и охранительной Англіи; нежеланіе его, чтобы восточные христіане самовольно возставали противъ законнаго и самодержавнаго турецкаго правительства и, наконецъ, то разочарованіе въ освобожденной Элладѣ, которое выразилось въ словахъ его (легендарныхъ или историческихъ, все равно): «Этому демагогическому народу я не дамъ ни пяди земли».

Государь, какъ извѣстно, не благоволилъ и къ славянофиламъ московскимъ, несмотря на то, что видимо самъ имѣлъ съ ними много общаго въ идеалахъ и вѣрованіяхъ. Хомяковъ, Аксаковы, Погодинъ были приверженцами самодержа-

вія и врагами обыкновенной демократической конституціи; единственную конституцію, которую они на своемъ мѣстѣ чтили, была тогдашняя англійская, ибо въ Англіи она выросла вмѣстѣ съ нацей постепенно и естественно, — точно такъ же, какъ въ Россіи утвердилось самодержавіе.

Государь самъ былъ такой идеальный самодержецъ, какихъ исторія давно не производила. Великобританію и ея порядки онъ тоже, какъ и славянофилы, по всѣмъ признакамъ, уважалъ.

Николай Павловичъ, какъ разсказываютъ люди знающіе, молился даже иногда по ночамъ. Славянофилы всѣ были люди болѣе или менѣе вѣрующіе. Кирѣевскій былъ даже монахолюбецъ и другъ знаменитыхъ оптинскихъ старцевъ— Моисея и Макарія (сконч. въ 60-хъ годахъ).

Православныя убѣжденія Хомякова извѣстны и, если въ богословскихъ сочиненіяхъ своихъ онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя тонкія уклоненія отъ общепринятыхъ духовенствомъ взглядовъ, то въ жизни онъ былъ просто послушнымъ и искреннимъ сыномъ церкви. Въ семьѣ Аксаковыхъ соблюдались обряды и обычаи православія.

Славянофилы были всѣ пламенными патріотами; они находили только недостаточнымъ въ русскомъ человѣкѣ тотъ родъ патріотизма, который они звали «государственнымъ», и требовали и отъ себя, и отъ другихъ большаго патріотизма, «*культурнаго, бытового*».

Проблески тѣхъ же самыхъ вкусовъ можно было замѣтить у государя. При немъ впервые послѣ Петра архитектура церквей нашихъ стала снова стремиться къ столь естественному въ Россіи византійскому стилю. Даже относительно русской одежды можно подмѣтить одну интересную черту совпаденія: въ кругу Аксаковыхъ *мужчины* носили русскую одежду, а женщины сохраняли европейскую; при Дворѣ Николая I для *женщинъ* была введена парадная русская одежда, а мужчины являлись въ мундирахъ европейскаго стиля.

Что-то какъ бы неполное съ обѣихъ сторонъ; что-то

какъ бы стихійно стремившееся дополнить другъ друга въ исторіи и жизни.

Въ чемъ же была глубокая разница? Гдѣ была та бездна, которая раздѣляла московскую мысль отъ петербургской власти? Въ чемъ же главномъ проявлялась наклонность московскихъ патріотовъ къ нѣкотораго рода оппозиціи, и почему именно такъ подозрительно взирали на нихъ при Дворѣ?

Существенная и простая разгадка этой розни въ томъ, что славянофилы были *всѣ либералами*, а государь *этого не любилъ*. Сами себя они никогда либералами на европейскій ладъ признать не хотѣли и противъ этого рода европеизма даже постоянно писали (когда позднѣе имъ писать стало возможнымъ).

Но быть противъ конституціи, противъ всеобщей подачи голосовъ, противъ демократическаго индивидуализма, стремящагося къ власти, и быть въ то же время за *безсословность*, за политическое смѣшеніе *высшихъ классовъ съ низшими* — значитъ отличаться отъ новѣйшей Европы не главными и существенными чертами соціальнаго идеала, а только *степенью* ихъ *выразительности*. При мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ для демократическихъ силъ, равноправность гражданская переходитъ въ равенство политическое, и свобода *личная* присвоиваетъ себѣ скоро власть конституціонную.

Если у насъ *теперь* въ Россіи сравнительная съ прежнимъ личная свобода милліоновъ крестьянъ не привела еще ко всѣхъ жестокимъ результатамъ своимъ, то это благодаря тому, что они находятся въ нѣкотораго рода *новой крѣпостной зависимости отъ неотчуждаемой земли и общины*.

Но и это, и все подобное этому стало ясно *теперь*, послѣ опытовъ самой русской жизни и благодаря обще-мірскому движенію умовъ, почуявшихъ къ концу XIX вѣка, что идеалами XVIII дольше жить невозможно. Что простой и безусловный *эвдемоническій* (всеблагоденственный) либерализмъ отживаетъ свой вѣкъ, видно ужъ изъ того, между прочимъ, что дѣтище его — *соціализмъ* — все больше и боль-

ше, и въ теоріи, и на практикѣ, раскрываетъ свой деспотическій характеръ. Либералъ Спенсеръ въ наши дни печатаетъ противъ соціализма свою книгу «*Грядущее рабство*». Онъ предсказываетъ, что соціализмъ можетъ быть осуществимъ только въ видѣ *рабскаго* подчиненія общинамъ и государству.

Да, говорю я, все это становится яснѣе теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ объявленія «правъ человѣка», но въ 40-хъ годахъ все это было еще очень темно и неопредѣленно. И наши славянофилы высказались полнѣе и яснѣе (насколько имъ это было дано по роду ихъ талантовъ) въ послѣднія 20—30 лѣтъ.

Въ то время, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, они печатали мало, они могли только говорить и проповѣдывать, и то съ осторожностью. Государь Николай Павловичъ *чувствовалъ*, что подъ *боярскимъ русскимъ кафтаномъ* московскихъ мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демагогіи.

«Кроется» — не въ томъ смыслѣ, что они, эти славянофилы, *преднамѣренно и лукаво* сами скрываютъ ее. Вовсе нѣтъ! Но въ томъ смыслѣ, что *они не сознаютъ на себѣ присутствія этой западной блузы.*

Благородные патріоты эти *не замѣчали* вредныхъ сторонъ своего ученія; они не могли еще отличить этихъ вредныхъ сторонъ его отъ тѣхъ истинно спасительныхъ указаній на прошедшее и на будущее наше, которое они намъ въ другихъ отношеніяхъ давали.

Они не догадывались, что прекрасный, оригинальный патріотическій *кафтанъ*, непрочно (т.-е. *слишкомъ эмансипаціонно*) сшитый, спадетъ со временемъ неожиданно съ плечъ Россіи и обнаружитъ печальную истину во всей ея наготѣ: «*И мы такая же демократическая и пошлая Европа, какъ и самая послѣдняя Бельгія*».

Государь Николай видѣлъ по нѣкоторымъ, едва, быть можетъ, замѣтнымъ тогда признакамъ, что въ старомъ славянофильствѣ есть одна сторона, весьма, по его мнѣнію, и европейская, и опасная: *это наклонность къ равноправности*, и поэтому не давалъ ему хода.

Государь былъ прозорливъ и правъ.

Дай, Боже, намъ надѣть наконецъ-то какой-нибудь свой красивый, удобный и даже пышный кафтанъ, но надо, чтобъ онъ былъ прежде всего прочно (т.-е. *не равноправно и не либерально*) сшитъ!..

VIII.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ петербургская власть и московская мысль дополняли, какъ я сказалъ, другъ друга въ новѣйшей нашей исторіи. Онѣ были тезисъ и антитезисъ нашей культурной жизни, оба неполные въ идеалѣ своемъ и оба полезные, — они и теперь ждутъ еще своего синтеза, который, по прекрасному пророчеству Тютчева, возможенъ «не въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а въ *Кіевѣ* и *Царьградѣ*» *).

Конечно, борьба въ то время была слишкомъ неравна, не только по силамъ вещественнымъ, но и по степени идейной выразительности.

Петербургская власть тѣхъ годовъ, возросшая на непрерывныхъ петровскихъ преданіяхъ, уже выразила въ жизни вполнѣ свой государственный идеалъ,—до того вполнѣ, что всякій дальнѣйшій шагъ, всякое дальнѣйшее движеніе неизбѣжно должно было, хоть до нѣкоторой степени, разрушать вѣками сложившійся сословный строй государства. Напримѣръ, у Екатерины II было еще, что дать дворянству, что прибавить ему; она утвердила его вольности, дала ему большую противъ прежняго независимость отъ государства, отъ службы и т. д. Увеличивать власть его надъ крестьянствомъ было бы безсмысленно и жестоко; ибо эта власть и безъ того была очень велика. Послѣ Екатерины надо было или пріостановить насколько возможно теченіе всеизмѣняющей жизни, или приступить къ дѣйствіямъ, про-

*) Это пророчество Тютчева относится собственно къ примиренію Польши съ Россіей; но я имъ воспользовался здѣсь въ другомъ, болѣе общемъ смыслѣ.

тивоположнымъ всему тому, что дѣлалось по сословному вопросу со временъ Петра и до начала XIX вѣка. Государь Александръ Павловичъ склонялся, какъ извѣстно, къ послѣднему направленію; но борьба съ Наполеономъ, въ которой протекла почти вся его жизнь, не дала ему возможности увлечься либерализмомъ. Николай Павловичъ поэтому засталъ Россію *именно въ томъ законченномъ* и *высшемъ сословно-монархическомъ строѣ*, въ которомъ она сохранилась безъ существенныхъ перемѣнъ со временъ Екатерины.

Екатерина могла еще *созидать;* ибо созиданіе и утвержденіе государствъ есть всегда *разслоеніе* («дифференцированіе», какъ говоритъ Спенсеръ); разслоеніе же это, это «дифференцированіе», т.-е. усиленіе разницы или разнообразія въ положеніяхъ, само-собою подразумѣваетъ неравноправность лицъ, классовъ, областей, вѣроисповѣданій, половъ и т. д. Николаю Павловичу послѣ нея оставалось только одно изъ двухъ: или приступить къ уничтоженію этого разслоенія, къ *смѣшенію того, что было рѣзко дифференцировано* (раздѣлено) вѣковымъ историческимъ процессомъ, или удержать все по возможности in statu quo, предохранить все полученное имъ въ наслѣдство отъ этого смѣсительнаго всерасторженія. Онъ предпочелъ послѣднее. Охраненіе существующаго, даже и со всѣми неотвратимыми недостатками его — было его идеей, и эта идея выражена была тогдашнимъ петербургскимъ правительствомъ и во внутреннихъ дѣлахъ, и во внѣшнихъ съ необычайной силой и послѣдовательностью.

Славянофильское ученье, напротивъ того, обнаружило истинное значеніе свое гораздо позднѣе. Оно только теперь, въ 80-хъ годахъ начинаетъ распространяться и дѣйствовать не однѣми только либеральными, эмансипаціонными, протестующими и отрицательными сторонами своими, но и положительными, религіозными, культурными, эстетическими. Отъ 60-хъ годовъ и до нашего времени, отъ аксаковскаго и самаринскаго славянофильства, въ жизнь, во вкусы общественные, въ политику внѣшнюю и внутреннюю перехо-

дило почти исключительно лишь то, что въ немъ было общаго съ новѣйшимъ европействомъ, то-есть идеи безсословности и смѣшенія; вѣрованія въ то, что равенство гражданское не повлечетъ за собою политическаго народовластія; надежды на то, что дорогое ему (славянофильству) самодержавіе можетъ очень долго простоять безъ тѣхъ боковыхъ опоръ, которыя даютъ ему *градативное и постоянное, организованное надавливаніе высшихъ классовъ на низшіе* (такъ вѣдь думаютъ и во Франціи поборники демократическаго кесаризма); во внѣшней политикѣ — слѣпая вѣра въ славянъ и племенной націонализмъ, даже и въ ущербъ православію, какъ было въ греко-болгарской распрѣ.

Однимъ словомъ, *въ жизнь* отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ изъ славянофильства переходило все то, что было въ этомъ ученіи *русскимъ* только *по языку*, а по духу и плодамъ своимъ отъ эгалитарно-либеральнаго западничества мало отличалось.

Одна только вѣтвь этого ученія пустила въ дѣйствительности за истекшее тридцатилѣтіе живые (и, Богъ дастъ, прочные!) ростки. Это мысль о надѣленіи крестьянъ землею и особенно о сохраненіи у нихъ поземельной общины. Но вѣдь эта прекрасная идея и это спасительное учрежденіе — *не либеральны!* Онѣ именно носятъ на себѣ тотъ характеръ промышленія о народѣ, котораго требуетъ отъ высшихъ властей истинное христіанство: *не либерально гуманный, принудительно любящій, деспотически заботливый, разуму личному и собирательному рабочей толпы недовѣряющій характеръ.*

Честь и слава вѣчная славянофиламъ за эту ихъ глубокомысленную и православную измѣну либерализму! Православіе жаждетъ личной гуманности, но на общественную свободу оно взираетъ въ высшей степени недовѣрчиво еще со временъ апостольскихъ. «Учрежденія пусть будутъ суровы; человѣкъ долженъ быть *добръ*» — вотъ христіанство!

Объ общинѣ славянофилы думали издавна. Что же касается до петербургскаго правительства, то оно до самой

эмансипаціи не имѣло и причины заниматься ею, и обращать на нее особенное вниманіе, ибо эта община, по выраженію И. С. Аксакова, «находилась тогда подъ предохранительнымъ колпакомъ помѣщичьей власти». Когда пришло время, — славянофиловъ послушались или только совпали съ ними, — я не знаю — но взгляды ихъ, къ счастью, восторжествовали въ этомъ отношеніи.

Духъ славянофильскаго ученія и духъ петербургской власти 40-хъ годовъ, повторяю, дополняли другъ друга во многомъ.

Вообще можно сказать, что когда дѣло касалось Церкви, то правѣе были и остаются до сихъ поръ славянофилы, — они желали Церкви болѣе сильной и болѣе свободной, чѣмъ Церковь, реформированная Петромъ. Это правильное стремленіе свое къ Церкви сильной и независимой они портили только *племенными* пристрастіями. Ибо вмѣсто того, чтобы издали и заблаговременно подготовлять обновленіе Церкви посредствомъ какого-нибудь соборно-патріаршаго сосредоточенія ея власти въ недалекомъ уже будущемъ на Босфорѣ, они воевали противъ греческаго духовенства, заступаясь безъ всякой дѣйствительной крайности за болгарскихъ раціоналистовъ-раскольниковъ.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія надо опять-таки указать на то, что и въ годы наисильнѣйшаго своего либерализма (въ 70-хъ годахъ) правительство наше исправило нѣсколько своимъ охранительнымъ инстинктомъ славянофильскую, въ этомъ дѣлѣ, немощь. Оно сумѣло остановить потокъ опасныхъ племенныхъ сочувствій на краю пропасти и *пока* обошло ее въ главномъ пунктѣ благополучно. *Возможность централизующаго на Босфорѣ синтеза еще не совсѣмъ потеряна.* (Надо бы только теперь уже и спѣшить!)

Это касательно Церкви.

Что же касается сословности, дворянства и т. д., то теперь стало яснымъ, что прежнія идеи петербургской власти были правильнѣе идей славянофильскихъ. Какъ бы ни разсматривали мы эти сословныя идеи «николаевскаго» періода, съ самой ли простой и будничной практической точки

зрѣнія (т.-е. полицейской), или съ высшей государственной, или съ еще высшей, — съ культурной, со всѣхъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія петербургская власть окажется исторически гораздо правѣе московской мысли тѣхъ временъ. Для того, чтобы понять, что власть эта оправдана съ первой (низшей, но зато *настоятельной*, какъ хлѣбъ насущный) точки зрѣнія, достаточно вспомнить о тѣхъ корреспонденціяхъ, которыя мы читаемъ теперь изъ всѣхъ провинцій, и еще лучше *пожить самому* въ русской деревнѣ (какъ пожилъ и я семь лѣтъ, отъ 74-го до 81-го года, и какъ живу въ ней теперь).

Для того же, чтобы оцѣнить правоту николаевскаго правительства съ точки зрѣнія болѣе глубокой, — государственной, — лучше всего перечесть ту краткую и превосходную по ясности и силѣ статью г-на Пазухина: «*Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ*», которой основныя мысли совпадаютъ такъ хорошо съ законодательными новѣйшими начинаніями. И по этой книгѣ г-на Пазухина, и по теченію современной исторіи, и по урокамъ самой жизни оказывается, что Петръ Великій, во-первыхъ, не изломалъ вдругъ весь строй русской жизни (*съ этой, сословной* стороны), а развилъ только то, что было уже приготовлено его предшественниками, царями старо-московскаго духа, славянофилами столь любимаго. А во-вторыхъ, что мы теперь, испытавши на дѣлѣ (даже и далеко не вполнѣ) то безсословное смѣшеніе, которому славянофилы сочувствовали за одно съ либеральными западниками, *принуждены* возвращаться къ возстановленію дворянства; принуждены искать новыя формы для доставленія ему снова спасительнаго преобладанія въ народной средѣ. Мы вспомнили даже о тѣхъ *неотчуждаемыхъ дворянскихъ земляхъ*, которыя такъ желалъ закрѣпить все тотъ же Петръ! (Вѣдь все это, слава Богу, нелиберально.)

Успѣетъ ли нынѣшнее правительство въ своихъ здравыхъ и практическихъ начинаніяхъ, или нѣтъ; сумѣетъ ли современное дворянство русское стать на истинной высотѣ своего будущаго призванія; свыкнется ли русскій мужикъ съ новой *государственной зависимостью* отъ дворянъ, какъ

свыкся онъ прежде съ *лично-хозяйственнымъ подчиненіемъ* своимъ, — все это, конечно, навѣрное рѣшитъ только грядущее. Но тотъ, кто хочетъ вѣрить, что православно-монархическая Россія простоитъ не распадаясь лѣтъ хоть 200 еще, тотъ долженъ надѣяться и на какое бы то ни было новое сословно-корпоративное разслоеніе и разграниченіе общественныхъ элементовъ нашихъ.

Иначе нарушенное соціальное равновѣсіе нѣсколько раньше, нѣсколько позднѣе, но дастъ себя знать самыми жестокими и плачевными результатами — «ягодами» нынѣшнихъ «цвѣтовъ»!

«Сѣверный исполинъ» заболѣлъ либеральной горячкой; онъ заразился «бактеріями» западной демократіи. Припадки неясны, непостоянны, запутаны, перемѣнчивы. Это какая-то febris versatilis, какъ выражалась старинная медицина.

Организмъ его еще очень силенъ. Врачи у него нашлись твердые, спокойные, опытные, сами, видимо, безъ дальнихъ мечтаній, но *къ ободряющимъ* мечтамъ у другихъ достаточно благосклонные. Они успѣли уже пробудить въ больномъ гигантѣ первые признаки крутой и сильной реакціи...

Ни торопливости въ ихъ борьбѣ незамѣтно, ни излишнихъ восторговъ, всегда влекущихъ за собою скорое пресыщеніе.

Будемъ надѣяться!

Будемъ *тѣмъ еще болѣе* надѣяться на успѣхъ, что окружающій воздухъ наэлектризованъ уже «грозой военной непогоды», и есть слишкомъ много шансовъ на то, что пробужденная реакція совпадетъ, быть можетъ, скоро съ перенесеніемъ всѣхъ силъ великаго паціента *на другіе, болѣе теплые, здоровые и прекрасные берега!*

IX.

Итакъ, мы видимъ, что при императорѣ Николаѣ I правительство русское славянской эмансипаціи и славянскому объединенію не потворствовало. У себя строго монархиче-

ское и дворянское, оно не желало расшатывать этимъ потворствомъ и охранительную чисто государственную, ничуть не племенную Австрію. Что касается до дѣйствій нашей дипломатіи въ тогдашней Турціи, то и безъ изученія архивовъ того времени можно утверждать вообще, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ политика наша на Востокѣ *имѣла гораздо болѣе вѣроисповѣдный характеръ, чѣмъ племенной.*

Разумѣется, что и при Николаѣ Павловичѣ наши посланники и консулы заступались за всѣхъ христіанъ безъ различія племени, когда было возможно, за славянъ, румынъ и грековъ одинаково. Но *главнымъ орудіемъ нашихъ дѣйствій въ то время были или сами турки, или православное греческое духовенство, преобладавшее тогда надъ всѣмъ восточно-христианскимъ міромъ.* Турки въ то время боялись русскаго правительства; христіане, подавленные турецкою властью, повиновались русскимъ дипломатамъ и консуламъ. Дружа съ «больнымъ человѣкомъ», не позволяя никому, ни грекамъ, ни славянамъ, ни египетскому пашѣ противъ него бунтовать и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно давая ему чувствовать свою силу, — опираясь, съ другой стороны, въ случаяхъ прямыхъ дѣйствій, на христіанъ, на тысячелѣтній авторитетъ греческихъ патріарховъ и епископовъ, русская дипломатія того времени могла дѣлать много частнаго добра православнымъ подданнымъ султана — и дѣлала его. Въ Салоникахъ, напримѣръ, существуетъ такое преданіе.

Своими побѣдами въ 29-мъ году и Адріанопольскимъ миромъ Россія много облегчила участь христіанъ во всей Турецкой имперіи, но сразу и она не могла достичь всего того, чего желала и требовала. А требовала она тогда для единовѣрцевъ своихъ лишь нѣкоторой, приблизительной обезпеченности жизни и имущества и вообще обыкновенныхъ гражданскихъ правъ.

Во многихъ мѣстахъ самоуправство пашей и послѣ подвиговъ Дибича было еще жестоко, и подавленный фанатизмъ мусульманъ давалъ себя тамъ и сямъ сильно чувствовать.

Въ Салоникахъ паша въ 30-хъ годахъ, въ угоду мусульманской черни, имѣлъ обыкновеніе каждую пятницу вѣшать публично по нѣскольку христіанъ. Весьма возможно и даже вѣроятно, что ихъ не хватали зря на улицахъ и не брали безъ причины въ домахъ; они, конечно, были заключены въ тюрьму и судимы за какія-нибудь провинности и небольшія преступленія, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающія смертной казни. Въ Салоникахъ въ то время былъ консуломъ грекъ, русскій подданный, Мустоксиди. Узнавши объ этихъ ужасахъ, г. Мустоксиди поѣхалъ къ пашѣ и сказалъ ему: «Удивляюсь я, какъ теперь, когда у императора нашего миръ и дружба съ султаномъ, вы рѣшаетесь вѣшать каждую пятницу единовѣрцевъ нашихъ какъ собакъ! Я буду вынужденъ написать объ этомъ посланнику». Этихъ простыхъ словъ консула было достаточно. Жестокій обычай немедленно былъ оставленъ и никогда не возобновлялся болѣе.

Еще примѣръ... Когда во время сирійскихъ волненій 41-го года, друзы подступили къ христіанскомбу городу Захле (въ Ливанѣ),—христіане обратились съ просьбою о помощи къ русскому консулу Базили, который былъ въ то время въ Дамаскѣ для переговоровъ съ пашою о защитѣ христіанъ. Базили былъ человѣкъ энергическій. Съ небольшой конной стражей онъ внезапно явился въ лагерь друзовъ, готовыхъ напасть на Захле и предать въ немъ все мечу и огню. Вождь друзовъ, Шибли-Аріанъ, тотчасъ же заключилъ съ жителями Захле перемиріе и отступилъ. По настоянію того же Базили бытъ пашею немедленно назначенъ особый отрядъ для защиты этого города.

Консулы наши въ то время имѣли огромное вліяніе. Христіанъ въ частныхъ случаяхъ, подобныхъ этому, они могли съ успѣхомъ защищать; но все это дѣлалось во имя *единовѣрчества, человѣколюбія и нашей силы*, а не во имя *принципіальной свободы ихъ*. Греческая демагогія и сербскія либерально-чиновничьи инзуррекціи не могли быть по вкусу нашему строгому правительству, и оно вовсе не спѣшило эмансипировать христіанъ политически, не находило удоб-

нымъ создавать изъ нихъ новыя независимыя государства или усиливать ихъ и увеличивать уже существующія территоріальными приращеніями.

Самая война 53-го года возгорѣлась *не изъ-за политической свободы* единоплеменниковъ нашихъ, а изъ-за требованій *преобладанія самой Россіи въ предѣлахъ Турціи.*

Наше покровительство гораздо болѣе, чѣмъ *ихъ* свобода, — вотъ, что имѣлось въ виду!

Самъ государь считалъ себя въ правѣ подчинить себѣ султана, какъ монарха монарху,—а потомъ уже, по своему усмотрѣнію (по усмотрѣнію *Россіи, какъ великой православной державы*), сдѣлать для единовѣрцевъ *то, что заблагоразсудится намъ, а не то, что они пожелаютъ для себя сами.* Вотъ разница — весьма, кажется, важная.

Наши права, права *государя;* права *Россіи* имѣлись тогда въ виду гораздо болѣе, *чѣмъ права самихъ крещеныхъ подданныхъ султана.* Политика того времени имѣла характеръ болѣе *религіозный и государственный*, чѣмъ *эмансипаціонный и племенной.* Это была политика *православнаго руссизма*, такъ сказать, политика, справедливо недовѣрчивая ко всѣмъ *чисто племеннымъ* движеніямъ.

Война 53-го года была конечнымъ результатомъ этой прекрасной по духу и прямой политики.

Она была несчастлива — это правда — *какъ война;* но она была уже тѣмъ хороша, что въ глубокихъ основаніяхъ имѣла характеръ болѣе *государственный*, чѣмъ *племенной и освободительный.*

Служа самъ въ Турціи, я не разъ слыхалъ и отъ христіанъ, и отъ турокъ, что не вмѣшайся тогда въ споръ Европа и побѣди Россія Турцію, то и святыя мѣста стали бы почти въ прямую отъ насъ зависимость и всѣ православные подданные султана оказались бы настолько же подъ нашимъ покровительствомъ и подъ нашею властью, насколько находились католики Турціи подъ фактическою властью и покровительствомъ Франціи.

Но (прибавляли мои восточные собесѣдники) *католиковъ мало въ Турціи*, и потому, по исключенію для нихъ, и можно

было допустить значительныя привилегіи. Православныхъ же очень много и въ европейской Турціи, они—*большинство*.

Россія при такихъ условіяхъ, при такомъ договорѣ, и не присоединяя значительныхъ земель, господствовала бы въ Турецкой имперіи почти такъ же, какъ Англія въ Индостанѣ. Султанъ сталъ бы скоро великимъ Моголомъ. Христіане были бы тогда и малымъ надолго довольны... Для нихъ въ то время достаточно было бы и того, чтобы ихъ не убивали безъ суда и безнаказанно, чтобы не били и не грабили ихъ зря.

Вотъ что говорили мнѣ уроженцы Турціи.

Чѣмъ же это было бы дурно *для насъ?*

Подобныя мысли, конечно, руководили политикой нашей и тогда, когда мы въ 33-мъ году, послѣ усмиренія египетскаго возстанія, заключали съ султаномъ союзъ и тайный договоръ о закрытіи Дарданеллъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй, оставляя Босфоръ открытымъ, и тогда, когда, въ 53-мъ году, мы предъявляли тѣ требованія наши, которыя повели къ войнѣ.

Мы потерпѣли неудачу. Неудача эта не была послѣдствіемъ политики, ложной *по существу своему*. Она была, положимъ, не особенно *въ духѣ вѣка*. Но въ XIX вѣкѣ, за немногими исключеніями, все то именно и хорошо, что *не въ его спеціальномъ духѣ;* то, что сохранилось и сложилось *вопреки* его главному (*всеравняющему*) направленію. Спеціальную эту идею XIX вѣка можно и должно иногда *эксплуатировать* въ пользу идеаловъ высшихъ, можно ей уступать *по нуждѣ*, но служить ей *искренно и преднамѣренно*, избави насъ, Боже — отнынѣ и впредь! Довольно съ насъ!

Неудача нашей дунайской и крымской войны была скорѣе всего результатомъ того, что мы невѣрно разочли тогда *вещественныя* силы наши, преувеличили ихъ себѣ.

Къ тому же я опять, при подобномъ обсужденіи, предпочитаю отступить подальше отъ подробностей и взглянуть и на эти событія съ точки зрѣнія моей общей гипотезы *таинственно движущихъ исторію силъ*.

Важны тутъ не стратегическія ошибки русскихъ генераловъ, не ошибочные расчеты *видимыхъ* силъ,—важна сила *невидимая; важно то, что либерализму и эгалитарности суждено еще было снова пройти и по Западной Европѣ, и по восточнымъ ея странамъ.*

X.

Либерализму *суждено* было еще разъ пройти по свѣту вихремъ... На этотъ разъ—по Турціи и по самой Россіи...

Здѣсь, на востокѣ Европы, уже въ 50-хъ годахъ случилось то же самое, что позднѣе и съ несравненно большей (къ нашему счастью!) выразительностью, происходило во всей Западной Европѣ. *Не узнана была никѣмъ всемірная демократическая революція.*

Два восточныхъ самодержавныхъ государства,—православное и мусульманское, оба къ тому же весьма не эгалитарныя и не либеральныя по принципамъ и по строю своему; оба дотолѣ каждое по-своему весьма охранительныя,—были одновременно, хотя и не въ равной мѣрѣ, побѣждены и унижены.

Турція была уже тѣмъ унижена, что слабость ея была признана всѣмъ Западомъ, который соединился для ея спасенія противъ насъ. Одну, безъ посторонней помощи, ее уже не считали способною устоять.

Россія, послѣ геройской обороны Крыма, должна была тоже сдѣлать уступки и подписать Парижскій трактатъ. Обѣ эти охранительныя державы, обѣ, можно сказать, по-своему церковныя,—Россія, дотолѣ *столь давно и крѣпко-сословная*, и Турція, въ *нѣдрахъ своихъ столь неравенственная* (по преобладанію мусульманъ надъ христіанами), обѣ были разомъ развѣнчаны; обѣ болѣе или менѣе усумнились въ пригодности своихъ прежнихъ порядковъ и приступили, такъ или иначе, вольно или принудительно у себя дома къ эмансипаціоннымъ реформамъ ново-европейскаго стиля.

Либерализмъ и тутъ восторжествовалъ надъ охраненіемъ силой европейскаго оружія.

Англія, въ то время еще *довольно аристократическая*, еще не разстроенная такъ, какъ теперь, уравнительными реформами Гладстона и его единомышленниковъ; *императорская* Франція и *самодержавная еще тогда, и католическая* Австрія соединились *какъ будто бы* только для того, чтобы обуздать на Востокѣ *тоже самодержавную* и *дворянскую Россію* и спасти Турцію, *столь нелиберальную* и *неравенственную въ принципахъ своихъ. Но вся эта западная коалиція, ведомая охранительными силами противъ охранительныхъ же силъ Россіи, привела только къ тому, что обѣ восточныя державы, каждая по-своему, демократизовались.*

Я сказалъ: «*какъ будто бы только для того*, чтобъ обуздать». Этимъ я вовсе не хотѣлъ сказать, что Наполеонъ III, лордъ Пальмерстонъ и австріійскіе государственные люди всѣ *притворялись*, что они «будто бы» только хотятъ ослабить Россію и оградить Турцію, а *въ самомъ дѣлѣ* они всѣ желаютъ *лишь либеральныхъ реформъ* въ обѣихъ восточныхъ имперіяхъ.

Разумѣется, я, выражаясь такъ: «будто бы», выраженіе это относилъ въ этомъ случаѣ *не къ личному или дипломатическому притворству* руководителей западной коалиціи, а, напротивъ того, *къ той поистинѣ странной ошибкѣ, которой въ подобныхъ случаяхъ страдаютъ нѣсколько болѣе, нѣсколько менѣе всѣ, даже самые великіе дѣятели XIX вѣка.* Всѣ они съ этой стороны являются лишь слѣпыми орудіями той *таинственной воли*, которая шагъ за шагомъ ищетъ демократизировать, уравнять, смѣшать соціальные элементы сперва всей романо-германской Европы, а потомъ, быть можетъ (кто знаетъ!), и всего человѣчества. Этотъ уравнительный, ассимиляціонный процессъ будетъ неудержимо продолжаться *до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ, какъ и все въ природѣ, своей точки насыщенія.* Когда человѣчество достигнетъ до этой точки, когда дальнѣйшее уравненіе окажется уже *нестерпимымъ*, то гдѣ-нибудь, въ какомъ-

нибудь уголкѣ земного шара люди опомнятся прежде другихъ и найдутъ средства опять разслоиться и разбиться на группы въ новыхъ частныхъ формахъ, но повинуясь древнимъ, исконнымъ, *непобѣдимымъ законамъ соціальной жизни.*

XI.

Коалиція западныхъ монархическихъ, католическихъ и аристократическихъ силъ побѣдила въ 56-мъ году самодержавную, православную и дворянскую Россію; она ее стѣснила въ пользу мусульманской, тоже самодержавной и къ христіанамъ нелиберальной Турціи. Кажется, что бы за бѣда *для общихъ дѣлъ охраненія?* Гдѣ же тутъ торжество либерализма и демократіи?

Нѣтъ! моя таинственная сила разрушенія свое дѣло знаетъ! Она дѣйствуетъ то прямо, то изворотами; она мѣняетъ образъ свой; она ведетъ дѣло свое издалека! И какими же жалкими игрушками оказываются подъ ея глубокомысленнымъ руководствомъ всѣ эти Кавуры, Наполеоны, Бисмарки!.. Всѣ они покорные и слѣпые слуги всемірной революціи — и только!

Россію побѣдили. Она заключила Парижскій миръ. Но на совѣщаніяхъ этого парижскаго съѣзда было сообща рѣшено: облегчить участь христіанскихъ подданныхъ султана, *усилить ихъ гражданскія права*, то-есть *сравнять ихъ болѣе прежняго съ мусульманами Турціи.*

Эту уступку державы все-таки сдѣлали православной Россіи. Она была побѣждена, положимъ; но, во-1-хъ, всѣ державы понимали, что она еще не истощена и можетъ снова бороться; а, во-2хъ, моя таинственная «сила» подучила французскихъ политиковъ *поддержать въ этихъ требованіяхъ Россіи.*

Представители демократической Франціи, потомки людей, провозгласившихъ такъ громко въ 89-мъ году «права человѣка», не хотѣли итти слишкомъ рѣзко противъ человѣколюбивыхъ требованій Россіи и вдобавокъ находили

въ то время *для Франціи выгоднымъ*, обуздавши Россію, *осадить и Англію*, которая гораздо грубѣе и прямѣе Франціи хотѣла поддерживать Турцію.

Для Турціи же равноправность христіанъ, даже и такая неполная, какую имъ далъ тогдашній Гатти-Гумайюнъ, была гибелью.

Въ 56-мъ году этими уступками были органически неизбѣжно подготовлены событія 76-го и 78-го года.—Изъ Парижскаго трактата истекъ трактатъ Берлинскій. Послѣдній же, хотя и вторично, *пытался* ограничить Россію, но въ сущности отодвинулъ назадъ ее мало, а только раздражилъ русскихъ надолго.

Турцію же онъ *окончательно вычеркнулъ изъ ряда сильныхъ державъ*, съ которыми надо считаться одинъ на одинъ.

Гражданское возвышеніе христіанъ въ 56-мъ году привело Турцію къ ряду политическихъ возстаній, къ безсилію, къ войнѣ 77-го года и расчлененію...

Сходитъ со сцены еще одно изъ тѣхъ великихъ и неравенственныхъ государствъ, которыя крѣпко сложились въ монархической и аристократической Европѣ временъ возрожденія (т.-е. въ вѣкахъ XV и XVI).

Исчезаетъ изъ исторіи еще одно старое, *знакомое* зло или, вѣрнѣе, полу-зло, полу-благо,—ибо этотъ враждебный христіанству турецкій міръ, построенный самъ на весьма идеальномъ началѣ, былъ все-таки значительнымъ препятствіемъ къ распространенію зла *несравненно большаго,—то-есть общеевропейскаго утилитарно-безбожнаго стиля общественной жизни.*

Посмотримъ, какимъ это *болѣе чистымъ благомъ* замѣнятъ полу-зло старой Турціи всѣ эти Стамбуловы и Христичи!

Дни Турціи *на самомъ Босфорѣ* сочтены уже...

Организмъ ея, перенесенный въ Европу четыре вѣка тому назадъ лишь географически, связанный съ исторіей Европы лишь по внѣшности равновѣсія, а не по сущности основъ, не вынесъ и слабыхъ пріемовъ европейскаго, навязаннаго ему либерализма.

Это ясно, какъ ясно и то, что, побѣждая Россію въ Крыму и уступая ей нѣсколько въ Парижѣ, западныя державы подготовили *невольно* современное положеніе дѣлъ.

Все это разматывается неотвратимо, какъ непрерывная нить клубка.

Турція противъ воли, я сказалъ, приступила съ 56-го года къ нѣкоторой неполной эмансипаціи христіанъ. Она дѣлала это неохотно, неискренно, съ основательнымъ страхомъ за будущность свою. Она была такимъ образомъ всѣхъ менѣе наивна; она уступала только необходимости и не вѣрила во благо европейскаго прогресса.

Въ этомъ она была права. Она была только несчастнѣе, слабѣе всѣхъ, какъ государство; но она *въ основаніяхъ своихъ была всѣхъ мудрѣе*, всѣхъ правильнѣе смотрѣла такимъ образомъ на вещи.

Турція, подобно римскому папству, подобно всѣмъ аристократическимъ элементамъ Запада, легитимистамъ, бурбонамъ, юнкерству, лордамъ, подобно старой самодержавной Австріи — была *слишкомъ консервативна — въ духъ, чтобы побѣдить или выйти въ наше время изъ борьбы цѣлой.*

Посмотримъ же теперь, что случилось съ Россіей послѣ того же 56-го года.

XII.

Самобытную духомъ, оригинальную нравами, *недовѣряющую европейскимъ идеаламъ* Турцію державы *демократизировали насильно* послѣ Крымской войны. Россія, съ самыхъ временъ Петра I, какъ бы влюбленная во всѣ безъ разбора западныя идеи, *демократизировалась съ увлеченіемъ сама.*

Придержанная въ теченіе 30 лѣтъ на вершинѣ наклонной плоскости тѣмъ великимъ инстинктомъ охраненія, который былъ отличительной чертой николаевскаго царствованія, эта, побѣжденная Европой, старая, почти тысячелѣтняя Россія рипулась теперь съ какимъ-то не по годамъ

юношескимъ пыломъ внизъ по этой плоскости все-свободы, все-равенства.

Я помню это время! Это дѣйствительно былъ какой-то разсвѣтъ, какая-то умственная весна... Это былъ порывъ, ничѣмъ не удержимый!

Казалось, что всѣ силы Россіи удесятерились! За исключеніемъ немногихъ разсудительныхъ людей, которые намъ тогда казались сухими, ограниченными и «отсталыми», всѣ мы сочувствовали этому либеральному движенію.

Одни потому, что гордились сходствомъ новыхъ учрежденій съ европейскими, другіе, напротивъ того, радовались потому, что въ этихъ ничуть не оригинальныхъ «новшествахъ» они сумѣли какъ-то распознать «духъ древняго благочестія» (!!).

И такъ какъ правота людская въ исторіи всегда бываетъ условна, то мы въ *то время*, пожалуй, и правы были. Мы были, я сказалъ, даже не только сердечно, но и *умственно правы*. Мы основательно находили, что силы Россіи удесятерились отъ этого толчка. Неправы мы были только въ томъ, что *простирали нашу вѣру слишкомъ далеко во времени*. Польза государственная была — это несомнѣнно, но прочна ли эта польза? — вотъ новый и неожиданный вопросъ!

Это всегда и вездѣ такъ бываетъ. За долгое время неравноправности сословной, провинціальной, вѣроисповѣдной и т. д. накопляется, наконецъ, множество умственныхъ, душевныхъ и экономическихъ не израсходованныхъ, *сдержанныхъ* силъ, которымъ нуженъ исходъ, нужна только *воля для наисильнѣйшаго ихъ проявленія*.

И даже, мнѣ кажется, чѣмъ гуще въ смыслѣ разнороднаго неравенства было прежде замѣшано вѣковое это соціальное тѣсто, чѣмъ сложнѣе и глубже была предыдущая и долговременная неравноправность, — и съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе и внезапнѣе эмансипаціонный толчокъ, тѣмъ несокрушимѣе и бурнѣе бываетъ общій взрывъ силъ, накопившихся въ націи за все долгое время этой неравноправной разнородности, просуществовавшей вѣка, гдѣ во-

лей, *а гдѣ и неволей*, подъ общимъ единствомъ власти и преобладающей религіи.

Во Франціи конца XVIII вѣка все это выразилось съ наибольшей рѣзкостью, въ Россіи половины XIX вѣка съ несравненно меньшей, но все-таки довольно большою; въ Англіи и въ остальной континентальной Европѣ — съ несравненно меньшей, чѣмъ во Франціи и Россіи, ибо тамъ вездѣ неравноправный строй — не былъ ни внезапно взорванъ снизу, какъ во Франціи сто лѣтъ тому назадъ, ни видоизмѣненъ на скорую руку сверху, какъ у насъ въ 60-хъ годахъ, а таялъ медленнѣе и постепеннѣе. Что лучше и что хуже съ исторической точки зрѣнія — не чувствую себя въ силахъ разобрать и рѣшить. Одно могу сказать, что для *ближайшаго* будущаго нашъ пріемъ былъ, кажется, лучше и того, и другого, и слишкомъ пламеннаго французскаго, и слишкомъ медленнаго англійскаго и нѣмецкаго. И лучше онъ не только потому, что движеніе шло сверху, а не снизу (хотя и это въ высшей степени важно и для настоящаго и для будущаго), но еще и потому, что слишкомъ медленная и постепенная демократизація, хотя бы и посредствомъ реформъ сверху, больше входитъ въ плоть и кровь народа, чѣмъ тотъ духъ уравненія, который бываетъ плодомъ реформъ, не совсѣмъ удачныхъ и сдѣланныхъ кой-какъ на скорую руку. (Помнить прошу, что я постоянно имѣю въ виду такъ называемое *развитіе*, а никакъ не благоденствіе *общее на земномъ шарѣ*, въ которое я не вѣрю и котораго деревянный идеалъ нахожу даже низкимъ.)

Разумѣется, если даже и въ концѣ XIX вѣка упорно ставить конечнымъ идеаломъ *(по-старому)* идеалъ всеобщаго уравненія и однообразія, то лучше всего будутъ реформы очень медленныя и обдуманно мирныя. Ибо онѣ, эти медленныя реформы, войдутъ въ жизнь, въ привычки, «въ кровь» и т. д. Если же отвергать этотъ идеалъ всеобщей плоскости, какъ слѣдуетъ отвергать его во имя всѣхъ высшихъ принциповъ: во имя религіи, государственности, живой морали и эстетики, то наше движеніе за

истекшія 20 лѣтъ (отъ 61—81-го года) надо считать, пожалуй за наилучшее. Съ одной стороны, въ глазахъ тѣхъ, кому реформы эти были выгодны или идеально дороги, наша власть сохранила настолько свой престижъ и свою популярность, *что она въ силахъ*, *мнѣ* думается, преуспѣть и въ *обратномъ* движеніи. А съ другой стороны, нѣкоторая торопливость и грубая подражательность этихъ самыхъ уравнительныхъ реформъ очень скоро *уронила*, *унизила*, *развѣнчала* ихъ, что, конечно, благопріятно тому же, т.-е. *обратному*, движенію.

Эта-то неполная удача нашего либерально-эгалитарнаго процесса (неудача, вдобавокъ, еще сравнительно очень счастливо и дешево намъ до сихъ поръ обошедшаяся) и подаетъ нѣкоторую надежду на то, что мы еще можемъ уклониться отъ гибельнаго общеевропейскаго пути.

Да! *теперь* я такъ думаю! Я даже началъ такъ думать уже въ концѣ 60-хъ годовъ, понявши изъ опыта жизни, чтенія и бесѣдъ — *куда* все это ведетъ. Многіе другіе пришли къ этому одновременно и позднѣе. Но не такъ думалъ и я въ началѣ этихъ самыхъ столь знаменательныхъ 60-хъ годовъ!

Въ началѣ этихъ годовъ я былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которымъ уже не нравилось западное равенство и бездушное однообразіе демократическаго идеала; но я, подобно людямъ славянофильскаго оттѣнка, воображалъ почему-то, что наша эмансипація *совсѣмъ не то, что западная*; я не мечталъ, а *непоколебимо* почему-то *вѣрилъ*, *что она* сдѣлаетъ насъ сейчасъ или вскорѣ *болѣе національными*, *гораздо болѣе русскими*, *чѣмъ мы были при Николаѣ Павловичѣ*. Я думалъ, что мужики и мѣщане наши, теперь болѣе свободные, научатъ насъ жить хорошо *по-русски*, укажутъ намъ, *какими господами* намъ быть слѣдуетъ, — представятъ намъ живые образцы русскихъ идей, русскихъ вкусовъ, русскихъ модъ даже, русскаго хорошаго хозяйства, наконецъ! Особенно въ хозяйство ихъ мы всѣ сначала слѣпо вѣрили! Вѣрили, кромѣ того, въ знаменитый, какой-то *особливый* «здравый смыслъ», въ могучую рели-

гіозность ихъ, въ благоразумное и почти дружеское отношеніе къ землевладѣльцамъ и т. д.

О томъ же, что пришлось во всемъ этомъ скоро разочароваться, я не нахожу даже и нужнымъ подробно говорить. Это случилось со столькими русскими патріотами, съ одними раньше, съ другими позднѣе, — все это до того, наконецъ, извѣстно, что распространяться объ этомъ не нужно; достаточно напомнить.

Русскій простолюдинъ нашъ, освобожденный, хотя не во всемъ, но во многомъ съ нами юридически уравненный, вмѣсто того, чтобы стать намъ *примѣромъ*, какъ мы, «націоналисты», когда-то смиренно и добросердечно надѣялись, сталъ теперь все болѣе и болѣе проявлять наклонность быть нашей *карикатурой*, — наклонность замѣнить *почти* европейскаго русскаго барина *почти* европейскою же сволочью, съ мѣстнымъ оттѣнкомъ безсмысленнаго пьянства и беззаботности въ дѣлахъ своихъ. Карикатура эта, при малѣйшемъ потворствѣ властей, можетъ стать къ тому же и крайне опасной, ибо нѣтъ ничего вреднѣе для общественной жизни, какъ демократизація пороковъ или распространеніе въ массѣ народа такихъ слабостей и дурныхъ вкусовъ, которые прежде были удѣломъ класса избраннаго и малочисленнаго *).

Даже и добродѣтели не всѣ одинаково полезны всѣмъ классамъ людей, напр., сильное чувство личнаго достоинства въ людяхъ высшаго круга порождаетъ рыцарство, а разлитое въ народной массѣ оно возбуждаетъ *инзурреціи* парижскихъ блузниковъ... *Однообразіе развитія и тутъ оказывается антисоціальнымъ*. Можно сказать вообще, что даже и изъ добродѣтелей только три должны быть общими и равносильными во всѣхъ сословіяхъ и классахъ для того,

*) Совѣтую по этому поводу прочесть или вспомнить очень умную повѣсть г Успенскаго въ «Русской Мысли» — *«Пиджакъ и чортъ»*. Повѣсть остроумна и правдива; но сдается мнѣ почему-то, что г. Успенскій на вѣру въ дьявола негодуетъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько на любовь къ «пиджаку» По моему мнѣнію—вѣра въ демоническія силы есть одно изъ самыхъ лучшихъ противоядій разрушительному вліянію «пиджака»

чтобы государство было крѣпко и чтобы общество процвѣтало: *искренняя религіозность*, *охотное* повиновеніе властямъ и взаимное милосердіе, *ничуть въ равенствѣ для проявленія своего не нуждающееся*.

Если однородность добродѣтелей не всегда полезна для общественной устойчивости и силы, то чего же можно ожидать отъ сходства пороковъ, дурныхъ вкусовъ, слабостей и грѣховъ, кромѣ дальнѣйшей революціи? Нѣтъ! Платонъ остается вѣчно правымъ! Для однихъ нужна мудрость, для другихъ — храбрость, *для большинства повиновеніе!*

Мирная революція *сверху*, производя въ скорости нѣкоторое уравненіе во вкусахъ, понятіяхъ и потребностяхъ, располагаетъ и къ нѣкоторому обмѣну пороковъ и хорошихъ свойствъ; а это новое и трудно удержимое уравненіе ведетъ позднѣе уже къ *не мирнымъ движеніямъ снизу!*

Оно облегчаетъ ихъ, подготовляетъ.

Состояніе однородности есть состояніе неустойчиваго равновѣсія.

Итакъ, вотъ къ чему привели *національныя* надежды тѣхъ, которые въ 60-хъ годахъ (подобно мнѣ), отвратившись съ негодованіемъ отъ ученій «Современника» и «Русскаго Слова», стали жить идеями, болѣе или менѣе близкими къ идеямъ Хомякова и Аксакова.

Мы почему-то вѣрили, что *нашъ* либерализмъ принесетъ непремѣнно *особые*, хорошіе, *національные* плоды! Мы думали, что на *нашей* «почвѣ» европейская поливка дастъ чисто *русскій* урожай!

Мы находили, что Россія Николая Павловича была недостаточно своеобразна въ высшихъ сферахъ своихъ, что она была слишкомъ похожа на Европу. Мы съ радостью увидали позднѣе нѣкоторое пониженіе этихъ высшихъ сферъ и значительное возвышеніе низшихъ. Мы думали, что, погрузившись въ это «народное море», мы и его еще болѣе сгустимъ, и сами окрасимся его оригинальными, яркими, не-европейскими красками. И что же? Высшіе утратили свою *силу*, низшіе стремятся утратить понемногу свой *цвѣтъ!* И теперь, въ самые послѣдніе годы, когда повѣяло,

наконецъ, дѣйствительной потребностью духовной и культурной самобытности, когда мы тщимся произвести всему пережитому спасительный синтезъ, намъ приходится безпрестанно и во многомъ возвращаться къ принципамъ, руководившимъ государя Николая I и его помощниковъ, *даже и нѣмецкихъ фамилій!*

Поможетъ ли намъ Господь хоть половину утраченнаго возвратить!? Это Онъ одинъ знаетъ! А мы пока, обращая взоры наши къ всему этому уже пережитому, можемъ только сказать себѣ такъ: справимся ли мы или нѣтъ *по-своему* съ первыми признаками нашего эгалитарнаго разложенія, но несомнѣнно одно—это то, *что Россія послѣ Крымской войны, хотя и не вполнѣ, но все-таки по-европейски демократизировалась.*

Итакъ, коалиція *охранительныхъ* силъ Запада, силъ монархическихъ и аристократическихъ Франціи, Англіи и Австріи (не безъ участія и католическаго «благословенія»), побѣдивши въ Крыму православную, самодержавную и дворянскую Россію—и желая сохранить Турцію, своимъ торжествомъ способствовала *какъ подражательной демократизаціи первой, такъ и либеральному разложенію второй.*

Страшно!..

Не правда ли, что страшно?

XIII.

Я не безъ намѣренія озаглавилъ эту часть труда моего—«плоды *движеній*», а не «труды *политики*», ибо я нахожу, что съ начала 60-хъ годовъ восточная политика Россіи принуждена была въ большинствѣ случаевъ итти болѣе во слѣдъ за христіанами Турціи, чѣмъ сама направлять ихъ. Иниціатива всѣхъ главныхъ движеній и переворотовъ на православномъ Востокѣ принадлежала за истекшее тридцатилѣтіе уже не намъ, а самимъ населеніямъ. Мы нашимъ вліяніемъ могли только сдерживать или поддерживать ихъ; могли отчасти регулировать эти движенія; пожинать такъ

или иначе ихъ плоды, выгодные намъ или не выгодные, но не мы ихъ *возбуждали первоначально*. Политика наша за все это время отъ Парижскаго мира до объявленія нами войны Турціи въ 77-мъ году была весьма дѣятельна въ подробностяхъ, но она была въ основаніяхъ своихъ пассивна.

Мы уже не были ни такими друзьями и покровителями Турціи, какими мы стали одно время при Николаѣ Павловичѣ (отъ 33-го года до 40-го),—ни уничтоженія ея и раздѣла съ европейскими державами уже видимо не искали. Желая несомнѣнно постепеннаго образованія на развалинахъ дряхлѣющей имперіи нѣсколькихъ независимыхъ единовѣрныхъ и небольшихъ державъ, мы все-таки систематически и преднамѣренно возстаній для этой цѣли не возбуждали. Нежеланіе воевать, скажу даже больше,—нѣкоторая боязнь новой европейской войны,—замѣтна была во всѣхъ нашихъ умѣренно-либеральныхъ и нерѣшительно-эмансипаціонныхъ дѣйствіяхъ на Востокѣ. Не мы возбуждали сербскія движенія 60-хъ годовъ; не мы подняли возстаніе критянъ въ 66-мъ; не мы были причиною того незначительнаго бунта нѣсколькихъ герцеговинскихъ селъ въ 75-мъ году,—бунта, который повлекъ за собою такія великія событія. Мы только *не отставали* отъ всѣхъ этихъ движеній и старались облегчать и защищать христіанъ уже тогда, когда возстанія ихъ вступали въ періодъ полнаго разгара. Мы дѣлали для христіанъ многое и прежде послѣдней войны за освобожденіе Болгаріи, но почти всѣ наши дипломатическія попытки, и для сербскаго племени, въ началѣ 60-хъ годовъ, и для греческаго, въ концѣ ихъ, были неудачны — и разбились о всеобщее недоброжелательство западныхъ державъ. Оказалось, что только мечомъ и огнемъ, а не конференціями, Россія можетъ постепенно добиться того, чего она должна желать, т.-е. образованія на развалинахъ Турціи нѣсколькихъ независимыхъ, единовѣрныхъ ей государствъ (я говорю, *должна желать*, ибо, несмотря на многія частныя неудобства и непріятности, въ родѣ современныхъ болгарскихъ и сербскихъ, — другого исхода нѣтъ, и *самой себѣ* Россія не должна брать, по многимъ причинамъ, ничего,

кромѣ проливовъ и Царьграда, съ небольшимъ подходящимъ округомъ въ Европѣ и Азіи).

Цѣль вполнѣ правильная и, по обстоятельствамъ времени, самая естественная; и если поставить себѣ вопросъ только такъ. «достаточно ли ослаблена за послѣднія 30 лѣтъ Турецкая имперія для того, чтобы подобный исходъ въ наше время казался уже близкимъ?» — то, разумѣется, надо отвѣтить. «Да, Турція для этого достаточно ослаблена; сперва той самой почти пассивной, колеблющейся и осторожной политикой, которую мы, опасаясь новой коалиціи, вели въ то время, когда во главѣ Запада стояла столь опасная намъ Франція второй имперіи, а потомъ войною 77-го года, которую мы рѣшились наконецъ начать, убѣдившись, что теперь никто намъ уже не помѣшаетъ».

Съ *этой стороны*, при всѣхъ нашихъ опасеніяхъ, уступкахъ и колебаніяхъ, мы въ общемъ результатѣ, то-есть въ отношеніи ослабленія и раздробленія Турціи, пожали добрые плоды. Съ *этой стороны* — да!..

Съ другихъ же, — конечно, нѣтъ, — а очень горькіе, напротивъ.

Внѣшняя политика наша послѣ Крымской войны и Парижскаго мира стала *либеральнѣе, эмансипаціоннѣе* прежняго. Въ этомъ она совпадала съ политикой внутренней реформенныхъ годовъ, — была внушена одними и тѣми же великодушными и довѣрчивыми къ «человѣчеству» чувствами. Но великодушіе не всегда даетъ благіе результаты, и довѣряться полезнѣе отдѣльнымъ людямъ, чѣмъ цѣлымъ народамъ.

Къ тому же, я думаю, есть нѣкоторая разница между *самой Турціей* и *православной Церковью на Востокѣ?* Есть разница между мусульманами, съ которыми исторія присудила намъ издавна бороться, и между *греческимъ духовенствомъ, которое живетъ одними преданіями съ нашимъ народомъ и котораго идеи легли въ основу и нашей государственности?*

Политическія условія измѣнились глубоко послѣ Крымской войны. Христіане не были уже подъ исключительнымъ

нашимъ «смотрѣніемъ», какъ прежде. Послѣ Парижскаго трактата вся Европа получила официальное право на вмѣшательство въ дѣла Турціи. Положеніе наше было таково, что другой политики, кромѣ эмансипаціонно-племенной, мы и не могли, и не должны были вести въ Турціи — *противъ Турціи*. Но несчастіе наше было въ томъ, что эту *племенную эмансипаціонную идею мы допустили неосторожно перенести и на церковно-православную почву*. Мы еще не поняли тогда ея глубоко революціоннаго характера, ея безпощадности, ея антирелигіозности, антигосударственности, антикультурности даже и слишкомъ простодушно и неосторожно служили ей, воображая себя очень мудрыми въ какой-то грубо этнографической справедливости. Намъ казалось, что мы дѣйствуемъ такъ безпристрастно, такъ примирительно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ расчетливо. Главное — «*безъ кровопролитія!* Морально, либерально, современно...» Не правда ли? Да; но только все это было *не религіозно*, не православно.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что не «моральное», въ *новѣйшемъ* смыслѣ, но *своевременное* кровопролитіе принесло бы православію гораздо больше пользы, чѣмъ та либеральная и гуманная осторожность, которой мы придерживались относительно Турціи и Европы въ самый разгаръ греко-болгарской борьбы. Осторожные съ врагами, мы были неосторожны относительно Церкви.

Воевать насъ все-таки вынудили; но мы рѣшились на «кровопролитіе» *не въ 70-мъ году за потрясенную Церковь, съ цѣлью все разомъ покончить* въ благопріятное время франко-прусской войны, *но въ 77-мъ*, среди глубокаго и невыгоднаго намъ мира въ Европѣ, *за избіенныхъ славянъ,—не за само православіе*, а за православныхъ *славянъ*.

Сочувствіе племенное, а не *страхъ за дальнѣйшее разстройство Церкви* вынудило насъ обнажить мечъ. Либерализмъ и желаніе сохранить популярность одушевило насъ въ 77-мъ году, а *не вѣра*. Вѣра пришла бы въ ужасъ раньше, въ 70-мъ году, ибо именно въ то время, когда Пруссія и Франція сразились на жизнь и смерть, турецкое

правительство рѣшительнѣе прежняго взялось раздувать греко-болгарскую распрю.

Политика наша послѣ Крымской войны приняла характеръ болѣе племенной, чѣмъ вѣроисповѣдный, — болѣе эмансипаціонный, чѣмъ національно-государственный. Православіе есть нервъ русской государственной жизни, поэтому и на юго-востокѣ, въ виду неотвратимаго нашего къ нему историческаго стремленія, важнѣе было поддерживать *само православіе, чѣмъ племена, его кой-какъ исповѣдующія*. Вышло же наоборотъ потому, что въ самихъ правящихъ нашихъ сферахъ было мало *истинной* религіозности, не было *страха согрѣшить*, допустивъ до грѣха раскола слабѣйшихъ, но разнузданныхъ единовѣрцевъ нашихъ?

Императоръ византійскій св. Константинъ сказалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ: — «*Раздѣленія въ Церкви Божіей кажутся мнѣ болѣе важными и опасными, нежели война и возмущенія*». Но у насъ думали иначе, и изъ-за вовсе не особенно нужной намъ Польши (которой чисто польскую часть съ удовольствіемъ можно бы отдать хоть Пруссіи за одну узкую полосу земли *около проливовъ*) — изъ-за этой Польши Россія, движимая національною гордостью, встала какъ одинъ человѣкъ, а на начало разложенія церкви на Востокѣ въ 70-хъ годахъ общество почти не обратило вниманія, а дипломатія ограничилась небольшимъ волненіемъ, которое очень скоро улеглось, какъ ни въ чемъ не бывало. Что же касается до русской публицистики, то будущій праведный и строгій судъ исторіи покажетъ, какъ много вреда дѣлали въ то время Катковъ и Аксаковъ своими грубыми и недостойными ихъ ума фразами противъ греческаго духовенства, *то-есть противъ того именно элемента соціальнаго на Востокѣ*, съ которымъ мы бы должны были всегда итти рука объ руку, смиренно и *дальновидно* перенося даже его не всегда умѣренныя претензіи и его историческую гордость, иногда и досадную, конечно, *но вполнѣ оправдываемую и прошедшимъ и будущимъ православія*.

Затменіе. Fatum! Попущеніе Божіе! Новые, неожиданные извороты революціоннаго змѣя, ненасыщеннаго еще разрушеніемъ!.. Что дѣлать!.. Прошедшаго не возвратишь, но его надо, по крайней мѣрѣ, *поскорѣе понять*, пока не все еще погибло!

XIV.

Указавши въ главныхъ чертахъ на ту перемѣну, которая произошла въ русской политикѣ послѣ окончанія Крымской войны, я хочу теперь сказать нѣсколько словъ о самихъ единовѣрцахъ нашихъ, преимущественно о славянахъ, и о томъ, *какъ* они, съ своей стороны, вторили тѣмъ усиліямъ, которыя мы прилагали къ ихъ эмансипаціи и къ тому, что обыкновенно весьма неосновательно называется ихъ «національнымъ развитіемъ». (Хорошо *національное* развитіе, которое дѣлаетъ всѣхъ ихъ *похожими* на *современныхъ европейцевъ!*)

Объ юго-славянахъ вообще можно сказать, что они за все это время постоянно переходили далеко за черту «свободы», которую мы полагали для нихъ достаточной. Другими словами сказать, *они, просвѣтившись нѣсколько по-европейски* (отчасти и съ нашей помощью), *перестали насъ слушаться.*

У насъ есть привычка во всемъ подобномъ винить исключительно свою русскую дипломатію. Это большая несправедливость. Дипломатія можетъ сдѣлать очень многое, и безъ дипломатовъ дѣйствовать въ чужой странѣ и въ мирное время нѣтъ, конечно, возможности; но никакое искусство и никакой даже геній не могутъ обойтись безъ сознанія, что за ними стоитъ *физическая, военная* сила. И даже этого мало: военная сила не можетъ быть слишкомъ страшной для противниковъ, если они видятъ, что эту силу то или другое правительство *ничуть не расположено пускать въ ходъ* для подкрѣпленія своихъ дипломатическихъ требованій. Что, напримѣръ, могъ бы сдѣлать самъ Бисмаркъ, если бы побѣды Мольтке, кронпринца и другихъ генера-

ловъ прусскихъ не дали ему возможности стать *дѣйствительно* грознымъ?

Физическая эта сила, положимъ, у насъ была всегда достаточная, и, какъ бы ни были мы терпѣливы и уступчивы, всякій государственный дѣятель иностранной державы понимаетъ, что и этимъ «добродѣтелямъ» нашимъ — терпѣнію и уступчивости—есть тоже предѣлъ, за который переходить весьма опасно. Понимали это очень хорошо и турки, и, несмотря на то, что мы были побѣждены въ Крыму, періодъ нашей дипломатической дѣятельности на Востокѣ отъ Парижскаго мира до войны 1877 года можно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ назвать весьма блестящимъ.

Турки были съ нами часто очень любезны и во многихъ случаяхъ удивительно даже уступчивы, — гораздо иногда уступчивѣе, чѣмъ съ западными политическими агентами.

На турокъ постоянно дѣйствовало воспоминаніе о нашей *силѣ*. Они остерегались безъ крайней нужды раздражать наше правительство. Но какъ могло это самое военное могущество наше устрашить *въ то время болгаръ, подвластныхъ Турціи?* Чего могли въ то время бояться *чужіе подданные*, вдобавокъ столь близкіе намъ и по древнимъ преданіямъ вѣры, и по *модному* этнографическому началу? Устрашать или наказывать ихъ мы могли бы *тогда* только черезъ посредство турокъ; а этого мы (въ то время особенно) не могли себѣ позволить: руки наши были связаны. На Западѣ у насъ и такъ было много соперниковъ по вліянію на славянъ, и они всякой строгостью нашей къ нимъ конечно бы воспользовались, чтобы уменьшить нашу популярность, которой одной мы только и дышали, не смѣя воевать. Болгары поэтому и *не боялись* насъ ничуть. И хотя они не дѣйствовали противъ насъ тогда открыто, какъ дѣйствуютъ теперь, очертя голову, но постоянно ускользали изъ рукъ нашихъ, обманывали насъ и дѣлали *совсѣмъ не то, что мы имъ совѣтовали.* Нашъ «либерализмъ» казался имъ всегда недостаточнымъ; онъ никогда не удовлетворялъ ихъ.

Графъ Игнатьевъ, напр., самъ лично былъ популяренъ въ болгарской политикующей средѣ, но и онъ въ этой средѣ считался недостаточно *крайнимъ*, недостаточно болгарофиломъ, — казался слишкомъ осторожнымъ противъ патріарха, *слишкомъ православнымъ*. Болгарамъ всего было мало, они швыряли тѣ умѣренныя брошюры о примиреніи съ греками, которыя въ то время издавалъ соотечественникъ ихъ руссофилъ Бурмовъ, и говорили: «это не болгарскіе, а русскіе взгляды» Турокъ они предпочитали патріарху и грекамъ, утверждая, что турки вредятъ имъ только «внѣшнимъ образомъ», но что противъ преобладанія грековъ и духовенства ихъ они будутъ бороться до тѣхъ поръ, пока не освободятъ *отъ церковной власти патріарха все до послѣдняго болгарскаго села, даже и въ Малой Азіи!* («Филетизмъ».)

Мы же хотя и готовы были имъ потворствовать въ ихъ «чженаціональномъ» освобожденіи, но *непремѣнно путемъ соглашенія съ патріархомъ*, а не путемъ раскола и вражды. Разрывъ церковный произошелъ все-таки вопреки нашимъ долгимъ и примирительнымъ стараніямъ, — хотя отчасти и по нѣкоторой неосторожности нашей Мы стали, сказалъ я, либеральнѣе, чѣмъ въ 40-хъ годахъ, но все-таки мы останавливались съ почтеніемъ передъ властью Церкви и передъ ея древними уставами. Болгарскіе же демагоги не хотѣли ничего этого знать... Они входили въ соглашеніе съ турками и представителями католическихъ державъ, когда видѣли, что наше посольство не хочетъ потворствовать имъ *до конца. Они прямо жаждали раскола, тогда какъ мы всячески старались предотвратить его.* Мы не успѣли въ этомъ, мы не могли предотвратить его; но я, служивши самъ въ то время въ Турціи, никакъ не могу строго судить за это наше посольство.

Болгары, не имѣя никакихъ основаній насъ бояться тогда, пересилили насъ. Посольство наше, даже въ послѣднюю минуту, было нагло ими обмануто. Они, согласившись тайно съ турками, 6-го января 1872 г., на разсвѣтѣ, почти ночью, объявили въ церкви свою независимость отъ па-

тріарха. У насъ въ посольствѣ узнали утромъ о «совершившемся фактѣ» *своевольнаго отложенія* уже тогда, когда возвратъ къ порядку былъ невозможенъ безъ объявленія войны турецкому султану.

Отъ такого грубаго обмана кто же можетъ быть застрахованъ! Отъ него не предохранятъ ни таланты, ни желаніе добра. *Насиліе, война за вѣру*, побѣда, — вотъ единственныя средства, которыя были тогда у насъ въ рукахъ и которыхъ мы не захотѣли употребить прямо — по недостатку религіозности.

Разъ мы не могли предотвратить подобнаго обмана и самовольнаго отдѣленія болгаръ отъ вселенской Церкви, то тѣмъ менѣе могли мы помѣшать и созванію помѣстнаго греческаго собора, на которомъ былъ основательно проклятъ расколъ «филетизма» (т.-е. ученіе о какихъ-то чисто племенныхъ церквахъ и о правѣ самовольнаго отложенія, о допущеніи двойной, разноплеменной іерархіи въ смѣшанномъ населеніи и т. д.).

Болгары находили расколъ выгоднымъ для себя; турки, съ своей стороны, воображали, что раздоръ между православными будетъ *надолго* полезенъ ихъ разлагающемуся государству. Въ то же время и у многихъ аѳинскихъ грековъ, старавшихся всячески довести дѣло до созванія собора и до проклятія, была при этомъ та не православная, а чисто племенная мысль, о которой я прежде говорилъ.

Они надѣялись и довольно глупо мечтали, что русскій Святѣйшій Синодъ открыто, наконецъ, заступится за болгаръ и объявитъ ихъ правыми. И тогда можно будетъ и русскихъ объявить раскольниками; можно будетъ совершенно отдѣлить судьбы своего племени отъ судебъ славянскаго.

Извѣстно также, что англійскіе политики всячески старались поддерживать эту мысль въ Аѳинахъ, и однимъ изъ главныхъ орудій ихъ, къ сожалѣнію, былъ въ то время даровитый и высокообразованный епископъ сирскій Ликургъ (не «фанаріотъ», но іерархъ свободнаго королевства).

Передовые греки желали посредствомъ раскола оторвать-

ся отъ Россіи и всего славянства. Передовые болгары желали, посредствомъ того же раскола, отдѣлиться сперва отъ грековъ, а потомъ (мечтали многіе изъ нихъ; *даже и духовныя лица*) *«надо окрестить султана, слиться съ турками, утвердиться въ Царьградѣ и образовать великую болгаро-турецкую державу, которая вмѣсто старѣющей Россіи стала бы во главѣ славянства».* — О подобныхъ планахъ и надеждахъ мнѣ самому еще въ 71-мъ году въ Салоникахъ говорилъ съ увлеченіемъ (и въ то же время съ язвительнымъ злородствомъ) архимандритъ Зографскаго болгарскаго монастыря на Аѳонѣ Наѳанаилъ, впослѣдствіи раскольничій епископъ охридскій. Конечно, онъ мнѣ, русскому консулу, въ глаза не назвалъ Россію «старой»; а все указывалъ съ улыбочками на то, что «вѣдь русскіе желаютъ болгарамъ блага, то чего же лучшаго, какъ выкрестить султана и стать на Босфорѣ великой державой».

Кромѣ того у болгаръ былъ въ «pendant» епископу сирскому Ликургу и такой іерархъ, который желалъ для болгаръ отдѣленія не отъ грековъ только, но и *отъ всего православія* для того, чтобы имѣть право на независимое устройство.

Такъ думалъ Иларіонъ, бывшій еще до отдѣленія отъ грековъ епископомъ макаріопольскимъ, — человѣкъ въ свое время весьма вліятельный.

Вотъ каково было тогда съ обѣихъ сторонъ настроеніе нашихъ единовѣрцевъ! Вотъ какъ охотно приносилась въ жертву религія все тому же *чисто племенному началу, все тѣмъ же національно-космополитическимъ порывамъ!* Я говорю *космополитическимъ*, ибо ни новые греки, ни тѣмъ болѣе юго-славяне не проявляли и не проявляютъ ни малѣйшей наклонности къ такого рода мистическимъ движеніямъ, которыя, отдаляя ихъ отъ православія, могли бы привести къ созданію какой-нибудь *дѣйствительно національной* (т.-е. своеобразной) ереси, въ родѣ нашей хлыстовщины или секты мормоновъ. Это было бы гибельно для личнаго спасенія души тѣхъ людей, которые бы этой ересью увлеклись; это было бы очень вредно для всей Церкви

нашей; *но это заслуживало бы, по крайней мѣрѣ, названіе національнаго творчества, названіе даже особой мѣстной культуры;* ибо такія рѣзкія и *пластическія* секты, какъ мормонская и еще болѣе наша хлыстовская, при глубинѣ и силѣ чувства сектантовъ, не могутъ ограничивать свое дѣйствіе одной религіозной сферой, а непремѣнно должны развиваясь отразиться своеобразными чертами на всемъ бытѣ, на искусствѣ и рано или поздно и на свѣтскихъ законахъ, на государственныхъ воззрѣніяхъ.

При томъ же отрицательномъ *разжиженіи* православія, ничѣмъ другимъ, хотя бы и бѣсовскимъ, но самобытнымъ неизмѣняемымъ при разжиженіи древняго, безъ замѣны *своимъ новымъ*, которое мы видимъ теперь у всѣхъ восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ, нельзя не согласиться, *что каждый ихъ шагъ на пути политическаго отдѣленія отъ чужихъ и политическаго слитія со своими, ни къ чему не приводитъ, кромѣ общеевропейскаго раціонализма и общеевропейской демократіи.*

Итакъ, болгары въ большинствѣ были противъ *православной* Россіи во время этой *племенной* борьбы, столь безсовѣстно игравшей вѣковой святыней нашей. Передовые греки также были противъ насъ и православія, защищая его *каноны* только для *вида*, для отпора славянамъ. *Кто же* въ эту тяжкую годину испытаній оставался вѣренъ не *намъ собственно*, ибо мы этого и не стоили, но *общимъ съ нами основамъ?*

Остались вѣрны этимъ основамъ, остались вѣрны православію, его древнимъ правиламъ, его духу только *тѣ самые греческіе епископы турецко-подданные*, которыхъ у насъ изловчились для отвода глазъ звать какими-то «фанаріотами»! Такими «фанаріотами» были и нашъ Филаретъ, и Дмитрій Ростовскій, и Стефанъ Яворскій, и Сергій чудотворецъ!

Они прокляли болгарскій «филетизмъ» на соборѣ 72-го года, но *не допустили* крайнюю греческую партію взять верхъ и *дойти до разрыва съ Россіей. По формѣ* русское духовенство не сдѣлало тогда никакой грубой ошибки. Не на-

рушая каноновъ съ своей стороны, нельзя было поэтому и греческимъ патріархамъ отдѣлиться отъ насъ. *Нарушать же каноны они не хотѣли.* Относительно болгаръ они были согласны со своими эллинскими демагогами и подавались имъ, ибо болгары *нарушали* каноны; относительно же Россіи они остались непоколебимыми и вѣрными законамъ и преданіямъ, несмотря на всѣ скорби и обиды, которыя причиняло имъ тогда наше сантиментальное болгаробѣсіе.

XV.

Я сказалъ достаточно о грекахъ и болгарахъ. Въ ихъ новѣйшей исторіи гораздо яснѣе и рѣзче, чѣмъ въ современной исторіи двухъ другихъ восточно-православныхъ народностей — сербской и румынской — выразилась та всѣми до сихъ поръ просмотрѣнная истина, что *племенная политика сверху* и *племенныя движенія снизу въ XIX вѣкѣ одинаково даютъ одни лишь космополитическіе результаты.*

О текущихъ дѣлахъ сербскаго королевства говорилось и говорится теперь у насъ такъ много горькой правды, что нѣтъ и нужды о нихъ еще здѣсь распространяться. Демократическій европеизмъ, безвѣріе, поруганіе церкви, — вотъ нынѣшняя жизнь «сюртучнаго» сербскаго общества. Въ этомъ обществѣ нѣтъ и тѣни чего-нибудь стоющаго вниманія съ культурно-національной стороны. Нѣтъ пока ни одной черты, указывающей на возможность чего-либо творческаго и самобытнаго въ будущемъ. А все старое, древнее славяно-греческое и славяно-турецкое, казавшееся еще столь крѣпкимъ въ недавнія времена, тастъ и оставляется. И какъ ни горько въ этомъ сознаться, но надо сказать, что самая возможность полнаго объединенія всѣхъ православныхъ задунайскихъ сербовъ подъ властью одного короля не только не можетъ при современномъ направленіи умовъ способствовать ихъ бытовому обособленію отъ Запада, но должна будетъ, напротивъ того, распространить

еще болѣе во всей сербской средѣ мелкій раціонализмъ, эгалитарность, религіозное равнодушіе, европейскіе однородно-буржуазные вкусы и нравы: машины, панталоны, сюртукъ, цилиндръ и демагогію.

Вообразимъ себѣ, что вслѣдъ за какимъ-нибудь весьма естественнымъ (и даже *нужнымъ*) политическимъ переворотомъ, послѣ большой войны на югѣ-востокѣ Европы, всѣ четыре національныя группы Балканскаго полуострова опредѣлили съ большей точностью свои государственные предѣлы; вообразимъ себѣ Румынію хотя бы и въ прежнихъ границахъ; Грецію — еще увеличенную на сѣверъ и по островамъ; Болгарію — единую отъ Дуная до греческихъ и сербскихъ краевъ, и Сербію — тоже единую, составленную изъ нынѣшняго королевства Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и Черногоріи. Представимъ себѣ еще одну весьма естественную перемѣну — князя Николая Черногорскаго королемъ этой объединенной Сербіи.

Съ чисто политической стороны это было бы прекрасно!

Не забудемъ при этомъ представить себѣ, что исполнилось и то, о чемъ я упоминалъ столько разъ, — что Россія въ то же время завладѣла проливами и утвердилась на нихъ.

При этомъ условіи, при небываломъ еще воцареніи на Босфорѣ дѣйствительной, центральной, православной силы, большая единая Сербія будетъ, пожалуй что, и *необходима* для равновѣсія въ нѣдрахъ того восточнаго союза, который долженъ будетъ образоваться на развалинахъ Турціи подъ главенствомъ Россіи.

(Естественные элементы и условія этого союза превосходно разобраны въ книгѣ Данилевскаго «Россія и Европа»; желательно бы только, чтобы исторія или политическій инстинктъ русской государственности внесъ бы въ этотъ теоретическій планъ два важныхъ измѣненія: 1) отсрочить по возможности надолго гибель Австріи и вступленіе западныхъ славянъ въ эту *неизбѣжную* конфедерацію и 2) присоединить какъ можно скорѣе къ этой первоначальной восточной конфедераціи на разумныхъ условіяхъ остатки Тур-

ціи и Персіи, т.-е. *побольше вообще азіатскаго мистицизма и поменьше европейскаго разсудочнаго просвѣщенія.*)

Итакъ, всѣ сербы задунайскіе соединились въ одно королевство подъ властью князя Николая Черногорскаго. На Балканскомъ полуостровѣ и Средиземномъ морѣ четыре государства: Грецiя, Болгарія, Румынія, Сербія. Всѣ они въ военно-политическомъ, болѣе или менѣе тѣсномъ, болѣе или менѣе охотномъ (или даже пускай и вовсе вначалѣ не охотномъ), но неизбѣжномъ союзѣ съ Россіей *безъ всякихъ уже писаныхъ правъ Европы на вмѣшательство.* Для равновѣсія политическихъ силъ это прекрасно.

Чего же лучше? Иначе изъ-за чего же мы, русскіе, приносили жертвы?

Но вотъ вопросъ: какъ подѣйствуетъ такое національно-политическое объединеніе на духъ сербскаго племени, на его бытъ, на его культурныя особенности? (Умственное, духовное, эстетическое и вообще культурное вліяніе *спохватившейся, наконецъ, Россіи*, вліяніе съ Босфора, болѣе чѣмъ съ Невы доступное, *надо при этомъ разсужденіи для ясности на время отстранить;* подразумѣвается пока вначалѣ одно лишь политическое, болѣе механическое, такъ сказать, чѣмъ внутреннее, на самый духъ, вліяніе.)

Прежняя исторія разбила сербское племя на нѣсколько частей и каждой изъ нихъ черезъ это самое придала особые, довольно рѣзкіе оттѣнки. Недоступная, всегда независимая, дикая, въ высшей степени патріархальная и воинственная Черногорія; Сербія собственно, съ начала этого вѣка уже освобожденная и потому скорѣе подпавшая западнымъ умственнымъ вліяніямъ; Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, до послѣдняго времени жившія подъ туркомъ. Эта разница выгодна для богатства духовнаго. Населенія родственныя, но долго жившія при разнородныхъ условіяхъ, развившія поэтому въ средѣ своей разнообразныя душевныя начала, разновидные людскіе характеры и разнородныя привычки, проявляютъ много силы, когда имъ приходится вдругъ объединиться подъ общей и естественной властью.

Но на долго ли все это въ наше космополитическое всеразлагающее время?

И наконецъ, если примѣры большой Италіи и великой Германіи доказываютъ, что объединеніе племенное въ наше время, увеличивая на короткое время внѣшнюю силу государствъ, ослабляетъ культурную плодотворность обществъ, то чего же можно съ этой культурной *со славянской-то собственно стороны* ожидать отъ подобнаго объединенія Сербіи? Очень малаго.

Если при всей страстной жаждѣ видѣть могущественную нашу Россію, одѣтую въ цвѣтныя восточныя одежды, молящуюся все усерднѣе и усерднѣе въ храмахъ Господнихъ и съ недовѣрчивымъ отвращеніемъ взирающую на всѣ новѣйшія истинно презрѣнныя измышленія Запада, если при столькихъ, даже еще слабыхъ, но все-таки ободряющихъ признакахъ поворота, которые мы у себя видимъ за послѣдніе года, позволительно сомнѣніе въ религіозно-культурной будущности самой этой великой Россіи (сомнѣніе въ будущности не ближайшей *), но *очень* долгой, *многовѣковой*, истинно-самобытной и всеполучающей) .. то на многое ли съ этой-то высшей точки зрѣнія можно разсчитывать отъ нации въ какихъ-нибудь 2—3 милліона или около того съ самой обыкновеннѣйшей, безсословной «интеллигенціей» во главѣ?

О! Если бы возможно было въ наше пользолюбивое мѣщанское время образовать изъ полудикихъ, грозныхъ черногорцевъ какую-нибудь рыцарскую и набожную аристократію и подчинить ей, какъ «средній классъ», «интеллигентныхъ» сюртучниковъ Бѣлграда! Но возможно ли это? Конечно, нѣтъ! Увы!

О! Если бы современные намъ сербы (всѣхъ пяти перечисленныхъ областей) соединившись могли бы выносить неограниченную и патріархальную власть своего новаго короля, одѣтаго въ золотую одежду; героя, полководца и поэта, который, по всѣмъ признакамъ, въ воспитаніи своемъ

*) Конечно эта *ближайшая* будущность надежна.

пріобрѣлъ и сохранилъ отъ Европы именно только то, что въ преданіяхъ ея прекрасно: рыцарство, тонкость, романтизмъ!

Но развѣ могутъ восточные единовѣрцы наши дышать безъ мелкой конституціонной возни? У нихъ и представленія нѣтъ о другой жизни. Это ихъ поэзія, ихъ мысль, ихъ религія, ихъ единственное развлеченіе даже! Возможны ли у нихъ такіе широкіе мыслители, какъ Хомяковъ, Соловьевъ, Данилевскій? Невозможны. Существованіе такихъ избранныхъ умовъ доказываетъ, что есть и въ самомъ обществѣ потребность глубокой, отвлеченной и въ то же время живой мысли; потребность, на которую они даютъ отвѣты, есть умственная жажда, которую они утоляютъ.

Полны ли восточные монастыри (Рыльскій ли, Болгарскій, напримѣръ, или Святогорскія обители), какъ полны у насъ Троицкая лавра или Оптина пустынь, образованными поклонниками, желающими бесѣдъ съ духовными старцами, требующими благословенія ихъ даже на свои мірскія дѣла? Гостятъ ли въ этихъ восточныхъ обителяхъ *прямо съ цѣлью религіознаго утѣшенія*, какъ гостятъ у насъ князья и графы, генералы и сенаторы, профессора и писатели, свѣтскія женщины и богатые торговцы?.. Нѣтъ!.. «европейскимъ» грекамъ, сербамъ и болгарамъ *уже* не нужны теперь стали духовники и старцы! *Или они еще не искусились достаточно, чтобы возвратиться къ нимъ*, чтобы повергнуть съ любовью и страхомъ къ подножію Церкви Христовой обильный и давній уже запасъ знанія и тонкости, наслѣдственную ношу вѣкового опыта, которая тяготила бы ихъ, какъ тяготитъ она многихъ изъ насъ, русскихъ, «искателей»... У нихъ это бремя знанія, опыта, личной идеальной тонкости очень легко, и запасъ этотъ слишкомъ еще бѣденъ для такого смиренія! Вольноотпущенный недавно лакей легкомысленнѣе пресыщеннаго и утомленнаго вельможи!

Есть ли у нихъ, у всѣхъ этихъ мелкихъ народцевъ, блестящая, богатая, свѣтская жизнь? Возможно ли изъ юго-восточной этой жизни написать такой обильный мыслями,

изящными образами и тонкими, страстными чувствами *общественный, но ничуть не политическій* романъ, какъ «Анна Каренина»?! Невозможно. Пошлите туда самого Толстого, онъ не напишетъ его, именно потому не напишетъ, что онъ любитъ реальную правду въ искусствѣ. Выдумывать небывалаго, *непохожаго* онъ не станетъ. Если найдется слабое подобіе чего-нибудь подходящаго, то это въ турецкомъ и «фанаріотскомъ» Царьградѣ и въ двухъ румынскихъ столицахъ (Яссахъ и Бухарестѣ), но не въ Софіи и не въ Бѣлградѣ, конечно. Даже и не въ Аѳинахъ!

Существуетъ ли на православномъ Востокѣ наша русская или англійская — помѣщичья, просвѣщенно-деревенская жизнь?.. Нѣтъ, не существуетъ. Вотъ значитъ и этихъ занятій, этихъ утѣхъ, этихъ привычекъ, идеаловъ и преданій тамъ нѣтъ.

Вся жизнь, все дыханіе и вся поэзія жизни въ этихъ странахъ состоитъ въ коммерческой и политической борьбѣ. Безъ нихъ тамъ людямъ тяжко, скучно. Константинъ Аксаковъ говорилъ, что сѣверо-американцы «приняли слишкомъ много внутрь государственнаго начала; *отравились политикой*». Съ несравненно большимъ основаніемъ то же самое можно сказать про восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ и въ особенности про юго-славянъ, про болгаръ и сербовъ. *Политическая борьба* внутренняя и внѣшняя, *какъ личная*, насильнѣйшая идеальная потребность людей, и *общеевропейскій демократическій идеалъ* (переведенный на свои вовсе некрасивыя славянскія нарѣчія) *для всей націи*,—вотъ, что имъ нужно пока, — и больше ничего! Иначе они и чувствовать не могутъ, ибо при *такихъ* условіяхъ, какія мы знаемъ, а *не при иныхъ* они вышли на свѣтъ современной исторіи изъ-подъ столь полезнаго ихъ *прежнему* воспитанію, хотя и ненавистнаго имъ, азіатскаго плѣна. Вышли они изъ пастушеской и простодушно-кровавой эпопеи недавней старины своей и попали прямо головой въ сѣрую, буржуазную, машинную, пиджачную, куцую Европу нашихъ дней, изношенную уже до лохмотьевъ прежней великой и страстной исторіей своей.

XVI.

Всѣ эти четыре націи родного намъ Юго-Востока: греки, румыны, сербы и болгары — *съ виду* (культурно-бытового) теперь очень между собою *схожи*, несмотря на всѣ *несогласія* свои... (Состояніе однородности есть состояніе неустойчиваго равновѣсія...)

Разница между ними не больше, чѣмъ разница между четырьмя карточными валетами...

И самые яркіе, самые «червонные» изъ всѣхъ четырехъ восточно-православныхъ валетовъ этихъ въ настоящее время все-таки болгары.

По крайней мѣрѣ — бандиты, разбойники и умѣютъ народъ свой заставить себѣ повиноваться... Они бьютъ другъ друга, бьютъ духовныхъ лицъ; сѣкутъ бывшихъ министровъ, производятъ церковные coup d'état, сажаютъ по нѣсколько епископовъ разомъ въ экипажи и увозятъ ихъ куда-то. Ненасыщенные своимъ отложеніемъ отъ вселенской Церкви, они хотятъ уже и отъ своего экзарха произвести расколъ на расколѣ. Если бы они не нуждались въ мнѣніи большихъ монархическихъ державъ Запада — они давно бы, я думаю, закрыли храмы и объявили бы «Царство разума»! Они топятъ ночью гражданъ своихъ въ Дунаѣ, они не боятся Турціи; знать не хотятъ Россіи, Австрію тоже, конечно, стараются эксплуатировать какъ-нибудь въ свою пользу. Сербовъ разбили наголову! Что жъ? По крайней мѣрѣ сильно, просто и *намъ впредь поучительно!* Поучительно между прочимъ и въ томъ смыслѣ, что чѣмъ свободнѣе, чѣмъ беззавѣтнѣе чисто національная племенная политика, тѣмъ она революціоннѣе, тѣмъ государственный нигилизмъ ея нагляднѣе. Передъ болгарской революціонной диктатурой молодца Стамбулова блѣднѣютъ всѣ прежнія эллинскія умѣренныя волненія, а тѣмъ болѣе вялый и дряблый румынскій либерализмъ. Грецію освободилась впервые въ менѣе отрицательныя времена, и у ней есть великій охранительный тормозъ: глубокая связь ея

исторіи съ исторіей православной Церкви. Румыны, менѣе всѣхъ другихъ народовъ Востока родственные Россіи по крови, языку и по западнымъ своимъ претензіямъ, *со стороны соціальнаго строя* зато болѣе всѣхъ этихъ народовъ напоминаютъ Россію. У нихъ, какъ и у насъ, было крѣпостное право, были сословія, было дворянство знатное и дворянство низшее; реформы, положимъ, и у нихъ, какъ и у насъ, смѣшали все это въ одну либерально-равенственную болтушку, но нравы, преданія, привычки привилегированныхъ сословій надолго еще переживаютъ права и привилегію ихъ и вліяютъ на жизнь. Въ Румыніи поэтому какая-то тѣнь дворянскаго духа и дворянскихъ привычекъ должна иногда почти невидимо тормозить все то, что такъ неудержимо рвется впередъ въ Болгаріи, болѣе дикой, молодой и лишенной всякихъ *осязательныхъ* преданій.

Сербское племя тормозится пока на обще-революціонномъ пути тѣмъ областнымъ раздробленіемъ, о которомъ я выше говорилъ.

Разница, какъ видимъ, есть между этими четырьмя народностями православнаго Востока, но это не какая-нибудь *существенная разница въ духѣ, въ идеалѣ преобладающаго общественнаго направленія*, это *разница въ степени напряженія однихъ и тѣхъ же наклонностей*. Различіе не качественное, а количественное.

Всѣ эти народы идутъ пока на нашихъ глазахъ не въ гору истинно культурнаго обособленія отъ Запада и органическаго своеобразнаго разслоенія внутри, а подъ гору демагогическаго внутренняго уравненія и внѣшней всесвѣтной ассимиляціи въ идеалѣ «средняго европейца». Различіе не въ цѣли стремленія по наклонной этой плоскости, а въ силѣ тормозовъ и, только.

Всѣхъ сильнѣе и крѣпче тормозъ у грековъ, всѣхъ ничтожнѣе — у болгаръ. Румыны и сербы, — первые по соціальнымъ причинамъ, вторые по внѣшне политическимъ — занимаютъ между ними средину.

И вотъ, возвращаясь снова мыслью моей къ послѣд-

нимъ, къ задунайскимъ православнымъ сербамъ, снова говорю себѣ.

Политическое объединеніе всѣхъ сербовъ, хотя бы, напримѣръ, подъ властью князя Николая Черногорскаго, возведеннаго въ короли, желательно при извѣстныхъ обстоятельствахъ для будущаго политическаго равновѣсія въ неизбѣжной восточной конфедераціи съ Россіей во главѣ. Объединеніе сербовъ — вопросъ одного лишь времени, и видѣть князя Николая королемъ всѣхъ сербовъ желательно не потому только, что онъ былъ досель вѣрнымъ союзникомъ Россіи (это можетъ измѣниться), — нѣтъ, я не то имѣю въ виду. Я не публицистъ дипломатическихъ фразъ *въ угоду завтрашнему дню!* Это не мое призваніе — хвалить лишь то, что *сейчасъ* союзно, и бранить лишь то, что намъ *теперь* враждебно. Сознаю, что этотъ способъ дѣйствія, эта ложь, это всеобщее соглашеніе искусственнаго и притворнаго пристрастія приноситъ свою долю пользы отечеству, ибо дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на большинство читателей (то-есть на тысячи и тысячи умовъ, *въ политикѣ* недалекихъ). Но что жъ дѣлать? У всякаго свои наклонности. Для меня сильный человѣкъ *самъ по себѣ*, яркое историческое и психологическое явленіе *само по себѣ дорого* даже и въ Мексикѣ или на мысѣ Доброй Надежды, а тѣмъ болѣе въ славянской средѣ, которую я боготворилъ бы, если бы она не была вообще такъ похожа на самую сѣрую, самую казенную, самую, до швовъ истаскапную, общеевропейскую демократію. Мнѣ дорогъ Бисмаркъ *какъ явленіе, какъ характеръ, какъ примѣръ* многимъ, хотя бы и доказано было, что онъ намъ безусловный врагъ. Мнѣ жалокъ Гладстонъ, который употребилъ силу своего характера и своего ума на то, чтобы сознательно двинуть когда-то великую, своеобразную родину свою какъ можно дальше по пути все того же проклятаго прогресса, все той же уравнительной безсмыслицы. Онъ жалокъ мнѣ, хотя бы онъ былъ тысячу разъ другъ Россіи. Россія еще недостаточно *умомъ* самобытна, и потому дурные политическіе и культурные *примѣры* для нея опаснѣе политическихъ враговъ. Внѣшніе

враги, войны, даже открытые бунты тамъ и сямъ для Россіи не должны быть страшны. Ея ближайшая будущность, ея *ближайшіе* тріумфы несомнѣнны. Страшны должны быть для нея *пошлые примѣры* и *вялыя* вліянія. Сомнительна *долговѣчность* ея будущности; загадоченъ *смыслъ* этой несомнѣнной будущности, ея *идея*. И я ли одинъ такъ думаю? Нѣтъ, я знаю, многіе въ этомъ согласны со мною. Только не скажутъ громко, а лишь «приватно» пошепчутъ...

Поэтому и князь Николай долженъ быть дорогъ *не только и не столько какъ союзникъ Россіи*, сколько *какъ славянинъ, высоко и своеобразно развившійся* поэтъ, полководецъ, политикъ, герой въ живописной національной одеждѣ.

Но если (положимъ)... если въ самомъ дѣлѣ сбудется то, о чемъ я говорилъ?.. Если онъ воцарится въ Бѣлградѣ?

Не облечется ли онъ въ «Европу» всячески — и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ? Если даже и въ Черногоріи уже занадобился какой-то «кодексъ», если для составленія этого «кодекса» отыскался даже кровный черногорецъ Богишичъ, то чего же ждать отъ *либеральнаго пансербизма?* Если самъ Бисмаркъ въ столь разнородной и содержательной когда-то Германіи сталъ (хотя бы невольно, а не преднамѣренно, какъ Гладстонъ), сталъ орудіемъ космополитической ассимиляціи, то что же противъ этого теченія можетъ сдѣлать самый энергичный и даровитый король небольшого и духомъ ничуть не оригинальнаго племени?

Сила обстоятельствъ превозможетъ его!

О, ненавистное равенство! О, подлое однообразіе! О, треклятый прогрессъ!

О, тучная, усыренная кровью, но живописная гора всемірной исторіи! Съ конца прошлаго вѣка ты мучаешься новыми родами. И изъ страдальческихъ нѣдръ твоихъ выползаетъ мышь! Рождается самодовольная карикатура на прежнихъ людей; *средній раціональный европеецъ*, въ своей смѣшной одеждѣ, *неизобразимой* даже въ идеальномъ зеркалѣ искусства; съ умомъ мелкимъ и самообольщеннымъ,

со своей ползучей по праху земному практической благонамѣренностью!

Нѣтъ! никогда еще въ исторіи до нашего времени не видалъ никто такого уродливаго сочетанія умственной гордости передъ Богомъ и нравственнаго смиренія передъ идеаломъ однороднаго, сѣраго рабочаго, *только рабочаго* и *безбожно-безстрастнаго* всечеловѣчества!

Возможно ли любить *такое* человѣчество?!..

Не слѣдуетъ ли ненавидѣть не самихъ людей, заблудшихъ и глупыхъ, — а такое *будущее* ихъ, всѣми силами даже и христіанской души?!.

Слѣдуетъ! Слѣдуетъ! Трижды слѣдуетъ! Ибо сказано: «Возлюби ближняго твоего и возненавидь *грѣхи* его!..»

ПИСЬМА

КЪ

Владиміру Сергѣевичу Соловьеву.

(О національномъ политическомъ и культурномъ.)

Письмо 1-е*).

Грядущія судьбы Россіи и сущность революціоннаго движенія въ XIX вѣкѣ, православіе и всеславянскій вопросъ, «миръ всего міра» передъ концомъ его и т. п. — вотъ тѣ важные предметы и великіе вопросы, Владиміръ Сергѣевичъ, о которыхъ я намѣреваюсь писать Вамъ по поводу не только малаго и не важнаго, но даже и вовсе неумѣстнаго столкновенія нашего съ г. Астафьевымъ нынѣшнимъ лѣтомъ**).

По этому случаю, весьма для меня прискорбному, я рѣшаюсь на поступокъ, кажется, небывалый въ нашей литературѣ, быть можетъ, даже и ни въ какой. Самъ я, по крайней мѣрѣ, о подобномъ дѣлѣ не слыхивалъ.

Я ставлю Васъ судьей надъ самимъ собою и надъ другимъ писателемъ, не справляясь даже съ тѣмъ, признаетъ

---

*) Полемизируя съ П. Е. Астафьевымъ по вопросу о національнизмѣ, К. Леонтьевъ задумалъ изложить свой взглядъ въ рядѣ писемъ къ Вл. Соловьеву, прося его быть въ этой полемикѣ какъ бы третейскимъ судьей. Письма были написаны и посланы на имя Вл. Соловьева, въ Москву въ редакцію журнала «Русское Обозрѣніе». К. Леонтьевъ разсчитывалъ, что они будутъ напечатаны тамъ *съ отвѣтомъ* Вл. Соловьева. Но Вл. Соловьевъ подъ какимъ-то предлогомъ *уклонился* отъ роли судьи, и письма были возвращены обратно. Тогда К. Леонтьевъ, не теряя надежды ихъ напечатать, сталъ передѣлывать нѣсколько ихъ *форму* (въ видѣ писемъ къ князю Д. Н. Цертелеву — редактору „Русскаго Обозрѣнія"), но *не успѣлъ* этого докончить.

Здѣсь письма печатаются съ рукописи въ ихъ первоначальной редакціи писемъ къ Вл. С. Соловьеву. *Ред.*

**) «Русское Обозрѣніе», мартъ. «Гражданинъ», май, №№ 144 и 147 и «Моск. Вѣдомости», іюнь, № 177. (*Все* — 90-го года)

ли онъ Васъ съ своей стороны пригоднымъ судьей или нѣтъ.

Я хочу, чтобы Вы разсудили меня съ г. Астафьевымъ, обвинившимъ меня *въ нападеніи на національный идеалъ вообще, только потому, что я опасаюсь либеральнаго всеславянства.*

Я взялся за это дѣло (за дѣло суда) нѣсколько поздно. Это правда. И сверхъ того — работа моя запоздала еще на цѣлый годъ по причинамъ, которыя Вамъ извѣстны и отъ меня вовсе не зависѣли. Но правда и то, что національный вопросъ въ Россіи въ наше время до такой степени важенъ, что говорить о немъ (даже и по ничтожному поводу нашего съ г. Астафьевымъ недоразумѣнія) никогда не поздно и всегда полезно.

Слишкомъ поздно будетъ только тогда, когда, присоединивши Царьградъ къ русской коронѣ и сдѣлавъ на новой и родственной намъ почвѣ православнаго Юго-Востока нѣсколько неудачныхъ шаговъ по пути религіознаго и культурно-государственнаго обособленія отъ Запада, мы увидимъ съ горестью, что все это одни лишь мечтанія и что намъ предстоятъ только двѣ дороги — *объ безповоротно европейскія* — или путь подчиненія папству и потомъ въ союзѣ съ нимъ борьба на жизнь и смерть съ антихристомъ демократіи, или же путь этой самой демократіи ко всеобщему безвѣрію и убійственному равенству.

Но пока мы все еще стоимъ на нашей старой русской почвѣ, и будущее Россіи, даже и ближайшее, попрежнему остается загадкой.

И въ виду этой загадочности г. Астафьевъ вполнѣ правъ, говоря, что намъ необходимо вникнуть какъ можно сознательнѣе въ наши національныя задачи и разъяснить ихъ другъ другу. Гнѣваться только при этихъ разъясненіяхъ не надо другъ на друга ужъ такъ сильно, какъ прогнѣвался онъ на меня въ № 177 «Москов. Вѣдом.».

Можно ли, напримѣръ, разсудите по справедливости, укорять меня даже за то, что мои два фельетона, напечатанные въ «Гражданинѣ» въ отвѣтъ на его краткую и пре-

небрежительную замѣтку въ статьѣ «Національное сознаніе», были слишкомъ «обширны»!

Вѣдь эта «обширность», «обширность», «обширность», которой онъ меня какъ бы дразнитъ, доказываетъ, что я очень дорожу его мнѣніемъ и больше ничего. Развѣ это обидно?

Нельзя мнѣ и не дорожить его мнѣніемъ. Человѣкъ казался весьма близкимъ ко мнѣ по идеаламъ своимъ и недавно еще трудами моими не только не брезгалъ, но и весьма публично ихъ одобрялъ.

Самъ по себѣ это сверхъ того писатель въ высшей степени серьезный, умный, свѣдущій. Правда, многіе укоряютъ его за то, что, задумывая свои статьи всегда очень глубоко, онъ пишетъ не всегда ясно и легко. Но и съ этой стороны онъ съ каждымъ годомъ исправляется все больше и больше. Къ тому же относительно этой «темноты» я долженъ прибавить, что самъ я давно уже сталъ свыкаться съ ней и, несмотря на весь дилетантизмъ и слабость моего метафизическаго образованія, выучился скоро понимать по симпатіи его *чувства* даже и тогда, когда плохо понималъ его *слова* и *мысли*. Потому-то, между прочимъ, что я всегда почти умѣлъ видѣть родственный мнѣ свѣтъ сквозь дымку его изложенія, я и былъ такъ непріятно изумленъ его замѣткой въ «Русскомъ Обозрѣніи».

Я прежде, хотя и не безъ напряженія, но все-таки понималъ его; теперь рѣшительно не понимаю, о чемъ онъ говоритъ! Значитъ на этотъ разъ или онъ ошибся, или я въ какомъ-то затменіи. Вотъ что я подумалъ.

Но одна невыгодная для меня ошибка другого писателя (если и предположить, что я дѣйствительно правѣе его) еще не даетъ мнѣ права пренебрегать его мнѣніями, если я, до этой неправильной оцѣнки, эти мнѣнія цѣнилъ. Ошибся; что жъ за бѣда? Кто жъ не ошибается?

Пусть г. Астафьевъ говоритъ, что у «національнаго начала» есть противники и защитники «посерьезнѣе» и «поизвѣстнѣе» меня (иными словами, что мои взгляды не очень-то важны). Это его дѣло.

Пусть онъ считаетъ меня несерьезнымъ писателемъ; я буду считать его серьезнымъ.

Пусть онъ почти радуется тому, что у «національнаго начала» есть и противники и защитники «поизвѣстнѣе» меня. Я, напротивъ того, радуюсь тому, что его извѣстность въ послѣднее время возрастаетъ, и желаю ему еще больше успѣховъ, потому что его идеалы мнѣ симпатичны, потому что его дѣятельность въ глазахъ моихъ полезна, потому, наконецъ, что я не теряю надежды на еще бо́льшее улучшеніе его манеры писать.

Пусть и теперь, читая случайно эти мои къ Вамъ письма, уже несравненно болѣе *обширныя*, чѣмъ фельетоны мои въ «Гражданинѣ», пусть онъ, какъ бы съ удовольствіемъ побѣдителя, назоветъ ихъ уже не обширными только, а прямо «нескончаемыми», а все-таки не позволю себѣ ни пренебрегать его мнѣніемъ, ни издѣваться надъ нимъ, ни дразнить его..

Не позволю я себѣ этого прежде всего потому, что это было бы неискренно съ моей стороны — я его уважаю; во-вторыхъ, потому, что не могу безъ отвращенія видѣть, когда какой-нибудь «сотрудникъ» съ пѣной у рта лѣзетъ на стѣну изъ-за своего литературнаго самолюбія, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ безъ его «взглядовъ» и вода не освятится! Не желаю напоминать ни другимъ, ни даже самому себѣ такого сотрудника. Ибо иное дѣло доходить даже до бѣшенства за идею и другое дѣло за *свою* какую-нибудь замѣтку, статью или книгу источать ядъ. Противно! И, наконецъ я себѣ не позволю ничего подобнаго по *многимъ другимъ побочнымъ побужденіямъ*. Эти побочныя побужденія весьма важны; правда, они такого большею частью личнаго характера, что передъ *читающими* не годится ихъ обнаруживать; но самъ *пишущій* долженъ имъ *втайнѣ* подчиняться, если онъ не отвергаетъ, что и въ литературныя отношенія не мѣшаетъ вносить нравственные и сердечные мотивы.

Итакъ, я самъ предвижу, что письма мои будутъ весьма «обширны»; самъ знаю, что буду многословенъ и буду часто отвлекаться въ сторону.

Простите же и Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, эту немощь мою. Предметъ спора такъ значителенъ, чувства мои до сихъ поръ еще по временамъ такъ горячи, и къ тому же мнѣ до того хочется *понять* моего загадочнаго (на этотъ разъ) обвинителя, что я это пониманіе готовъ съ радостью купить даже и цѣной признанія моей собственной неправоты.

Обратимся же къ самому дѣлу.

Ходъ нашей съ г. Астафьевымъ «исторіи» Вамъ, кажется, знакомъ; но я его все-таки здѣсь для порядка напомню, тѣмъ болѣе, что я надѣюсь: авось либо не Вы же одни во всей Россіи будете эти мои письма читать.

Я издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи».

Заглавіе было неудачно, не точно. Нужно было сказать: «Политика *національностей* (la politique des nationalités). Или, пожалуй: «*Племенная* политика — орудіе революціи».

Г. Астафьевъ, возражая на Ваши взгляды, въ своей статьѣ «Національное сознаніе» («Русское Обозрѣніе», мартъ, 1890 г.) посвятилъ мимоходомъ и мнѣ одну страничку, которую началъ такъ: «Не страшны для національнаго *идеала* и такія нападенія и т. д.». Я же, какъ Вы знаете, считаю себя защитникомъ и служителемъ этого «національнаго идеала».

Изумленный донельзя такимъ пониманіемъ моей мысли, я напечаталъ въ «Гражданинѣ» два фельетона подъ заглавіемъ «Ошибка г. Астафьева». Надѣюсь, что всякій, кто прочтетъ въ спокойномъ состояніи ума это возраженіе, найдетъ, что оно написано добродушно и уважительно.

Мнѣ кажется, въ немъ гораздо больше замѣтно огорченіе, чѣмъ гнѣвъ; удивленіе тому, какъ изъ единомышленниковъ я вдругъ попалъ въ противники, чѣмъ намѣреніе оскорбить г. Астафьева.

Вы помните, *какъ* онъ отвѣтилъ на это въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Я послѣ этого прямо ему возражать не буду. Ему самому у меня отвѣтъ одинъ — изъ книги Бытія: «Не согрѣшилъ ли еси? Умолкни» (гл. IV).

Для меня дороже всего въ этомъ спорѣ его умственная, теоретическая сторона.

Я ищу не побѣдить, не переспорить: я желаю только *понять*.

Я хочу, чтобы Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, растолковали мнѣ — кто изъ насъ двухъ теоретически правѣе.

Разница въ нашемъ съ г. Астафьевымъ пониманіи одного и того же дѣла до того уже велика, что тутъ, мнѣ кажется, нѣтъ возможности примириться на чемъ-нибудь среднемъ безъ постороннней помощи. Кто-нибудь одинъ изъ насъ долженъ быть признанъ вовсе не понимающимъ другого.

Я, впрочемъ, ужъ и прежде пытался взять значительную часть вины на себя; я согласенъ признаться, что я не въ силахъ изломать всѣ мои привычныя представленія и понятія до такой степени, чтобы и на этотъ разъ попасть въ теченіе его мысли. Г-нъ же Астафьевъ думаетъ, что понялъ меня. Онъ видимо увѣренъ въ себѣ; я въ себѣ сомнѣваюсь; онъ признаетъ себя вполнѣ компетентнымъ въ томъ культурно-политическомъ вопросѣ, которымъ я давно занимаюсь. Я въ метафизическихъ изворотахъ легко теряюсь и вовсе не считаю себя въ нихъ сильнымъ. Я только изумляюсь; я только спрашиваю себя: возможно ли понимать то, что я говорю, такъ, какъ понимаетъ его г. Астафьевъ? Г. Астафьевъ, напротивъ того, думаетъ, будто бы чѣмъ-то пробилъ «значительную брешь» въ тѣхъ основаніяхъ, которымъ, по его же словамъ, я такъ давно и такъ «страстно» служу... И будто сознаніе моей теоретической неправоты возбуждаетъ во мнѣ затаенный гнѣвъ.

Искренно и положа руку на сердце, говорю, что мнѣ и въ голову ничего подобнаго не приходило, когда я читалъ его статью въ «Русскомъ Обозрѣніи»! Разсудите, прошу Васъ, чѣмъ онъ могъ пробить эту «брешь»? Я, напротивъ того, думалъ, что онъ, заботясь по-своему о національно-духовномъ обособленіи Россіи, вторитъ мнѣ, разсматривая дѣло съ своей особой точки зрѣнія. Другимъ путемъ идетъ къ тому же.

Я самъ себѣ представлялся анатомомъ и физіологомъ національнаго вопроса; онъ казался мнѣ химикомъ или физикомъ, долженствующимъ подтвердить мои выводы и наблюденія. Онъ заботится объ особомъ, такъ сказать, «стилѣ»

русскаго національнаго *сознанія*; объ особомъ «психическомъ строѣ» русскихъ людей. Я въ моей брошюрѣ («Національная политика») и во скольких другихъ сочиненіяхъ моихъ указываю на то, что строй психическій и религіозно-политическіе идеалы славянъ, не только австрійскихъ, но и восточныхъ, гораздо ближе къ буржуазно-европейскому строю и къ либерально-утилитарнымъ идеаламъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые преобладаютъ въ нашемъ народѣ. И, указывая на эту глубокую разницу, я постоянно твержу, что панславизмъ можетъ стать безопасенъ для насъ лишь въ томъ случаѣ, если современное намъ новое движеніе русскихъ умовъ къ «мистическому» и «государственному» (движеніе, въ которомъ и г. Астафьевъ участвуетъ) окажется не эфемерной реакціей, а плодомъ дѣйствительно глубокаго разочарованія въ европеизмѣ XIX вѣка. (Именно только XIX и конца XVIII; европеизмъ же *старый* можетъ служить хорошимъ примѣромъ во многомъ.) Возражая Вамъ на Вашу религіозно-космополитическую пропов-ѣдь, г. Астафьевъ ужъ скорѣе долженъ былъ бы цитировать меня, а никакъ не возражать мнѣ. А если онъ не находитъ нужнымъ цитировать меня даже и мимоходомъ (я вѣдь этого не требую), то долженъ былъ бы совершенно умолчать обо мнѣ. Его краткая замѣтка обо мнѣ въ статьѣ, написанной противъ Васъ, точно ненужная заплата на цѣльной одеждѣ другого цвѣта и другой матеріи.

Впрочемъ, чтобы ужъ не слишкомъ повторяться, я лучше попрошу редакцію «Русскаго Обозрѣнія» перепечатать здѣсь изъ «Гражданина» мою статью «Ошибка г. Астафьева». Она невелика и тѣмъ удобна, что въ ней помѣщены какъ страничка г. Астафьева, направленная противъ меня, вся сполна, такъ и отрывокъ изъ моей брошюры, дающій, кажется, довольно ясное понятіе о моихъ главныхъ и конечныхъ выводахъ противъ *чисто-политическаго панславизма*. И для читателей, такимъ образомъ, главный предметъ спора будетъ яснѣе, и Вамъ будетъ легче по готовому разсудить насъ.

Письмо 2-е.

Вотъ обѣщанная въ первомъ письмѣ статья «Гражданина» (26 мая, 90 г. *№№ 144 и 147*).

ОШИБКА Г. АСТАФЬЕВА.

Рѣдко въ жизни моей приходилось мнѣ удивляться такъ, какъ удивился я недавно, когда въ статьѣ г. Астафьева «Національное самосознаніе» («Русское Обозрѣніе», мартъ) прочелъ, будто бы я *нападаю на національный идеалъ*, въ моей брошюрѣ «*Національность*, какъ орудіе всемірной революціи».

Прежде всего замѣчу, что мнѣ какъ-то особенно не посчастливилось съ заглавіемъ этой брошюры. Правда, оно само по себѣ ужъ тѣмъ нехорошо, что слишкомъ длинно. Это моя вина. Но я утѣшалъ себя тѣмъ, что смыслъ этого длиннаго заглавія, по крайней мѣрѣ, очень ясенъ. Но и въ этомъ я, кажется, ошибся.

Люди, вполнѣ надежные, говоря объ этой—въ недобрый, видно, часъ изданной — брошюрѣ, измѣняютъ по-своему ея заглавіе и придаютъ ему этимъ совсѣмъ иное значеніе. Въ прошлогодней іюньской книжкѣ «Русск. Вѣстн.», въ отдѣлѣ библіографіи, былъ объ ней довольно благосклонный отзывъ; но озаглавлена она не просто «Національная политика», какъ у меня, а «Національная *русская* политика, какъ орудіе революціи».

Именно о *русской-то* политикѣ у меня тамъ говорено очень мало — два слова въ концѣ.

Г. Астафьевъ также нашелъ, что слова «національная политика» и «національность» — одно и то же, и, цитируя мое заглавіе, замѣнилъ первое названіе вторымъ.

Можно было бы и промолчать объ этомъ. Изъ-за такого неважнаго недосмотра смѣшно вламываться въ какую-то авторскую амбицію. Но само содержаніе краткой замѣтки

г. Астафьева до того удивительно, что приходится и нехотя возражать.

Кромѣ этой непостижимой напраслины, которую взвелъ на меня г. Астафьевъ, и кромѣ небольшой статьи «Русск. Вѣстн.», брошюра моя удостоилась еще и вниманія А. А. Кирѣева, который возражалъ мнѣ цѣлой солидной книжкой: «Народная политика, какъ основа порядка».

И съ г. Кирѣевымъ и съ «Русскимъ Вѣстникомъ» столковаться можно...

Библіографическая замѣтка «Русскаго Вѣстника» кончается слѣдующими словами:

«Нельзя не согласиться съ авторомъ, что нашъ демократическій вѣкъ слишкомъ сѣръ, что въ немъ царитъ посредственность, что стремленіе къ «ассимиляціи» губитъ чувство изящнаго, опошливаетъ жизнь. Мѣщанская шаблонность наложила печать на всѣ высшія проявленія человѣческаго духа, на его «творчество», всегда оригинальное. Великимъ государственнымъ умамъ не даютъ развернуться тѣсныя рамки законности, да и спроса на нихъ нѣтъ, хотя въ самыхъ «передовыхъ» странахъ все громче и громче слышатся презрительные отзывы о тѣхъ свободныхъ учрежденіяхъ, которыя пріобрѣтались цѣною крови. Демократія повела человѣчество не впередъ, а назадъ, обезличила духовнаго человѣка, превратила его въ дѣльца, въ труженика для достиженія матеріальныхъ благъ. Цѣлыя націи стали походить одна на другую. По мнѣнію автора брошюры нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что если народы не образумятся, то современный политическій націонализмъ роковымъ образомъ приведетъ ихъ къ образованію всеевропейскаго, а затѣмъ и вселенскаго демократическаго государства. Находятся и сторонники такой утопіи — клерикалы и соціалисты, но ихъ пѣсенка спѣта въ Россіи».

Что могу я возразить на эти слова?

Развѣ то, что неизвѣстно еще, такъ ли окончательно и безвозвратно спѣта въ Россіи пѣсня соціалистовъ и клерикаловъ, и что въ виду подобныхъ опасностей мнитель-

ность и для государства, и для національной культуры — гораздо полезнѣе, чѣмъ самоувѣренность и безпечность.

И только. Ибо несомнѣнно, что критикъ очень хорошо понялъ, чего я желаю и чего я боюсь.

Онъ понялъ, что я желаю утвержденія въ Россіи національныхъ особенностей, что я люблю національный идеалъ нашъ и боюсь, какъ бы неосторожное и преждевременное сближеніе (а потомъ и сліяніе) наше съ либеральными и католическими славянами не повредило бы этому національному идеалу, — не погубило бы нашихъ національныхъ особенностей, не утопило бы ихъ въ страшномъ морѣ европейскаго демократизма.

Понялъ, чего я хочу и чего я боюсь въ Россіи, г. Кирѣевъ.

Главный смыслъ его возраженій слѣдующій: относительно Западной Европы онъ, подобно «Русск. Вѣсти.», согласенъ со мной, что многое въ ней стало хуже прежняго; но прибавляетъ, что нельзя же жертвовать свободой и другими удобствами жизни для сохраненія всего того, что могло быть въ прежней жизни величаво, живописно, симпатично и т. д.

Относительно положенія дѣлъ на православномъ Востокѣ г. Кирѣевъ старается прежде всего оправдать славянофиловъ, которыхъ я обвиняю въ «либерализмѣ». Онъ говоритъ: «не славянофилы виноваты въ томъ, что Болгаріи навязали учрежденія въ западномъ духѣ — не славянофилы, а западники въ средѣ нашей дипломатіи и т. д.».

Кончаетъ свою брошюру г. Кирѣевъ такъ:

«Нѣтъ, почтенный авторъ не остается вѣрнымъ избранному имъ эпиграфу; его артистическая натура, его весьма законное отвращеніе отъ «эгалитарной» пошлости довело его до самыхъ несправедливыхъ обвиненій, и не къ намъ, славянофиламъ, а напротивъ, къ нашимъ противникамъ должны быть направлены его укоры!»

«Простое возстановленіе стараго порядка, простое къ нему возвращеніе, ежели бы и было возможно, не могло бы уже помочь дѣлу, не могло бы уже остановить запад-

ныя государства на пути къ паденію; не въ этомъ слѣдуетъ имъ искать спасенія отъ угрожающей опасности. Что же касается до національной политики, то она не только не представляетъ опасности, а совершенно наоборотъ, ведетъ къ облагораживанію политическихъ идеаловъ и къ установленію того порядка, къ тому переустройству Европы, которое одно способно гарантировать ей мирную будущность и спокойное развитіе ея нравственныхъ и даже матеріальныхъ силъ».

Таково общее противъ меня заключеніе г. Кирѣева.

Положимъ, что человѣку, подобно мнѣ, претендующему давать совѣты практической политики, не особенно лестно слышать, что его честятъ «артистомъ»...

Положимъ еще, что можно бы напомнить г. Кирѣеву взглядъ Данилевскаго на прекрасное, выраженный имъ въ слѣдующей краткой замѣткѣ:

«Красота есть единственная духовная сторона матеріи; слѣдовательно красота есть единственная связь этихъ двухъ основныхъ началъ міра». И еще его же мысль: «Богъ пожелалъ создать красоту и для этого создалъ матерію».

И, напомнивъ эти строки моему почтенному оппоненту, я могу спросить его: «неужели нельзя приложить этого взгляда и къ человѣческимъ обществамъ? Жизнь человѣческихъ обществъ (состоящую изъ жизни плоти и жизни духа) можно тоже разсматривать и одновременно и поперемѣнно (не впадая въ непримиримыя противорѣчія), и съ религіозной и съ эстетической стороны. Ибо несмотря на то, что развитіе прекраснаго въ жизни сопряжено со многими скорбями, пороками и даже ужасами, — эта эстетика жизни гораздо менѣе губительна для религіозныхъ началъ, чѣмъ простая утилитарная мораль. Діоклетіаны и даже Борджіа были гораздо менѣе вредны для христіанства, чѣмъ многіе очень скромные и честные бюргеры нашего времени. Ослабѣютъ всѣ проявленія героическаго, живописнаго, трагическаго, демоническаго въ жизни обществъ, — изсякнутъ мало-по-малу въ ней и всѣ религіозныя, и даже всѣ государственно-практическія силы, развѣ

за исключеніемъ одной индустріи, одного утилитаризма (весьма вдобавокъ обманчиваго). Сверхъ этого я могъ бы доказать г. Кирѣеву, что я вовсе не считаю славянофиловъ виноватыми въ современномъ положеніи дѣлъ на православномъ Востокѣ; и въ брошюрѣ моей я *этого именно* нигдѣ не говорилъ. Да кстати сказать, я вовсе и не нахожу положенія этихъ восточныхъ дѣлъ столь ужаснымъ для насъ. Если не *слишкомъ опоздаемъ* присоединить Царьградъ, то все тотчасъ же исправится; а безъ счастливой войны, разумѣется, нельзя ничего сдѣлать, и я, вѣря въ будущность Россіи, *вѣрю и въ близость этой счастливой войны*. Конечно не славянофилы, а ихъ противники виноваты въ томъ, что болгарамъ дали европейскую конституцію. Это вѣрно; но когда я говорю «эгалитарный либерализмъ» или просто «либерализмъ», я подразумѣваю не одну только «конституцію», но и многое другое: и гражданскую равноправность или безсословность, которыхъ славянофилы были всегда защитниками, и какой-то *немножко* протестантскій духъ, которымъ вѣетъ отъ ихъ богословскихъ трудовъ, и *неканоническія* ихъ сочувствія болгарскимъ раціоналистамъ въ церковной распрѣ съ патріархомъ и т. д., и т. д. Но я никогда и нигдѣ не говорилъ, что славянофилы «хотятъ отступиться отъ церкви». Избави меня, Боже, отъ такой клеветы! Я могу только опасаться, что, сочувствуя слишкомъ безусловно *племени*, можно повредить церкви и нечаянно. О простомъ возстановленіи «стараго порядка» на Западѣ, разумѣется, нечего думать; на самомъ Западѣ даже, по всѣмъ слухамъ и признакамъ, никто объ этомъ не думаетъ. Да и признаюсь съ полной откровенностью, что мнѣ никакого дѣла нѣтъ ни до «мирной будущности» современной демократической Европы, ни до «спокойнаго развитія ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ». Я полагаю, что русскому человѣку, живущему въ концѣ XIX вѣка, все это должно быть важно только съ одной точки зрѣнія: съ той, чтобы слишкомъ большое развитіе этихъ нравственныхъ (??) и матеріальныхъ силъ — демократическихъ и механическихъ — не по-

мѣшало бы нашему самобытному развитію. Сама же по себѣ Европа не заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія; она примѣръ *для неподражанія* и больше ничего. Въ моей брошюрѣ я говорилъ много о политической патологіи Запада; но ни о какихъ «лѣченіяхъ» и возстановленіяхъ не только не думалъ, но не разъ и прямо указывалъ, что они невозможны. Мой медицинскій эпиграфъ «qui bene distinguit bene medetur» назначенъ былъ только для русскихъ. Онъ значитъ вотъ что: «Панславизмъ (хотя бы и самый постепенный) неизбѣженъ; но онъ опасенъ, какъ видно изъ примѣровъ другихъ племенъ, потому-то и потому-то... Дѣло не въ славянствѣ, дѣло въ самобытномъ *славизмѣ*... и т. д. Надо различать *культурно-національный* идеалъ нашъ отъ грубаго и простого *политическаго* идеала, отъ идеала «какого ни на есть» общеплеменного объединенія»...

Въ книгѣ г. Кирѣева затронуто много интересныхъ вопросовъ, и я очень жалѣю, что по разнымъ причинамъ не могу вступить теперь съ нимъ въ основательное, долгое и дружественное преніе. Споръ о подробностяхъ между нами возможенъ уже потому, что мы понимаемъ другъ друга и въ самомъ существенномъ вполнѣ согласны.

Вотъ что говоритъ г. Кирѣевъ на стр. 21 своей книги:

«Г. Леонтьевъ совершенно правъ, утверждая, что славянофильство должно вести къ *славяноособію*, къ духовной, умственной и бытовой самобытности; что оно должно итти рука объ руку съ церковью и сторониться политиканства и опрометчиваго либерализма, разрушающаго безъ толку все существующее! Это совершенно вѣрно, но кто же изъ насъ, славянофиловъ, говоритъ противное?»

Сверхъ того въ началѣ своего труда (на стр. 4 и 5) критикъ мой приводитъ выдержки изъ моей брошюры и дѣлаетъ это въ высшей степени добросовѣстно; эти цитаты очень точны и существенны для разъясненія моего взгляда.

При такихъ условіяхъ серьезный споръ не только возможенъ, но и для читателей и для обоихъ авторовъ полезенъ.

За нѣкоторыя поучительныя возраженія я г. Кирѣеву даже весьма признателенъ. Они могутъ мнѣ впередъ пригодиться.

Но съ г. Астафьевымъ по поводу его обо мнѣ замѣтки въ статьѣ «Національное самосознаніе» я спорить не буду.

Это рѣшительно невозможно!..

Я говорю одно, а онъ говоритъ совсѣмъ о другомъ. Онъ меня понялъ до того уже превратно, что читаешь и глазамъ не вѣришь... И я, съ моей стороны (признаюсь въ моемъ безсиліи), его «отвлеченій» рѣшительно на этотъ разъ не понимаю.

Быть можетъ мы оба виноваты. Но если такъ, то споръ тѣмъ болѣе невозможенъ.

Для меня г. Астафьевъ говоритъ не о моей брошюрѣ, а о какой-то другой, *не моей*.

Я воображаю, что являюсь въ моей книжкѣ пламеннымъ *защитникомъ* русскаго національнаго культурнаго идеала. Г. Астафьевъ говоритъ, что я на этотъ идеалъ *нападаю*.

Тутъ уже невозможенъ никакой диспутъ! Я отъ него заранѣе отказываюсь.

Я желаю только протестовать противъ подобнаго незаслуженнаго мною обвиненія.

Я бы не сталъ и протестовать, если бъ г. Астафьевъ сказалъ такъ: «Леонтьевъ хочетъ защищать культурный русскій идеалъ отъ излишествъ націонализма племенного; онъ всегда стоялъ за самобытность нашу; но эту брошюру онъ написалъ такъ дурно, что можно при невнимательномъ чтеніи, пожалуй, подумать, что онъ на этотъ идеалъ нападаетъ».

Это былъ бы укоръ моей неумѣлости, моему стилю, моей непослѣдовательности, однимъ словомъ — укоръ литературный... или философскій, пожалуй.

Это еще не большая бѣда.

Но укоръ г. Астафьева — укоръ почти *гражданскій*. Онъ говоритъ, что я *нападаю именно на то, чему я готовъ и теперь всѣми послѣдними силами моими служить...*

На такое обвиненіе, на такое непостижимое недоразумѣніе не могу отвѣчать молчаніемъ.

О томъ, *какъ* я пишу, — пусть судятъ другіе. О томъ, *что* я пишу и для *чего*, съ *какой цѣлью* — я самъ, наилучшій судья.

Я не судья исполненій; я судья лишь намѣреній моихъ.

Разбирать окончательно замѣтку г. Астафьева не буду. Я въ ней не вижу ясныхъ отношеній къ моей основной мысли (о вредѣ племенныхъ объединеній въ XIX вѣкѣ). Какъ же я могу возражать основательно на то, что для меня совсѣмъ непонятно?

Поэтому я предпочитаю выписать сначала изъ моей брошюры такой отрывокъ, въ которомъ сосредоточены и самые основные взгляды, и самые послѣдніе практическіе выводы мои относительно Россіи и славянства, а потомъ приведу небольшую замѣтку г. Астафьева всю сполна.

Пусть читатели судятъ сами. Вотъ отрывокъ.

«Псевдо-національное или племенное начало привело шагъ за шагомъ Европу къ низверженію всѣхъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ утвердилась и процвѣла западная цивилизація. Итакъ, ясно, что политика племенная, обыкновенно называемая національною, есть не что иное, какъ слѣпое орудіе все той же всесвѣтной революціи, которой и мы, русскіе, къ несчастію, стали служить съ 1861 года.

Въ частности поэтому и для насъ политика чисто-славянская (искреннимъ православнымъ мистицизмомъ не исправленная, глубокимъ отвращеніемъ къ прозаическимъ формамъ современной Европы не ожесточенная) — есть политика революціонная, космополитическая. И если въ самомъ дѣлѣ у насъ есть въ исторіи какое-нибудь особое, истинно-національное, мало-мальски своеобразное, другими словами — культурное, а не чисто-политическое призваніе, то мы впредь должны смотрѣть на панславизмъ какъ на дѣло весьма опасное, если не совсѣмъ губительное.

Истинное (то-есть культурное, обособляющее насъ въ бытѣ, духѣ, учрежденіяхъ) славянофильство (или, точнѣе, культурофильство) должно отнынѣ стать жестокимъ про-

тивникомъ опрометчиваго, чисто политическаго панславизма.

Если славянофилы-культуролюбцы не желаютъ повторять однѣ только ошибки Хомякова и Данилевскаго, если они не хотятъ удовлетвориться одними только эмансипаціонными заблужденіями своихъ знаменитыхъ учителей, а намѣрены служить ихъ главному, высшему идеалу, то-есть національнизму настоящему, обособляющему и утверждающему нашъ духъ и бытовыя формы наши, то они должны впредь остерегаться слишкомъ быстраго разрѣшенія всеславянскаго вопроса.

Идея православно-культурнаго руссизма дѣйствительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизмъ же во что бы то ни стало, — это подражаніе и больше ничего. Это идеалъ современно-европейскій, унитарно-либеральный, это — стремленіе быть какъ всѣ. Это все та же общеевропейская революція.

Нужно теперь не славянолюбіе, не славянопотворство, не славяноволіе, — нужно славяномысліе, славянотворчество, славяноособіе — вотъ что нужно теперь!.. Пора образумиться!

Русскимъ въ наше время надо, въ виду всего перечисленнаго мною прежде, стремиться со страстью къ самобытности духовной, умственной и бытовой... И тогда и остальные славяне пойдутъ со временемъ по нашимъ стопамъ.

Эту мысль, простую и ясную до грубости, но почему-то у насъ столь немногимъ доступную, я бы желалъ подробнѣе развить въ особомъ рядѣ писемъ объ опасностяхъ панславизма и о средствахъ предотвратить эти опасности. Не знаю, успѣю ли.

Я полагаю, что однимъ изъ главныхъ этихъ средствъ должно быть по возможности долгое, очень долгое сохраненіе Австріи, предварительно, конечно, жестоко проученной.

Воевать съ Австріей желательно; изгнать ее изъ Босніи, Герцеговины и вообще изъ предѣловъ Балканскаго полуострова необходимо, но разрушать ее—избави насъ, Боже.

Она до поры, до времени (до православно-культурнаго возрожденія самой Россіи и восточныхъ иновѣрцевъ ея) — драгоцѣнный намъ карантинъ отъ чеховъ и другихъ уже слишкомъ европейскихъ славянъ. (См. «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи», стр. 44—45.)

Кажется — ясно.

А вотъ замѣтка г. Астафьева о моемъ «нападеніи» на «національность», на «національное начало», на «національные идеалы» и т. д.

«Не страшны для національнаго идеала и такія нападенія, какъ сдѣланное на него не такъ давно К. Н. Леонтьевымъ въ брошюрѣ «*Національность*, какъ орудіе всемірной революціи», брошюрѣ, замѣчательно талантливой по художественной яркости нарисованной картины нашего вѣка, но или ничего не доказывающей противъ начала національности, или доказывающей гораздо больше, чѣмъ автору нужно. Вѣдь если прожитый нами вѣкъ революціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкомъ пробудившагося сознанія и торжества національнаго начала, то былъ онъ также вѣкомъ и весьма многаго другого, напримѣръ: торжества раціоналистической философіи, а затѣмъ матеріализма, скептицизма и позитивизма, вѣкомъ небывалыхъ успѣховъ техники и промышленности, экономическаго развитія роста и торжества космополитической буржуазіи, парламентаризма и т. д., и т. д.! Внутренняя связь всего этого «другого» съ революціей, не болѣе и не менѣе связи ея съ національнымъ началомъ, доказывается простымъ фактомъ одновременности всѣхъ этихъ явленій, которая вообще нигдѣ и ничего сама по себѣ не доказываетъ (какъ намекъ только на приложеніе самаго несовершеннаго изъ индуктивныхъ пріемовъ — метода «согласія»). То же обстоятельство, что національнымъ началомъ было возможно воспользоваться, какъ орудіемъ революціи, противъ этого начала рѣшительно ничего не говоритъ или же говоритъ противъ всѣхъ началъ и силъ жизни вообще, ибо всѣ они могутъ быть и бывали орудіями и революціи, и эволюціи. Орудіями революціи становились, какъ мы знаемъ, порой и наука, и

искусство, имена же Марсилія Падуанскаго, Ла-Боэси, Мильтона, Суарэца, Маріанны и другихъ напоминаютъ намъ, что даже въ религіи не разъ пытались искать освященія для теорій народовластія, цареубійства и революціи, а «мудрый» Локкъ даже спеціально изобрѣлъ (въ своихъ two treatises) для революціи благочестивую книжку «appeal to heaven» (апелляція къ небу). Что же все это можетъ доказывать?.. Конечно ужъ не враждебность революціи и консервативность начала космополитическаго»... (См. «Русское Обозрѣніе», мартъ, «Національное самосознаніе», стр 277—278.)

Прошу кого угодно рѣшить, правъ ли я или нѣтъ, говоря, что здѣсь споръ невозможенъ, а приличенъ только самый простой протестъ, самое краткое оправданіе?

Я не хотѣлъ нападать на тотъ русскій (или даже всеславянскій) *національный идеалъ, который въ духѣ Данилевскаго долженъ воплощаться въ самобытной культурѣ, самобытной жизни, самобытномъ государственномъ строѣ и т. д. Я нападалъ только на идеалъ чисто политическаго всеславянства.* Да и то условно.

Я нападаю на идеалъ всеславянскаго объединенія *когда бы то ни было* и *во что бы то ни стало*; я считаю этотъ послѣдній идеалъ (чисто-политическій) для перваго (для *идеала самобытности* духовно-культурной) весьма опаснымъ уже по одному тому, что большинство образованныхъ *не русскихъ* славянъ слишкомъ привыкло къ европейскимъ формамъ свободы и равенства или слишкомъ предано имъ, не говоря уже объ иновѣріи славянъ австрійскихъ.

И мнѣ кажется, что ни изъ отрывка, приведеннаго здѣсь мною въ мое оправданіе, ни изъ цѣлой брошюры невозможно было никакъ вывести, что я противъ этого *второго* (культурнаго) идеала.

Я бы не позволилъ себѣ сказать, что г. Астафьевъ *не понимаетъ* меня, если бы онъ возражалъ мнѣ такъ, какъ возражали г. Кирѣевъ и критикъ «Русскаго Вѣстника».

Они оба, признавая меня ревностнымъ защитникомъ и служителемъ національно-культурнаго идеала вообще, воз-

ражали,—одинъ, указывая на излишния мои за этотъ идеалъ опасенія, другой—защищая славянофиловъ отъ обвиненія въ либерализмѣ и укоряя меня (слегка) за неразумную любовь мою ко всему величавому и живописному въ жизни и за равнодушіе ко всѣмъ бѣдамъ и скорбямъ, которыя эта «эстетика» причиняетъ.

Ни о томъ, ни о другомъ изъ этихъ двухъ критиковъ моихъ я не имѣю ни малѣйшаго права сказать, что они не поняли моей брошюры; я могу только сказать, что они не во всемъ согласны со мной.

Не позволилъ бы я себѣ также обвинить г. Астафьева въ непониманіи, если бы онъ (какъ я уже разъ это говорилъ) призналъ меня защитникомъ и служителемъ національно-культурнаго идеала, *но до того* (на этотъ, по крайней мѣрѣ, разъ) неумѣлымъ и безтолковымъ, что, судя по брошюрѣ моей, можно принять меня, при нѣкоторомъ невниманіи, за *противника* этого идеала, за *нападающаго на него*.

Если бы г. Астафьевъ вотъ такъ бы про меня сказалъ, то я бы охотно промолчалъ, ибо ненавижу и презираю всякую почемику не за общую идею, а *за себя*, какъ литератора. Тогда мнѣ пришлось бы или признать этотъ строгій литературный судъ заслуженнымъ, или утѣшаться надеждою, что вкусы бываютъ разные. Ему не понравилось; другимъ, можетъ быть, понравится мое изложеніе, моя манера писать.

Но тутъ дѣло идетъ не о манерѣ, не объ изложеніи, но о томъ, что зовется гражданскими, или политическими убѣжденіями человѣка.

Я не желаю, чтобы меня считали противникомъ *культурнаго національнализма*,—и потому молчать мнѣ нельзя. Пусть считаютъ меня самымъ плохимъ, самымъ слабымъ, самымъ взбалмошнымъ и безполезнымъ поклонникомъ и защитникомъ этого идеала, но все-таки искреннимъ защитникомъ и пламеннымъ поклонникомъ его.

Доказать, что я *сознательный противникъ культурнаго національнализма, никто не можетъ;* могутъ доказать только,

что я не умѣю хорошо писать и разсуждаю до того непослѣдовательно и неубѣжденно, что даже и ученый умъ г. Астафьева затмился подъ вліяніемъ моей неспособности.

Это быть можетъ...

Хотя и тутъ выходитъ что-то загадочное... Даже и при готовности смириться, все-таки еще разъ невольно спрашиваешь себя: «отчего же не затмились умы г. Кирѣева и того человѣка, который составилъ библіографическую замѣтку въ іюньской книжкѣ «Рус. Вѣстн.»?»

Они видимо находятъ, что у меня все понятно, хотя далеко не все, по ихъ мнѣнію, основательно.

Это совсѣмъ другое дѣло, и противъ этого я спорить тоже не буду, но — по другой причинѣ...

Я увѣренъ, что основательность моихъ взглядовъ оправдывается самой исторіей. Другіе люди немного позднѣе или сами собой дойдутъ до этихъ взглядовъ, или простонапросто (т.-е. тщательно обо мнѣ умалчивая) воспользуются моими мыслями и будутъ распространять ихъ гораздо удачнѣе моего; такъ уже случилось по болгарскимъ дѣламъ; и еще недавно я имѣлъ утѣшеніе прочесть въ прошлогоднемъ «Новомъ Времени» слѣдующія строки: «Быть можетъ въ тѣ времена болгары не успѣли еще проявиться во всей полнотѣ своихъ хищническихъ инстинктовъ, *но для тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть, не могло быть сомнѣнія и тогда, въ чемъ заключались дѣйствительныя цѣли передовой Болгаріи.* Еще въ 1873 году въ «Руск. Вѣстн.» К. Н. Леонтьевъ, долгое время служившій консуломъ въ болгарскихъ земляхъ, мѣтко очертилъ болгарское движеніе въ статьѣ, озаглавленной «Панславизмъ и греки». Да болгары и не скрывали своихъ плановъ; не Фанаръ и не Порта озабочивали ихъ предусмотрительность, а Россія, грядущая на Востокѣ, которая, опираясь на общность вѣры и племени, встрѣтила бы сочувствіе въ болгарскомъ простомъ народѣ. *Раціоналистическій походъ* болгарской интеллигенціи противъ Фанара былъ еще въ большей степени направленъ противъ Россіи. Событія, въ настоящую минуту совершающіяся въ Болгаріи, не болѣе какъ продолженіе того, что

четверть вѣка тому назадъ устно и на столбцахъ газетъ проповѣдывали болгарскіе народные «дѣйцы»: Христо Ботевъ, Любенъ Каравеловъ и Раковскій».

Я подчеркнулъ въ текстѣ «Нов. Времен.» слово «раціоналистическій походъ», ибо нахожу, что *раціонализмъ югославянской интеллигенціи гораздо опаснѣе для Россіи при тѣсной дружбѣ съ этой интеллигенціей, чѣмъ при враждѣ ея.*

Статью «Панславизмъ и греки», о которой упоминаетъ «Нов. Вр.», я напечаталъ въ 1873 году; но позднѣе, лѣтъ черезъ десять (82—83), въ еженедѣльномъ «Гражданинѣ» я говорилъ такъ:

«Однимъ изъ обстоятельствъ, наиболѣе выгодныхъ для насъ и для всего славяно-восточнаго міра, я считаю: *неустройства въ Болгаріи и Сербіи, грубые промахи короля Милана и неблагодарность либеральныхъ болгаръ и сербовъ*». (См. мой сборникъ «Востокъ, Россія и славянство», т. I. стр. 296 и т. д.). Черезъ два-три года все то, чего я ждалъ и на что я надѣялся (для нашего вразумленія), обозначилось съ полнѣйшей ясностью. «Грубые промахи» короля Милана привели Сербію къ современной въ ней религіозной и политической реакціи въ пользу православія и Россіи. И Болгарія, такъ или иначе, волей или неволей, не избѣгнуть подобнаго поворота. Все это намъ урокъ, чтобы мы надѣялись не на *самыя племена*, а на *религіозныя основы* ихъ, общія съ нашими.

Писалъ я также въ 1880 году о неотчуждаемости дворянскихъ земель; писалъ въ такое время, когда сами дворяне смѣялись надъ этой мыслью. (См. т. II моего сборника, передовая статья «Варш. Дневн.»).

Теперь надъ этой мыслью не только никто не смѣется, но и весьма вліятельные люди сильно озабочены ею. То же, вѣроятно, случится съ моимъ противоположеніемъ идеала чисто племенныхъ объединеній идеалу культурному и творческому, съ моей боязнью за второй идеалъ при видѣ плачевныхъ результатовъ племенной политики на Западѣ.

Примутъ мое мнѣніе и другіе позднѣе; поймутъ мои чувства. Придетъ время, когда и г. Астафьевъ увидитъ ясно свою непонятную ему теперь ошибку и сознается въ ней.

И какъ же не ошибка!

Національный русскій идеалъ понимается всѣми болѣе или менѣе такъ. *Православіе и его усиленіе; самодержавіе* и его незыблемость; быть можетъ (если это удастся), *сообразный съ настоятельными потребностями жизни* (и по этому самому своеобразный) *сословный* строй, *сохраненіе неотчуждаемости крестьянскихъ земель* (и если возможно, то и *закрѣпленіе дворянскихъ*); *сохраненіе въ бытѣ* нашемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, *какъ можно больше русскаго*; а если посчастливится, то и созданіе новыхъ формъ быта; *независимость* въ области *мышленія* и *художественнаго* творчества.

(И Данилевскій *все* это имѣлъ въ виду, за исключеніемъ только одного — прочнаго сословнаго переустройства, до котораго онъ случайно какъ-то не додумался.)

Этому самому національному идеалу человѣкъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ служитъ, какъ умѣетъ, перомъ своимъ. За этотъ національный идеалъ онъ боится, чтобы, при грозящихъ теперь ежеминутно политическихъ переворотахъ, не случилось почти внезапнаго сближенія и даже какого-нибудь *смѣшенія* съ *западными*, *слишкомъ европейскими славянами*.

Человѣкъ отъ избытка любви къ этому русскому національному идеалу трепещетъ за него, быть можетъ, и до неразумѣнія. А другой человѣкъ, вдобавокъ весьма умный и ученый, называетъ его *противникомъ* этого идеала, увѣряетъ и себя, и другихъ, что боязнь, эта защита, этотъ патріотическій трепетъ—*называются нападеніемъ*.

Непостижимо!

Впрочемъ и я не совсѣмъ правъ. Я не такъ озаглавилъ мою брошюру. Нужно было озаглавить ее такъ:

«*Культурный идеалъ и племенныя объединенія*».

Это было бы точнѣе и яснѣе.

Что касается до названія «Національная политика», то это одно изъ самыхъ сбивчивыхъ выраженій нашего времени.

Подъ этими словами «Національная политика» подразумѣваются дѣйствія весьма различныя и даже нерѣдко про-

тивоположныя. Употребляя его по привычкѣ, люди, даже и согласные во всемъ главномъ, могутъ легко сбиться и въ частностяхъ не понять другъ друга.

Что-нибудь подобное случилось, вѣроятно, и у насъ съ г. Астафьевымъ. Я, напримѣръ, не только не «противникъ» ему, но, напротивъ того, искренно сочувствую почти всѣмъ его мыслямъ, выраженнымъ въ статьѣ «Національное самосознаніе». Да едва ли онъ находитъ, что для удовольствія заключить поскорѣе въ наши братскія объятія всѣхъ возможныхъ чеховъ, словинцовъ и хорватовъ стоитъ жертвовать и православіемъ, и самодержавіемъ, и всѣми тѣми глубокими особенностями русскаго духа, которыми онъ такъ дорожитъ?

Едва ли!

А если такъ, то въ чемъ же наше разногласіе?

И какъ это я нежданно-негаданно изъ союзниковъ попалъ въ противники?

Удивительно!

На этотъ-то невинный вопль моего изумленія и моей непонятливости г. Астафьевъ отвѣтилъ извѣстной вамъ, уничтожающей меня статьей (№ 177, 90 г.). Послѣ этого второго его на меня нападенія вокругъ меня все стало еще темнѣе... До статьи «Моск. Вѣд.» я не понималъ только его, послѣ нея я пересталъ и самъ себя понимать... Всѣ многочисленныя и ясныя представленія мои омрачились; всѣ понятія мои спутались...

Г. Астафьевъ, какъ сказочный волшебникъ, окуталъ и себя и меня обманами философскаго тумана, въ которомъ я ослѣпъ; не узнаю самъ себя и не знаю уже—куда я принадлежу. Я даже спрашиваю себя наконецъ: «А что если и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ туманѣ скрыта какая-нибудь недоступная мнѣ, подавляющая меня истина, которой я только по недостаточности моихъ метафизическихъ силъ понять не могу и видѣть не умѣю?.. Чѣмъ же онъ виноватъ, если мой умъ такой поверхностный, легкій, эмпири-

ческій и даже беллетристическій, что я за всѣми изгибами его философскихъ «обоснованій» прослѣдить не въ силахъ!..

А если нѣтъ?.. Если я не такъ ужъ слабъ умомъ и не такъ ужъ виноватъ, какъ съ испуга это мнѣ показалось?

Какъ это рѣшить? Какъ же мнѣ быть? Куда я принадлежу? Изъ націоналистовъ меня г. Астафьевъ выбросилъ; въ космополиты я никакъ не гожусь...

Ибо, если бы даже, при видѣ слишкомъ глубокаго проникновенія русской жизни западными началами, человѣкъ и пересталъ бы вѣрить въ возможность того культурнаго обособленія Россіи, о которомъ мечталъ Данилевскій) и которому этотъ человѣкъ самъ прежде пламенно сочувствовалъ,—то и отъ подобнаго разочарованія до настоящаго космополитизма еще очень далеко. Иное дѣло *вѣрить* въ идеалъ и *надѣяться* на его осуществленіе; и иное дѣло *любить* этотъ самый идеалъ. Можно любить и *безнадежно* больную мать; можно, даже и весьма страстно желая культурнаго выздоровленія Россіи,—утратить, наконецъ, вѣру въ это выздоровленіе. Вотъ на основаніи подобныхъ-то чувствъ и наклонностей и я въ космополиты не гожусь. Если бы я подъ какими-нибудь подавляющими вліяніями утратилъ бы окончательно вѣру въ глубокія и *разнородныя* особенности русскаго *національнаго* призванія, то ужъ радоваться моему невѣрію я рѣшительно былъ бы не въ силахъ. Я былъ бы въ такомъ случаѣ похожъ на христіанина временъ мусульманскаго торжества на Востокѣ. Очевидность мѣшала ему въ то время надѣяться, что христіанство и духовно и вещественно отразитъ натискъ исламизма въ Сиріи, Персіи, Египтѣ; но вѣдь полюбить исламъ и вѣрить въ него *лично*, какъ во благо, онъ не могъ. Такъ и я. Я могу повѣрить, наконецъ, въ *торжество* раціоналистическаго космополитизма, но никогда не сочту благомъ это торжество. Въ космополиты я поэтому не гожусь; настоящимъ же націоналистомъ меня не хотятъ признать только потому, что

---

*) Въ *подробностяхъ*, впрочемъ, не совсѣмъ прозорливо, а мѣстами и вовсе ложно.

я не могу въ виду извѣстныхъ соображеній ставить культурно-государственную будущность Россіи въ зависимость отъ объединенія славянъ.

И вотъ въ такомъ-то странномъ положеніи я рѣшился обратиться къ Вашему суду.

Письмо 3-е.

Надо отдать справедливость г. Астафьеву, что оба его на меня нападенія (въ «Русскомъ Обозрѣніи» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») очень содержательны. При всей краткости своей въ нихъ есть много такого, что возбуждаетъ мысль и заставляетъ ее даже насильно трудиться. Ошибочны ли взгляды моего неожиданнаго гонителя или нѣтъ; темно ли его изложеніе, все равно, нельзя не согласиться, что онъ въ этихъ замѣчаніяхъ своихъ коснулся очень многихъ вопросовъ разомъ и задалъ разомъ много задачъ внимательному читателю.

Напримѣръ, упоминая о томъ, что *одновременность* торжества національнаго начала въ XIX вѣкѣ съ революціонными движеніями не можетъ сама по себѣ служить доказательствомъ *внутренней связи* перваго со вторыми, онъ говоритъ въ заключеніе, что «*одновременность* историческихъ явленій сама по себѣ ничего не доказываетъ». Она (эта одновременность), по мнѣнію г. Астафьева, только «намекъ на приложеніе самаго несовершеннаго изъ индуктивныхъ пріемовъ — метода согласія». Понимаете ли Вы эти слова, Владиміръ Сергѣевичъ?

Я ихъ не понимаю, но невольно и упорно задумываюсь надъ ними. Мнѣ хочется разгадать эту загадку, и эта принудительная экскурсія моей мысли на вовсе незнакомый мнѣ и даже довольно тернистый путь меня очень занимаетъ.

Какъ такъ одновременность ничего сама по себѣ не доказываетъ? — спрашиваю я себя съ удивленіемъ. — И что та-

кое этотъ «методъ согласія», о которомъ я никогда, признаюсь, не слыхалъ?

Насчетъ того, что такое этотъ «методъ согласія» и бываетъ ли еще методъ «несогласія» въ какихъ-нибудь подобныхъ этому случаяхъ, я прошу Васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, мнѣ отвѣтить. Вы спеціалистъ по этимъ вопросамъ.

Самъ я объ этомъ и думать не берусь. Тутъ *дума* и не поможетъ, тутъ надо знать твердо «названія».

Я же могу размышлять только о томъ — доказываетъ ли что-нибудь въ исторіи «одновременность явленій» (т.-е. событій, теорій, мировоззрѣній и такъ далѣе).

Начну съ того, что я не знаю, *доказываетъ ли* что-нибудь *одновременность* эта или нѣтъ, но знаю навѣрное, что она *дѣйствуетъ* на людей очень сильно.

Не знаю, какую *логическую* цѣнность имѣетъ *одновременность* историческихъ явленій, но знаю, что *психологическое* значеніе ея *огромное*. Сверхъ того замѣчу еще слѣдующее. Высшая *сверхчеловѣческая* логика исторіи, ея духовная телеологія нерѣдко *въ томъ именно* и видна, что для человѣческой логики большинства современниковъ тѣхъ или другихъ историческихъ явленій связи прямой между этими явленіями не видно. Многими она узнается поздно; немногими она открывается раньше. Но на *души* людей эта невидимая телеологическая связь дѣйствуетъ неотразимо посредствомъ совокупности весьма сложныхъ вліяній.

Возьмемъ европейцевъ XV вѣка. Въ XV вѣкѣ произошли почти одновременно слѣдующія общеизвѣстныя событія: открытіе Америки (1492 г.); изобрѣтеніе книгопечатанія (1455 г.); взятіе Константинополя турками (1456 г.).

Гдѣ прямая, видимая, ясная для современниковъ связь между этими тремя историческими явленіями?

Еще между изобрѣтеніемъ Гуттенберга и открытіемъ Колумба можно найти ту внутреннюю, предварительную (причинную) связь, что *умы* въ то время на Западѣ созрѣли и были чрезвычайно дѣятельны. Европейцы въ то время были исполнены «исканія» подъ вліяніемъ извѣстныхъ накопившихся вѣками впечатлѣній.

Но торжество полудикаго племени турокъ на Востокѣ и бѣгство образованныхъ грековъ съ древними рукописями на Западъ — это въ какой *логической* связи стоитъ съ книгопечатаніемъ и открытіемъ Америки?

Повидимому ни въ какой. Логической связи не было, но была *одновременность* и огромное психологическое *дѣйствіе* всей этой совокупности на европейцевъ XV вѣка.

Была связь *высшей телеологической* логики, и намъ теперь, въ XIX вѣкѣ, эта внутренняя связь тогдашнихъ событій ясна по *плодамъ* своимъ.

Замѣчу мимоходомъ, что, не признавая подобной высшей, прямо сказать, сознательно божественной телеологической связи въ историческихъ явленіяхъ, намъ придется очень многое приписать безсмысленной случайности; напримѣръ, почему у Фомы Палеолога была молодая *дочь* именно въ такое время, когда Іоаннъ III овдовѣлъ и не успѣлъ еще второй разъ жениться? Почему онъ *не успѣлъ* этого сдѣлать? Почему бы изгнаннику Палеологу не быть бездѣтнымъ? Или имѣть только сыновей? Или почему бы Софьѣ не быть замужемъ или до того перезрѣлой и некрасивой, что московскій князь не захотѣлъ бы на ней жениться? Почему одинъ изъ мусульманскихъ народовъ (татарскій народъ) слабѣлъ на сѣверѣ *именно въ то время*, когда другой мусульманскій народъ (турки) торжествовалъ на югѣ? Прямой, ясной, логической связи между всѣми этими историческими обстоятельствами видимо нѣтъ, но одновременность всего этого дѣйствуетъ могущественно на *духъ* восточно-православныхъ народовъ, на духъ русскихъ, грековъ, сербовъ и болгаръ. Связь ясная не въ основахъ логическихъ, не въ *корняхъ*, а въ психологическихъ послѣдствіяхъ, въ *плодахъ* историческихъ.

Въ основѣ таинственная и сразу непонятная божественная телеологія; вполнѣ цѣлесообразныя «смотрѣнія», «изволенія» и «попущенія» Высшей логики; въ результатѣ весьма опредѣленныя и ясныя впечатлѣнія на душу человѣческую, на этотъ живой микрокосмъ, столь способный къ одновременности воспріятія различныхъ впечатлѣній и

къ приведенію ихъ къ живому единству въ нѣдрахъ своихъ.

Одновременность всего вышесказаннаго, т.-е. и такихъ важныхъ историческихъ событій, какъ взятіе Царьграда турками на православномъ Югѣ и свержение татарскаго ига на православномъ Сѣверѣ, и такихъ *будто бы* неважныхъ случайностей, какъ вдовство Іоанна III и существование молодой Софіи Палеологъ, эта *одновременность* тогдашнихъ событій и случайностей (говорю я) продолжаетъ дѣйствовать даже и на всѣхъ насъ въ концѣ XIX вѣка, почти 500 лѣтъ спустя. Благодаря этой одновременности и совокупности, Достоевскій писалъ объ «искании» святыхъ, и г. Астафьевъ (оба западные *европейцы* по образованію и *быту*) идетъ по его слѣдамъ въ этомъ отношеніи.

Если предположить, что *нужно было* въ то время для наилучшаго сохраненія вѣры, съ одной стороны, развить и просвѣтить сѣверный православный народъ, весьма еще молодой, грубый и простой; а съ другой — упростить и повергнуть въ нѣкоторую степень *освѣжающаго* варварства и невѣжества другой православный народъ, южный, несравненно болѣе старый, просвѣщенный и развращенный, то для подобной цѣли нельзя и придумать ничего лучше, какъ *одновременно* освободить русскихъ отъ татарскихъ узъ; подчинить грековъ турецкому игу и женить русскаго князя на греческой княжнѣ, которая принесла бы за собой въ Москву множество византійскихъ вліяній и порядковъ.

Русскимъ въ то время назначено было развиваться на почвѣ восточнаго православія. Они могли итти по пути этого развитія (осложненіе) свободнѣе, не заботясь о «страхѣ татарскомъ».

Грекамъ суждено было въ то время только сохранять православіе, давно уже у нихъ развитое и вошедшее имъ въ кровь.

Сохранить въ чистотѣ и неподвижности свое старое народу уже *зрѣлому* всегда легче подъ игомъ глубоко иновѣрнымъ и очень грубымъ, чѣмъ на полной и слишкомъ долгой волѣ, или при зависимости отъ завоевателя, болѣе об-

щаго по вѣрѣ и менѣе грубаго. Не подчини *тогда* турки грековъ, эти послѣдніе, все старѣя и старѣя безпрепятственно, не только какъ государство, но и какъ нація, и даже *какъ умъ*, могли бы легко стать католиками, протестантами или даже безбожниками. При туркахъ было *не до этого;* при туркахъ греки *помолодѣли на 400 лѣтъ* и никакого нѣтъ сомнѣнія, что если *восточный вопросъ* опять *своевременно* (т.-е. *одновременно* съ другими благопріятными условіями) разрѣшится въ *нашу* пользу, то греки, такъ или иначе, но еще скажутъ и теперь свое слово въ исторіи восточнаго христіанства!

Это слово еще остается за ними благодаря *одновременности* перечисленныхъ событій и случайностей въ XV вѣкѣ!

Вотъ что я думаю объ *одновременности*. Не знаю, какъ называется этотъ методъ «согласія» или «несогласія», но вѣрно одно, что это *методъ дѣйствительной жизни*, о которой я въ моихъ политическихъ статьяхъ гораздо больше забочусь, чѣмъ объ испусканіи изъ себя, съ непривычными для меня натугами, непрерывной метафизико-діалектической нити. И это все еще не главное. До главнаго я еще не касался.

Главное и ближайшее въ этомъ вопросѣ — это вотъ что:

Г. Астафьевъ говоритъ: «Прожитой нами вѣкъ революціи былъ вѣкомъ торжества раціоналистической философіи, затѣмъ матеріализма, скептицизма и позитивизма, вѣкомъ небывалыхъ успѣховъ техники и промышленности, экономическаго развитія, роста и торжества космополитической буржуазіи, парламентаризма и т. д., и т. д. *Внутренняя* связь всего этого «другого» съ революціей не болѣе и не менѣе связи ея съ національнымъ *началомъ* доказывается простымъ фактомъ *одновременности* всѣхъ этихъ *явленій* и т. д.».

О какой это *внутренней* связи тутъ говорится, не знаю. Что значитъ это слово «внутренняя», въ данномъ случаѣ не могу понять отчетливо.

Я знаю навѣрное, и г. Астафьевъ это знаетъ, что на *внутренній міръ*, на умъ и душу *людей*, живущихъ въ XIX вѣкѣ, эта *одновременность* дѣйствуетъ такъ могущественно, что не только сочувствующіе раціонализму, капитализ-

му, индустріи, и т. д., но и недовольные всѣмъ этимъ *невольно* всему этому подчиняются. Я зналъ, напримѣръ, такихъ инженеровъ, техниковъ, желѣзнодорожныхъ дѣятелей, которые считаютъ, что въ Россіи по крайней мѣрѣ желѣзныя дороги сдѣлали гораздо больше самаго разнороднаго вреда, чѣмъ пользы; но они не только вынуждены обстоятельствами ѣздить по нимъ, но и служить по этой части, строить мосты, рельсовые пути и т. д. То-есть они не только пользуются этими орудіями всесмѣшенія, но и способствуетъ поневолѣ ихъ вліянію на другихъ. Г. Астафьевъ самъ даже читалъ лекціи и издалъ книжку объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: «Наше техническое богатство и наша духовная нищета». Онъ во всемъ этомъ, надо отдать ему полную справедливость, увидалъ самую *глубокую* и *существенную* сторону разнообразнаго вреда цивилизаціи этой, прямо *психическую* сторону. Онъ находитъ, что для внутренней *устойчивости* нашихъ впечатлѣній и для *глубины* ихъ— *движеніе жизни* стало слишкомъ быстро, *обмѣнъ* слишкомъ ускоренъ.

Если бы даже всѣ эти явленія нынѣшняго прогресса не состояли бы между собой исходными точками своими и вовсе ни въ какой предварительной *логической* связи, то при дѣйствіи своемъ *на душу* современниковъ нашихъ они все-таки вступаютъ въ нѣдрахъ этой души въ тѣснѣйшую, *конечную*, такъ сказать, *связь именно потому*, что дѣйствуютъ одновременно.

Ребенокъ, рождающійся теперь, юноша, въ настоящее время созрѣвающій, ничего не знаютъ о прежнемъ состояніи доступнаго имъ міра; они прямо и сразу подчиняются *одновременнымъ* впечатлѣніямъ отъ всѣхъ этихъ явленій въ совокупности.

Но вѣдь не всегда было такъ. Въ исторіи, мнѣ кажется, всѣ эти перечисленныя явленія состояли даже и въ прямой *причинной* зависимости другъ отъ друга. Сперва *скептицизмъ* религіозный (напримѣръ, первоначальныя *сомнѣнія* Лютера въ безусловной правотѣ и святости римскаго престола); потомъ эти сомнѣнія перешли въ рѣшительное отри-

цаніе, и дана была *воля разсудку* подвергать *критикѣ* религію, государственныя учрежденія, древній сословный строй и т. д. То-есть раціонализмъ... Создать этотъ раціонализмъ ничего не создалъ (кромѣ множества глубокихъ и остроумныхъ философскихъ системъ, другъ друга опровергающихъ); но расшаталъ болѣе или менѣе все то, чѣмъ жило дотолѣ человѣчество. Люди захотѣли *приложить теорію разсудка* къ жизни, къ политической и соціальной практикѣ. Всякая мистическая ортодоксія *не раціональна*; неограниченная власть *одного* не раціональна; *наслѣдственная* привилегированная аристократія, дворянство и т. д. не раціональны. Все это мистическое, наслѣдственное и т. д. ограничили или уничтожили. Но такъ какъ *равенства полнаго* достичь при этомъ не могли, то явилось, какъ *логическое* неизбѣжное послѣдствіе, преобладаніе *капитала*, торжество буржуазіи и т. д. Вѣдь это преобладаніе при поверхностномъ взглядѣ кажется даже гораздо болѣе раціональнымъ, чѣмъ мистическія и наслѣдственныя привилегіи. Такъ какъ люди не равны способностями, умомъ, терпѣніемъ, твердостью физической силы, то пусть болѣе сильные, терпѣливые, умные, твердые и выдвигаются *богатыя*. Вотъ всѣмъ извѣстное оправданіе для буржуазнаго строя общества и капитализма. Рядомъ съ этимъ раціональнымъ усиленіемъ капитализма (которому *до начала ассимиляціонной* революціи мѣшало преобладаніе духовенства, монарховъ, дворянства) стало возрастать и другое дѣтище того же *раціонализма — точная наука*, механика, физика, химія, техника. *Раціонализмъ* точныхъ прикладныхъ *знаній* естественно вступилъ въ тѣснѣйшій союзъ съ *раціонализмомъ капитала*.

Раціонализмъ же навелъ многихъ и на *космополитическіе* мысли, вкусы и теоріи; механика, усовершенствованіе путей сообщенія и возрастаніе торговаго обмѣна, выставки и т. п. стали способствовать воплощенію въ жизнь этихъ теорій раціональнаго космополитизма. Ясно, что это все «другое» состоитъ въ неразрывной связи между собою и съ *революціей* вообще. И съ революціей по моему понятію въ смыслѣ *всемірной, но не всегда преднамѣренной*

ассимиляціи и въ болѣе обыкновенномъ тѣсномъ смыслѣ· въ смыслѣ прямого и *преднамѣреннаго* ослабленія, ограниченія власти, религіи, привилегій, въ смыслѣ мятежей и возстаній, наконецъ.

Все это: скептицизмъ, раціонализмъ, капитализмъ, техника и т. д. — имѣетъ *космополитическій характеръ;* все это въ высшей степени заразительно и всѣмъ доступно, если не сразу, то довольно все-таки скоро доступно.

Національное же «начало», напротивъ того, есть антитеза космополитическаго, и г. Астафьевъ напрасно говоритъ, что связь его (національнаго начала) съ космополитической революціей *не больше* и *не меньше*, чѣмъ связь всего этого «другого».

Это *все другое* состоитъ съ революціей (въ нашь вѣкъ) въ связи неразрывной и прямо логической. Все это «другое» лишь частныя проявленія общаго теченія ко всемірной ассимиляціи. Это разные цвѣта одного и того же всепожирающаго луча, преломляющагося въ спектрѣ жизни. Это все *космополитизмъ*.

Націонализмъ же состоитъ со всѣмъ этимъ лишь въ такой антагонистической связи, въ какой состоятъ свѣтъ и тѣни, жаръ и холодъ и т. д. Это хорошо. Но несчастье въ томъ (съ моей точки зрѣнія, да вѣроятно и съ точки зрѣнія г. Астафьева), что въ XIX вѣкѣ эта *реакція* противъ космополитизма до сихъ поръ вездѣ *очень слаба* и *жалка*. И защитникамъ націонализма не надо *подобными размѣрами* этой реакціи удовлетворяться. Слаба эта реакція въ наше время уже потому, что дѣйствіе противоположнаго начала, революціоннаго космополитизма, слишкимъ сильно.

Условія нынѣшней *одновременности* въ высшей степени неблагопріятны для подобной обособляющей національной реакціи.

Націи, напримѣръ, освобождаются изъ-подъ зависимости иновѣрной или инородной.

Но, освободившись политически, *онѣ очень рады, въ быту или идеяхъ, походить на всѣхъ другихъ.*

Человѣка, положимъ, выпустили изъ тюрьмы или изъ другого какого-нибудь затвора на вольный воздухъ; онъ свободенъ; но вѣдь большая разница, въ *какое время* мы его выпустили: въ маѣ или въ январѣ, въ здоровое время, или во время ужасной эпидеміи.

Во время эпидеміи онъ, вѣроятно, въ затворѣ своемъ былъ бы цѣлѣе.

Вотъ въ какомъ смыслѣ «одновременность» важна и для національнаго вопроса.

Политическій національнзмъ нашего времени не даетъ національнаго обособленія, потому что подавляющее вліяніе космополитическихъ вкусовъ слишкомъ сильно. Эпидемія еще не окончилась.

Письмо 4-е.

Вторая статья г. Астафьева, напечатанная имъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» противъ моего протеста въ «Гражданинѣ», подѣйствовала на меня двояко: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе вразумительно, чѣмъ первая его замѣтка; въ другихъ, напротивъ того, еще болѣе смущающимъ образомъ.

Весьма вразумительно мнѣ показалось, во-1-хъ, то, что г. Астафьевъ уже не хочетъ болѣе укорять меня во враждебности русскому культурному *идеалу;* а укоряетъ меня только въ «*неоправданномъ логически отрицаніи національнаго начала, какъ начала и политической жизни и культуры вообще*». «Начало *политической* жизни и *культуры вообще*». Не разница ли это?

Впрочемъ, не буду придирчивъ. Этотъ укоръ, быть можетъ, и заслуженъ мною. Не знаю, впрочемъ, въ точности, до какой степени; ибо и это для меня не слишкомъ ясно. Но я расположенъ подозрѣвать, по крайней мѣрѣ, что въ этихъ словахъ г. Астафьева *кроется* какая-то спра-

ведливая и не совсѣмъ выгодная для меня мысль. Сознаюсь, что когда я пишу, то больше думаю о живой психологіи человѣчества, чѣмъ о логикѣ; больше забочусь о наглядномъ изложеніи, чѣмъ о послѣдовательности и строгой связи моихъ мыслей. Меня самого, при чтеніи чужихъ произведеній, очень скоро утомляетъ строгая послѣдовательность отвлеченной мысли; глубокія отвлеченія мнѣ тогда только понятны, когда при чтеніи у меня въ душѣ сами собой либо являются *примѣры*, живые образы, какія-нибудь «иллюстраціи», хотя бы смутно, туманно, мимолетно, но все-таки живописующіе эту чужую логику, насильно мнѣ навязываемую; или же пробуждаются, вспоминаются какія-нибудь собственныя *чувства*, соотвѣтствующія этимъ чужимъ отвлеченіямъ. Самыя же эти такъ называемыя «начала» мнѣ мало доступны; я никакъ не найду этимъ началамъ конца ни спереди, ни сзади. И мнѣ даже все представляется, что никакое «начало» въ жизни, на практикѣ ничего не можетъ и создать, если у многихъ людей не будетъ соотвѣтственное ему *чувство*...

Когда мнѣ говорятъ *начало любви*, я понимаю эти слова очень смутно до тѣхъ поръ, пока я не вспоминаю о разныхъ живыхъ проявленіяхъ чувства любви (состраданіе, симпатія, привязанность, восхищеніе и т. д.) Вотъ какъ я слабъ въ метафизикѣ. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, разумѣется, что я не признаю метафизики. Наше собственное слабое пониманіе какого-нибудь предмета, конечно, не даетъ намъ права думать, что и всѣ другіе его не понимаютъ или что само по себѣ непонимаемое нами не цѣнно и не высоко.

«Начала» эти не виноваты въ томъ, что чувства и образы доступнѣе ихъ моимъ умственнымъ силамъ.

Конечно, какое-нибудь такое «начало» существуетъ, такъ какъ люди очень умные и ученые говорятъ о нихъ.

«Національное начало»? «Національное начало»? — Не понимаю! Думаю, думаю и кончаю тѣмъ, что хватаюсь за что-нибудь болѣе конкретное, чтобы сквозь него какъ-нибудь добраться до этого абстрактнаго; сквозь узоры и краски жизни высмотрѣть хоть сколько-нибудь общую ме-

тафизическую основу или канву. «Національное *государство*». Ясно. Вотъ Франція издавна была національнымъ государствомъ. Австрія же никогда не была таковымъ. «Національная религія». Тоже ясно. *Армянское* христіанство есть религія общая для большинства армянской націи, раздѣленной подданствомъ по разнымъ государствамъ. Англиканское протестантство есть тоже національная религія, ибо оно тѣсно связано исторіей съ государственными учрежденіями Англіи и даже пригодно только для одной Англіи; не можетъ быть *во всецѣлости* своей пропагандируемо иноземцамъ.

«Національная поэзія» — это значитъ поэзія своеобразная, въ національномъ духѣ или стилѣ развившаяся. Національная одажда, національная пляска, національный обычай; все это очень ясно и наглядно.

«Національная политика» есть уже выраженіе несравненно болѣе сбивчивое (какъ я постараюсь доказать ниже), но все еще понятное.

Что касается до выраженія національное *начало*, то я, по философскому малосилію моему, не умѣю постичь его иначе, какъ воплощеннымъ во всѣхъ этихъ частныхъ перечисленныхъ мною развѣтвленіяхъ его.

Возвращаюсь къ исходной точкѣ недоразумѣнія или спора нашего. Я нахожу, что это національное «начало» выражается при современныхъ намъ національныхъ и племенныхъ объединеніяхъ въ высшей степени слабо. До того слабо, что всѣ другія противоположныя ему «начала» подавляютъ его до неузнаваемости.

Національное начало есть такое начало жизни нашей, которое располагаетъ человѣчество распадаться, *раздѣляться* на *особыя, культурно-племенныя группы*. Употребляя почти машинально вслѣдъ за другими это чуждое мнѣ слово «начало», я самъ про себя тотчасъ же думаю о «чувствахъ», вспоминаю примѣры и вижу, что всѣ эти чувства и потребности, которыя благопріятствуютъ вышесказанному раздѣленію на особыя культурно-племенныя группы, въ XIX вѣкѣ очень слабы.

Господствуютъ теперь у всѣхъ европейскихъ народовъ (не исключая и славянъ) весьма сходные культурные идеалы и житейскіе вкусы, и группировка новой Европы по племеннымъ государствамъ, *равняя политическое положеніе племенъ и націй, еще болѣе благопріятствуетъ сходству ихъ жизни.*

Г. Астафьевъ говоритъ, что я въ этой брошюрѣ пытаюсь «подорвать значеніе національнаго начала въ *политикѣ* и *жизни*».

Едва ли такъ! *Значеніе* этого національнаго начала въ *политикѣ*, къ сожалѣнію, очень велико уже по тому одному, что оно въ наше время въ высшей степени разрушительно; этого революціоннаго значенія не подорвешь какими-нибудь «статьями»; и то слава Богу, если сумѣемъ хоть немногимъ людямъ открыть глаза на тотъ фактъ, что племенной націонализмъ въ политикѣ (освобожденіе и объединеніе славянъ, нѣмцевъ, итальянцевъ) не даетъ никакихъ *національныхъ плодовъ въ жизни*

Значеніе этого начала подорвать нельзя Значеніе это очень велико; и не будь оно такъ велико, не нужно было бы и опасаться его. Какъ можно подрывать *значеніе* эпидеміи? Достаточно только назвать эпидемію *по имени ея* и указать на предохранительныя противъ нея мѣры.

Въ XIX вѣкѣ племенныя и національныя эмансипаціи и объединенія не только не приносятъ тѣхъ культурно-обособляющихъ плодовъ, которыхъ отъ нихъ ждали многіе (у насъ въ особенности Данилевскій), а, напротивъ того, усиливаютъ культурно-бытовое сходство, ускоряютъ въ высшей степени всеобщую ассимиляцію. Группировка государствъ по *чистымъ народностямъ* ведетъ быстрыми шагами европейское человѣчество къ господству *международности.* По окончаніи всѣхъ этихъ племенныхъ, народныхъ счетовъ и разграниченій во всей силѣ своей поднимется *всенародный* соціальный вопросъ. Чистые прогрессисты, демократы, соціалисты, нигилисты имѣютъ право радоваться этому. Это понятно.

Но какимъ образомъ могутъ отрицать этотъ фактъ или

мириться съ нимъ хотя бы многіе изъ славянофиловъ нашихъ — не понимаю!

Развѣ потому, что они находятъ историческія условія русской жизни до того отличными, *даже* и въ *наше время*, отъ условій западной жизни, что у насъ и панславизмъ долженъ дать совсѣмъ иные плоды, чѣмъ тѣ, которые дали пангерманизмъ или итальянское единство! Дай Богъ!

Или, быть можетъ, они думаютъ, что у націи Запада *впереди* уже нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы названія *національно-культурнаго;* что все подобное у Запада уже прожито, а у Россіи *впереди*. Первое вполнѣ вѣрно, но когда дѣло касается до Россіи, то остается воскликнуть: Дай Богъ! Дай Богъ!

Но и это возможно только въ такомъ случаѣ, если въ русскомъ самосознаніи глубоко вкоренится представленіе о разницѣ между націонализмомъ *политическимъ* и націонализмомъ *культурнымъ;* между политическимъ *равенствомъ правъ* и положенія славянъ со всѣми и культурно-бытовымъ ихъ обособленіемъ отъ Европы. Или, быть можетъ, большинство теперешнихъ славянофиловъ нашихъ гораздо меньше думаютъ о томъ, *чѣмъ бы глубже отличаться славянамъ отъ Запада* (для предохраненія себя отъ неизлѣчимыхъ его недуговъ), чѣмъ о томъ, чтобы *сравнять скорѣе славянство во всѣхъ отношеніяхъ съ этимъ Западомъ*.

Быть можетъ вовсе не *своеобразіе характера* славянскаго имъ дорого (какъ было оно дорого Хомякову и Данилевскому), а только *независимость* и *сила государственнаго положенія*. Но надо бы при этомъ спросить себя: долго ли продержатся эта сила и независимость безъ своеобразія культурнаго характера?

Я *нападаю на политику* національныхъ освобожденій и объединеній въ XIX вѣкѣ потому, что она *въ жизни* не даетъ *національныхъ результатовъ;* я нападаю на нее за то, что она самообманъ, за то, что у нея не оказывается вовсе никакихъ *національно-обособляющихъ* плодовъ. Я повторяю еще разъ: *въ XIX вѣкѣ*. Ибо подобныя освобожденія и объединенія случались и прежде, но при другихъ одновремен-

ныхъ, *побочныхъ условіяхъ* они дѣйствовали совершенно иначе.

Что Вы на все это скажите? Кто изъ насъ изъ двухъ яснѣе и правѣе по-Вашему?

Письмо 5-е.

Еще нѣсколько вопросовъ все для моего вразумленія.

Постараюсь быть подъ конецъ настолько же краткимъ, насколько я былъ многорѣчивъ въ началѣ этихъ писемъ.

Не знаю, впрочемъ, удастся ли мнѣ это!

1. Можно ли опредѣлять «національность» такъ, какъ опредѣляетъ ее г. Астафьевъ? «*Національность* (не *нація* ли?) *есть племя, доразвившееся до сознанія и своей пережитой исторіи и своихъ настоящихъ духовно-связующихъ его воедино стремленій, силъ и задачъ, и потому племя культурное*».

Какъ вы находите это опредѣленіе? Мнѣ оно что-то не нравится; оно что-то слишкомъ философское. Для провѣрки этого *инстинкта* моего, попробую обратиться къ примѣрамъ. Во-1-хъ, *сознаніе своей пережитой исторіи*. Давно ли на Западѣ (не только что у насъ) стали люди знать и ясно сознавать свою «пережитую» исторію? Только въ нашъ XIX вѣкъ. Развѣ французы хорошо знали и понимали свою прежнюю исторію лѣтъ 100, 200, 300 тому назадъ. А развѣ они тогда были еще только племенемъ? Развѣ они не были и тогда уже высоко культурной націей?

Мнѣ кажется, что они, будучи уже тогда (при Людовикахъ XIII, XIV, XV и т. д.) вполнѣ опредѣлившейся и культурно обособленной націей, *дѣлали* свою современную исторію полусознательно и часто вовсе безсознательно; они *творили* ее, а *сознавать* ясно свое прошедшее они стали только тогда, когда *творить* почти ничего уже имъ не осталось (т.-е. въ XIX вѣкѣ). Обыкновеннно слово нація, насколько мнѣ извѣстно, понималось просто какъ *извѣстная*

вѣтвь извѣстнаго племени; вѣтвь, имѣющая особые отличительные признаки въ племенномъ языкѣ, въ исторіи, религіи, обычаяхъ и т. д. (Племя — славяне; націи: русскіе, поляки, сербы, болгары и т. д.). Это этнографическое и простое опредѣленіе гораздо больше удовлетворяетъ мой эмпирическій умъ, чѣмъ философское и слишкомъ углубленное въ одну сторону опредѣленіе г. Астафьева.

Это во-1-хъ.

Потомъ еще и это: *сознаніе своихъ духовно-связующихъ воедино стремленій, силъ и задачъ и т. д.*

Эти слова г. Астафьева тоже меня сбиваютъ.

Современные русскіе, современные чехи, болгары, поляки всѣ принадлежатъ къ одному славянскому племени. Но стремленія и задачи у нихъ у всѣхъ вовсе разныя. Они теперь еще не составляютъ одной націи. Это такъ. Но вѣдь съ другой стороны вспомнимъ о баварцахъ, пруссакахъ, австрійскихъ нѣмцахъ прошлаго вѣка. У нихъ у всѣхъ задачи и стремленія были разныя, но все-таки, они, взятые во всецѣлости, составляли націю, *государственно* лишь раздѣленную на особыя группы. А голландцы и датчане, принадлежа тоже къ *племени* германскому, къ *націи* нѣмецкой не относились и не относятся никѣмъ.

И еще вопросъ о томъ же: швейцарцевъ всѣ привыкли называть тоже націей; а у нихъ три языка, три крови и двѣ религіи. Національность ихъ только *общегосударственная*, съ тѣми оттѣнками въ понятіяхъ и привычкахъ, которые должны были развиться подъ долгимъ давленіемъ республиканскихъ учрежденій.

Вообще націю опредѣлить въ точности очень трудно.

Племя легче. Языкъ и кровь (признаки болѣе *физіологическіе*). Культуру тоже легче. Совокупность признаковъ болѣе идеальныхъ, чѣмъ кровь и языкъ (уже *сформированный*), т.-е. религія, *родъ* государственныхъ учрежденій, вкусы (обычаи, моды, нравы домашніе и общественные), характеръ экономической жизни.

Нація же выходитъ, мнѣ кажется, изъ совокупности обѣихъ этихъ совокупностей *идеальныхъ* и *физіологическихъ*.

Признаки особой націи слагаются изъ признаковъ племенныхъ и культурныхъ.

Какъ вы скажете? Чье опредѣленіе яснѣе и вѣрнѣе? Можетъ быть оба хуже? Не знаю.

2-й вопросъ.

Г. Астафьевъ признаетъ во второй статьѣ своей («Московскія Вѣдомости», № 177, іюнь), что *національный идеалъ* для Россіи у насъ съ нимъ почти одинъ; разница во второстепенныхъ лишь оттѣнкахъ. «Программа», какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, у насъ одна.

А мои *опасенія за чистоту этого идеала* въ случаѣ какого-нибудь несчастнаго и преждевременнаго сближенія, сліянія, *смѣшенія* нашего даже и съ западными славянами (съ чехами, хорватами, словаками, галиційскими русинами), насквозь пропитанными либеральнымъ европеизмомъ, эти опасенія онъ называетъ *нападеніемъ на національное начало!*

Я писалъ статью культурно-политическую; представлялъ факты изъ новѣйшей исторіи Запада для устрашенія тѣхъ русскихъ, которые, съ одной стороны, боятся дальнѣйшаго подражанія Европѣ, а съ другой, видимо, думаютъ, что скорое паденіе Австріи и образованіе на ея развалинахъ двухъ-трехъ славянскихъ государствъ, долженствующихъ *вступить въ братскую конфедерацію съ Россіей*, послужитъ къ укрѣпленію русскихъ основъ, къ развитію и выразительности русскихъ національныхъ особенностей.

Я же нахожу желательнымъ (и даже спасительнымъ для Россіи) скорѣйшее окончаніе вопроса *только восточнаго*, но *не всеславянскаго*. Всякій можетъ легко понять, что это большая разница! Окончаніе *восточнаго* вопроса значитъ: 1. Присоединеніе Царьграда къ Россіи съ подходящимъ округомъ въ Малой Азіи и во Фракіи. 2. Образованіе на развалинахъ Турціи *православной* (а не *чисто славянской*) конфедераціи изъ четырехъ разноплеменныхъ православныхъ государствъ: Греціи, Сербіи, единой Румыніи и Болгаріи и 3. (если возможно) то и присоединеніе остатковъ Турціи и всей Персіи къ этой конфедераціи (англичанъ изъ Египта, разумѣется, желательно было бы удалить и отдать

Египетъ султану, какъ подручнику нашему, въ непосредственную власть).

Что касается до австрійскихъ славянъ, то они могутъ и *подождать* до тѣхъ поръ, пока мы найдемъ ихъ достойными и безвредными. (Въ брошюрѣ моей я говорилъ, что изъ Босніи и Герцеговины, *конечно*, надо австрійцевъ изгнать съ позоромъ, чтобы они знали свое мѣсто.)

Гдѣ же тутъ нападеніе на начало національное *вообще*. Нападеніе есть, но оно направлено противъ космополитизма.

По опредѣленію же г. Астафьева выходитъ, что славяне пока еще только *племя*, а никакъ не *нація*. Ни общаго «сознанія пережитой исторіи», ни «духовно-связующихъ воедино стремленій и задачъ».

Если мы съ г. Spectator'омъ (см. «Русское Обозрѣніе») несомнѣнно правы въ томъ, что у православныхъ сербовъ и болгаръ идеалы слишкомъ буржуазно европейскіе и что съ ними одними намъ еще много будетъ хлопотъ, пока Богъ не поможетъ намъ по-своему «оболванить» ихъ, то чего же, кромѣ либеральнаго *всесмѣшенія*, *всепринижения* и *всеразрушенія*, можно ждать отъ политическаго (и неизбѣжно черезъ это и *общественнаго*) общенія и сближенія съ либеральными ни-то, ни-сё чехами, католическими хорватами и словаками, желающими, конечно, *демократически вылѣзти* изъ-подъ мадьяръ и т. д. Даже всѣ эти галиційскіе ливчаки весьма сомнительны. *Привыкли* все протестовать. Соскучатся безъ протеста.

Мнѣ стыдно даже и напоминать обо всемъ этомъ тѣмъ русскимъ людямъ, которые неравнодушны къ особому *психическому*, религіозному и государственному строю Россіи.

Стыдно потому, что все это до грубости ясно.

Г. Астафьевъ, впрочемъ, ничего и не возражаетъ мнѣ на мою культурно-политическую тему, ни въ первой, почти презрительной замѣткѣ своей, ни во второй, болѣе солидной, но въ высшей степени гнѣвной статьѣ. Онъ ни слова не говоритъ о культурныхъ опасностяхъ панславизма (т.-е. о томъ, о чемъ главнымъ образомъ я говорилъ). Онъ

даже находитъ мою картину современнаго положенія Европы «блестящей». Если же эта картина блестящая, то, вѣроятно, и правдива; кто же станетъ хвалить ложь, хотя бы и краснорѣчивую, но отъявленную? Если же эта картина правдива и можетъ служить для насъ *практическимъ* предостереженіемъ, то какая же нужда заглядывать куда-то въ метафизическую темноту, *за* эту вѣрную картину, разыскивать какое-то *начало* и *предостереженіе* называть *нападеніемъ*. Это только путаетъ! (По крайней мѣрѣ меня)

Замѣчу кстати, что я въ моей брошюрѣ ни разу даже не употребилъ выраженіе «національное начало». Мнѣ пришла забавная мысль поискать у себя это слово. И, вообразите, какъ былъ вѣренъ на этотъ разъ мой инстинктъ! Я имѣлъ терпѣніе просмотрѣть сызнова всю мою брошюру (кто же помнитъ въ точности *слова* своихъ статей?!) и нигдѣ даже этого выраженія не нашелъ. «Національное *движеніе* XIX вѣка»; «политическій *національизмъ*»; «національный *характеръ*»; «національная *свобода*»; «національное *возстаніе*». Виноватъ! Въ одномъ только мѣстѣ есть у меня выраженіе «національно-*политическій* принципъ». Виноватъ потому, что мнѣ никакого дѣла не было въ этомъ живомъ и въ высшей степени практическомъ вопросѣ до «началъ» и «принциповъ», *объективно*, т.-е. *внѣ живой психологіи, понимаемыхъ*. Важны были для меня только *чувства* и *наклонности;* важны *результаты* культурно-политическіе, при которыхъ *психологическая* основа сама собою очень ясна. Вотъ она: *У людей нашего времени всѣ тѣ чувства, которыя благопріятствуютъ культурно-бытовому обособленію племенъ и націй, то-есть ихъ оригинальному развитію, очень слабы; а всѣ тѣ чувства, которыя благопріятствуютъ общенію, подражанію, смѣшенію, ассимиляціи (революціи), очень сильны.*

Это очень просто.

Въ тонкости и подробности же этой *исторической и соціальной психологіи* углубляться я не дерзаю. Да и г. Астафьевъ едва ли въ силахъ будетъ это сдѣлать. Итакъ, если у насъ съ г. Астафьевымъ національный идеалъ прибли-

зительно одинъ и тотъ же; если у насъ съ нимъ культурная *программа* сходна, то почему же я, предохраняя этотъ идеалъ, или эту программу, отъ разлагающихъ вліяній, являюсь противникомъ *національнаго начала*, долженствующаго въ этомъ идеалѣ и по этой программѣ осуществиться?

Ничего не понимаю! Пожалуйста, объясните мнѣ.

Вопросы 3-й и 4-й.

Г. Астафьевъ въ концѣ своей второй статьи говоритъ обо мнѣ такъ: «Онъ (т.-е. Леонтьевъ) *любитъ* національную особенность вообще, какъ любитъ *всякую* особенность, вносящую въ жизнь разнообразіе, характеръ, борьбу, силу, любитъ ее какъ эстетикъ и моралистъ, видя въ ней богатѣйшій и красивѣйшій *матеріалъ* для построенія полной содержаніемъ и характерной *культуры*. Но отсюда далеко до признанія національной самобытности за *самую основу и руководящее, дающее самой культурѣ жизнь, форму и силу, начало этой культуры*.

Послѣдняго значенія за національнымъ началомъ г. Леонтьевъ никогда не признавалъ и признать *не можетъ*. Такое признаніе было бы съ его стороны отреченіемъ отъ всего своего литературнаго прошлаго. Слишкомъ много силъ, страсти и дарованія положилъ онъ въ этомъ прошломъ на проповѣдь *византизма* и слишкомъ хорошо знаетъ онъ, что дорогая ему византійская культура всегда была *не* національною (о византійской *національности* никто не слыхивалъ), но эклектическою, искусственно выращенною для того, чтобы помириться съ моимъ понятіемъ о національности, какъ *необходимой* основѣ и формирующей силѣ всякой мощной и жизнеспособной культуры. Для него и основа и формирующая сила жизни, повторяю, лежатъ *въ самой культурѣ*, для которой національность только *матеріалъ*, не болѣе!»

Сначала о выраженіи г. Астафьева «національная самобытность»..., «какъ самая основа и руководящее началу культуры».

Опять я никакого яснаго представленія при чтеніи этихъ словъ не получаю. Гдѣ *начинается* это начало? Въ физіо-

логіи ли народа или племени? Въ физическомъ ли темпераментѣ? (Пылкій народъ, хладнокровный и т. д.) Въ дальнемъ ли мракѣ этнографическаго происхожденія? (Сирійское племя, семитическое, монгольская раса, кавказская) Въ первоначальной ли исторіи народа или племени? Въ томъ ли, напримѣръ, какъ *поступитъ* этотъ народъ при началѣ своего историческаго поприща?

Не знаю, не понимаю... И не вѣрю даже, чтобы это «начало» можно было въ точности уловить!

Догадываюсь до извѣстной степени, что г. Астафьевъ расположенъ говорить не объ *историческомъ* началѣ, т.-е. не о первоначальномъ *возникновеніи* особой народности. Догадываюсь, что онъ говоритъ о началѣ философскомъ, т.-е. о какой-то *движущей силѣ*, лежащей въ основѣ народнаго бытія и развитія; о такой силѣ, которая *заставитъ* родоначальниковъ народа *поступить* именно такъ, а не иначе. Но что такое *она сама*, эта движущая сила — не знаю; да едва ли онъ объяснитъ это можетъ.

Ничуть не притворяясь только не понимающимъ, а *въ самомъ дѣлѣ не понимая*, я прошу только указать, гдѣ и когда я отрицалъ эту таинственную силу? Я о ней не писалъ и даже мало о ней думалъ. Это правда. Но я никогда не отрицалъ ея. Обо всемъ думать съ равной мѣрой вниманія невозможно. Г. Астафьевъ, напримѣръ, ни о вредѣ, ни о пользѣ панславизма не пишетъ и, вѣроятно, и не думаетъ объ этомъ такъ серьезно, какъ думаетъ о вопросахъ онтологіи и отвлеченной психологіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не признаетъ самаго значенія панславизма для Россіи.

И я не искалъ непремѣнно *доходить* до «началъ», подобно тому, какъ физіологъ при изложеніи фактовъ *сравнительной физіологіи* или врачъ при описаніи извѣстнаго класса болѣзней не считаетъ себя обязаннымъ *доходить* всякій разъ и до *химіи* тканей, крови, отдѣленій и т. д.

Онъ правъ, что мои сочиненія имѣютъ болѣе *семіологическій*, чѣмъ *этіологическій* характеръ и когда-то (въ эпоху «прекрасныхъ дней Аранжуеца») онъ отдавалъ публич-

ную справедливость моей скромности за то, что я самъ давнымъ давно въ этомъ признался. («Прогрессъ и развитіе. Византизмъ и славянство».)

Есть однако небольшое доказательство тому, что и не занимаясь особенно этими таинственными «началами» (предпочитая говорить о вещахъ болѣе наглядныхъ), я все-таки чуялъ, такъ сказать, ихъ значеніе въ исторіи.

Въ моей давней статьѣ «Византизмъ и славянство» есть *шесть* послѣднихъ главъ, которыя не разъ удостоивались въ высшей степени лестнаго одобренія г. Астафьева.

Развѣ здѣсь *не слышно* признанія этой таинственной, движущей силы, присущей не только обособленнымъ націямъ, но, вѣроятно, и цѣлымъ племенамъ съ самыхъ первыхъ шаговъ ихъ на пути историческомъ?

Есть врачи и физіологи, которые думаютъ, что уже въ зародышѣ, въ самой утробной жизни заложены въ человѣкѣ тѣ патологическія или хоть, общѣе говоря, физіологическія начала, которыя впослѣдствіи обнаружатся вполнѣ въ видѣ опредѣленныхъ болѣзней.

(Разумѣется, что отсюда должны быть исключены всѣ тѣ страданія, которыя происходятъ отъ внѣшнихъ причинъ: обжоги, боевыя раны и т. п.; хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и то, что эти поврежденія однимъ человѣкомъ переносятся лучше, а другимъ хуже, опять-таки отъ *внутреннихъ* причинъ. *Вѣрить* въ такую таинственную прирожденность можно, но прослѣдить, какъ изъ какой-то незримой точки развивается цѣлая картина болѣзни, кто возьмется? А сама болѣзнь видна всякому.)

Я предпочитаю думать о подобныхъ «картинахъ» жизни, чѣмъ о незримыхъ *точкахъ*. Я понимаю, что другой человѣкъ, въ высшей степени, конечно, умный, можетъ находить особаго рода наслажденіе въ томъ, чтобы выпускать изъ себя, какъ паукъ паутину, непрерывную діалектическую нить, прикрѣпивъ ее предварительно въ умѣ къ какой-то невидимой и *всегда произвольной* точкѣ... Я даже не позволю себѣ никакъ отвергать пользу этого испусканія философскихъ нитей изъ умственныхъ нѣдръ человѣка. Я не хочу

быть пѣтухомъ, который «нашелъ жемчужное зерно и говоритъ: на что оно»? Но не завидую и «Метафизику» Хемницера, который, упавши въ яму, думаетъ о томъ, что такое веревка? «Вервіе ли оно простое или нѣтъ»?

Я только самъ не мастеръ испускать изъ себя эту паутину; да и въ чужой философской паутинѣ скоро вязну и скучаю.

Совсѣмъ безъ философіи, я знаю, нельзя; всякій мужикъ философствуетъ немного; и не только тогда, когда онъ говоритъ «Богъ», «душа», «грѣхъ» и т. д., но и тогда, когда онъ говоритъ «столъ», «шапка», «жена», «работа»; ибо и это все *отвлеченія*. Фейербахъ, конечно, правъ (реально), говоря, что «головы» вообще нѣтъ, а есть «вотъ *эта моя* голова»; «жены» вообще нѣтъ, а есть «вотъ *эта ваша* жена» и т. п. Но не только отъ такой элементарной, но и отъ несравненно высшей философіи въ угоду фейербаховскому капризу отказаться нельзя. Г. Астафьеву все это извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ. Но есть французская старая и глупая пѣсенка какая-то: «Faut d'la vertu, pas trop n'en faut». Такъ и скажу: «Faut de la philosophie, pas trop n'en faut!» когда рѣчь не о его философіи, но о дѣлахъ политическихъ и соціальныхъ.

Я и Вашъ умъ, Владиміръ Сергѣевичъ, за то особенно цѣню, что Вы не въ силахъ были остаться въ вашей прекрасной, и даже для меня, при нѣкоторомъ терпѣніи, понятной ткани «Отвлеченныхъ началъ», но очень скоро выпутались изъ нея и обратились къ живому и осязательному богословію. Богословіе уже тѣмъ лучше, что тутъ нить, о которой я говорилъ выше, не нужно привязывать произвольно гдѣ вздумается у себя внутри къ незримой точкѣ; а можно ее прикрѣпить къ Евангелію, къ св. соборной, апостольской Церкви, къ папской непогрѣшимости и т. д. То-есть все къ вещамъ, внѣ насъ стоящимъ, болѣе зримымъ и осязаемымъ. Если Вы съ вашимъ истинно діалектическимъ талантомъ нашли болѣе удобнымъ выйти на поприще болѣе конкретныхъ вопросовъ, то гдѣ же ужъ мнѣ, «художнику», какъ принято меня почему-то обзывать и отчасти, что

гораздо мнѣ лестнѣе, политику, гдѣ мнѣ углубляться въ эти «начала» безъ концовъ.

Я ихъ чую, положимъ; я даже готовъ пламенно вѣровать въ ихъ существованіе, въ ихъ необходимость и только. Анатомъ и физіологъ не обязаны говорить всякій разъ ни о химическихъ элементахъ и паяхъ, ни объ основныхъ физическихъ силахъ; они обязаны только не отрицать и не игнорировать ихъ.

И если подъ словами «основа» и «начало» г. Астафьевъ разумѣетъ здѣсь ту незримую, но одаренную самотворческой силой точку, которая скрыта въ каждой обособляющей вѣтви какого-нибудь племени, вѣтви, долженствующей со временемъ возрасти до полнаго національнаго цвѣтенія, то я счелъ бы себя просто глупымъ, если бы вздумалъ эту силу отрицать. Нельзя отрицать все таинственное; нельзя признавать одно только грубо понятое. Крылась же какая-то особая, прирожденная, культурная сила въ «сѣмени Авраамовомъ»; крылась она и въ той полупастушеской и полуразбойнической ассоціаціи, во главѣ которой стали Ромулъ и Ремъ. Крылась же у нашихъ предковъ способность, не дожидаясь завоеванія, самимъ призвать иностранцевъ. Не знаю, впрочемъ, такъ ли я понялъ г-на Астафьева и съ этой стороны? Не слишкомъ ли я ужъ тоже далеко забрался въ глубь?

Можетъ быть и то, что я, по всегдашней моей наклонности подозрѣвать у г. Астафьева нѣчто затѣйливое, туманное и *не простое* и мнѣ, не-философу, мало доступное, сталъ въ этомъ случаѣ дѣлать то, что называютъ французы «chercher midi à quatorze heures».

Г. же Астафьевъ, напротивъ того, на этотъ именно разъ спустился ниже и подъ словомъ «національная *самобытность*» разумѣетъ просто-напросто *политическую независимость цѣлаго племени* или отдѣльной вѣтви этого племени, особой націи.

Можно и такъ думать, ибо онъ говоритъ: «Леонтьевъ *любитъ* (курсивъ у *него*) національную *особенность вообще*» (курсивъ мой) потому-то и потому-то. А нѣсколько строкъ

ниже: «Но отсюда далеко до признанія національной *самобытности* (курсивъ мой) за *основу* и *руководящее начало культуры*» (національной, разумѣется).

Итакъ, отъ любви къ національной *особенности* далеко до признанія національной *самобытности*, какъ основы этой *особенности*. Не темновато ли? О какой же самобытности идетъ тутъ рѣчь? О той ли таинственно прирожденной, въ которой, какъ въ маломъ фокусѣ, скрыта вся дальнѣйшая судьба племени или націи? Или о самобытности просто *государственной?* Это разница, конечно, и очень большая.

Чтобы разобраться въ этой путаницѣ (не Астафьевской; я такой грубости не позволю себѣ сказать*), а въ путаницѣ *самой исторіи)* надо, мнѣ кажется, опять обратиться къ примѣрамъ.

Временная политическая зависимость одной націи отъ другой не всегда одинаково дѣйствуетъ, и плоды завоеванія для подчиненной націи бываютъ весьма разнообразны, смотря по тому, въ какой *возрастъ* націи и при какихъ *обстоятельствахъ* подпадаетъ она подъ чужое иго.

Народъ, подчиненный завоевателю *слишкомъ рано*, не дорастаетъ до національно-культурнаго состоянія, не успѣваетъ выразить въ исторіи свои національныя *особенности*. Такой народъ остается навсегда только въ видѣ этнографической примѣси къ націямъ культурнымъ. Такова была судьба большей части народовъ финскихъ и кельтическихъ.

Народъ, завоеванный *слишкомъ поздно*, порабощенный тогда, когда историческая *идея* его уже износилась, сохраняетъ еще иногда на долгое время и подъ игомъ свои особенности; но онъ уже не выступитъ снова никогда съ силами, истинно творческими, на театръ исторіи; *для себя* онъ будетъ только сохранять свои особенности по мѣрѣ силъ своихъ; для націи же господствующей онъ будетъ являться только враждебной силой до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не ассимилируется. Такова для насъ Польша. (Вражда

*) Г. Астафьевъ не либералъ, не космополитъ и утилитаристъ; относительно его я обязанъ не только къ вѣжливости, но къ чувствамъ любви и внутренней деликатности.

эта, впрочемъ, для господствующей націи иногда весьма полезна, ибо возбуждаетъ ея дѣятельность.) Народъ же, завоеванный *во-время* (т.-е. во-время для *него самого*, а не для завоевателя), порабощенный тогда, когда особенности его уже окрѣпли, но еще не износились, и подъ игомъ будетъ обнаруживать очень долго признаки культурной жизни своей и, даже сбросивъ иго, разовьетъ свои національные дары съ небывалой дотолѣ силой. Такъ случилось съ нашими московскими предками послѣ Димитрія Донского и обоихъ Іоанновъ.

Такъ что и *политическая самобытность* не всегда одинаково нужна для развитія націи. Нерѣдко подъ временнымъ игомъ происходитъ та благотворная приготовительная работа національныхъ силъ, которая приводитъ позднѣе эти силы къ самому пышному расцвѣту. Подъ вліяніемъ общей скорби укрѣпляется въ такой націи (*во время* порабощенія) то внутреннее единеніе умовъ и сердецъ, которое позднѣе, послѣ сверженія ига, послѣ изгнанія иноземцевъ (или иновѣрцевъ), способствуетъ установленію и внѣшняго государственнаго единства. (Такъ было у насъ; такъ было во Франціи послѣ изгнанія англичанъ при Карлѣ VII; такъ было въ Испаніи послѣ очищенія Пиринейскаго полуострова отъ мавровъ.)

Поэзія народная часто вдохновляется тяжкими условіями зависимости отъ чужеземцевъ; и эти стоны печали или восхваленія борьбы не только оставляютъ неизгладимый слѣдъ на всей позднѣйшей національной литературѣ, но и сами по себѣ служатъ ея украшеніемъ.

Таковы героическія (клефтскія) пѣсни новыхъ грековъ, юнацкія—сербовъ и болгаръ. Греки даже помолодѣли вторично подъ турецкимъ игомъ и дали второй*) циклъ эпическихъ стихотвореній полудикаго, но все-таки христіанскаго характера. Этому клефтскому отрывочному эпосу далеко, конечно, до Иліады. Но характерности и свѣжести въ немъ много.

*) Первый былъ гомерическій.

Мицкевича считаютъ лучшимъ поэтомъ Польши, а онъ развился подъ русской властью.

Нѣкоторые народы, въ религіи особенно стойкіе или способностью религіознаго творчества весьма одаренные, подъ игомъ-то именно и выразили свои религіозныя идеи съ наибольшей силой и ясностью. Таковы евреи. Значительная часть пророчествъ принадлежитъ эпохѣ плѣненій и зависимости отъ вавилонянъ и персовъ. Первоначальное христіанство и талмудъ суть одинаково продукты позднѣйшей зависимости отъ римлянъ.

Турецкое завоеваніе, быть можетъ, прямо даже *спасло* православіе византійскихъ грековъ и сохранило его въ греческой націи до нашего времени въ такой еще силѣ, что никто не рѣшится, я думаю, сказать, что роль грековъ навсегда окончена въ исторіи восточнаго христіанства. Теперь евреи слишкомъ стары, къ творчеству они неспособны; они теперь перешли вездѣ въ то состояніе (*второе* по моему раздѣленію), когда нація *для себя кой-какъ* еще сохраняетъ старое, но *для другихъ* служитъ только враждебной, разрушающей, разлагающей силой Что касается до новогрековъ, то хотя подъ турецкимъ игомъ они только охраняли православіе, но весьма возможно, что *творчество* (дальнѣйшее *развитіе* восточной Церкви) у нихъ еще впереди (при тѣснѣйшемъ сближеніи съ русскими). А если такъ, то надо же согласиться, что подъ этимъ турецкимъ игомъ и безъ «національной самобытности» (политической) они сохранили въ своей религіозной культурѣ ту «жизнь», ту «форму» и ту «силу», безъ которыхъ не были бы возможны и надежды на это *національное развитіе*.

Итакъ, если даже принять, что я искалъ «midi à quatorze heures», понявши сначала выраженіе г. Астафьева «національная самобытность» за указаніе на какой-то таинственный, самотворческій, *эмбріональный* центръ въ жизни націи, а онъ, напротивъ того, на этотъ именно разъ говорилъ *какъ всѣ* просто-на-просто о независимости *политической*, то и тогда я не могу согласиться съ нимъ, не могу согласиться съ тѣмъ, что политическая независи-

мость во всѣ возрасты націй (или племенъ) *необходима* для ихъ развитія.

Если же, наконецъ, я вспомню о томъ существенномъ вопросѣ, по поводу котораго произошло между нами разногласіе, т.-е. о «Панславизмѣ» и вообще о политикѣ національныхъ освобожденій и объединеній (la politique des nationalités), то тутъ я еще менѣе могу признать, что «національная самобытность» (государственная независимость) всѣхъ славянскихъ націй (или славянскаго племени во всецѣлости) непремѣнно будетъ «основой и руководящимъ началомъ *особой* славянской культуры, началомъ, дающимъ самой этой культурѣ жизнь, форму и силу». Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Вѣрнѣе, что нѣтъ, судя по примѣру другихъ.

Г. Астафьевъ дорожитъ нашимъ русскимъ «психическимъ строемъ», онъ дорожитъ и русскимъ «національнымъ самосознаніемъ». Но могу его увѣрить, что этому особому русскому «психическому» строю не поздоровится, *если у правительственныхъ нашихъ лицъ и у большинства вліятельныхъ гражданъ Россіи русское самосознаніе не дойдетъ до того, чтобы понимать, насколько по дѣлу панславизма мы съ г.* Spectator'*омъ правѣе А. А. Кирѣева и тѣмъ болѣе племенныхъ славянолюбцевъ «Благовѣста», недавно съ такимъ неуважительнымъ ожесточеніемъ нападавшихъ на этого самаго г. Кирѣева за его благоразуміе и умѣренность.*

Не поздоровится отъ необдуманнаго панславизма «русскому національному психическому строю» потому, что у всѣхъ остальныхъ славянъ этотъ «психическій строй» совсѣмъ не схожъ съ нашимъ и гораздо больше походитъ на тотъ западно-буржуазный строй, который самъ г. Астафьевъ ненавидитъ отъ всей души.

Только тогда панславизмъ станетъ для насъ (да и для общеславянскихъ культурныхъ особенностей) не разрушительнымъ, а производительнымъ, *когда нашъ русскій психическій строй еще гораздо больше* нынѣшняго выяснится, окрѣпнетъ и освободится отъ европейскаго прогрессивнаго «плѣненія»; когда наше «національное *самосознаніе*» вы-

разится съ гораздо большей силой, чѣмъ теперь, и въ несравненно болѣе рѣзкихъ «формахъ» *національныхъ особенностей.*

Тогда милости просимъ въ конфедерацію самую братскую, если угодно, даже и чеховъ (хотя они, кажется, больше всѣхъ «европейцы»). Тогда будетъ дѣйствительно нѣкоторое разнообразіе въ единствѣ (нашего духовнаго преобладанія); а не разложеніе въ отрицательной однородности; тогда будетъ «развитіе», а не «прогрессъ» въ смыслѣ ассимиляціонной революціи.

Но впрочемъ, что я дѣлаю? Что я говорю?

Быть можетъ и это все напрасно! Быть можетъ и *такъ* и *этакъ* я опять не понялъ г. Астафьева?

И философски не постигъ, и политически не угадалъ.

Почувствовавъ себя на мгновеніе снова на знакомой и твердой почвѣ восточной и славянской политики нашей, я ободрился и забылъ свою робость передъ мракомъ углубленій г. Астафьева.

Но изъ углубленій этихъ продолжаетъ зіять на меня все тотъ же загадочный мракъ, и я еще разъ съ боязнью спрашиваю себя: не скрыто ли въ самомъ дѣлѣ *тамъ*, за сплетеніемъ *его словъ*, какое-то такое «начало», котораго сила сокрушитъ въ прахъ всѣ мои давнія убѣжденія? Все это тѣмъ болѣе жутко, что г. Астафьевъ и самъ подозрѣваетъ меня въ затаенномъ на него гнѣвѣ за то, что онъ самой *основной мыслью своей брошюры «Національность и общечеловѣческія задачи» пробиваетъ въ моихъ взглядахъ нѣкоторую брешь* (это его слова изъ № 177 «Московскихъ Вѣдомостей»).

Ничего не понимаю. И чѣмъ менѣе понимаю, тѣмъ болѣе опасаюсь чего-то. Быть можетъ только призрака.

Если есть для «моихъ взглядовъ» дѣйствительная опасность во взглядахъ г. Астафьева, то прошу Васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, какъ безпристрастнаго человѣка, откройте мнѣ глаза, въ чемъ состоитъ эта опасность?

А если все это только призракъ, то потрудитесь разсѣять его поскорѣе яркимъ свѣтомъ вашего ума и таланта.

Я подчиняюсь, въ случаѣ необходимости даже и скрѣпя

сердце, вашему рѣшенію. Ибо, съ одной стороны, между Вашимъ «психическимъ строемъ» и таковымъ же строемъ г. Астафьева очень много разницы; а съ другой—вы оба настолько сильнѣе меня въ метафизикѣ, что было бы смѣшно съ моей стороны не признать истиной то, въ чемъ вы оба по отношенію ко мнѣ, паче чаянія, совпадете.

Письмо 6-е.

Теперь о самомъ главномъ: о моемъ «Византизмѣ» и о томъ, что «основная мысль» г. Астафьева въ его брошюрѣ «Національность и общечеловѣческія задачи» «пробиваетъ *нѣкоторую брешь* въ моихъ взглядахъ».

Сначала о *византизмѣ*.

Слово это сослужило мнѣ плохую службу въ русской литературѣ; на него нападали почти всѣ, даже и весьма благопріятно обо мнѣ писавшіе.

Иные осуждали самую мысль, соединенную съ выраженіемъ «византизмъ», формулируя при этомъ свою собственную мысль; другіе указывали только съ отвращеніемъ на самое слово, не давая себѣ труда выразить ясно, чего они сами хотятъ.

И. С. Аксаковъ, напримѣръ, въ одной изъ передовыхъ статей «Руси» сказалъ мимоходомъ*)...

Гиляровъ-Платоновъ былъ въ этомъ случаѣ гораздо откровеннѣе или внимательнѣе его. Разбирая въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» мой сборникъ, онъ сказалъ: «Для Россіи, конечно, нужно православіе, но не византизмъ, а надо бы «вернуться *ко временамъ до Константина!*»

Нѣкто Твердко Балканскій, западный славянинъ, писалъ тоже въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» не столько противъ меня вообще, сколько противъ этого моего «византизма». Мою книгу онъ удостоилъ похвалы, но про «византизмъ»

---

*) Въ рукописи пропускъ. *Ред.*

онъ сказалъ, что та же религія на русской почвѣ должна дать и дала другіе плоды, чѣмъ въ Византіи. (Онъ почему-то не замѣтилъ, что и я то же самое говорю въ разныхъ мѣстахъ моего сборника; напримѣръ, въ статьѣ «Русскіе, греки и юго-славяне».)

Въ «Русской Мысли» тоже была однажды довольно сочувственная замѣтка о той же моей книгѣ, но и въ ней было сказано, не помню, что-то противъ «византизма», безъ всякаго объясненія.

И г. Астафьевъ точно такъ же, какъ и всѣ упомянутые критики, придаетъ, повидимому, этому названію какое-то такое *особое* значеніе, котораго я самъ вовсе и не придаю ему.

Только одинъ изъ когда-либо писавшихъ обо мнѣ серьезныхъ критиковъ отнесся къ этому слову моему просто и прямо, именно такъ, какъ я самъ относился къ нему. Замѣчательно то, что этимъ прямымъ и простымъ отношеніемъ къ дѣлу утѣшилъ меня именно такой критикъ, который ни до этого, ни послѣ никогда о моихъ статьяхъ и книгахъ не упоминалъ. Я говорю про Н. Н. Страхова.

Статья моя «Византизмъ и славянство» въ первый разъ была напечатана покойнымъ Ос. Мих. Бодянскимъ въ его «Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ», и, по обычаю этого спеціальнаго изданія, я получилъ въ даръ 300 экземпляровъ отдѣльныхъ брошюръ. По поводу этой-то брошюры г. Страховъ и написалъ въ тогдашней петербургской консервативной газетѣ «Русскій Міръ» статью, которая и до сихъ поръ служитъ мнѣ нерѣдко отрадой и опорой среди недоброжелательства однихъ, равнодушія другихъ и непониманія большинства.

Вотъ что говоритъ г. Страховъ*).

Я выписываю все это изъ дорогой для меня статьи г.

*) Самой выписки въ рукописи не оказалось Но, повидимому рѣчь идетъ о статьѣ Н. С. въ «Русскомъ Мірѣ» 1876 г. № 137 «О Византизмѣ и славянствѣ», гдѣ авторъ говоритъ о К. Леонтьевѣ «Византизмомъ онъ называетъ ту особую *культуру*, тотъ складъ чувствъ, мыслей и всей жизни, который ведетъ свое начало отъ Византіи Авторъ доказываетъ, что такая

Страхова... Выписываю и дивлюсь... Зачѣмъ я это дѣлаю? Для кого? Вѣдь и вы, и г. Астафьевъ оба хорошо знакомы съ моимъ трудомъ «Византизмъ и славянство». Я понимаю, впрочемъ, что *чувства* ваши, при чтеніи этого труда моего, должны быть совершенно противоположны чувствамъ г. Астафьева. Я понимаю, что вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ, успѣхи моей этой теоріи и ея популяризація не могли бы быть пріятны; ибо русскій «византизмъ» въ религіи есть не что иное, какъ то самое восточное православіе, которое вы въ книгѣ вашей: «La Russie et l'Eglise Universelle» называете... и котораго упорство можетъ служить главной помѣхой возсоединенію Церквей. Единственно похвальное въ моей теоріи передъ судомъ вашимъ можетъ быть только то, что я религіозное дѣло ставлю выше національнаго; но и тутъ одобреніе ваше должно, по духу сочиненій вашихъ, произноситься съ большими, я думаю, оговорками. Я понимаю также, что мысль, заключенная въ моемъ выраженіи «византизмъ», не можетъ нравиться славянофиламъ и патріотамъ того рода, для которыхъ всѣмъ извѣстное, обыкновенное, древнее (святоотеческое) православіе есть лишь нѣчто въ родѣ приготовительной формы, долженствующей разрѣшиться *просто-напросто* въ царство всеобщей любви и практической морали. Таково, по всѣмъ признакамъ, было мнѣніе любвеобильнаго и лично почтеннаго разрушителя нашего покойнаго Сер. Анд. Юрьева; я понимаю, что въ журналѣ, имъ основанномъ (въ «Русской Мысли»), даже и благопріятный мнѣ библіографъ счелъ нужнымъ оговориться слегка насчетъ «византизма», не вдаваясь въ *щекотливыя* толкованія. Сотрудники этого рода болѣе или менѣе осторожныхъ органовъ выучились давно писать между строчекъ.

Отчужденіе Гилярова-Платонова отъ этого выраженія менѣе понятно; ибо онъ противъ догмата никогда, кажет-

---

культура существуетъ, что ея вліяніе гораздо шире, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и что мы, русскіе, должны признавать въ ней ту культуру, въ подчиненіи которой мы развились, развиваемся теперь и должны развиваться впередъ». *Ред.*

ся, ничего не писалъ, даже и намеками; обрядовую же сторону православія видимо цѣнитъ По какимъ побужденіямъ, не знаю навѣрное: по національнымъ ли только и эстетическимъ, или и по *настоящимъ* религіознымъ, т.-е. по богобоязненности; думаю, что только по двумъ первымъ, а не по чисто религіознымъ, ибо очень немногіе изъ этихъ людей 40-хъ годовъ умѣли стать твердой ногой на *лично* религіозную почву. О страхѣ Божіемъ, напримѣръ, ни одинъ изъ нихъ, даже и защищая *вѣру*, не позволитъ себѣ и заикнуться, а все только «истина» да «любовь», — вещи столь ненадежныя и подозрительныя въ своей туманности.

У Гилярова-Платонова это враждебное отношеніе къ слову «византизмъ» объясняется прежде всего личнымъ складомъ его ума; тѣмъ, что онъ былъ мыслитель, вѣчно запутанный въ тончайшей ткани своихъ собственныхъ идей, и руководящую нить въ разнообразомъ сплетеніи этихъ идей найти у него было очень трудно. То вдругъ ему, вчера еще совсѣмъ восточно-православному человѣку, чѣмъ-то помѣшаютъ всѣ четыре восточныхъ патріарха; и онъ говоритъ, что эти престолы имѣли значеніе *только при туркахъ*, и находитъ, что ихъ надо уничтожить въ случаѣ паденія Турціи. Тогда какъ ему, человѣку весьма ученому, было, разумѣется, извѣстно, что еще очень задолго до турецкаго завоеванія развитіе церковной жизни *потребовало* созиданія этихъ престоловъ. То онъ требуетъ, чтобы духовное начальство наше разрѣшило священникамъ полную свободу *личной* проповѣди, воображая, вѣроятно, при этомъ, что у многихъ священниковъ найдется запасъ какихъ-то неслыханныхъ идей и силъ на службу Церкви; тогда какъ никакая Церковь, ни восточная, ни западная, ни армяно-грегоріанская, допустить въ собственныхъ *нѣдрахъ своихъ* подобной свободы не имѣетъ даже права. Да и сверхъ того вообще надо сознаться, что свобода сама по себѣ еще никакого *содержанія* не даетъ. Сегодня, бывало, онъ печатаетъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» такую статью или замѣтку, гдѣ видно большое уваженіе къ монашеству; а завтра онъ получаетъ по почтѣ самое что ни есть безграмотное письмо

отъ неизвѣстнаго ему мѣщанина съ жалобами и пустыми доносами на одинъ весьма почтенный монастырь и, на основаніи подобнаго письма, позволяетъ своему фельетонисту-*протестанту* (изъ жидовъ, кажется) печатать самую грубую статью, въ которой тотъ совершенно хамскимъ слогомъ издѣвается надъ игуменомъ и представляетъ его «въ лицахъ», тогда какъ ни самъ Гиляровъ, ни фельетонистъ этого игумена не видали. И тому подобное.

И въ заключеніе эта мысль: русское православіе должно удаляться отъ византизма (который восхваляетъ, молъ, Леонтьевъ) и «возвратиться къ временамъ до Константина». Въ сущности эта послѣдняя идея очень близка къ той мысли, которую (въ 79-мъ, кажется, году) высказалъ С. А. Юрьевъ въ своей программѣ изданія «Русская Мысль». «Православіе должно привести къ тому, чтобы стала намъ дорога *каждая душа* человѣка».

Это вѣдь и есть наиболѣе цензурная форма для выраженія того, на что я указалъ выше: *настоящее православіе не истина мистическая сама по себѣ, а только школа, приготовляющая человѣчество ко всеобщему миру, ко всеобщей любви, морали и благоденствію на этой землѣ*». Или по выраженію, которое приписываютъ Льву Толстому: «Церковь есть дѣтское мѣсто, которое нужно зарыть въ землю, когда ребенокъ (любовь) уже родился».

Вѣдь этого выраженія «каждая душа» у такихъ писателей и дѣятелей, какъ Юрьевъ, и понять нельзя. Ибо «каждой душой», въ смыслѣ ея *загробнаго спасенія*, въ смыслѣ ея *обращенія*, дорожитъ *прежде всего* всякая догматическая христіанская Церковь, римская, греческая, россійская, армяно-грегоріанская, англиканская и т. д. Мы знаемъ, *какъ* и *что* въ 70-хъ годахъ печаталъ С. А. Юрьевъ въ своей «Бесѣдѣ», и знаемъ приблизительно, *за что* она была запрещена. Тамъ уже очень рѣзко и дерзко говорилось противъ того православія, которое намъ всѣмъ извѣстно и которое *цѣлые вѣка* не даромъ же называлось *греко-россійскимъ* (византійскимъ).

Вотъ, если бы г. Астафьевъ былъ бы Вамъ, Владиміръ

Сергѣевичъ, единомышленникомъ или принадлежалъ бы явно къ одному изъ этихъ либерально-славянофильскихъ оттѣнковъ; если бы въ сочиненіяхъ своихъ онъ высказывалъ (хотя бы мимоходомъ) взгляды, подобные вышеприведеннымъ взглядомъ Гилярова, Юрьева или взглядамъ недавно появившейся еженедѣльной газеты «Благовѣстъ», то его отвращеніе къ моему слову «византизмъ» можно бы понять легко.

Но г. Астафьевъ никогда даже и мимоходомъ въ своихъ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ *этой разницы* не касался и по нѣкоторымъ признакамъ можно скорѣе предположить, что онъ съ этой стороны гораздо ближе къ Каткову, чѣмъ къ представителямъ того ученія, которое цѣлымъ рядомъ тонкихъ оттѣнковъ постепенно переходитъ отъ православнаго мистицизма Хомякова до любвеобильнаго и розоваго юрьевскаго нигилизма. Катковъ видимо держался того православія, которое можно для ясности и краткости назвать *филаретовскимъ*, въ противоположность нѣсколько смягченному и видоизмѣненному «хомяковскому» православію.

А это нѣсколько суровое, но всѣмъ извѣстное и доступное, реальное «филаретовское» православіе есть православіе Дмитрія Ростовскаго, Митрофанія Воронежскаго, Сергія Радонежскаго, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Николая Мирликійскаго и т. д.

Греко-россійское православіе, т.-е. мой *византизмъ въ Россіи, взятый съ одной только религіозной его стороны.* Этимъ византійскимъ православіемъ *довольствовался* великій практикъ Катковъ; *этому* византійскому православію выучили и меня вѣрить и служить знаменитые аѳонскіе духовники, нынѣ покойные, Іеронимъ и Макарій. Этому же византійскому православію служатъ и теперь такіе церковные ораторы, какъ Никаноръ одесскій и Амвросій харьковскій. Этого православія (а не хомяковскаго) держатся всѣ болѣе извѣстные представители современнаго намъ русскаго монашества и русской іерархіи. Ибо иначе они о Хомяковѣ бы часто говорили и опирались бы на него.

Повторяю, что г. Астафьевъ ни спеціально, ни даже мимо-

ходомъ никогда объ *этомъ* предметѣ не писалъ; но разъ онъ говоритъ съ такимъ почтеніемъ и сочувствіемъ о «православіи», о религіозномъ духѣ народа, объ «исканіи святыхъ», о «спасеніи души» и т. д., то желательно бы знать, какой же изъ двухъ оттѣнковъ православія онъ предпочитаетъ: болѣе суровый и болѣе ясный оттѣнокъ «Московскихъ Вѣдомостей» или болѣе мягкій и болѣе туманный оттѣнокъ «Благовѣста», «Руси» и «Современныхъ Извѣстій». Если онъ чувствуетъ себя съ этой стороны ближе къ Филарету и Каткову, чѣмъ къ Хомякову и Аксакову (не говоря уже о бредняхъ Юрьева), то не резонъ ему такъ отвращаться отъ *слова* «византизмъ». Филаретовское и катковское православіе есть православіе византійское, греко-россійское православіе.

Это греко-россійское православіе могло принять у насъ *въ житейской практикѣ* иныя нравственныя свойства, отчасти подъ вліяніемъ «временъ», отчасти благодаря національному темпераменту русскихъ; оно внесло въ художественную сторону церковной жизни другія эстетическія требованія (иное пѣніе, нѣкоторое измѣненіе въ обрядахъ и одеждахъ, другого стиля постройки и т. д.); въ соприкосновеніи своемъ съ иными, чѣмъ въ Византіи, условіями политической жизни, это старое православіе измѣнялось со стороны административно-канонической, но сущность не только догматическаго, но и нравственнаго ученія осталась той же самой, какъ была у византійцевъ.

Лично хорошимъ, благочестивымъ и добродѣтельнымъ христіаниномъ, конечно, можно быть и при филаретовскомъ и при хомяковскомъ оттѣнкѣ въ православіи, и были и *есть* таковые. А вотъ уже *святымъ* нѣсколько вѣрнѣе можно стать на старой почвѣ, филаретовской, чѣмъ на новой, славянофильской почвѣ. И это уже потому несомнѣнно, что истинно святъ лишь тотъ, кого *признаетъ таковымъ высшее духовенство*; а не тотъ, который *намъ* кажется таковымъ.

Когда человѣкъ, *считающій себя православнымъ*, говоритъ про уважаемаго и любимаго имъ духовнаго подвижника или вообще про религіозно-добродѣтельнаго человѣка:

«*Это святой* человѣкъ», то онъ, чтобы не впасть въ заблужденіе, долженъ сознавать и понимать, что̀ онъ въ этомъ случаѣ говоритъ или иносказательно, т.-е. хочетъ сказать: «это въ высшей степени религіозный человѣкъ», или просто сокращаетъ свою рѣчь; говоритъ: «святой человѣкъ» вмѣсто того, чтобы сказать: «не знаю, признаетъ ли его Церковь святымъ послѣ его кончины, *но я считаю его достойнымъ этого*».

Думая иначе, такой православный почитатель святого рискуетъ приблизиться въ пониманіи «святости» къ геніальной, но весьма не канонической госпожѣ Ж. Зандъ, которая писывала: «Святой Ж. Ж. Руссо».

Отъ святого же Ж. Жака не очень далеко и до святого Робеспьера или до св. Лунзы Мишель.

Какъ думаетъ хоть и объ этомъ, напримѣръ, г. Астафьевъ, я желалъ бы знать?

Онъ сочувствуетъ тому, что русскіе люди «ищутъ святыхъ», и даже ставитъ это особымъ отличительнымъ признакомъ нашего національнаго духа и «сознанія».

Но откуда *пошли* эти примѣры исканія «святыхъ», какъ не изъ старо-*византійскихъ преданій?*

Пусть г. Астафьевъ вспомнитъ только о Четь-Минеяхъ нашего русскаго «національнаго» (по крови) Дмитрія Ростовскаго; пусть слегка пересмотритъ всѣ двѣнадцать томовъ этого труда...

Я попрошу его обратить вниманіе не только на подавляющее *количество* греко-византійскихъ святыхъ, но и на качество ихъ, на *выразительность* ихъ характеровъ, на ихъ *религіозно-психическое творчество* и сравнить ихъ съ этой стороны съ русскими святыми.

Онъ увидитъ тогда, что византійской, религіозной культурѣ вообще принадлежатъ всѣ главные *типы* той святости, которой образцами впослѣдствіи пользовались русскіе люди. Столпники Симеонъ и Даніилъ; отшельники Антоній, Сысой и Онуфрій Великій предшествовали нашимъ отшельникамъ. Пахомій Великій первый основалъ общежительные монастыри (киновіи) въ IV вѣкѣ, когда о Россіи еще и

помину не было. Литургію, которую мы слушаемъ въ русскомъ храмѣ, упорядочили разъ навсегда Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Равноапостольный царь Константинъ предшествовалъ равноапостольному князю Владиміру. Русскому князю мы обязаны только первымъ распространеніемъ *готоваго* православія въ русской землѣ; византійскому императору мы обязаны первымъ *догматическимъ* утвержденіемъ православія во вселенной. Аѳонская жизнь, созданная творческимъ геніемъ византійскихъ грековъ, послужила образцомъ нашимъ первымъ кіевскимъ угодникамъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ. И эта аѳонская жизнь, дошедшая, слава Богу, и до насъ въ *живыхъ* примѣрахъ удивительныхъ отшельниковъ и киновіатовъ образцовой строгости, продолжаетъ влиять до сихъ поръ и на монастыри наши и на благочестивыхъ русскихъ мірянъ.

Всѣ наши святые были только учениками, подражателями, послѣдователями византійскихъ святыхъ.

Степень самой святости можетъ быть одинаково равна у святыхъ русскихъ съ византійскими святыми; слово святость есть специфическое церковное слово; оно имѣетъ не столько нравственное, сколько мистическое значеніе; не всякій тотъ *святъ*, который всю жизнь или хоть значительную часть жизни провелъ добродѣтельно и даже весьма благочестиво; мы можемъ только *надѣяться*, что онъ будетъ *въ раю*, что онъ будетъ «спасенъ» (отъ ада) за гробомъ; *святъ только тотъ, кто Церковью признанъ святымъ послѣ его кончины*. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, русскіе святые *сами по себѣ*, духовно, ничѣмъ не ниже древневизантійскихъ. Но *жизнь* Византіи была несравненно самобытнѣе и богаче разнообразіемъ содержанія, чѣмъ жизнь старой, полудикой и однообразной Руси. При этой болѣе разнообразной и болѣе развитой жизни и само христіанство (*впервые догматизированное*) было еще *очень ново*. Понятно, что при могучемъ дѣйствіи ученія, еще не вполнѣ тогда нашедшаго всѣ свои формы или *только что* нашедшаго ихъ, на почву, общественно давно уже развитую, *творчеству* былъ великій просторъ. Византійскіе греки создавали, русскіе только учились

у нихъ. «Dieu a voulu que le christianisme fut éminement grec!»— сказалъ Vinet. Я, конечно, могу, какъ лично вѣрующій человѣкъ, съ одинаковымъ чувствомъ молиться Сергію Радонежскому и Пахомію Великому; митрополиту Филиппу Московскому и Василію Неокесарійскому; Тихону, нашему калужскому затворнику, и Симеону Столпнику; но вѣра моя въ равномѣрную святость ихъ и въ равносильную спасительность ихъ молитвъ у Престола Господня не можетъ помѣшать мнѣ видѣть, что Пахомій, Василій и Симеонъ были творцы, *инициаторы*; а Сергій, Филиппъ и Тихонъ ученики и подражатели.

Творчество и святость, я думаю, разница. Творчество можетъ быть всякое, оно можетъ быть еретическое, преступное, разбойничье, демоническое даже. Писатель, почитающій православіе и защищающій его, хотя бы и преимущественно съ національной точки зрѣнія, долженъ это помнить. Ни святость, такъ сказать, особенно русскаго православія, ни его великое значеніе не уменьшатся отъ того, что мы будемъ помнить и *сознавать*, что *наше* православіе есть православіе греко-россійское (византійское). Уменьшатся только наши лжеславянскія претензіи; наше культурно-національное сознаніе приметъ только съ этой стороны болѣе правильное и добросовѣстное направленіе. Надо помнить, что все національное бываетъ троякаго рода. Одно національно потому, что *создано* впервые извѣстной націей; другое потому, что другой націей глубоко *усвоено*; третье потому, что *пригодно* исключительно одной опредѣленной націи (или, быть можетъ, одному племени), и другимъ племенамъ и націямъ передаваться не можетъ. Такъ, напримѣръ, англійская гражданская конституція *создана англичанами*, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями она *усвоилась* всѣми націями Запада.

Англійская же *вѣра усвоиться* другими націями не можетъ, ибо она тѣсно связана съ государственными учрежденіями Англіи. Англійская Церковь національна только въ двухъ родахъ: въ первомъ и третьемъ; она усвоиться никѣмъ не можетъ; не можетъ стать ни для кого въ смыслѣ

второмъ, *въ смыслѣ усвоенія*. Это только Церковь, но не *религія*.

Православіе *создано* не русскими, а византійцами, но оно до того *усвоено* нами, что мы и какъ нація, и какъ государство безъ него жить не можемъ. И довольно этого «сознанія»!

Насъ крестятъ по-византійски, насъ хоронятъ и отпѣваютъ по византійскому уставу. Въ церковь ли мы идемъ; лобъ ли мы дома крестимъ; царю ли на вѣрность по правиламъ присягаемъ—мы продолжаемъ византійскія преданія; мы являемся чадами византійской культуры. Какимъ же образомъ наше русское «національное сознаніе» можетъ отказаться отъ подобной очевидности. Если наше «національное сознаніе» будетъ самообманъ изъ-за *словъ*, съ забвеніемъ *дѣла*, то избави насъ, Боже, отъ подобнаго сознанія!

Но обратимся, такъ и быть, и къ самымъ *словамъ*.

Почему я избралъ это слово «византизмъ», когда лѣтъ около 20-ти тому назадъ писалъ ту статью, которой одна половина понравилась г. Страхову, а другая г. Астафьеву. Отчего я не говорилъ просто, какъ говорятъ другіе: «Православіе, самодержавіе»... и т. д.

Я поступилъ такъ по нѣсколькимъ причинамъ.

Съ одной стороны я находился подъ вліяніемъ книги Данилевскаго «Россія и Европа». Съ ученіемъ Хомякова и Ив. Аксакова я былъ уже давно тогда знакомъ въ общихъ его чертахъ, и оно «говорило», такъ сказать, сильно моему русскому сердцу. Но я отчасти видѣлъ, отчасти только *чувствовалъ* въ немъ что-то такое, что внушало мнѣ недовѣріе. Этому роду недовѣрія я не могу и теперь еще найти точнаго опредѣленія и названія; но *приблизительно* позволю себѣ выразиться такъ: оно казалось мнѣ и тогда уже слишкомъ эгалитарно-либеральнымъ для того, чтобы *достаточно отдѣлять* насъ (русскихъ) отъ новѣйшаго Запада. Это одно; другая же сторона этого ученія, внушавшая мнѣ недовѣріе и тѣсно, впрочемъ, связанная съ первой, была какая-то какъ бы односторонняя моральность. Это ученіе казалось мнѣ въ одно и то же время и не государственнымъ и не эстетическимъ. Со стороны государственности меня го-

раздо больше удовлетворялъ Катковъ, уже тѣмъ однимъ, что не искалъ никогда, какъ Аксаковъ, чего-то туманно возвышеннаго въ политикѣ, а пользовался тѣми силами, которыя находились у насъ подъ рукою.

Со стороны же исторической и внѣшнежизненной эстетики я чувствовалъ себя несравненно ближе къ Герцену, чѣмъ къ настоящимъ славянофиламъ. Разумѣется, я говорю не о Герценѣ «Колокола»; этого Герцена я въ началѣ 60-хъ годовъ ненавидѣлъ и даже не уважалъ; но о томъ Герценѣ, который издѣвался надъ *буржуазностью* и прозой новѣйшей Европы.

Читая только Хомякова, Аксакова (даже скажу и Каткова отчасти), въ голову бы не пришло ненавидѣть всесвѣтную буржуазію (въ которую въ сущности стремится перейти и *работникъ* западный); Герценъ же издѣвался *прямо надъ этимъ общимъ* и подавляющимъ *типомъ* человѣческаго развитія. И послѣдуя за нимъ по сродству «природы», я придумалъ позднѣе и выраженіе «средній человѣкъ, средній европеецъ» и т. д. Отклониться, по возможности, отъ того пути, который ведетъ въ размноженію этихъ среднихъ людей и къ господству ихъ; сохранить (а если можно, то и *создать*) наиболѣе разнообразные пути для развитія человѣческаго: вотъ о чемъ я мечталъ *тогда* для Россіи; вотъ на чемъ я остановился временно *въ концѣ* 60-хъ годовъ. Одно изъ главныхъ условій этого разнообразія есть *обособленіе національнаго типа* (при этомъ крѣпкое государство само собою разумѣется); другое условіе, необходимое для *внутренняго* разнообразія этой національной жизни, для ея содержательности, есть существованіе *сословныхъ типовъ*; *своеобразныхъ бытомъ* и *духомъ* провинцій и окраинъ, и даже созданіе новыхъ религій, ересей (не раціонально-нравственныхъ, какъ молокане и штундисты, а мистическихъ, какъ скопцы, хлысты, мормоны и т. д.). Однимъ словомъ, я въ концѣ 60-хъ годовъ думалъ больше о разнообразіи, чѣмъ объ *единствѣ*. Живое, сердечное пониманіе «единства» стало доступно мнѣ единовременно съ пріятіемъ *личной вѣры*, обладаніемъ которой я обязанъ аѳонскимъ духовникамъ.

Я почти вдругъ постигъ, что и то реальное разнообразіе развитія, которое я находилъ столь прекраснымъ и полезнымъ въ земной жизни нашей, не можетъ долго держаться безъ *формирующаго, сдерживающаго, ограничительнаго, мистическаго* единства; ибо при ослабленіи стѣснительнаго единства произойдетъ скоро то самое *ассимиляціонное смѣшеніе*, которое я зову то эгалитарнымъ прогрессомъ, то всемірной революціей. Эту мою мысль объ опасности «смѣшенія» самъ г. Астафьевъ весьма горячо оправдывалъ и съ психологической точки зрѣнія.

Подготовленный къ этому, сверхъ просвѣтлѣнія ума, возгорѣвшейся сердечной вѣрой, еще и долгою политическою дѣятельностью въ средѣ восточныхъ христіанъ, я понялъ почти сразу и *то*, что я самъ лично внѣ православія спасенъ *за гробомъ* быть не могу; и *то*, что государственная Россія безъ строжайшаго охраненія православной дисциплины разрушится еще скорѣе многихъ другихъ державъ, и то, наконецъ, что культурной самобытности нашей мы должны попрежнему искать въ *греко-россійскихъ* древнихъ *корняхъ* нашихъ, а не гнаться за какимъ-то новымъ, никѣмъ не виданнымъ *чистымъ славизмомъ*, который по всѣмъ *доступнымъ нынѣ* признакамъ рискуетъ выйти не чѣмъ инымъ, какъ или самымъ жалкимъ или самымъ страшнымъ европеизмомъ *новѣйшаго* времени. *Какъ разъ въ это же самое время* произошло отложеніе болгаръ отъ Вселенской цареградской Церкви, и я съ ужасомъ понялъ тогда и глубокій индифферентизмъ болгаръ и полупростодушіе, полумерзость нашихъ русскихъ надеждъ и затѣй, и удивительную твердость и смѣлость греческаго духовенства.

Безъ ученой подготовки, безъ достаточныхъ книжныхъ источниковъ подъ рукой, подчиняясь только внезапно охватившему мою душу огню, я написалъ эту вещь «Византизмъ и славянство».

Сила моего вдохновенія въ то время (въ 73-мъ году) была до того велика, что я самъ теперь дивлюсь моей тогдашней смѣлости... Теперь, обладая сравнительно гораздо большей начитанностью и литературнымъ опытомъ, я не въ си-

лахъ бы былъ написать ничего подобнаго. Тогда я думалъ такъ: «Если я ошибусь въ историческихъ фактахъ, это не важно; *гипотеза* можетъ оказаться вѣрною и при недостаточныхъ фактахъ; другіе болѣе меня ученые, болѣе терпѣливые и болѣе осторожные, объяснятъ меня. А если они опровергнутъ мою гипотезу *тріединаго процесса*, то ужъ *буржуазность-то юго-славянъ*, ихъ нерелигіозность, ихъ либеральный европеизмъ *никто опровергнуть не можетъ*. Это ужъ не гипотеза, — *грубѣйшіе факты*.

Прилагая эту мою гипотезу тріединаго процесса (первоначальной простоты, цвѣтущей сложности въ мистическомъ единствѣ и вторичнаго смѣшенія) къ волновавшему меня въ ту минуту частному греко-болгарскому вопросу, древній корень *единства* восточно-славянскаго міра я видѣлъ въ *преданіяхъ греческаго духовенства*, въ историческомъ воспитаніи его (независимость церковной власти), въ *психическихъ*, такъ сказать, *навыкахъ* высшаго греческаго монашества.

Въ чисто-славянскихъ сочувствіяхъ нашихъ я чуялъ все тотъ же *всесмѣсительный*, радикальный европеизмъ, котораго еще давнымъ давно и Хомяковъ, и Ив. С. Аксаковъ, и даже самъ Катковъ учили меня бояться и чуждаться.

А почему Катковъ и Аксаковъ *не узнавали* того же европейскаго радикализма въ этомъ частномъ болгарскомъ случаѣ, это ихъ дѣло. Я не знаю навѣрное почему, но, вспоминая при этомъ русскую пословицу: «на всякаго мудреца довольно простоты», думаю такъ: Аксаковъ былъ пламенный поклонникъ славянства во что бы то ни стало; онъ *слѣпо вѣрилъ* въ его *залоги*; а Катковъ былъ геніальный оппортунистъ, но дѣйствительной *дальновидностью* не отличался, по крайней мѣрѣ въ *явныхъ*, писанныхъ взглядахъ своихъ.

Какъ лично вѣрующій христіанинъ, какъ ученикъ и послушникъ аѳонскихъ монаховъ, «обвѣянный тогда Аѳономъ» (какъ выражался покойный Климентъ Зедергольмъ), я считалъ тогдашнія политическія дѣйствія князя Горчакова и графа Игнатьева прямо ихъ *личнымъ грѣхомъ*.

Точно такимъ же грѣховнымъ дерзновеніемъ я считалъ и статьи Каткова и Аксакова въ защиту болгаръ.

Какъ человѣкъ, уже привычный самъ и къ мелкой политической практикѣ и къ пониманію общегосударственныхъ вопросовъ, я находилъ опаснымъ *двигать* нашу восточную политику съ привычнаго, *вѣкового пути греко-русскаго единенія*.

Какъ русскій гражданинъ, какъ патріотъ, я возмущался тѣмъ, что мощные представители императорской Россіи, графы и князья наши, тянутся боязливо по слѣдамъ какихъ-то славянскихъ халуевъ-демагоговъ.

Бога дипломаты наши не *боятся* оскорбить (думалъ я), потворствуя нарушенію древнихъ, весьма существенныхъ каноновъ; а *боятся* раздражить какихъ-то паршивыхъ болгаръ, которыхъ, какъ мухъ, Россія можетъ задавить одной лишь ступней своей.

Какъ ученикъ (*тогда!*) Хомякова, какъ единомышленникъ Данилевскаго (хотя и съ оговорками), какъ человѣкъ, *принимавшій въ серьезъ* ученіе о національной самобытности перваго, о *четырехъ основахъ новой культуры* второго, я видѣлъ въ тогдашнемъ направленіи русской мысли привычное намъ обезьянство, простое и даже дурацкое подражаніе итальянцамъ и нѣмцамъ; видѣлъ не первые шаги на пути къ особой и богатой славянской культурѣ, а весьма рѣзкіе признаки начинающагося у насъ на православномъ Востокѣ *вторичнаго смѣсительнаго разложенія*.

Маловѣріе и грѣхъ! Обезьянство и пошлость! Недальновидность и малодушіе...

Вотъ этимъ всѣмъ я одушевился и написалъ.

Назвалъ же я и православіе и православіемъ освященное самодержавіе наше «Византизмъ», во-1-хъ, потому, что оно греко-россійское; во-2-хъ, потому, что я хотѣлъ сдѣлать поправку къ книгѣ Данилевскаго, который по странной ошибкѣ въ перечисленіи культурныхъ типовъ своихъ пропустилъ *византійскій* типъ и соединилъ его весьма неудачно въ одно съ типомъ *старо-римскимъ*; а, въ-3-хъ, еще вотъ почему. У меня изъ разнообразнаго чтенія моего оста-

лось въ памяти выраженіе какого-то западнаго писателя (какого именно, не знаю): «Съ людьми религіозными спорить очень трудно, потому что они рѣшительно не умѣютъ или не хотятъ *выйти изъ заколдованнаго круга своихъ понятій*».

Я захотѣлъ тогда попытаться выйти изъ этого «заколдованнаго круга», мнѣ показалось возможнымъ отнестись объективно, *естественно-исторически* къ той самой религіи, которая для моего внутренняго міра стала уже не только высшей святыней, утѣшеніемъ и главнымъ мѣриломъ жизни, но даже и нѣкотораго рода «игомъ», отъ котораго я избавиться уже *не могу*, если бы и пожелалъ.

Умъ мой, воспитанный съ юности на медицинскомъ эмпиризмѣ и на безстрастіи естественныхъ наукъ, пожелалъ разсмотрѣть и всю историческую эволюцію человѣчества и въ частности наши русскіе интересы на Востокѣ съ точки зрѣнія особой естественно-исторической гипотезы (тріединаго процесса развитія, кончающагося предсмертнымъ *смѣшеніемъ* и раствореніемъ въ большей противъ прежняго *однородности*).

Я хотѣлъ, чтобы взглядъ мой, мои опасенія и сочувствія были понятны не только тому, кто сердцемъ подкупленъ въ пользу суроваго, не либеральнаго стараго православія, но и атеисту, и католику, и мусульманину, и даже образованному китайцу, если бы онъ мою книгу, положимъ, прочелъ бы...

Я захотѣлъ выйти умомъ изъ «заколдованнаго круга» моего сердца лишь для того, чтобы и съ *другой точки зрѣнія*, внѣ этого круга утвержденной, доказать, что въ *этомъ лишь кругѣ* русскимъ необходимо жить, если они хотятъ остаться русскими.

Внѣ личной моей вѣры и для моей цѣли какая же точка могла быть лучше, удобнѣе *культурной?* Какая же еще точка могла бы быть «естественно-историчнѣе» этой? Иной я не знаю! Даже чисто психилогическая точка зрѣнія можетъ считаться стоящей въ томъ же культурномъ кругу.

А разъ я сталъ на точку зрѣнія культурную, да и кстати

замѣтивъ уже раньше, что Данилевскій просмотрѣлъ культуру византійскую, то, разумѣется, мнѣ сподручнѣе стало назвать «Византизмомъ» и наше русское православіе и наше русское самодержавіе, православіемъ освящаемое, и многія отраженія православія и православной государственности нашей въ литературѣ, поэзіи, архитектурѣ и т. д.

Я называю наслѣдіемъ особой *византійской культуры* въ Россіи то, что другіе не рѣшаются или даже *обижаются* такъ называть. Вотъ и все.

Наслѣдіе это *усвоено* нами такъ глубоко, что и по мнѣнію г. Астафьева оно есть самый существенный культурный признакъ нашъ; а что мы *видоизмѣняемъ* его значительно въ лично-моральныхъ и политическихъ приложеніяхъ къ жизни—это само собою разумѣется, и противъ этого кто же будетъ спорить.

Итальянцы, испанцы и французы лѣтъ 200, 300, 400 тому назадъ были всѣ болѣе или менѣе ревностными католиками; но и тогда, при одной и той же религіозной культурѣ, ихъ національные темпераменты, ихъ нравственныя наклонности, ихъ государственныя отношенія и привычки были весьма различны, несмотря даже на *одновременность* въ исторіи. Тѣмъ болѣе должно быть, разумѣется, физіологической и нравственной разницы между русскими XIX вѣка, подданными императора Александра III, и византійцами, подданными Ѳеодосіевъ, Ирины и Юстиніана.

И только.

Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, въ статьяхъ Вашихъ противъ Данилевскаго и Страхова выразились кратко и рѣшительно такъ:

«*Русская цивилизація — есть цивилизація европейская!*»

И кончено.

Не оправдаете ли Вы и меня, если съ моей стороны скажу также рѣшительно:

Русское православіе — есть *православіе византійское!*

И кончено.

Я думаю, что относительно прошедшаго и настоящаго мы оба съ Вами правы.

Принесетъ ли намъ будущее ту особую, богатую, оригинальную, четырехосновную, *міровую* культуру, которую сулитъ намъ Данилевскій; видоизмѣнятся ли въ этомъ будущемъ *основы* православія въ Вашу сторону (болѣе ясную, хотя и вовсе уже не *обособляющую*), или въ сторону хомяковскую (болѣе обособляющую, но *менѣе* понятную)—это еще неизвѣстно. Но *пока* этого не случилось, должно быть, что мы оба съ Вами правы въ нашихъ самоувѣренныхъ восклицаніяхъ:

— Русская цивилизація—есть цивилизація европейская!

— Русское православіе—есть православіе византійское!

(Прибавлю еще, русская *государственность* помѣщается между ними.)

Если же между этими двумя историческими тисками остается мало простора чему-либо *собственно своему національному*, за исключеніемъ народнаго темперамента, дѣйствительно весьма оригинальнаго по психическому строю своему, то въ этой бѣдѣ уже мы съ Вами нисколько не повинны.

Оригиналенъ нашъ русскій психическій строй, между прочимъ, и тѣмъ, что до сихъ поръ кажется въ исторіи не было еще народа *менѣе творческаго, чѣмъ мы*. Развѣ турки. Мы *сами*, люди русскіе, дѣйствительно весьма оригинальны психическимъ темпераментомъ нашимъ, но никогда ничего дѣйствительно оригинальнаго, *поразительно-примѣрнаго* енъ *себя создать до сихъ поръ* не могли.

Правда, мы создали *великое государство*; но въ этомъ Царствѣ почти нѣтъ *своей государственности;* нѣтъ такихъ своеобразныхъ и на *другихъ вліяющихъ* своимъ примѣромъ внутреннихъ политическихъ отношеній, какія были въ языческомъ Римѣ, въ Византіи, въ старой монархической (и даже наполеоновской) Франціи и въ Великобританіи.

Была римская государственность; было римское право; было византійское право, т.-е. римское, видоизмѣненное христіанствомъ; было и есть право французское; было и есть англо-саксонское.

Но гдѣ же своеобразное *русское* право? И нельзя ли тутъ сказать:

Русское право въ наше время есть право *европейское*, слегка окрашенное византизмомъ тамъ, гдѣ государственность соприкасается съ религіей.

Очень грустно! Но что же дѣлать?

Русское національное сознаніе, чтобы быть сознаніемъ *хорошимъ*, должно быть прежде всего прямо и съ самимъ собою *искренно*. Европа—такъ Европа, византизмъ—такъ византизмъ!. При этой прямотѣ скорѣе не ошибешься и въ расчетахъ на будущее.

Письмо 7-е.

Изъ того, что я проповѣдывалъ «Византизмъ», г. Астафьевъ заключаетъ, повидимому, что я всегда былъ противникомъ національнаго «начала». Иначе ему и на умъ не пришло бы предполагать, что онъ своей статьей «Національное сознаніе» пробилъ нѣкую брешь въ моихъ основаніяхъ и этимъ будто бы раздражилъ меня. «Ибо (говоритъ онъ) кто же слыхалъ когда-нибудь о византійской національности?»

Какъ кто? Всѣ слышали.

Національность эта была *греческая*. Особая и совершенно въ свое время новая религіозная византійская культура, вытекавшія изъ нея государственныя отношенія и связанныя съ нею эстетическіе и нравственные идеалы были продуктами *греческаго* генія по преимуществу.

«Dieu a voulu, que le christianisme fut eminement *grec*».

Неужели намъ съ г. Астафьевымъ нужно еще разсуждать объ азбукѣ исторіи? О томъ, напримѣръ, что, благодаря философской мощи *греческаго* ума, пластической наклонности греческаго воображенія и благодаря греческимъ навыкамъ къ антропоморфизму, стала возможной глубокая разработка догмата, создалось великолѣпное богослуженіе наше и самое, столь драгоцѣнное для насъ, русскихъ, иконопо-

читаніе восторжествовало надъ иконоборческими стремленіями?

Только двѣ націи во всемірной исторіи были такъ богаты духомъ, что произвели двѣ религіозныя культуры, двѣ мистическія цивилизаціи: *индусы и греки.*

Индусы произвели, сверхъ тѣсно національной, *физіологически* племенной религіи брамизма, еще и буддизмъ, способный къ пропагандѣ.

Греки, проживши вѣка въ поклоненіи самому язычному и самому человѣчному многобожію, подчинились позднѣе самому высокому и самому сверхчеловѣческому монотеизму и не только подчинились его первооснованіямъ (евангельскимъ и апостольскимъ), но и развили ихъ въ строгую и сложную систему богопочитанія.

Разница между этими двумя великими націями та, что греки совершенно отказались отъ старой своей религіи и предались новой пламенно и твердо; а индусы, *выдѣливъ* буддизмъ изъ браманства, въ большинствѣ своемъ не захотѣли подчиниться ему, вытѣснили его изъ мѣстъ зарожденія, и буддизмъ привился съ полнѣйшимъ успѣхомъ къ жизни націй монгольскаго племени. Въ смыслѣ зарожденія, въ смыслѣ *созданія* и *первоначальнаго развитія* буддизмъ принадлежитъ Индіи; въ этомъ смыслѣ онъ *національнъ* для индусовъ; точно такъ же, какъ православіе *національно* для грековъ. Въ смыслѣ же глубокаго *усвоенія* буддизмъ сталъ *національнъ* для китайцевъ и другихъ вѣтвей монгольской расы; онъ усвоился ими точно такъ же, какъ грекосточное христіанство *усвоилось* русскими.

Не китайцы *благоустроили*, такъ сказать, буддизмъ, а индусы; китайцы только приняли его, и теперь едва ли легко имъ будетъ съ нимъ разстаться. Онъ сталъ для большинства китайскаго народа такъ же національнъ, какъ и само ученіе Конфуція, и, какъ извѣстно, даже прекрасно уживается съ этимъ ученіемъ, не только рядомъ въ обществѣ, но и въ *личной совѣсти* гражданъ Небесной имперіи.

Греки упорядочили болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ догматы, нравственное ученіе и обрядность восточнаго христі-

анства; сами остались до сихъ поръ ему вѣрными и русскимъ передали его въ чистотѣ *неизмѣнной*. Для греческой націи восточное христіанство (т.-е. религіозная сторона византизма) было національно какъ *продуктъ*, и осталось таковымъ для нея и до сихъ поръ. какъ глубокое *усвоеніе*. Для русской націи эта самая религіозная сторона византійской культуры *не была національна какъ продуктъ*, но стала *въ высшей степени національна какъ усвоеніе*. Вотъ и вся разница.

Что же касается до другихъ сторонъ византійской культуры, до государственныхъ отношеній и до вліянія на искусство и мысль, то тутъ уже современная намъ русская нація при всемъ европеизмѣ своемъ является несравненно болѣе *византійской*, чѣмъ современная же намъ ново-эллинская нація. Въ Византіи было безусловное самодержавіе; и въ Россіи то же. Въ Элладѣ же XIX вѣка господствуетъ и въѣлась въ кровь народа одна изъ самыхъ эгалитарныхъ конституцій въ мірѣ. И если бы завтра Турція пала, то всѣ 4—5 милліоновъ грековъ, соединясь въ одно эллинское королевство, ничего бы и не пожелали иного для себя, какъ ту же афинскую, европейскую конституцію.

Литература наша издавна дышитъ *православіемъ* (греко-византизмомъ) несравненно больше, чѣмъ ново-греческая словесность, и т. д., и т. д. И это все факты, извѣстные г. Астафьеву; факты, въ которыхъ я, можно сказать, ни при чемъ.

Я думалъ до сихъ поръ, что, проповѣдуя этотъ мой «Византизмъ», я, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ и въ тѣсномъ кругу моего вліянія, способствую утвержденію той самой русской національности, которую желаетъ поддержать и обособить отъ Запада г. Астафьевъ; я воображалъ, что я защитникъ и поклонникъ ея.

Употребляя это *слово* «Византизмъ», я только пытался указывать на религіозно-культурные *корни* нашей силы и нашего національнаго дыханія; я хотѣлъ напомнить, что не слѣдуетъ намъ искать какой-то особой славянской Церкви, какого-то новаго *славянскаго* православія. А надо богобо

язненно и покорно держаться старой *греко-россійской* Церкви, того православія, которое я позволилъ себѣ для ясности назвать филаретовскимъ. Славянскую Церковь (думалъ я) пожалуй и можно устроить. Но будетъ ли эта Церковь правовѣрна? Будетъ ли государство, освященное этой Церковью, долговѣчно и сильно? Можно, пожалуй, отдѣлиться отъ греческихъ Церквей и забыть ихъ великія преданія; можно остановиться на мысли Хомякова, что безъ *іерархіи* Церковь не можетъ жить, а безъ монашества можетъ; остановившись съ либеральной любовью на этой ложной мысли, не трудно было бы закрыть послѣ этого постепенно всѣ монастыри, допустить женатыхъ епископовъ. Потомъ уже легко было бы перейти и къ тому будущему *русскому* православію Гилярова-Платонова, о которомъ я уже говорилъ: «возвратиться ко временамъ до-Константина», т.-е. остаться даже безъ Никейскаго символа вѣры и въ то же время безъ тѣхъ возбуждающихъ воздѣйствій, которыя доставляли первоначальнымъ христіанамъ гоненія языческихъ императоровъ. Ибо не вѣрить въ святость Никейскаго символа вѣры и всего того, что съ нимъ связано, очень легко въ наше время; многіе образованные русскіе люди, и изъ числа посѣщающихъ храмы, не думаютъ вовсе о символѣ вѣры, о вселенскихъ соборахъ; о томъ, что сдѣлалъ св. Константинъ и чего не сдѣлалъ; многіе изъ нихъ, прочтя въ газетѣ или книгѣ что-нибудь подобное выходкѣ покойнаго Гилярова, не поймутъ даже, до чего эта выходка безумна *не въ устахъ нигилиста;* не поймутъ и подумаютъ вздохнувъ: «Ахъ! да! первоначальное христіанство было такъ высоко и чисто!» А не подумаютъ при этомъ ни о томъ, что языческихъ *гоненій* нельзя сочинить нарочно, когда самъ государь православный; ни о томъ, что, вмѣсто какого-то удивительнаго отроческаго обновленія, подобные порядки привели бы только вѣру и Церковь въ состояніе старческаго разслабленія, и если бы и явились гонители для возрожденія мученичества, то явились бы они въ наше время не въ лицѣ какихъ-нибудь новыхъ и увлеченныхъ вѣрой мистиковъ, а въ лицѣ самыхъ обыкновенныхъ эгалитарныхъ ни-

гилистовъ, достигшихъ высшей власти *по пути, уготованному имъ этой самой либеральной славянорусской Церковью...*

Это были бы монтаньяры, которые переказнили бы «честныхъ» и умѣренныхъ жирондистовъ подобнаго русскаго полуправославія.

Вотъ что мелькало и мелькаетъ у меня всегда на умѣ, когда я читаю тѣхъ писателей нашихъ, которые смотрятъ на дѣло это (т.-е. на Россію, на Церковь, на вѣру, на грекоболгарскую распрю и т. д.) *не совсѣмъ* по-филаретовски, *не совсѣмъ* по-старому, *не совсѣмъ* по-аѳонски, то-есть *не совсѣмъ* по-греко-россійски.

И при всемъ искреннемъ уваженіи моемъ къ старшимъ славянофильскимъ учителямъ: Хомякову, Самарину, Аксакову, я долженъ признаться, что отъ ихъ прекрасныхъ трудовъ на меня нерѣдко *вѣетъ* чѣмъ-то подобнымъ, т.-е. сомнительнымъ и... быть можетъ, при неосторожныхъ *дальнѣйшихъ* выводахъ, и весьма опаснымъ.

Можно, осмѣливаюсь думать, и *развивать* дальше православіе, но только никакъ не въ эту какую-то *національно-протестантскую* сторону, а ужъ скорѣе въ сторону противоположную, или дѣйствительно сближаясь съ Римомъ (по-Вашему, Владиміръ Сергѣевичъ), или, еще лучше (*по-моему*), только *поучаясь* многому у Рима такъ, какъ поучаются у противника, *заимствуя только силы, безъ единенія интересовъ.*

Вотъ все, что я имѣлъ въ виду, употребляя *иногда* выраженіе «Византизмъ», и потому всякая *защита русскаго національнализма*, всякое правильное служеніе ему, хотя бы и на почвѣ чисто философской (каково служеніе ему г. Астафьева), есть *въ моихъ глазахъ* служеніе моему же идеалу, моему греко-россіанству, моему «Византизму».

Какимъ же образомъ можетъ г. Астафьевъ «пробить нѣкую брешь» въ моемъ ученіи, когда онъ, по моему мнѣнію, ему же служитъ и въ статьѣ «Національное сознаніе».

Иначе, что же значатъ эти «греко-россійскія» слова: «исканіе святыхъ», «спасеніе души»?

Развѣ мы съ нимъ этими словами называемъ не однѣ и тѣ же вещи?

Г. Астафьевъ говоритъ, будто бы никто «не слыхалъ о византійской національности».

Напротивъ того, слыхали очень многіе и безпрестанно слышатъ. Не говорю уже о прекрасномъ изреченіи Vinet, которое я повторилъ два раза и хотѣлъ бы повторить еще разъ сто, слово «греческій», «греческая», «греческое» повторяется безпрестанно, когда дѣло идетъ объ Византіи и о православіи вообще.

«Восточно-*греческое* христіанство», говорятъ иные историки. Говорятъ: «Греческая имперія», «греко-византійскіе порядки» и т. д.

«Le venerable *rite grec*», говорятъ нерѣдко католики, когда хотятъ сказать доброе слово о православіи.

«Un grec du Bas-Empire», — восклицаютъ европейцы, когда желаютъ сказать о Византіи что-нибудь худое.

Очень недавно у меня была въ рукахъ статья извѣстнаго Бюрнуфа «О произношеніи греческаго языка». Съ первыхъ же строкъ Бюрнуфъ, знатокъ всего греческаго, говоря о византійской имперіи и византійской цивилизаціи, называетъ ее *греческой*.

И это все иностранцы; а спросите самихъ грековъ о томъ, *какой націи* принадлежитъ византійская культура во всецѣлости своей, въ главныхъ произведеніяхъ своихъ? Что они вамъ скажутъ?

Дѣло ясно до грубости: никто никогда не употребляетъ выраженіе византійская *національность* по двумъ причинамъ: во-1-хъ, потому, что всякій знаетъ, что преобладающая національность въ Византіи была греческая; а во-2-хъ, потому, что у греческой націи было *двѣ* цивилизаціи: древнеэллинская, классическая и христіано-византійская. Если мы скажемъ «эллинская» или «греческая», люди могутъ не понять, о которой изъ нихъ мы теперь говоримъ.

Надо же ихъ различать.

Нѣтъ спора, разница между этими двумя цивилизаціями та, что языческая, классическая окрѣпла, развилась на бо-

лѣе *чистой*, народной, эллинской почвѣ; а византійскій грецизмъ вырабатывался на почвѣ болѣе *смѣшанной*.

Во времена Перикла, Софокла и Платона не было у слабыхъ эллинскихъ государствъ инородныхъ примѣсей, не было завоеванныхъ странъ съ инокровнымъ населеніемъ; распространеніе эллинизма началось уже гораздо позднѣе, когда характеръ древнеэллинской культуры былъ вполнѣ уже выработанъ и опредѣленъ.

Выработка же и опредѣленіе второй, новѣйшей греческой культуры, христіанской, начались въ IV вѣкѣ на почвѣ несравненно болѣе смѣшанной предшествующими римскими завоеваніями. Инородцевъ было много; и даже многіе изъ нихъ были святыми, были епископами, патріархами, императорами; это правда. Но все-таки *характеръ*, *геній* новой христіанской культуры и небывалой дотолѣ *христіанской государственности* принадлежалъ не исаврянамъ, не армянамъ, не славянамъ, не италіянцамъ даже, а *греческому національному ядру;* распространеніе же было одновременно съ утвержденіемъ основъ. Пока не взялись греки и преимущественно на греческомъ языкѣ за догматическія опредѣленія и за выработку богослуженія, христіанство, хотя и широко разлитое, оставалось еще въ весьма неопредѣленномъ видѣ и могло (судя по-человѣчески) разбиться на ручьи и изсякнуть.

Впрочемъ и самъ г. Астафьевъ признаетъ эту *греко*-византійскую національность, о которой, по его мнѣнію, никто не слыхалъ. На стр. 269 «Русскаго Обозрѣнія», въ своей статьѣ «Національное сознаніе», онъ выражается такъ: «Этотъ именно строй (органически-національный), налагающій рѣзкую, отличительную печать на представителей разныхъ историческихъ *національныхъ* культуръ (грекъ *), римлянинъ, еврей, англичанинъ, французъ, нѣмецъ, *византіецъ* и т. д.), своею органическою цѣлостью даетъ и самымъ входящимъ въ него общечеловѣческимъ идеаламъ и стремленіямъ не только *особую національную окраску*, но и политическую, и внутреннюю правду, и дѣйственную силу».

*) Вѣроятно, древній, язычникъ.

Итакъ, и по г. Астафьеву *византіецъ* былъ тоже представителемъ особой «національной» культуры. Онъ далъ первоначальному, апостольскому христіанству (общечеловѣческимъ тогда идеаламъ и стремленіямъ) «свою особую національную окраску». А если византіецъ былъ представителемъ какой-то тоже національной культуры, то надо же узнать, какая это именно *нація* главнымъ образомъ послужила «почвой» для этой особой культуры?

Конечно не армянская нація, не исавры, не сирійцы и египтяне, даже и не итальянскіе римляне, а возрожденные христіанствомъ греки.

Иначе, зачѣмъ же было г. Астафьеву ставить византійцевъ въ число представителей культурныхъ національностей? Если онъ и въ то время считалъ византійскую культуру не *національно-греческой*, а какой-то «эклектической», какъ онъ говоритъ въ своемъ объясненіи со мной, то не слѣдовало и ставить «византійца» въ число представителей національныхъ культуръ. А разъ онъ это сдѣлалъ въ статьѣ «Національное сознаніе», не надо было (безъ какой-нибудь особой оговорки) называть византійскую цивилизацію «эклектической» въ объясненіи.

Да и намъ ли, русскимъ, такъ смѣло и пренебрежительно говорить о культурномъ эклектизмѣ?

Вѣра у насъ греческая издавна; государственность со времени Петра почти нѣмецкая (см. жалобы славянофиловъ); общественность французская; наука до сихъ поръ общеевропейскаго духа. Своего остается у насъ почти только одинъ національный темпераментъ, чисто психическій строй, да и тотъ дѣйствительно рѣзокъ только у настоящихъ великороссовъ, со всѣми ихъ пороками и достоинствами. И малороссы и бѣлоруссы со стороны «натуры», со стороны *личныхъ* характеровъ гораздо менѣе выразительны. Г. Астафьевъ, повидимому, удовлетворенъ той степенью національныхъ особенностей, которыми мы теперь обладаемъ. Я же гораздо требовательнѣе его; я больше его *національностъ!*

Мнѣ этого мало! Я такимъ состояніемъ ничуть не удовлетворенъ. Я, подобно ему, жажду духовной и культурной

независимости для русской національности, но не такой блѣдной и слабой, какова эта независимость у насъ теперь. Теперь я вижу еще только однѣ попытки; вижу нерѣшительную и слабую реакцію противъ слишкомъ уже одолѣвшей насъ за послѣднюю четверть вѣка прогрессивной европеизаціи и больше ничего. Я не вижу еще того страстнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленнаго руссизма, котораго желалъ бы видѣть въ жизни своихъ согражданъ.

Мы все-таки слишкомъ европейцы «въ душѣ»... У насъ много того патріотизма, который Аксаковъ такъ хорошо называлъ чисто «государственнымъ»; но у насъ слишкомъ еще мало *своихъ смѣлыхъ мыслей*; *своихъ* оригинальныхъ *вкусовъ;* своего творчества; своей, скажемъ вообще, *культуры*. Мы даже охранители плохіе до сихъ поръ. Тотъ же Аксаковъ сказалъ прекрасно: «Умирать (на полѣ брани) мы умѣемъ какъ русскіе; но мы не умѣемъ *жить* какъ русскіе».

Очень можетъ быть, что и вѣра Данилевскаго въ столь богатую и невиданную *четырехосновную* славяно-русскую культуру была вѣрой напрасной и ни на чемъ не основанной; очень можетъ быть, что и мои *прежнія* надежды на что-нибудь подобное несбыточны...

Весьма возможно, что мы оба съ Данилевскимъ основывали нашу вѣру и наши надежды на шаткомъ основаніи нашихъ собственныхъ вкусовъ, нашихъ мечтаній, нашей *любви*... («Любовь» эта, нынче столь *модная*, весьма обманчива!) Самъ Данилевскій говоритъ въ своей книгѣ (въ главѣ объ *искаженіи быта*), что первые славянофилы (Хомяковъ и К. Аксаковъ) были правы въ томъ, что сами надѣли особую не европейскую одежду, но они были не правы, думая, что всѣ другіе русскіе *послѣдуютъ* ихъ *примѣру*. Эту вѣрную мысль его можно приложить и къ вопросу о цѣлой культурѣ, о всей исторической будущности Россіи.

Правъ теоретически тотъ русскій, который желаетъ наибольшаго, наивозможнѣйшаго обособленія русской *жизни* отъ жизни новѣйшаго, демократическаго Запада; онъ вѣрно

судитъ о томъ, что для Россіи полезно и что для нея гибельно.

Но вѣдь развѣ правда всегда *своевременно* торжествуетъ?

Что сдѣлаешь у насъ съ этими тысячами по-европейски воспитанныхъ умовъ и сердецъ? Они предовольны своимъ умственнымъ состояніемъ! Много есть и такихъ, которые и не подозрѣваютъ даже, насколько они уже европейцы въ идеалахъ и привычкахъ своихъ, и считаютъ себя въ высшей степени русскими только оттого, что они искренно любятъ свою отчизну. Сверхъ патріотизма они любятъ ее и такъ, какъ любилъ Лермонтовъ: «За что, не знаю самъ»... А этого мало для нашего времени; теперь дѣйствительно нужно «національное сознаніе»!

Надо любить ее и такъ и этакъ. И такъ, какъ Лермонтовъ любилъ, и такъ, какъ любилъ Данилевскій; и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ сочувствовать г. Астафьеву. Лермонтовъ любилъ Россію въ ея настоящемъ; любилъ простонародный бытъ и ту природу, съ которой этотъ бытъ такъ тѣсно связанъ; для Данилевскаго, для г. Астафьева и для меня этого настоящаго мало (да и оно со времени Лермонтова много утратило своей характерности): мы всѣ трое въ настоящемъ этомъ видимъ только залоги для дальнѣйшаго развитія самобытности, возможность для приближенія къ высшему идеалу руссизма.

Но много ли у насъ *настоящихъ*, твердыхъ единомышленниковъ въ образованномъ классѣ? Прибавилось немного за послѣднія десять лѣтъ; но всего этого слишкомъ, мнѣ кажется, мало для долгаго пребыванія въ прежнихъ надеждахъ. Сознаюсь, мои *надежды* на культурное будущее Россіи за послѣднее время стали все болѣе и болѣе колебаться; ибо, пока реакціи національной почти вовсе не было (въ 70-хъ годахъ), все казалось, что невозможно намъ, не губя Россіи, итти дальше по пути западнаго либерализма, западной эгалитарности, западнаго раціонализма. Казалось, что *пріостановка* неизбѣжна, ибо не можетъ же Россія *внезапно* распасться!

Но теперь, когда эта реакціонная пріостановка настала,

когда въ реакціи этой *живешь* и видишь все-таки, до чего она неглубока и нерѣшительна, поневолѣ усомнишься и скажешь себѣ: «только-то?»

Возвращаюсь къ г. Астафьеву. Въ моихъ о немъ словахъ есть какъ будто бы противорѣчіе. Сначала я сказалъ, что онъ какъ бы удовлетворенъ степенью современнаго обособленія Россіи, а потомъ, упомянувши о родѣ лермонтовскаго патріотизма, прибавилъ, что г. Астафьевъ этимъ не удовлетворенъ и ищетъ для Россіи сознательнаго идеала. Противорѣчія въ сущности тутъ нѣтъ. Та *пассивная*, столь знакомая многимъ русскимъ любовь къ родинѣ, которую изобразилъ Лермонтовъ въ этомъ стихотвореніи, теперь недостаточна и не удовлетворяетъ ни меня, ни г. Астафьева (ни Васъ, Владиміръ Сергѣевичъ). Но между мной и г. Астафьевымъ разница *въ степени* удовлетворенія. Онъ находитъ въ насъ уже *достаточно* своего психическаго и культурнаго строя; я нахожу, что этого мало.

Г. Астафьевъ нѣсколько больше моего оптимистъ въ этомъ дѣлѣ, вотъ и все.

И этотъ оптимизмъ его мнѣ чрезвычайно нравится; онъ дѣйствуетъ въ высшей степени ободрительно. «Вотъ, вѣрятъ въ нашу самобытность и такіе серьезно мыслящіе люди, какъ онъ!»

Такъ подѣйствовала на меня и та самая статья его «Національное сознаніе», которой онъ, въ минуту затменія, приписалъ какъ бы разрушительное дѣйствіе на мои «основы».

Я говорю, разумѣется, о существенныхъ сторонахъ его статьи, написанной противъ Васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, а не о «заплатѣ», ни къ селу, ни къ городу налѣпленной на нее мнѣ въ укоръ.

Вся статья эта («Національное сознаніе») меня ободряла и утѣшала. Мѣсто же, касающееся до моей брошюры, не только изумило, но и оскорбило меня, — готовъ прямо сознаться въ этой слабости! (О родѣ оскорбленія скажу послѣ, а теперь объ изумленіи.)

Изумило меня это мѣсто потому, что, слѣдуя правильно

за мыслями самого же г. Астафьева, надо было бы, по поводу моей брошюры «Національная политика», притти къ заключенію, совершенно противоположному; надо было сказать, напримѣръ, хоть такъ (словами самого г. Астафьева, стр. 288): «Но если русскій человѣкъ въ ревнивомъ охраненіи чистоты, цѣлокупности и свободы своего внутренняго нравственнаго міра доселѣ *по возможности* отстранялся отъ дѣятельнаго участія въ несовмѣстимыхъ со всѣмъ этимъ для него драгоцѣннѣйшимъ, политической власти и задачахъ политики, такъ сказать, по возможности *отмежевывался* отъ этой области внѣшней и принудительной организаціи жизни, *дорожа своей оригинальностью* и *сильною государственностью съ ея опредѣляющей формой самодержавія именно, какъ оплотомъ такого размежеванія и нравственно-религіознаго самосохраненія*, то онъ...» (отсюда и дальше мои слова)... «то онъ (т.-е. русскій человѣкъ) долженъ *болѣе всего опасаться смѣшенія* съ такими народностями, которыя, будучи особенно *близки ему по языку и крови, совершенно ему чужды по государственнымъ и религіознымъ идеаламъ* и навыкамъ своимъ. Ибо эти народы могутъ по физіологическому родству своего племени разрушительно вліять на психическій строй русской націи, на ея особые религіозные идеалы, на ея оригинальную и сильную государственность съ ея опредѣляющей формой самодержавія. Таковы вообще всѣ не русскіе славяне и преимущественно австрійскіе, западные, католическіе славяне; ибо, хотя сербы и болгары въ лицѣ «интеллигенціи» своей, раціонализмомъ, конституціонализмомъ и т. д. несравненно ближе подходятъ къ «заправскої»*) западной буржуазіи, чѣмъ къ намъ, но у нихъ, по крайней мѣрѣ, простой народъ еще крѣпко держится того самаго православія (греко-россійскаго, византійскаго), которое учитъ, что «*Царствіе Божіе не на землѣ и не устрояется нами здѣсь, въ ея учрежденіяхъ и въ духѣ. Не сознаніе Церкви, какъ осуществленіе какой-то только еще предносящейся задачи, но исполненіе Церкви, исполненіе за-*

*) Терминъ г. Астафьева; стр. 290.

дачи, разъ навсегда ръшенной Искупителемъ-Богомъ...» *) (стр. 292).

Мнѣ кажется вотъ что слѣдовало бы г. Астафьеву сказать при правильныхъ выводахъ изъ собственной мысли, и если онъ уже хотѣлъ удостоить меня мимоходомъ своего вниманія, то можно было бы указать по этому случаю на мою брошюру «Національная политика» или на другіе труды мои, направленные противъ либеральнаго и необдуманнаго панславизма.

Вѣдь у меня въ брошюрѣ, конечно, главное дѣло (практическое) было въ заключеніи — противъ панславизма, а всѣ пространныя политическія разсужденія о Западѣ были вызваны лишь желаніемъ доказать, что національно-государственныя объединенія вездѣ были вредны и даже гибельны тому самому національно-культурному обособленію, котораго желаетъ г. Астафьевъ.

Надо было или вовсе умолчать обо мнѣ и о моей политической брошюрѣ (это прямо до его задачи не касалось); или указать на эту брошюру, какъ на нѣчто подтверждающее его доводы, или, наконецъ, доказывать, что я не знаю и не понимаю славянъ. Въ послѣднемъ случаѣ умѣстно было бы сказать вотъ что: «И не только русскіе таковы, но и всѣ славяне: болгары, сербы, чехи, хорваты, словаки. И они всѣ политикой заниматься не любятъ; отъ конституцій и вообще отъ вмѣшательства въ высшее управленіе устраняются; образованные представители ихъ только и думаютъ, что о «спасеніи души» своей, о «гармоніи» своего внутренняго міра; ищутъ «святыхъ»; у сербовъ и болгаръ видна *чрезвычайная* наклонность къ религіозно-нравственной философіи. Что касается до чеховъ, хорватовъ и другихъ австрійскихъ славянъ, то они хотя и католики, но у нихъ видно такое пламенное стремленіе къ православію, что очень многіе изъ нихъ ѣздятъ теперь нарочно на Аѳонъ и по русскимъ монастырямъ, чтобы проникнуть какъ можно глуб-

*) Искупителемъ Богомъ, апостолами и *св. отцами Вселенскихъ Соборовъ* по ученію греко-россійскаго православія.

же въ сущность ученія о личномъ спасеніи души. Самодержавіе—ихъ общій идеалъ; они только и ждутъ образованія всеславянской конфедераціи, чтобы, принявъ изъ рукъ Россіи — каждая особая нація, по самодержавному государю и поставя его въ крѣпкую политическую связь съ императоромъ всероссійскимъ, «выйти въ отставку», точно такъ же, какъ вышелъ въ отставку, по выраженію Хомякова, русскій народъ послѣ избранія царя Михаила Романова. Г. Леонтьевъ говоритъ о славянахъ совсѣмъ иначе; но этотъ писатель, хотя и не лишенъ того-то и того-то (того, что признаетъ во мнѣ г. Астафьевъ), «не достаточно извѣстенъ и недостаточно серьезенъ», чтобы его мнѣніе могло вѣсить больше, чѣмъ мнѣнія такихъ авторитетныхъ людей, какъ Катковъ и Аксаковъ, которые ничего подобнаго противъ славянъ не писали. Аксаковъ никогда не ослѣплялся, никогда не блуждалъ въ туманѣ высокихъ фразъ; никогда не «обросталъ *словами*», какъ выразился про него, говорятъ, Катковъ. Катковъ же никогда и не скрывалъ своихъ истинныхъ мыслей изъ политическаго оппортунизма. *Они оба никогда не ошибались, наконецъ.* А г. Леонтьевъ къ тому же «художникъ». Человѣкъ же съ художественными наклонностями въ политикѣ и государственныхъ вопросахъ обыкновенно ничего не понимаетъ. Художники не дальновидны. Оппортунисты и пламенные трибуны бываютъ гораздо прозорливѣе. Катковъ и Аксаковъ прекрасно понимали, что всѣ славяне чрезвычайно близки къ намъ по идеаламъ своимъ и по психическому строю; *и это оказалось теперь истиной.* Поэтому не только литературное и вообще умственное общеніе съ ними намъ не вредно, но даже и *политическое съ ними смѣшеніе* (неизбѣжное до нѣкоторой степени и при федеративной формѣ сочетанія) ничего намъ принести не можетъ, кромѣ пользы въ смыслѣ укрѣпленія того, что я (Астафьевъ) признаю идеаломъ русскаго народа!»

Вотъ это другое дѣло. Но я думаю г. Астафьевъ всего этого не только написать, но и думать не рѣшится.

Въ заключеніе, по поводу *сосредоточенія* греко-россійскаго православія на Босфорѣ и вообще по поводу желательнаго усиленія у насъ, въ Россіи, тѣхъ византійскихъ «началъ», которыхъ усиленіе возможно, я хочу сдѣлать, *по примѣру, поданному мнѣ самимъ г. Астафьевымъ*, одну литературную нескромность.

Онъ, не спросясь у меня позволенія, упомянулъ *въ печати* объ одной моей выходкѣ *въ частномъ разговорѣ;* выходкѣ, въ сущности не стоящей вниманія. (Я говорю о моемъ случайномъ выраженіи «вексельная честность».)

Я же, на основаніи этого примѣра (не совсѣмъ дурного, но все-таки рискованнаго), хочу привести здѣсь одну истинно блестящую и въ то же время въ высшей степени практическую мысль, высказанную при мнѣ г. Астафьевымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *тоже въ частной бесѣдѣ*. Разговоръ шелъ съ двумя греками о греческихъ и вообще о восточныхъ дѣлахъ. Я говорилъ то, что говорю всегда, то-есть, что сущность восточнаго вопроса гораздо болѣе въ грекахъ, чѣмъ въ славянахъ. Одинъ изъ грековъ замѣтилъ мнѣ на это: «Однако вы все-таки находите, что Константинополь долженъ быть присоединенъ къ Россіи. Грекамъ это не можетъ быть пріятно».

Я сталъ доказывать, что для утвержденія православія владычество Россіи на Босфорѣ несравненно выгоднѣе греческаго владычества; но г. Астафьевъ вмѣшался и сказалъ такъ, обращаясь къ греку: «Вы, греки, имѣли даръ благоустроить впервые Церковь; но никогда не могли создать сильнаго государства; мы, «русскіе», не оказались способными къ религіозному созиданію, но зато создали великое государство. Надо соединить эти способности, и плодъ будетъ великій».

Развѣ это не то же самое, что я всегда говорилъ? Развѣ это не тотъ же самый «византизмъ» *будущаго*, о которомъ идетъ у меня рѣчь?

Я полагаю, что г. Астафьевъ не забылъ этихъ словъ своихъ и не станетъ отъ нихъ отрекаться, какъ и я не отрекаюсь отъ выраженія моего «вексельная честность».

Замѣчу только кстати, что я не хотѣлъ этимъ вовсе сказать, будто такая честность *дурна*, а только, что она *недостаточна;* и, пожалуй, и то, что отсутствіе ея можетъ быть извинительно въ нѣкоторыхъ особенно широкихъ или истинно художественныхъ натурахъ; ибо такимъ натурамъ есть чѣмъ вознаградить другихъ людей за подобный недостатокъ. Что касается до приложенія этой мысли къ русскому народу и въ особенности къ русскимъ простолюдинамъ *нашего времени*, то у нихъ эта «вексельная честность» до того уже слаба и нерасположеніе ихъ исполнить въ точности обязанности свои до того уже велико, что имъ прибавить этого рода честности прямо необходимо, даже и путемъ, самымъ принудительнымъ.

Одинъ изъ весьма извѣстныхъ писателей нашихъ (и въ то же время опытный хозяинъ и богатый помѣщикъ), говоря однажды о взглядахъ Аксакова, выразился такъ: «Вотъ Аксаковъ говоритъ все о внутренней правдѣ, присущей русскому человѣку и о томъ, что за внѣшней правдой онъ не гонится и договора не признаетъ. А я скажу, если онъ не признаетъ договора и внѣшней правды не любитъ, такъ надо за это сѣчь!»

Это къ слову, чтобы не подумали, что я безусловный порицатель этой «вексельной честности». «Quod licet Jovi, non licet bovi!..»

Иное дѣло, если Байронъ, Рудинъ или даже какой-нибудь особенно даровитый кольцовскій лихачъ-кудрявичъ простого званія будутъ неаккуратны въ мелкихъ обязанностяхъ. Но когда станутъ точно такъ же вести себя цѣлые десятки тысячъ обыкновенныхъ людей, то это станетъ нестерпимо.

Что касается до *высшаго* долга, то среди многочисленнаго русскаго населенія одна только *армія* во всецѣлости своей превосходно исполняетъ его, когда приходитъ ея время дѣйствовать.

Но вѣдь что такое армія, какъ не собраніе людей, живущихъ подъ правильной дисциплиной, т.-е. постояннымъ *страхомъ человѣческимъ?*

Жаль, что, перечисляя психическія особенности русскаго національнаго характера, г. Астафьевъ забылъ напомнить и о томъ, что для русскаго человѣка, вслѣдствіе невыдержки его и легкомыслія, особенно необходимы и страхъ Божій, и страхъ человѣческій (какъ суррогатъ перваго). И оба этихъ страха нужны не только для рабочихъ людей, но и для образованнаго класса; между прочимъ для насъ съ г. Астафьевымъ.

Я, напримѣръ, могу легко вообразить разнаго рода *житейскія* обстоятельства, при которыхъ г. Астафьевъ написалъ бы свое «объясненіе» со мной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» *навѣрное совсѣмъ въ другомъ тонѣ*.

Теоретическія возраженія могли бы остаться тѣми же, *но лично-нравственный* оттѣнокъ былъ бы совсѣмъ иной, нѣсколько болѣе любезный и пріятный.

«Высшій долгъ» относительно «собрата по оружію» (какъ онъ самъ меня любилъ называть) при другихъ «внѣшнихъ» условіяхъ (болѣе для меня благопріятныхъ) былъ бы, по крайней мѣрѣ съ виду, гораздо лучше соблюденъ, чѣмъ теперь.

Однако же «внутренняго» идеализма не хватило на этотъ разъ даже и у такого хорошаго русскаго человѣка, какъ г. Астафьевъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР